UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00269924 7

Мкр 1263
136

КРАТКІЙ КУРСЪ
ИСТОРІИ
ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

И. Порфирьева.

Въ 1-мъ изданіи одобренъ въ качествѣ учебнаго руководства для духовныхъ семинарій.

Изданіе 3-е.
(безъ перемѣнъ)

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1897.

LIBRARY
MAY 7 1910
UNIVERSITY OF TORONTO

Дозволено цензурою. Г. Казань
26 августа 1903 года.

Отъ Казанскаго Комитета духовной цензуры печатать дозволяется. Казань 20 іюня 1897 года.

Членъ комитета и. д. ординарнаго профессора *Андрей Волковъ.*

PG
3001
P63
1897

ВВЕДЕНІЕ.

Словесностію вообще обыкновенно называютъ всю совокупность умственныхъ произведеній народа, выраженныхъ въ *словѣ*.

Способность къ слову или *словесная способность* въ человѣкѣ не есть отдѣльная какая-либо сила въ души; основаніе ея заключается въ умственной способности, которую мы называемъ разумомъ. Какъ всякая сила въ природѣ необходимо требуетъ обнаруженія и обнаруживается какимъ-нибудь образомъ, такъ и разумъ, сила духовная, и ближайшимъ и непосредственнымъ образомъ выражается въ звукахъ человѣческаго слова. Поэтому слово заключается въ разумѣ, какъ въ своемъ основаніи, и есть не что иное, какъ внѣшнее выраженіе мысли, ея оболочка. Весьма хорошо эта тѣсная связь слова съ мыслію и способности мышленія съ способностью говорить выражается греческимъ словомъ λόγος, которое значитъ и *слово* и *разумъ*.

Развиваясь по опредѣленнымъ законамъ, словесная способность обнаруживается въ человѣкѣ многосложною системою словъ, совокупность которыхъ составляетъ *языкъ* народа. Слѣдовательно, языкъ народа есть не что иное, какъ внѣшнее обнаруженіе его умственной или разумной способности, и каждое слово въ языкѣ должно быть выраженіемъ того или другаго понятія о предметѣ, который оно обозначаетъ.

Въ развитіи языка филологи различаютъ два главныхъ періода: *изобразительный* и *символическій*. Въ первый періодъ, когда собственно образуется языкъ, слова имѣютъ непосредственное отношеніе къ предметамъ, т. е. въ словахъ изображаются тѣ впечатлѣнія, какія производятъ на человѣка разные предметы, тѣ представленія, какія они возбуждаютъ въ его душѣ. При этомъ, естественно, въ языкѣ отпечатлѣваются, въ большей или меньшей мѣрѣ, и особенности страны, занимаемой народомъ, и разныя условія его первоначальнаго быта, образующія въ немъ извѣстный характеръ. Отсюда и получаетъ языкъ такое великое значеніе для народа, что служитъ однимъ изъ главныхъ условій

его національности. Развиваясь вмѣстѣ съ развитіемъ ума и всѣхъ другихъ силъ душевныхъ, языкъ въ этомъ періодѣ служитъ главнымъ выразителемъ всей духовной дѣятельности народа, всѣхъ его представленій религіозныхъ, нравственныхъ и житейскихъ. Первый плодъ умственной дѣятельности, онъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и *самый первый памятникъ народной словесности.* Хотя изобразительный періодъ языка начинается еще въ доисторическія времена, но слѣды его сохраняются, и до позднѣйшаго времени, въ древнихъ памятникахъ народной словесности—пѣсняхъ, былинахъ, сказкахъ, пословицахъ и въ языкѣ простонародномъ, особенно, въ областныхъ его нарѣчіяхъ, которыя меньше подвергаются вліянію языковъ иностранныхъ и дольше сохраняютъ свой первоначальный видъ. *Символическій* періодъ, когда теряется непосредственное отношеніе словъ къ предметамъ и слова становятся условными знаками предметовъ, наступаетъ въ языкѣ со времени появленія у народа письменности и книжнаго образованія. Во время развитія образованности, человѣкъ перестаетъ обращать вниманіе на отношеніе словъ къ предметамъ; языкъ становится уже чистымъ матеріаломъ словесности, совокупностію условныхъ знаковъ и формъ для выраженія мыслей. Выразителями религіозной, умственной и нравственной дѣятельности и вообще всей духовной жизни народа дѣлаются разнообразныя *произведенія словесности.*

Развитіе и характеръ произведеній словесности вполнѣ соотвѣтствуетъ постепенному развитію народа, въ которомъ замѣчаютъ три періода: *миѳическій*, *героическій* и *историческій.*

Миѳическимъ называется самый древній первоначальный періодъ народной жизни, когда создаются *миѳы*, т. е. сказанія, въ которыхъ народы изображаютъ происхожденіе міра, боговъ и людей, характеръ и дѣятельность боговъ и отношеніе ихъ къ міру и людямъ. Совокупность этихъ сказаній составляетъ *миѳологію*, выражающую преимущественно религіозныя вѣрованія народа.

Въ миѳахъ выражаются первыя представленія о божествѣ, природѣ и человѣкѣ; это первая религія и вмѣстѣ съ тѣмъ первая философія и поэзія народа; въ нихъ мы видимъ первые порывы къ знанію и первыя попытки младенчествующаго ума рѣшить разные вопросы относительно всего окружающаго.

Героическимъ періодомъ называются первыя времена въ исторіи каждаго государства, когда народъ находится еще въ состояніи племеннаго быта, и, устраивая свою жизнь, ведетъ постоянную борьбу и съ природой своей страны, покоряя ее своему вліянію, и съ сосѣдними племенами, расширяя свои владѣнія и отстаивая свое имѣніе и свою независимость. Такія времена и событія, въ нихъ происходившія, остаются навсегда въ памяти народа; фантазія народная украшаетъ ихъ разными вы-

мыслами; лица, участвовавшія въ нихъ, становятся *героями*; въ этихъ герояхъ народъ представляетъ свои идеалы красоты, силы и храбрости, хитрости, ловкости, терпѣнія и другихъ физическихъ и нравственныхъ качествъ. Сказанія о героическомъ періодѣ выражаются въ героическихъ пѣсняхъ (таковы напр. наши былины о богатыряхъ), изъ коихъ образуются потомъ у нѣкоторыхъ народовъ обширныя героическія поэмы (напр. Иліада и Одиссея у грековъ).

Историческій періодъ въ народной жизни начинается съ того времени, когда народъ изъ племеннаго быта переходитъ въ гражданскій, образуя изъ себя общество съ опредѣленными формами государственной жизни, и когда факты этой жизни заносятся на страницы *исторіи*. Въ этотъ періодъ является исторія, философія или наука вообще и ораторское искуство.

Самую важную эпоху въ исторіи развитія и образованія народа составляетъ появленіе у него письменности; эта эпоха весьма рѣзко раздѣляетъ и его словесность на два различные рода: *словесность устную, народную и словесность письменную, художественную.*

Область *народной словесности,* или вѣрнѣе *народной поэзіи* составляютъ: миѳическія и героическія пѣсни, былины, поэмы, сказки, пословицы, заговоры и загадки. Эти произведенія называются *естественной или безъискуственной поэзіей*, потому что они создаются естественными силами народа, безъ помощи науки, искусства и образованности, подъ вліяніемъ которыхъ возникаютъ и развиваются произведенія словесности письменной. Въ эпоху созданія этихъ произведеній у народа не бываетъ еще ни науки, ни искусства: и науку, и искусство, и вообще все, что называется образованіемъ, тогда замѣняютъ для народа преданія предковъ. Эти преданія, идущія съ самыхъ древнихъ временъ и, какъ священный завѣтъ старины, неизмѣнно передаваемыя отъ предковъ къ потомкамъ, служатъ единственнымъ руководствомъ для народа во всѣхъ случаяхъ жизни. Воспитываемый на однихъ и тѣхъ же неизмѣнныхъ преданіяхъ, весь народъ, естественно, долженъ имѣть одинаковый взгядъ на все въ мірѣ: здѣсь не можетъ быть рѣзкаго различія во взглядахъ и направленіяхъ отдѣльныхъ личностей, какое неизбѣжно бываетъ въ эпоху образованія искуственнаго, когда люди воспитываются, живутъ и дѣйствуютъ подъ вліяніемъ разныхъ, часто противоположныхъ, вѣрованій, ученій, системъ; напротивъ всѣ люди на все смотрятъ болѣе или менѣе одинаково, всѣ руководствуются въ жизни одними и тѣми же преданіями. И потому, произведенія словесности, возникающія въ эту эпоху, являются созданіями цѣлаго народа, а не отдѣльныхъ личностей. Разумѣется, были извѣстныя лица, которыя сложили пѣсни, сказки,

былины, пословицы; но эти лица выразили въ своихъ произведеніяхъ не свой личный взглядъ, а взглядъ и преданія цѣлаго народа; и потому произведенія ихъ сохранились, а имена исчезли. Съ другой стороны, такъ какъ народъ, передавая эти произведенія устно изъ рода въ родъ, много измѣнялъ и прибавлялъ въ нихъ, то они служатъ выраженіемъ не только не личнаго взгляда ихъ первоначальныхъ составителей, но и не одной эпохи, а часто нѣсколькихъ эпохъ, которыя въ нихъ смѣшиваются; смѣшеніе эпохъ, лицъ и событій, или такъ называемые анахронизмы составляютъ отличительную черту народныхъ произведеній. Указанному характеру содержанія народныхъ произведеній вполнѣ соотвѣтствуетъ и внѣшняя ихъ форма. Какъ нѣтъ различія во взглядахъ составителей народныхъ пѣсней, такъ нѣтъ рѣзкаго различія и въ ихъ выраженіи; пѣвцы и разсказчики употребляютъ только обычныя формы, слова и обороты, которые издавна сложились въ народѣ и неизмѣнно повторяются. И потому, при разборѣ извѣстной пѣсни или сказки, не можетъ быть и рѣчи о *слогѣ* ихъ составителей, а можно говорить развѣ только о слогѣ цѣлой народной поэзіи, или по крайней мѣрѣ цѣлой какой-либо ея области. Этотъ слогъ, съ небольшими измѣненіями, общій всѣмъ народнымъ словеснымъ произведеніямъ, отличается особенною простотою, ровностію и спокойствіемъ тона и постояннымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же словъ и оборотовъ при разсказѣ объ извѣстномъ предметѣ.

Такъ какъ въ эпоху созданія народной словесности преобладающею силою надъ всѣми силами души въ народѣ бываетъ фантазія, то вся народная словесность относится къ области поэзіи, или всѣ ея произведенія имѣютъ поэтическій характеръ: всякая мысль, чувство и стремленіе облекаются въ образы. Поэзія обнимаетъ въ это время всѣ отрасли духовной дѣятельности человѣка: религіозныя миѳическія вѣрованія выражаются въ религіозныхъ гимнахъ и обрядовыхъ пѣсняхъ, заговорахъ и заклятіяхъ; сумма народной мудрости и знанія—въ притчахъ, пословицахъ и загадкахъ; нравственные поучительные примѣры — въ пѣсняхъ, былинахъ и сказкахъ. Прозаическія, историческія, ученыя и ораторскія сочиненія начинаютъ появляться со времени развитія письменности и книжнаго научнаго образованія. Да и изъ формъ поэтическихъ не всѣ достигаютъ въ народной словесности надлежащаго развитія. Драма, какъ высшій родъ поэзіи, требующій высокаго умственнаго и нравственнаго развитія, почти и не является въ народной словесности; только зачатки ея можно усматривать въ религіозныхъ хорахъ и хороводныхъ пѣсняхъ. Лирика главнымъ образомъ выражается въ формѣ бытовыхъ и семейныхъ пѣсенъ. Преобладающую форму народной поэзіи со-

ставляетъ *эпосъ — разсказъ*. Эта форма вполнѣ соотвѣтствуетъ самой сущности народной поэзіи, потому что основу ея составляютъ *преданія* предковъ, *разсказы* о временахъ прошедшихъ.

Съ появленіемъ у народа письменности, народная словесность, естественно, падаетъ: лучшія силы народа отвлекаются въ область словесности книжной, гдѣ сосредоточивается дѣятельность всѣхъ талантливыхъ грамотныхъ и образованныхъ людей. Если книжная словесность у народа развивается правильно и самостоятельно, безъ подавляющаго народныя начала вліянія чуждой образованности, то словесность народная не теряетъ своего значенія: она становится источникомъ и матеріаломъ для книжной словесности, которая въ своихъ произведеніяхъ разработываетъ и выражаетъ въ художественныхъ формахъ преданія народныя, сохранявшіяся въ народной словесности. Такъ было напр. у грековъ, у которыхъ письменная поэзія создалась на произведеніяхъ народной поэзіи. Но если письменная словесность возникаетъ и развивается подъ вліяніемъ чуждой образованности, тогда народная словесность надолго забывается. Оставленная въ пренебреженіи, не подкрѣпляемая новыми талантами, она остается удѣломъ только простого народа, и, естественно, подвергается искаженію. Только уже впослѣдствіи, когда, по особымъ историческимъ обстоятельствамъ, въ народѣ или образованныхъ его классахъ обнаруживается стремленіе къ забытой ими народности, произведенія народной словесности начинаютъ собираться въ отдѣльные сборники и получаютъ значеніе историческихъ матеріаловъ и памятниковъ прошлой народной жизни. Такова была судьба нашей русской народной словесности.

Произведенія *книжной словесности*, развивающейся при другихъ условіяхъ, чѣмъ при какихъ возникаетъ словесность устная, народная, естественно, являются съ другимъ характеромъ. Такъ какъ они развиваются подъ вліяніемъ научнаго книжнаго образованія, составляются подъ руководствомъ теоріи, по существующимъ литературнымъ образцамъ, то, само собою разумѣется, получаютъ печать этихъ теорій и образцовъ, и потому, въ противоположность *естественнымъ* произведеніямъ народной словесности, называются *искусственными* произведеніями. Такъ какъ составители ихъ выходятъ изъ образованныхъ классовъ общества, и такъ какъ жизнь этихъ классовъ, по своему развитію, представляетъ болѣе богатства, разнообразія и интереса для литературныхъ произведеній, чѣмъ жизнь другихъ классовъ, то она преимущественно въ нихъ и изображается. И потому, произведенія книжной словесности никогда не являются, подобно народнымъ произведеніямъ, выразителями всей народной жизни; они всегда выражаютъ жизнь тѣхъ или

другихъ слоевъ общества отдѣльно, и притомъ въ извѣстное опредѣленное время. Сюжеты изъ нисшихъ классовъ народной жизни заимствуются также писателями, или по особенному личному сочувствію, или когда, въ слѣдствіе извѣстныхъ историческихъ причинъ, является потребность знакомства съ народною жизнію въ ея первоначальномъ источникѣ. Въ обоихъ этихъ случаяхъ, *степень народности* въ словесныхъ произведеніяхъ, т. е. насколько они будутъ вѣрны общему характеру народной жизни, всегда зависитъ сколько отъ того, какъ глубоко писатель умѣлъ уразумѣть и выразить существенныя ея отличительныя черты, столько же и отъ того, въ какой степени эти черты сохранились и выражаются въ самомъ изображаемомъ классѣ народа. Но какъ бы ни было произведеніе вѣрно характеру народа, или того или другаго класса народа въ извѣстное время, на немъ всегда отразится еще характеръ самого писателя, его личнаго взгляда и направленія. Кромѣ того, сама жизнь народная, развиваясь въ разныя времена, подъ вліяніемъ разныхъ вѣрованій, теорій, системъ и другихъ историческихъ условій, представляетъ удивительное разнообразіе взглядовъ и направленій, нравовъ и характеровъ; и потому произведенія словесности, изображающія такую жизнь, въ противоположность *монотонности и однообразію* безъискусственной народной поэзіи, отличаются чрезвычайнымъ *разнообразіемъ*, какъ по содержанію, такъ и по формѣ изложенія, по слогу и языку. Наконецъ, всѣ произведенія народной словесности, возникающія подъ преобладающимъ вліяніемъ фантазіи и чувства, имѣютъ поэтическій характеръ; въ эпоху же книжной словесности, развивающейся подъ руководствомъ умственнаго и научнаго образованія, первое мѣсто занимаетъ *литература ученая*. Къ ученой литературѣ относятся всѣ произведенія, въ которыхъ выражается умственная дѣятельность народа, всѣ сочиненія и изслѣдованія его по разнымъ наукамъ. Эта литература становится главнымъ руководителемъ и двигателемъ просвѣщенія; отъ нея зависитъ, какъ въ развитіи, такъ и въ направленіи своемъ, и поэзія, которая дѣлается настоящимъ органомъ науки и проводитъ въ своихъ сочиненіяхъ ея идеи. При этомъ она, впрочемъ, нисколько не смѣшивается съ ученой литературой, но составляетъ самостоятельную область—область *литературы художественной*.

Настоящая ученая и художественная словесность развивается у народа не вдругъ, а иногда спустя очень долгое время послѣ появленія у него письменности, особенно когда у него образованіе книжное совершается подъ вліяніемъ чуждой образованности. Въ этомъ случаѣ книжная письменная словесность обыкновенно начинается *переводами* произведеній словесности другихъ

народовъ и особенно того народа, у котораго заимствуется письменность, а вмѣстѣ съ нею и первыя начала образованности. За переводами слѣдуютъ *заимствованія и подражанія* произведеніямъ словесности другихъ народовъ. Самостоятельныя же, ученыя и художественныя, произведенія начинаютъ появляться съ того времени въ народѣ, когда онъ, созрѣвая въ умственномъ отношеніи, старается освободиться отъ подражательности иноземнымъ вліяніямъ. Такимъ путемъ развивалась наша русская книжная словесность, которая въ древнемъ періодѣ находилась подъ вліяніемъ преимущественно греческой образованности и словесности, а въ новомъ періодѣ—подъ вліяніемъ словесности новыхъ европейскихъ народовъ.

Древній періодъ русской словесности отъ начала письменности продолжается до Петра В., а новый періодъ—отъ Петра В. до нашихъ временъ.

РУССКАЯ НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Произведенія народной словесности весьма долго оставались не записанными, очень естественно, что многія изъ нихъ совершенно утратились, а сохранившіяся подверглись порчѣ и искаженію. Передаваемыя устно отъ одного поколѣнія къ другому, людьми незнакомыми съ образованіемъ, они дошли до насъ съ разными ошибками и разными измѣненіями и дополненіями, какія они получили въ разныя времена при переходѣ отъ однихъ людей къ другимъ. Въ нихъ много анахронизмовъ или смѣшенія разныхъ эпохъ, лицъ и событій. Поэтому и разсматривать ихъ въ строгомъ историческомъ порядкѣ, по вѣкамъ, какъ разсматриваютъ произведенія книжной словесности, не удобно; большую часть изъ нихъ трудно, а нѣкоторыя и совершенно невозможно пріурочить къ какому-нибудь опредѣленному времени. Гораздо лучше мы можемъ познакомиться съ ними, когда будемъ разсматривать ихъ по родамъ и отдѣламъ, на которые они могутъ быть раздѣлены. Всѣ произведенія народной словесности можно раздѣлить, главнымъ образомъ, на два отдѣла: I) отдѣлъ свѣтской, непосредственной народной словесности, возникшей изъ началъ народной жизни, безъ прямаго участія книжнаго образованія и книжной словесности, и II) отдѣлъ словесности духовной или религіозной поэзіи, развившейся подъ вліяніемъ письменныхъ произведеній церковной словесности. Къ первому отдѣлу относятся: пѣсни разнаго рода, сказки и пословицы; ко второму — духовные стихи и легенды.

I. РУССКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

Самый богатый отдѣлъ нашей народной словесности составляютъ пѣсни разнаго рода. Многія изъ нихъ сложены, вѣроятно, еще въ самыя отдаленныя времена; другія принадлежатъ къ разнымъ позднѣйшимъ историческимъ эпохамъ. Въ нихъ изображаются разныя народныя преданія о прежнихъ временахъ, нравахъ и обычаяхъ, передаются разсказы о прежнихъ людяхъ и собы-

тіяхъ: это народный эпосъ, неписанная лѣтопись народа о своей жизни. Поэтому народъ и называетъ эти пѣсни *былью:* „сказка—складка (вымыселъ), а пѣсня *быль*“, говоритъ одна народная пословица, а нѣкоторыя пѣсни, именно богатырскія, прямо и называются *былинами.* Народъ хранилъ и передавалъ эти пѣсни, какъ дорогія для него воспоминанія о временахъ прошедшихъ; сохранившіяся въ нихъ преданія предковъ служили для него своего рода руководствомъ и въ этомъ отношеніи замѣняли для него книги и книжное образованіе, которыхъ у него не было.

Всѣ пѣсни, по характеру ихъ содержанія, можно раздѣлить на 1) миѳическія или обрядныя, 2) богатырскія или былины, 3) историческія и 4) бытовыя или семейныя.

1) МИѲИЧЕСКІЯ ИЛИ ОБРЯДНЫЯ ПѢСНИ.

Обрядными называются тѣ пѣсни, которыми сопровождаются праздничныя игры и семейные обряды и въ которыхъ сохранились слѣды миѳическихъ вѣрованій нашихъ предковъ и старыхъ языческихъ обрядовъ: это пѣсни *Колядскія, Овсеневыя, Семицкія или Троицкія*; *Купальскія и нѣкоторыя свадебныя пѣсни.*

Старинныя миѳическія вѣрованія нашихъ предковъ, какъ народа индо-европейскаго племени, имѣли индо-европейскую основу и потому представляютъ много сходства съ древними миѳическими вѣрованіями другихъ индо-европейскихъ народовъ ([1]). Подобно другимъ индо-европейскимъ народамъ, наши предки въ своихъ божествахъ олицетворяли разныя стихіи, силы и явленія природы. Они обоготворяли *небо* подъ именемъ *Сварога* (отъ санскр. sur—блистать suar=swar—небо), который въ нашей миѳологіи соотвѣтствуетъ индійскому *Варунѣ* и греческому *Урану*, и подобно *Урану*, былъ, вѣроятно, самымъ старшимъ божествомъ, такъ что другія божества, въ которыхъ были олицетворены разныя явленія на небѣ, назывались уже его дѣтьми. „И послѣ (послѣ Сварога), царствова сынъ его, именемъ *Солнце*, егоже наричютъ *Дажь-богъ*“, сказано въ Ипатьевской лѣтописи (П. С. Р. Л. т. 2, стр. 5). *Дажь-богъ* (слово *дажь* прилаг. отъ дагъ, нѣм. tag, санскр. ahan вмѣсто dahan, день, свѣтъ), въ которомъ олицетворялось солнце, былъ сынъ Сварога; о немъ упоминается въ лѣтописи Нестора и въ Словѣ о полку Игоревѣ, гдѣ весь народъ

([1]) Полное изложеніе миѳическихъ представленій вообще славянскихъ племенъ, въ связи съ миѳическими сказаніями другихъ индо-европейскихъ народовъ, находится въ сочиненіи Аѳанасьева: «Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу»... т. I. 1865. т. II. 1868. т. III. 1869.

Русскій называется *внукомъ Дажь-бога*. Другой сынъ Сварога былъ *Огонь* (индійскій Агни). „И *огневи* молятся, зовутъ его *Сварожичемъ*“, сказано въ словѣ Христолюбца. Вѣроятно, это *огонь солнечный*, который назывался еще *Хорсомъ*; огонь же молніи, или молнію и громъ олицетворяли и почитали въ образѣ *Перуна*, который соотвѣтствовалъ индійскому Индрѣ, греческому *Зевсу* и скандинавскому *Тору*. Къ солнечнымъ же божествамъ принадлежалъ, конечно, и *Волосъ* или *Велесъ* (Ἥλιος), который соотвѣтствуетъ греческому *Геліосу* (Фебу, Аполлону); онъ называется скотьимъ богомъ и подобно Геліосу признавался защитникомъ стадъ; подобно Фебу, онъ считался покровителемъ пѣвцовъ; вѣщій Боянъ въ Словѣ о полку Игоревѣ называется его внукомъ. Вмѣстѣ съ небомъ и его свѣтилами, солнцемъ, мѣсяцемъ и звѣздами, покланялись, вѣроятно, *матери сырой землѣ*, на что могутъ указывать народные обычаи — клясться землею, обращаться къ землѣ въ случаѣ болѣзни, и другіе обряды, доказывающіе почтеніе къ землѣ (Аѳанасьева Поэтич. возз. т. I. 142—150). Стихіи и силы природы, вѣроятно, также олицетворены были въ какихъ нибудь существахъ титаническаго характера, черты которыхъ въ послѣдствіи могли перейти на древнихъ богатырей нашего эпоса, отличающихся стихійными качествами, и на разныхъ чудовищъ, съ которыми сражаются эти богатыри. О Полянахъ въ Софійскомъ Временникѣ сказано: „бяху же тогда погани, жруще озерамъ и колодезямъ и рощеніямъ“ (П. С. Л. т. V, стр. 84). Божествомъ водной стихіи былъ *Водяникъ*, который въ былинѣ о купцѣ Садкѣ называется морскимъ царемъ; богомъ вѣтровъ былъ *Стрибогъ*; его внуками называются вѣтры въ Словѣ о полку Игоревѣ; въ лѣсахъ царилъ *Лѣшій* (лѣсной богъ). Божествомъ домашняго очага былъ *Дѣдушка-домовой*; души умершихъ предковъ почитались въ *Русалкахъ*; въ *Родѣ* и *Рожаницахъ* олицетворялся рокъ или судьба. У западныхъ славянъ упоминаются *Бѣлбогъ и Чернобогъ*, какъ представители свѣта и мрака, а вмѣстѣ съ тѣмъ добра и зла; но у насъ такого рѣзкаго дуализма не было, хотя кромѣ свѣтлыхъ божествъ были и такія существа, въ которыхъ олицетворялись вредныя и разрушительныя явленія природы. Такъ смерть и все мертвящее и разрушающее олицетворялось въ образѣ *Мораны* или *Морены* (лат. mors отъ санскр. mris); одинаковое значеніе съ Мореной имѣло миѳическое существо *Нежитъ*, или *Нежить*; зима олицетворялась въ образѣ *Бабы-Яги*; зимній холодъ и морозъ—въ образѣ *Кощея* (Поэтич. воззр. славянъ... т. 3, стр. 33—36). Обо всѣхъ упомянутыхъ божествахъ до насъ не дошло никакихъ опредѣленныхъ сказаній, подобныхъ миѳамъ другихъ народовъ; славянская миѳологія не успѣла создать ихъ; сохранялись только отрывочныя указанія на эти божества въ про-

изведеніяхъ народной словесности и въ памятникахъ древней письменности. Между всѣми божествами особеннымъ уваженіемъ у нашихъ предковъ пользовались, кажется, *Дажь-богъ*, какъ богъ солнца, источника свѣта, теплоты и плодородія, *Перунъ*, какъ божество такихъ страшныхъ поразительныхъ явленій, каковы громъ и молнія, и *Волосъ*, какъ богъ скота, составляющаго главное богатство народа въ эпоху какъ кочеваго, такъ и земледѣльческаго быта. Въ честь этихъ божествъ совершались въ разныя времена религіозныя празднества съ разными обрядами, каковы: *Коляда*, *Овсень*, *Купало*, *Ярило* и др. По водвореніи Христіанства, язычество пало; но языческія суевѣрія долго помнились, такъ что имена нѣкоторыхъ божествъ были перенесены на христіанскихъ Святыхъ, и языческіе праздники слились съ христіанскими праздниками. Мѣсто Перуна заступилъ св. Илья пророкъ, который и до сихъ поръ въ народѣ считается распорядителемъ грома и молніи; мѣсто Волоса заступили свв. Власій, Флоръ и Лавръ, которые и нынѣ считаются покровителями скота; на св. Георгія, который признается покровителемъ земледѣлія, перешли, вѣроятно, черты Перуна или самого Дажь-бога. Подобно тому, и языческіе праздники присоединились къ тѣмъ христіанскимъ праздникамъ, къ которымъ они близко подходили по времени совершенія: празднованіе Коляды соединилось съ праздникомъ Рождества Христова, празднованіе въ честь Русалокъ съ праздникомъ св. Троицы, праздникъ Купалы съ днемъ св. Іоанна Крестителя 24 іюня. Къ этимъ праздникамъ и относятся старинныя обрядныя пѣсни: *Колядскія*, *Овсеневыя*, *Семицкія*, *Купальскія*.

а) **Колядскія и Овсеневыя пѣсни**. Первымъ праздникомъ въ честь Дажь-бога или солнца и вмѣстѣ началомъ стараго языческаго года, по мнѣнію ученыхъ изслѣдователей, былъ зимній праздникъ, во время такъ называемаго *солноворота*, въ декабрѣ мѣсяцѣ, когда, послѣ долгихъ ночей, начинаетъ прибывать день, когда, по народному выраженію, *солнце поворачиваетъ на лѣто*. Близкое совпаденіе этого праздника съ церковнымъ праздникомъ Рождества Христова было, конечно, причиною того, что въ христіанскія времена онъ примкнулъ къ празнику Рождества и сталъ отправляться 24 декабря, наканунѣ Рождества, или во время самого Рождества. Въ Великороссіи онъ отправлялся еще въ XVII в., а въ Малороссіи отправляется и теперь такимъ образомъ: наканунѣ Рождества или цѣлую рождественскую недѣлю молодые люди и дѣти собираются подъ окнами богатыхъ крестьянъ, поютъ пѣсни, величая хозяина, хозяйку и дѣтей ихъ, и просятъ денегъ, пироговъ и проч. ([1]). Въ пѣсняхъ

([1]) Въ Бѣлоруссіи подобный обычай соблюдается на великъ день или Пасху. Подобно колядующимъ, въ первый день Пасхи, ходятъ тамъ *волочобники* (отъ слова

обыкновенно величается *Коляда,* а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *Овсень, Авсень, Таусень*; потому онѣ называются *Колядскими и Овсеневыми.* Слово *Коляда* производятъ отъ латинскаго слова *Calendae* (Колада у поляковъ Colęda отъ caleo, разгорячаться, горѣть, что указываетъ на жаръ солнца). Было ли это слово названіемъ самого Дажь-бога, или только праздника въ честь его, опредѣлить трудно. Въ числѣ особыхъ божествъ Коляда не встрѣчается въ памятникахъ древней письменности; въ пѣсняхъ же она упоминается большею частію въ видѣ припѣва. Въ одной изъ колядскихъ пѣсенъ говорится:

«За рѣкою, за быстрою
Ой Коліодка, ой Коліодка!
Лѣса стоятъ дремучіе,
Въ тѣхъ лѣсахъ огни горятъ,
Огни горятъ великіе.
Вокругъ огней скамьи стоятъ,
Скамьи стоятъ дубовыя.
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы
Поютъ пѣсни Коліодушки.
Ой Коліодка, ой Коліодка!
Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ;
Онъ точитъ свой булатный ножъ.
Котелъ кипитъ горючій,
Возлѣ котла козелъ стоитъ,
Хотятъ козла зарѣзати...» (1).

Здѣсь, очевидно, описывается старый языческій праздникъ, когда предки наши приносили жертвы въ лѣсахъ: старикъ съ ножемъ—жрецъ, приносившій жертву, а козелъ—самая жертва. Для языческихъ жертвъ, во время праздника, собирались, вѣроятно, приношенія: во времена христіанскія это перешло въ обычай воспѣвать Коляду и собирать разныя подаянія. Вотъ Колядка, при которой собираются подаянія:

«Коляда, Коляда!
Пришла Коляда
На канунѣ Рождества.

лочиться, бродить) молодые парни съ пѣснями и музыкой и за славленіе выпрашиваютъ подарки—яица, пироги, водку, а иногда цѣлое угощеніе. Смотр. Бѣлорусскія пѣсни г. Безсонова стр. 20. У южныхъ славянъ Колядѣ соотвѣтствуетъ праздникъ *Божича.*

(1) Сахар. Сказ. рус. нар. т. I, кн. III. стр. 16. Окончаніе этой пѣсни взято изъ сказки о *царевичѣ козленочкѣ.*

Мы ходили, мы искали
Коляду святую
По всѣмъ дворамъ, по проулочкамъ,
Нашли Коляду
У Петрова-то двора...» (1).

Называется дворъ хозяина, подъ окнами котораго поется пѣсня. Далѣе въ пѣснѣ величается этотъ дворъ, его хозяинъ, хозяйка и дѣти ихъ. Дворъ обнесенъ желѣзнымъ тыномъ, а середи двора стоятъ три терема. Хозяинъ сравнивается съ свѣтлымъ мѣсяцемъ въ одномъ теремѣ, хозяйка—съ краснымъ солнцемъ въ другомъ, а дѣти ихъ—съ частыми звѣздами въ третьемъ теремѣ. Очень можетъ быть, что солнце, мѣсяцъ и звѣзды первоначально прославлялись, во время Коляды, сами по себѣ самостоятельно, а потомъ, когда уже потерялся древній смыслъ праздника, они стали употребляться для сравненія съ ними прославляемаго въ пѣснѣ хозяина дома, его жены и дѣтей (2). Пѣсня оканчивается желаніемъ „здравствовать хозяину съ хозяюшкой на долгіе вѣки, на многія лѣта“.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вмѣсто Коляды, въ пѣсняхъ воспѣвается *Овсень* или *Авсень*; потому и самыя пѣсни называются *Овсеневыми*. Впрочемъ, какъ Коляды относятся собственно къ кануну Рождества, такъ Овсеневыя пѣсни поются большею частію на канунѣ Новаго года, вечеромъ, который въ народѣ называется *Васильевымъ вечеромъ* отъ того, что въ новый годъ церковь празднуетъ память св. Василія В. (3). Содержаніе *Овсеневыхъ* пѣсенъ почти то же самое, что и Колядскихъ, только вмѣсто Коляды въ нихъ величается *Овсень* или *Авсень*. Вотъ пѣсня Овсеню.

«Ой Овсень, ой Овсень!
Походи, погуляй
По святымъ вечерамъ,
По веселымъ теремамъ!
Ой Овсень, ой Овсень!
Посмотри, погляди,
Ты взойди, посѣти
Къ Филимону на дворъ!» (4)

---

(1) Сахар. Сказан. русск. народ. т. I. кн. III. стр. 16.

(2) Смотр. О. Миллера: Опытъ истор. обозр. русск. слов. ч. I стр. 28.

(3) Въ Малороссіи Васильевъ вечеръ называется *щедрымъ или добрымъ вечеромъ*; пѣсни, которыя поютъ въ этотъ вечеръ подъ окнами богатыхъ людей, называются *щедривками*; ходить съ этими пѣснями значитъ *щедровать* т. е. желать во всемъ изобилія и богатства. Смотр. А. Метлинскаго: Народныя южнорусскія пѣсни. Кіевъ. 1854. стр. 340—344.

(4) Сахар. Сказан. т. I. кн. III. стр. 259—260.

Далѣе восхваляется домъ хозяина, обнесенный кипариснымъ тыномъ, съ серебромъ и позолотой, самъ хозяинъ, хозяйка и дѣти, точно такъ же, какъ въ колядскихъ пѣсняхъ. Слово *Овсень* одни производятъ отъ *обсѣванія или осыпанія овсомъ*, которымъ сопровождается пѣніе овсеневыхъ пѣсенъ; поющіе обыкновенно бросаютъ зерна разнаго хлѣба и особенно *овса*; зерна эти слушающіе собираютъ и хранятъ до осенняго посѣва. Другіе это слово, произносимое въ различныхъ мѣстахъ различно: *Авсень*, *Усень*, *Таусень*, сближаютъ со словомъ *ясный* и видятъ въ немъ измѣненіе слова *Ясень*—названіе солнца (ясное солнце). Какъ бы то ни было, только упомянутый обрядъ осыпанія, при пѣніи овсеневыхъ пѣсенъ, и сходство этихъ пѣсенъ съ колядскими и по содержанію и по времени, въ которое онѣ поются, показываютъ, что *Овсень*, подобно Колядѣ, *имѣетъ отношеніе къ солнцу*, и составляетъ, вѣроятно, только другое названіе одного и того же солнечнаго божества или праздника въ честь солнца, какъ источника свѣта, теплоты и плодородія. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ они даже соединяются вмѣстѣ и величаются рядомъ одна съ другимъ.

б) **Святочныя обрядныя пѣсни.** Нѣтъ сомнѣнія, что праздникъ Коляды, во времена языческія, сопровождался разными играми и обрядами. Сохранившіяся до сихъ поръ *святочныя игры*, *переряживанья и гаданія* не могли возникнуть во времена христіанства, духу котораго они совершенно противны, а составляютъ, несомнѣнно, остатки древнихъ языческихъ игръ и обрядовъ. Въ этомъ отношеніи и самыя *древне-русскія Святки* съ ихъ обрядовою обстановкою можно назвать продолженіемъ стараго праздника Коляды, соединившагося, во времена христіанскія съ праздникомъ Рождества. *Въ обычаѣ переряживаться*, во время Святокъ, нѣкоторые не безъ основанія хотятъ видѣть остатокъ древняго языческаго обряда, въ которомъ переряживаніемъ обозначалось то не нормальное или превращенное состояніе природы, въ какомъ она находится во время зимы ([1]). Гаданіемъ на Святкахъ занимаются нынѣ молодые люди и дѣвушки, съ цѣлію узнать свою судьбу относительно женитьбы или выхода замужъ въ будущемъ году; но въ старыя языческія времена оно производилось, вѣроятно, всѣми людьми, съ серьёзною цѣлію узнать, будетъ ли счастливъ или благопріятенъ для плодородія вообще тотъ годъ, который начинался съ праздновавшагося въ это время солнечнаго поворота отъ зимы на лѣто. Напр. дѣвушки нынѣ на Святкахъ кормятъ курицу зерномъ и при этомъ гадаютъ о замужествѣ, а встарину, вѣроятно, кормили курицъ для того,

---

([1]) Смотр. Опытъ истор. обозр. русск. слов. О. Миллера. Стр. 38.

чтобы, по ихъ клеванію зеренъ, судить о хорошемъ или плохомъ урожаѣ хлѣба и плодовъ въ слѣдующемъ году. Святочныя гаданія и игры сопровождаются пѣніемъ разныхъ пѣсенъ, между которыми особенно замѣчательны *подблюдныя* и *игорныя*. *Подблюдными* называются тѣ пѣсни, которыя встарину пѣлись во время гаданія надъ блюдомъ или чашею съ водой. На столъ, вокругъ котораго садились гадающіе, ставили блюдо съ водой и покрывали его скатертью; около блюда гадающіе клали свои кольца, перстни и серьги; тутъ же клали еще кусочки хлѣба, соль и три уголька. За тѣмъ пѣлась пѣсня *хлѣбу и соли*:

Слава Богу на небѣ.
Слава!
Государю нашему на сей землѣ,
Слава!
Чтобы нашему государю не старѣться,
Его цвѣтному платью не изнашиваться,
Его добрымъ конямъ не изъѣзживаться,
Его вѣрнымъ слугамъ не измѣниваться,
Чтобы правда была на Руси
Краше солнца свѣтла;
Чтобы царева золота казна
Была вѣкъ полнымъ полна;
Чтобы большимъ то рѣкамъ
Слава неслась до моря,
Малымъ рѣчкамъ до мельницы.
А эту пѣсню мы хлѣбу поемъ,
Хлѣбу поемъ, хлѣбу честь воздаемъ (1).
Слава!

По окончаніи этой пѣсни, кольца, перстни и серьги, а равно хлѣбъ, соль и угольки клали на блюдо и начинали пѣть одну за другою подблюдныя пѣсни: *Катилося зерно по бархату*; *Идетъ кузнецъ изъ кузницы*; *Летитъ соколъ изъ улицы*; *Скачетъ груздочекъ по ельничку* (2) и проч. Послѣ каждой изъ этихъ пѣсенъ, вынимали кольцо или другую вещь изъ блюда и при этомъ пѣли особый припѣвъ:

«Да кому мы спѣли, тому добро,
Слава!
Кому вынется, тому сбудется,
Скоро сбудется, не минуется».

---

(1) Сказан. Сахар. т. I. кн. III. стр. 11. № 1.
(2) Тамъ же стр. 11—13.

Полнѣе другихъ подблюдныхъ пѣсенъ выражаетъ смыслъ святочныхъ гаданій слѣдующая пѣсня:

«Идетъ кузнецъ изъ кузницы
Слава!
Несетъ кузнецъ три молота,
Слава!
Кузнецъ, кузнецъ, ты скуй мнѣ вѣнецъ,
Ты скуй мнѣ вѣнецъ и золотъ и новъ,
Изъ остаточковъ золотъ перстень.
Изъ обрѣзочковъ булавочку.
Мнѣ въ томъ вѣнцѣ вѣнчатися,
Мнѣ тѣмъ перстнемъ обручатися,
Мнѣ тою булавочкою убрусъ притыкать» (1).

Въ этой пѣснѣ выражается мысль о замужествѣ; этою же мыслію о замужествѣ и женитьбѣ проникнуты и всѣ святочныя гаданія и пѣсни, въ которыхъ все направлено къ знакомству и сближенію молодыхъ людей и устроенію ихъ судьбы. Но въ то же время, указанная миѳическая обстановка (хлѣбъ, соль, вода и угли—предметы, употреблявшіеся при языческомъ богослуженіи), которою сопровождались святочныя гаданія, приводитъ къ мысли, что первоначально они имѣли другое значеніе и выродились изъ какихъ нибудь религіозныхъ обрядовъ въ честь солнца, которому праздновали во время Коляды.—*Игорными* назывались тѣ святочныя пѣсни, которыми сопровождались святочныя игры. Самою употребительною изъ нихъ была игра—*хороненіе золота*, при которой пѣлась извѣстная пѣсня:

И я золото хороню, хороню,
Чисто серебро хороню.... (2)

Хороненіе золота начиналось послѣ подблюдныхъ пѣсенъ. Дѣвушки садились въ кружокъ и начинали пѣть указанную пѣсню. Одна изъ дѣвушекъ брала изъ гадальной чаши или блюда послѣднее кольцо и во время пѣнія пѣсни клала его въ чьи-нибудь руки, а дѣвушки передавали его одна другой. По окончаніи пѣсни, *хоронившая золото* должна была отгадать, у кого кольцо находится. Эта пѣсня, бывшая самою популярною изъ всѣхъ святочныхъ пѣсенъ до послѣднихъ временъ, по мнѣнію изслѣдователей, имѣетъ самую старинную миѳическую основу. Въ золотѣ, которое хоронится при ея пѣніи, они видятъ указанія на *небес-*

(1) Тамъ же стр. 12. № 4.
(2) См. тамъ же стр. 15. № 37.

ное золото, ясное красное солнышко, растительная и плодотворная сила котораго, во время зимы, скрывается и представляется какъ бы похороненною. Употребляемый въ этой игрѣ перстень своею круглой формой представляетъ подобіе солнца.

в) **Весеннія пѣсни или веснянки.** Праздникъ коляды былъ только начальнымъ праздникомъ древняго языческаго года и первымъ праздникомъ въ честь солнца, за которымъ, конечно, слѣдовало много другихъ праздниковъ. Въ народѣ еще до сихъ поръ сохраняется множество примѣтъ, игръ и обрядовъ, совершаемыхъ въ разныя времена года и составляющихъ, вѣроятно, слѣды этихъ праздниковъ. Извѣстно, какимъ почетомъ пользуется въ народѣ *масляница*. „Этотъ праздникъ, по замѣчанію Соловьева, праздновался въ началѣ весны; но такъ какъ это время приходится въ великій постъ, то, по принятіи христіанства, празднованіе его перенесено на конецъ рождественскаго мясоѣда и отчасти на Свѣтлое Воскресеніе“ ([1]). На отношеніе этого праздника къ солнцу указываетъ то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи, на огромныхъ саняхъ, возятъ тогда наряженнаго мужика, который сидитъ *на колесѣ*, вверху столба, утвержденнаго посреди саней; колесо у языческихъ народовъ было изображеніемъ солнца. Въ другихъ мѣстахъ, во время масляницы, возятъ на саняхъ большое дерево, убранное разными лоскутками и разными украшеніями; этимъ деревомъ; какъ и рождественскою ёлкою, изображается плодородіе, источникомъ котораго служитъ солнце. Наконецъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ концѣ масляницы, производится сожженіе соломенной куклы, которая называется *зимою*; этимъ обрядомъ означается уничтоженіе зимы, съ усиленіемъ солнечной теплоты весною.

Другіе весенніе праздники соединились съ Благовѣщеніемъ, Пасхой, Ѳоминой недѣлей, днемъ св. Георгія и особенно съ праздникомъ св. Троицы. Въ мартѣ мѣсяцѣ и большею частію предъ Благовѣщеніемъ или даже въ день Благовѣщенія во многихъ мѣстахъ соблюдается обычай закликать весну съ пѣснями, которыя называются *веснянками*. Вотъ эти пѣсни:

«Благослови, Боже,
Весну закликати.
Весну закликати,
Зиму запирати.

—

([1]) Ист. Росс. т. I. стр. 66.

Весна, весна красная!
Приди, весна, съ радостію,
Съ радостію, радостію,
Съ великою милостію,
Съ льномъ высокимъ,
Съ корнемъ глубокимъ,
Съ хлѣбами обильными.» (1)

Въ день Благовѣщенія въ древнія времена еще былъ обычай разводить предъ домами огонь и скакать чрезъ него, потому что этотъ день считался началомъ весны. Въ первый день Пасхи, когда, по народному повѣрію, *играетъ солнышко*, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поется пѣсня:

«Солнышко, ведрышко,
Выгляни въ окошечко!
. . . . . .
Твои дѣтки плачутъ
. . . . . .
Солнышко, покажись
Красное, снарядись». (2)

Въ Малороссіи и Галиціи на Пасхальной недѣлѣ совершается обрядъ погребенія *Каструбонька*, которымъ изображается замираніе солнечной теплоты зимою и пробужденіе и оживленіе ея весною: при этомъ одна изъ дѣвушекъ, играющихъ въ хороводѣ, падаетъ, и всѣ начинаютъ оплакивать ее, какъ умершую, потомъ она поднимается и встаетъ, какъ ожившая, и всѣ радуются.

г) **Хороводныя весеннія пѣсни.** На Ѳоминой недѣлѣ, особенно замѣчателенъ весенній праздникъ—*красная горка*. Онъ получилъ такое названіе отъ того, что происходитъ на горѣ или на возвышенности, покрытой первою весеннею травою и освѣщенной *краснымъ* солнышкомъ (3). Съ красной горки начинаются хороводы, продолжающіеся до конца іюля. Круглая форма хороводовъ и ихъ кругообразное движеніе—символъ солнечнаго движенія, показываютъ, что они обязаны своимъ происхожденіемъ празднованію въ честь солнца и первоначально имѣли религіозное значеніе. Припѣвки въ хороводныхъ пѣсняхъ, въ которыхъ величаются Дидъ-Ладо, Лель, откуда, вѣроятно, образова-

(1) Сказан. Сахар. т. I. к. III. стр. 260.
(2) Сказан. Сахар. т. 2. кн. VII. стр. 75—76.
(3) Ист. русск. слов. Галах. ч. 1. стр. 13.

лись постоянныя въ нихъ припѣвки—*люли, люшеньки*, величанія *Дона* и *Дуная Ивановича*, безъ сомнѣнія, составляютъ остатки праздничныхъ языческихъ хороводовъ. Что хороводы въ частности имѣли отношеніе къ почитанію солнца, это показываетъ одна изъ хороводныхъ пѣсенъ—*о сѣяніи проса*:

«А мы сѣчу чистили, чистили;
Ой Дидъ-Ладо чистили!
А мы просо сѣяли, сѣяли;
Ой, Дидъ-Ладо сѣяли, сѣяли и проч.». (1)

Слова *Дидъ* (дѣдъ), *Ладо* (свѣтъ, радость), составляющія припѣвъ этой пѣсни, безъ сомнѣнія, относятся къ солнцу или Дажь-богу, внуками котораго называются русскіе въ Словѣ о полку Игоревѣ, и самое содержаніе пѣсни указываетъ на старый земледѣльческій праздникъ въ честь солнца, какъ источника плодородія.

Въ день св. Георгія (23 апрѣля) совершается много такихъ обрядовъ, которые указываютъ на старыя языческія времена. Между прочимъ, въ этотъ день выгоняютъ въ первый разъ скотину въ поле освященною вербою; при этомъ поется пѣсня:

«Мы вокругъ поля ходили,
Егорья окликали.....
Егорій ты нашъ храбрый...
Ты спаси нашу скотину
Въ полѣ и за полемъ,
Въ лѣсу и за лѣсомъ,
Подъ свѣтлымъ подъ мѣсяцемъ,
Подъ краснымъ солнышкомъ,
Отъ волка отъ хищнаго,
Отъ медвѣдя лютаго
Отъ звѣря лукаваго» (2).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ день св. Георгія крестьяне рано утромъ обходятъ засѣянныя поля и поютъ:

«Юрій, вставай рано,
Отмыкай землю,
Выпущай росу—
На теплое лѣто,
На буйное жито,
На ядренистое
На колосистое
Людямъ на здоровье»...

(1) Сказ. Сахар. т. 1. кн. III. стр. 27.
(2) Сказ. Сахар. т. 2. VII. стр. 26.

Во всѣхъ этихъ пѣсняхъ св. Георгій представляется начальникомъ весны, отмыкающимъ землю, выпускающимъ росу и траву, покровителемъ земледѣлія и защитникомъ стадъ. На него, вѣроятно, перенесены черты какого-нибудь солнечнаго божества. Онъ и изображается въ народныхъ сказаніяхъ подобно миѳическому существу, герою, или богатырю: „по локоть руки въ красномъ золотѣ, по колѣни ноги въ чистомъ серебрѣ, во лбу солнце, въ тылу мѣсяцъ, по косицамъ звѣзды частыя“.

д) **Русалкыя и семицкія пѣсни**. Къ празднику св. Троицы присоединился древній языческій праздникъ въ честь *Русалокъ*, въ которыхъ предки наши почитали, вѣроятно, души людей умершихъ ([1]). Во всѣ праздники въ честь солнца было, кажется, воспоминаніе объ умершихъ; употребленіе блиновъ на масляницѣ указываетъ на то, что въ старину, въ то время, поминали усопшихъ; красная горка до сихъ поръ соединяется съ такъ называемой *Ґадуницей* ([2]), во вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ, когда ходятъ на могилы для поминовенія родителей. Но особенно поминались души умершихъ *въ праздникъ Русалокъ*, который, во времена христіанскія, соединился съ праздникомъ св. Троицы. Извѣстный *Семикъ*, отправляемый въ четвергъ на седьмой недѣлѣ послѣ Пасхи, былъ главнымъ днемъ русалокъ (великъ день русалокъ); потому эта недѣля встарину называлась *семицкой и русальной*. Старики въ семикъ ходили прежде на могилы родителей помянуть ихъ; поэтому его считаютъ остаткомъ древней языческой тризны; онъ и приходится на недѣлѣ христіанскаго поминовенія усопшихъ предъ вселенской троицкой субботой, которая замѣнила языческую тризну. Молодые парни и дѣвушки въ семикъ обыкновенно отправлялись въ лѣсъ, рубили березки, украшали ихъ лентами, завивали вѣнки и бросали ихъ въ прудъ и рѣку, съ гаданіемъ, потонетъ вѣнокъ или нѣтъ, остановится на одномъ мѣстѣ, или поплыветъ въ сторону, чей вѣнокъ поплыветъ и чей останется назади ([3]). Всѣ эти обряды находятся въ

([1]) Названіе *Русалокъ* одни производятъ отъ *русла* или древне-славянскаго названіе рѣки *руса*, такъ какъ русалки, по народному вѣрованію, живутъ въ водѣ; другіе названіе ихъ производятъ отъ слова *русый* (свѣтлый, ясный), такъ какъ русалки, по тому же народному вѣрованію, выходятъ во время весны на землю насладиться оживленною природою.

([2]) Въ словѣ *радуница* нѣкоторые не безъ основанія видятъ измѣненное слово *родовница*—отъ слова *родъ*, предокъ. Смотр. О. Миллера Обозр. русск. слов. ч. 1, стр. 96.

([3]) Въ слѣдствіе обычая рубить березки, ставить ихъ въ домахъ и около домовъ, вить изъ нихъ вѣнки и *водить хороводы* съ пѣснями, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ семикъ и вся седьмая недѣля послѣ Пасхи назывались *зелеными святками*.

тѣсной связи съ древнимъ языческимъ вѣрованіемъ *въ Русалокъ*, по которому русалки, съ весенняго разлитія воды до троицына дня, живутъ въ водахъ, на берега выходятъ только поиграть, съ троицына до Петрова поста живутъ на деревьяхъ, а потомъ уходятъ въ могилы. Въ нѣкоторыхъ семицкихъ пѣсняхъ, которыя поются при завиваніи вѣнковъ, мы находимъ чрезвычайно странное смѣшеніе христіанскихъ понятій съ языческими, котораго поющіе, конечно, нисколько не понимаютъ. Вотъ одна изъ этихъ пѣсенъ:

«Благослови Троица,
Богородица!
Намъ въ лѣсъ пойти,
Намъ вѣнки завивать.
Ай Дидо, ой Ладо!
Намъ вѣнки завивать
И цвѣты сорывать.
Ай Дидо, ой Ладо!
А мы въ лѣсъ пойдемъ,
И цвѣтовъ нарвемъ,
Мы цвѣтовъ нарвемъ,
И вѣнокъ совьемъ.
Ай Дидо, ой Ладо!» (1).

Здѣсь, вмѣстѣ съ словами: *Троица*, *Богородица* стоятъ слова: *Дидъ-Ладо*, относящіяся къ Дажь-богу, или солнцу. Въ другой пѣснѣ, съ которою молодые люди отправляются въ лѣсъ завивать вѣнки, также рядомъ съ *Семикомъ*, упоминается *Троица*;

Іо, Іо Семикъ да Тройца!
Туча съ громомъ сговаривалась:
Пойдемъ громъ, погуляемъ съ тобою. . . (2).

Сдѣлавъ вѣнки изъ березовыхъ вѣтвей, молодые люди надѣваютъ ихъ на голову, поютъ пѣсни и играютъ въ хороводы. Нѣкоторыя пѣсни отличаются особенною простотою и граціозностью. Таковы напр.:

«Я въ вѣночкѣ,
Я въ зеленочкѣ
Хожу, гуляю,
По городочку.
Ищуль я, ищу
Ласкова Ладу.
Я въ вѣночкѣ.

(1) Сахар. Сказан. т. I. кн. III. стр. 260.
(2) Бытъ Русск. нар. Терещенки. ч. VI. стр. 164—165.

Я въ зеленочкѣ,
Хожуль я, хожу
Вокругъ городочка.
Добрый молодчикъ!
Будь моимъ Ладой» (1).
А я вью вѣночки, вью зеленочки.
Хожуль я, вокругъ городочку,
Хожуль я, найду ли я,
Ласкову себѣ невѣсту.
Ты будешь мнѣ красна дѣвушка, невѣстой» и проч. (2)

Въ Бѣлоруссіи на другой день Троицы, убираютъ дѣвушку зелеными вѣтвями и листьями, такъ что она въ этомъ убранствѣ получаетъ видъ и названіе *Куста*. Съ этою дѣвушкою другія дѣвицы и женщины ходятъ съ пѣснями по всѣмъ домамъ и при этомъ собираютъ разныя подачки для угощенія (3).

е) **Купальскія пѣсни**. Лѣтніе языческіе праздники присоединились къ праздникамъ св. Іоанна Крестителя, Петра и Павла и пророка Иліи. Главнымъ лѣтнимъ праздникомъ былъ праздникъ *Купалы*, совершавшійся, вѣроятно, въ концѣ іюня, и потому во времена христіанскія присоединившійся къ празднику рождества Іоанна Крестителя 24 іюня. Потому онъ получилъ въ народѣ названіе *Ивана Купалы* и сталъ отправляться въ ночь на Ивановъ день. Это смѣшеніе древняго языческаго праздника съ праздникомъ христіанскимъ выражается въ слѣдующей пѣснѣ, которую въ Бѣлоруссіи поютъ около зажженнаго костра, на верху котораго кладутъ чучелу изъ соломы, называемую *Купалою*:

«Купала на Ивана!
Гдѣ купала ночевала?
Купала на Ивана
Ночевала у Ивана» (4).

Въ другихъ мѣстахъ чучелу, сожигаемую въ Иванову ночь, называютъ *Костромой* (отъ слова костеръ); иногда же просто сожигаютъ костеръ, который называется Купалой. Костеръ составляетъ необходимую принадлежность купальскаго праздника; огонь для него разводятъ треніемъ досокъ, или изъ досокъ ста-

---

(1) Бытъ Русск. нар. Терещенки. ч. VI. стр. 166—167.
(2) Тамже, ч. IV. стр. 145.
(3) Смотр. Бѣлорусск. пѣсни г. Безсонова стр. 25.
(4) Бытъ Русск. народа Терещенки ч. V, стр. 76.

рой посуды. Иногда соломенную чучелу бросаютъ въ воду и при этомъ поютъ:

«Купала на Ивана!
Купався Иванъ,
Та въ воду упавъ.
Купала на Ивана» (1)

Между разными обрядами Купальской ночи особенно замѣчателенъ *обрядъ скатыванія съ горы зажженнаго колеса въ воду*, прямо указывающій на отношеніе этого праздника *къ солнцу*, которое изображалось при этомъ *горящимъ колесомъ*, а *скатываніе съ горы этого колеса* означало то, что солнце съ этого времени начинаетъ какъ бы возвращаться назадъ т. е. *поворачиваетъ*, по народному выраженію, опять *на зиму* (2). Кромѣ того, въ Купальскую ночь обыкновенно собираютъ разныя травы, которымъ приписывается чудесное дѣйствіе (плакунъ-траву, одолень-траву, чертополохъ, разрывъ-траву), и особенно ищутъ цвѣтъ *папоротника*, который будто только въ эту ночь цвѣтетъ огненнымъ цвѣтомъ и который считается необходимымъ при отыскиваніи кладовъ. При добываніи цвѣта папоротника поется пѣсня:

«Купала наша Купала!
Дай намъ котлы золота!
Вотъ Солодушка (одинъ изъ видовъ папоротника) цвѣтетъ;
Я усяду при ней,
Проночую при ней,
Подстерегу красочку (цвѣтъ),
Сорву папоротку,
Буду богачъ—богатырь,
Закуплю я весь свѣтъ. . . »(3).

Наконецъ въ Иванову ночь купаются для здоровья, прыгаютъ чрезъ зажженные костры, для предохраненія отъ заразы и болѣзней, ищутъ кладовъ (4). Вмѣстѣ *съ Купалой* чествуется *Купальница*, имя которой сдѣлалось эпитетомъ *св. Аграфены*, такъ какъ память этой святой празднуется 23-го іюня. День Аграфены Купальницы посвящается также собиранію разныхъ травъ; изъ

(1) Бытъ Русск. народа Терещенки ч. V, стр. 81.

(2) Аѳанасьева: Поэтич. воззр. славянъ т. I. стр. 210—212.

(3) Бѣлорус. пѣсни г. Безсонова ч. I. стр. 43, № 80.

(4) Указанія на разные обряды и игры, происходившіе прежде въ Купальскую ночь, находятся въ Посланіи игумена Памфила во Псковъ въ 1303 г. (напечатано въ Дополн. къ Акт. Ист. т. I. № 22) и въ Стоглавѣ (глав. 41).

нихъ особеннымъ уваженіемъ пользуются *купаленка* или *купальница* и цвѣтокъ *Иванъ да Марья* (1). Къ празднику Купалы близко подходили по времени похороны *Костромы и Ярилы,* которые совершались на Всесвятской недѣлѣ, или въ первое воскресеніе послѣ Петрова дня, празднуемаго 29 іюня. Похоронами Ярилы и Костромы какъ и многими другими, обрядами, совершавшимися въ солнечные праздники, изображались смѣна весны и лѣта осенью и зимою и, съ умаленіемъ свѣта и теплоты солнечной, замираніе растительной силы природы, которая во время зимы кажется какъ-бы похороненною.

На день Ильи пророка, который у Сербовъ называется *Ильей громовникомъ,* перешло празднованіе *Перуну*, богу грома и молніи. Громъ въ облакахъ народному воображенію казался ѣздой на колесницѣ, а на колесницѣ огненной былъ взятъ на небо Илья пророкъ; къ тому-же около Ильина дня и въ самый Ильинъ день почти всегда бываютъ болѣе или менѣе сильныя грозы; весьма естественно, поэтому, было народу перенести на Илью пророка черты Перуна. Перунъ, по народному вѣрованію, производилъ громы, молнію и дожди, благодѣтельные для всякихъ растеній, хлѣбовъ и плодовъ; Илья пророкъ во время своей земной жизни низводилъ съ неба огонь, производилъ засуху и проливалъ дождь. Сохранились пѣсни, въ которыхъ Илья пророкъ прославляется какъ покровитель земледѣлія, но которыя, впрочемъ, поются не въ Ильинъ день, а въ другіе праздники. Одна изъ нихъ въ Малороссіи поется въ Васильевъ вечеръ:

«Ходитъ Илья
На Василья
Носитъ пугу
Житяную.
Де замахне
Жито расте». . (2).

Другая пѣсня поется въ Бѣлоруссіи на Великъ день, или въ Пасху. На праздникъ призываются всѣ святые:

«Ци усѣ святцы (всѣ святые) позбиралися?
Одного нѣту—святаго Илли.
Кого обобрать (выбрать), по Иллю послать!
Пятра (Петра) обобрать, по Иллю послать.

---

(1) Аѳанасьева: Поэтич. воззр. т. 3. стр. 721—722.

(2) Сахар. Сказ. Р. Н. т. 2. кн. VII стр. 3. Народ. Южно-русс. пѣсни А. Метлинскаго, стр. 344.

Толькижъ Пётра да на коника,
Да на коника за ворётячки,—
Ажъ святый Илля и самъ иде;
Уросившися, умочившися.
Гдѣжъ ты, Илля, призабавився (замедлилъ)?
По мяжамъ ходиў, жито рядиў,
По бору ходиў пщолки садивъ.
Роди, Божа, жито, жито и пшаницу,
Жито и пшаницу, ўсякую пашницу» (1).

ж) **Свадебныя обрядныя пѣсни.** Наконецъ слѣды старыхъ языческихъ вѣрованій и обрядовъ сохранились еще въ нѣкоторыхъ свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ. Къ свадебнымъ обрядамъ, по свидѣтельству древнихъ писателей, относились: прыганіе жениха и невѣсты чрезъ огонь, приготовленіе на свадьбѣ хлѣбнаго коровая и каши, курицы и пѣтуха. Прыганіе чрезъ огонь, на которое древніе церковные учители жаловались, какъ на повсемѣстный обычай, вытекало изъ языческаго почитанія солнца и огня; коровай и пѣтухъ, вѣроятно, приносились первоначально въ жертву богамъ. На религіозное значеніе коровая указываетъ одна свадебная пѣсня, которая встарину пѣлась при разрѣзываніи коровая:

«Свѣти, свѣти, мѣсяцъ,
Нашему короваю!
Проглянь, проглянь, солнце,
Нашему короваю»! и проч. (2).

Думаютъ, что это обращеніе въ пѣснѣ къ солнцу и мѣсяцу было сначала молитвеннымъ обращеніемъ къ этимъ свѣтиламъ, которыя почитались въ язычествѣ. Пѣтухъ почитался птицею, посвященною Перуну и домашнему очагу, и вмѣстѣ эмблемою счастія и плодородія; потому его при свадьбахъ, вѣроятно, приносили въ жертву богамъ, чтобы вымолить счастіе и плодородіе новобрачнымъ. Обычаи, бывшіе сначала религіозными обрядами, получили въ послѣдствіи символическое значеніе (3).

Таковы болѣе замѣчательныя обрядныя пѣсни. Они интересны для насъ потому, что въ нихъ сохранились хотя не ясные слѣды старыхъ языческихъ вѣрованій нашихъ предковъ, смѣшавшихся съ христіанскими понятіями, указанія на старые языческіе праздники, которые слились съ праздниками христіанскими. Это смѣ-

---

(1) Бѣлорус. пѣсни Безсонова ч. I. стр. 1—3 № 1.
(2) Сахар. Сказан. т. I. кн. III. стр. 163.
(3) Аѳанасьева Поэтич. воззр. Слав. т. I. стр. 467.

шеніе относится, конечно, еще къ самымъ первымъ временамъ христіанства; но необразованный народъ долго, въ свои христіанскіе праздники, продолжалъ отправлять языческіе обряды и пѣть при этомъ старыя обрядныя пѣсни, смысла которыхъ онъ уже рѣшительно не понималъ въ послѣдствіи. За это смѣшеніе христіанскихъ понятій съ язычествомъ наши пастыри церкви называли нашъ народъ *двоевѣрнымъ*; *двоевѣрными* же всего приличнѣе называть и старинныя обрядныя пѣсни.

2) БЫЛИНЫ, ИЛИ БОГАТЫРСКІЯ ПѢСНИ.

Былины составляютъ *героическій или богатырскій эпосъ* нашего народа. *Былина* отъ слова *быль* собственно значитъ—пѣсня, или разсказъ о томъ, что *было;* но, чтобы правильно понимать былины ([1]), надобно помнить, что *былыя времена* изображаются въ нихъ не по лѣтописи или исторіи, а по памяти и устнымъ преданіямъ народа, отъ самыхъ отдаленныхъ временъ переходящимъ отъ одного поколенія къ другому. Какъ вообще въ эпическихъ сказаніяхъ каждаго народа разныя эпохи смѣшиваются и героическій періодъ такъ тѣсно соединяется съ миѳическимъ, что героическое сказаніе во многомъ получаетъ миѳическій колоритъ, и самые герои являются съ чертами, свойственными миѳическимъ божествамъ; такъ и въ нашихъ былинахъ, разсказывающихъ о первыхъ временахъ нашего отечества, вмѣстѣ съ чертами историческаго и христіанскаго періода, встрѣчаются слѣды самой глубокой старины, слѣды еще кочевой жизни нашихъ предковъ, а въ нашихъ богатыряхъ и ихъ чудовищныхъ врагахъ, пріурочиваемыхъ къ опредѣленному времени, попадаются образы какихъ-то древнѣйшихъ, титаническихъ или миѳическихъ существъ. Отъ этихъ существъ, по мнѣнію г. Буслаева, перешло на нихъ и самое названіе *богатыря*. „Слово *богатырь*, говоритъ онъ, происходитъ отъ слова *богъ*, чрезъ прилагательное *богатый* и собственно значитъ существо, одаренное высшими, божескими преимуществами, какъ герой, происшедшій отъ *бога*“ ([2]). Но вмѣ-

([1]) Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ и изданныя П. А. Безсоновымъ. Вып. I—X. М. 1860—1870 г. Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ ч. I—III. 1861—1864. Онежскія былины, записанныя А. Ѳ. Гильфердингомъ въ 1871 г. Спб. 1873.

([2]) Впрочемъ, другіе въ словѣ *«богатырь»* видятъ измѣненіе слова *богатуръ*, или *багадуръ*, *батуръ*, *батырь*, и считаютъ его Тюркскимъ или Монгольскимъ. Но корень всѣхъ этихъ словъ заключается въ Санскритскомъ словѣ *bhaga* счастіе, сила, удача (portio, bona fortuna), откуда bhadra, bhagadhara, счастливый, обладающій счастіемъ. Смотр. объясненіе этого слова въ книгѣ О. Миллера: Богатырство Кіевское стр. XXIII—XXV.

стѣ съ слѣдами самаго отдаленнаго миѳическаго періода, мы находимъ въ былинахъ и черты позднѣйшихъ историческихъ временъ. На князѣ Владимірѣ есть черты и Краснаго-Солнышка—Дажь-бога и русскаго князя удѣльнаго періода; на Вольгѣ Святославичѣ — черты чародѣя, волшебника-оборотника, и историческаго князя Олега Вѣщаго и князя оборотника Всеслава Полоцкаго; на Ильѣ Муромцѣ черты бога-громовника Перуна и земскаго богатыря крестьянина и стараго казака Украинскаго и проч. Переходя отъ одной эпохи къ другой, былины захватывали на пути своемъ черты разныхъ эпохъ; передаваемыя отъ одного поколѣнія другому, въ устномъ преданіи народа, не знакомаго ни съ исторіей, ни съ географіей, онѣ приняли въ себя множество анахронизмовъ, противорѣчій исторіи и географіи. Богатыри временъ князя Владиміра сражаются съ татарами; князь Олегъ воюетъ противъ Турецъ-Салтана (турецкаго султана). Въ былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ упоминается Литва; въ былинѣ объ Идолищѣ поганомъ—никогда не существовавшій греческій царь, Константинъ Боголюбовичъ; между татарскими ханами называются Калинъ Калиновичъ, Бутеянъ Бутеяновичъ. Упоминаются неизвѣстныя ни въ какой географіи: Сафатъ-рѣка, рѣка Смородина, гора Сорочинская, городъ Кидишъ и проч. Но, не смотря на указанныя наслоенія отъ стараго и позднѣйшаго времени, на множество анахронизмовъ, въ былинахъ мы находимъ много *были* если не въ историческомъ, то *въ бытовымъ* смыслѣ. Пріурочиваемыя къ разнымъ мѣстностямъ, лицамъ и событіямъ, онѣ выражаютъ характеръ народной жизни въ извѣстныя эпохи и черты народныхъ нравовъ и понятій, народнаго быта и вкуса.

Дѣятельность всѣхъ богатырей въ былинахъ относится къ эпохѣ князя Владиміра, но при этомъ изображаются въ нихъ и такіе богатыри, которые не принадлежатъ собственно ни къ какой исторической эпохѣ, которые обрисовываются чертами, свойственными еще миѳическому періоду народной жизни. Этихъ богатырей по отношенію къ богатырямъ эпохи Владиміра, называютъ *старшими богатырями.* Такимъ образомъ, въ былинахъ изображаются два разряда богатырей: *старшіе и младшіе.*

1) **Былины о богатыряхъ старшихъ.** Къ старшимъ богатырямъ, изображаемымъ въ былинахъ, относятся: *Святогоръ, Микула Селяниновичъ, Вольга Святославичъ или Волхъ Всеславьевичъ, Сухманъ Одихмантьевичъ, Донъ Ивановичъ и Дунай Ивановичъ.* Хотя, подобно другимъ младшимъ богатырямъ, они дѣйствуютъ вмѣстѣ съ ними въ эпоху Владиміра, но въ то же время они представляются съ такими свойствами, которыя могутъ характеризовать скорѣе стихійныя силы природы, чѣмъ силы и свойства человѣческія. Древніе греки, желая представить борьбу стихій и

силъ природы, создали титановъ, существа съ страшными, непомѣрными силами; титаническія же свойства, стихійныя качества выражаются и въ нѣкоторыхъ старшихъ богатыряхъ нашего эпоса. На нихъ отпечатлѣлись слѣды глубокой старины, той эпохи народной жизни, когда народъ только начинаетъ слагаться и переходить отъ кочеваго быта къ осѣдлому, земледѣльческому и государственному.

Святогоръ. Въ лицѣ Святогора изображается богатырь съ такою непомѣрною силой, что его едва земля можетъ носить на себѣ. Онъ напоминаетъ собою знаменитаго богатыря персидскаго эпоса, Рустема, который былъ такъ силенъ и тяжелъ, что не могъ ходить по землѣ, какъ ступитъ, такъ и начнетъ проваливаться. Не въ состояніи будучи совладѣть съ такою страшною силой, онъ долженъ былъ передать часть ея на сохраненіе горному духу. Съ такою же силою представляется и Святогоръ. „Снарядился Святогоръ, говоритъ былина, во чисто поле гуляти.

Засѣдлаетъ своего добра коня
И ѣдетъ по чисту полю,
Не съ кѣмъ Святогору силой помѣряться.
А сила-то по жилочкамъ
Такъ живчикомъ и переливается.
Грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени.
Вотъ и говоритъ Святогоръ:
«Какъ бы я тяги нашелъ
Такъ я бы всю землю поднялъ!»
Наѣзжаетъ Святогоръ въ степи
На маленькую сумочку переметную:
Беретъ погонялочку, пощупаетъ сумочку,—она не скрянется;
Двинетъ перстомъ ее,—не сворохнется,
Хватитъ съ коня рукою,—не подымется;
«Много годовъ я по свѣту ѣзживалъ,
А эдакова чуда не наѣзживалъ,
Такова дива не видывалъ:
Маленькая сумочка переметная
Не скрянется, не сворохнется, не подымется!»
Слѣзаетъ Святогоръ съ добра коня,
Ухватилъ онъ сумочку обѣма рукама,
Поднялъ сумочку повыше колѣнъ:
И по колѣна Святогоръ въ землю угрязъ,
А по бѣлу лицу не слезы, а кровь течетъ.
Гдѣ Святогоръ угрязъ, тутъ и встать не могъ,
Тутъ ему было и конченіе» (1).

---

(1) Пѣсни Рыбн., ч. I. стр. 32—33. У Гильфердинга № 270.

Въ другой былинѣ о смерти Святогора разсказывается иначе. Ѣхалъ однажды Святогоръ по чистому полю съ Ильей Муромцемъ, и встрѣтили они великой гробъ, на которомъ была подпись подписана: *кому суждено въ гробу лежать, тотъ въ него и ляжетъ.* Легъ сначала Илья, гробъ не по немъ; легъ Святогоръ, гробъ какъ нарочно для него сдѣланъ. Святогоръ началъ просить Илью закрыть гробъ крышкой, но Илья отказался; тогда Святогоръ самъ закрылъ себя; но закрывши, онъ не могъ уже поднять крышки. Онъ просилъ Илью ударить по крышкѣ мечомъ; Илья ударилъ поперекъ крышки, на ней выросла полоса желѣзная; ударилъ вдоль—выросла другая полоса. Тогда понялъ Святогоръ, что для него пришло время умереть. Онъ попросилъ Илью наклониться ко гробу и передалъ ему часть своей богатырской силы, а самъ задохнулся (1). Черты въ которыхъ изображается Святогоръ, вѣроятно, сняты съ какого нибудь миѳическаго великана горъ, представителя горныхъ силъ. „Уже самое имя его, говоритъ Буслаевъ, указываетъ на связь его съ горою“ (2). „Въ одномъ сказаніи объ Ильѣ Муромцѣ дѣйствительно, говорится о такомъ великанѣ, котораго земля не могла держать на себѣ и который во всемъ мірѣ нашелъ только одну гору, могущую выдержать его силу и тяжесть. Илья Муромецъ захотѣлъ съ нимъ помѣряться силою и пошелъ искать его. Приходитъ къ горѣ, а на ней лежитъ громадный богатырь, *самъ какъ гора.* Илья наноситъ ему ударъ. „Никакъ зацѣпился я за сучекъ“, говоритъ богатырь. Илья, напрягши всю силу, повторяетъ ударъ. „Вѣрно я за камешекъ задѣлъ“, говоритъ богатырь. Оборотясь, онъ увидѣлъ Илью Муромца и сказалъ ему: а! это ты, Илья Муромецъ! ты силенъ между людьми, и будь между ними силенъ, а со мною нечего тебѣ мѣрять силы. Видишь, какой я уродъ: меня и земля не держитъ. Нашелъ себѣ гору и лежу на ней“ (3).

---

(1) У Рыбн., стр. 40—42. У Гильф. №№ 1 и 273.

(2) На происхожденіе *отъ горъ* также указываютъ, по мнѣнію Буслаева, и названія изображаемыхъ въ былинахъ чудовищнаго *Змѣя Горынича или Горынчища* и исполинской чародѣйки—*Бабы Горынянки.* Русск. богат. эпосъ. Русск. Вѣстн. 1862 г. № 3. стр. 45—47. Другіе (Аѳанасьевъ и Миллеръ) подъ горою при этомъ разумѣютъ не обыкновенную гору, а гору въ облакахъ, облачную—*гору-тучу.* Поэтому Святогора считаютъ олицетвореніемъ *горы-тучи*, а Змѣя Горынича олицетвореніемъ *молніи*, живущей *въ горѣ-тучѣ.* Аѳанасьева: Поэтич. воззр. т. I. стр. 583—584; Миллера: Богат. Кіевск. стр. 185.

(3) Приложенія къ 1-му выпуску Пѣсенъ, собранныхъ Кирѣевскимъ стр. XXX—XXXI. «Въ Германскомъ эпосѣ, говоритъ г. Миллеръ, этому похожденію Ильи Муромца эпически соотвѣствуетъ похожденіе Тора съ великаномъ Скримиромъ.

Микула Селяниновичъ. Разъѣзжая путемъ-дорогою, говоритъ одно сказаніе, Святогоръ увидѣлъ однажды прохожаго и припустилъ своего добраго коня, чтобы догнать его, но никакъ не могъ догнать его. „Поѣдетъ во всю рысь, прохожій идетъ впереди; ступью поѣдетъ, прохожій идетъ впереди". Святогоръ сталъ просить его остановиться; тотъ остановился, снялъ съ плечь сумочку и положилъ ее на сыру землю. „Что у тебя въ сумочкѣ", спросилъ Святогоръ.—„А вотъ подыми съ земли, такъ увидишь", сказалъ прохожій. Святогоръ слѣзъ съ коня и сталъ поднимать сумочку обѣими руками, но не могъ и пошевелить ее, а только самъ по колѣни въ землю угрязъ. „Что у тебя въ сумочкѣ", спрашиваетъ онъ богатыря?—„Въ сумочкѣ у меня *тяга земная*", отвѣчалъ тотъ.—„Да ктожъ ты есть, и какъ тебя именемъ зовутъ, величаютъ какъ *по изотчины* (по отечеству)?—*Я есть Микулушка Селяниновичъ*" (¹). А кто такой Микулушка Селяниновичъ, это изображается въ былинѣ *о Вольгѣ Святославичѣ*. Собирая дань съ разныхъ городовъ, съ своею храброю дружиною, Вольга заслышалъ въ полѣ *ратая*: „оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ, сошка у ратая поскрипываетъ, омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ". Вольга поѣхалъ на его голосъ, но только на третій день могъ доѣхать до него и увидѣлъ:

«Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Съ края въ край борозды пометываетъ;
Въ край онъ уѣдетъ, другаго не видать;
Каменья, коренья вывертываетъ,
А великія-то всѣ каменья въ борозду валитъ:
Кобылка у ратая соловая,
Сошка у ратая кленовая,
Гужики у ратая шелковые.
Говорилъ Вольга таковы слова:
«Божья ти помочь, оратаюшко,
Орать, да пахать, да крестьянствовати» ...
Говорилъ оратай таковы слова:
Подитко, Вольга Святославговичъ,
Со всею со дружинушкой хороброю,
Мнѣ-ка надобна помочь крестьянствовати!»

Поздоровавшись съ ратаемъ, Вольга сталъ звать его съ собою ѣхать въ товарищахъ. Ратай тотчасъ же согласился на это, выпрягъ свою кобылку, и они поѣхали. Но ратай забылъ спрятать свою соху „бросить за ракитовъ кустъ". Вольга хочетъ услужить ему и посылаетъ изъ своей дружины сначала пять, а потомъ де-

(¹) Пѣсни Рыбн. ч. I, стр. 39.

сять могучихъ молодцевъ, чтобы они спрятали соху. Но не только эти пять и десять могучихъ молодцевъ, но и вся храбрая дружина Вольги не могла даже выдернуть соху изъ земли.

Они сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки съ земельки повыдернути,
Изъ омѣшниковъ земельки повытряхнути,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.

Тогда ратай самъ подъѣхалъ къ ней и, выдернувъ ее одной рукой, бросилъ за ракитовъ кустъ. Когда они потомъ поѣхали, Вольга никакъ не могъ поспѣть за ратаемъ: „у ратая кобылка рысью идетъ, а Вольгинъ конь поскакиваетъ; у ратая кобылка грудью пошла, а Вольгинъ конь оставается“, такъ что Вольга остался далеко позади и началъ махать своимъ колпакомъ, прося его остановиться. Наконецъ Вольга спрашиваетъ его, кто онъ такой:

Ай же ты, ратаю-ратаюшко!
Какъ-то тебя именемъ зовутъ,
Какъ звеличаютъ по отечеству?
Говорилъ оратай таковы слова:
Ай же Вольга Святославговичъ!
А я ржи напашу, да во скирды сложу,
Во скирды складу, домой выволочу,
Домой выволочу, да дома вымолочу,
Драни надеру, да пива наварю,
Пива наварю, да мужичковъ напою,
Станутъ мужички меня покликивати:
«Молодой Микулушка Селяниновичъ!» (¹).

Миѳическія преданія о началѣ земледѣлія, о золотомъ небесномъ плугѣ, огненной или жгучей боронѣ, спускающейся съ неба, о чудесныхъ пахаряхъ встрѣчаются у разныхъ народовъ и принадлежатъ, вѣроятно, къ древнимъ арійскимъ преданіямъ; изъ такихъ же преданій возникла и былина о Микулѣ Селяниновичѣ. Въ лицѣ Микулы Селяниновича представляется образъ могучаго богатыря крестьянина-пахаря, соотвѣтствующаго Чешскому пахарю Премыслу. Страшная его сила, сопоставленіе съ Святогоромъ и другія необыкновенныя черты, въ которыхъ онъ изображается, показываютъ, что типъ его, какъ типъ Святогора, сложился подъ вліяніемъ образа какого нибудь титаническаго существа, бывшаго, вѣроятно, олицетвореніемъ земли или

(¹) Пѣсни Рыбн. ч. I, стр. 17—22. У Гильфердинга №№ 32 156.

бога покровителя земледѣлія. На это можетъ указывать особенно *сумочка съ тягой земли*, съ которой изображается Микула и которая, очевидно, есть не что иное, какъ образъ земли. Но самъ онъ уже представляетъ не землю, какъ стихію, а идею осѣдлой земледѣльческой жизни, въ которой онъ и поставляетъ свою силу и значеніе: „а я ржи напашу, и во скирды сложу, говоритъ онъ,..... станутъ мужички меня покликивати: молодой Микулушка Селяниновичъ!“ Фантазія народа изобразила этого своего представителя въ величавомъ образѣ и неизмѣримо возвысила его по силѣ предъ княземъ Вольгою Святославичемъ, со всею его *дружиною хороброю*.

Вольга Святославичъ (Волхъ Всеславьевичъ). Въ былинѣ о *Вольгѣ Святославичѣ* изображается типъ богатыря князя-дружинника. Нѣтъ сомнѣнія, что образцемъ для него послужилъ народу историческій князь Олегъ-вѣщій. Изъ лѣтописи мы знаемъ, что онъ сильно поражалъ народъ своею мудростію. Это же качество—мудрость, или лучше сказать, хитрость составляетъ основную черту и въ характерѣ Вольги Святославича. Но въ то же время нельзя не видѣть на немъ и слѣдовъ миѳическихъ. Появленіе его на землѣ, какъ существа необыкновеннаго, сопровождалось потрясеніемъ земли:

«Мать сыра земля сколыбалася
И звѣри въ лѣсахъ разбѣжалися,
И птицы по подоблачью разлеталися,
И рыбы по синю морю разметалися».

Дѣйствительно, самое рожденіе Вольги было не обыкновенное; Вольга (по другой былинѣ Волхъ Всеславьевичъ) родился отъ змѣя, отъ котораго народная фантазія обыкновенно производитъ вѣдовсто, колдоство, оборотничество: происшедши отъ такого существа, Вольга самъ становится вѣдуномъ и оборотнемъ. Его хитрость-мудрость, по словамъ былины, состояла въ способности превращаться въ разные виды, которой онъ учился съ малыхъ лѣтъ:

«Сталъ Вольга растѣть-матерѣть;
Похотѣлося Вольгѣ много мудрости:
Щукой-рыбою ходить ему въ глубокихъ моряхъ
Птицей-соколомъ летать подъ оболока.
Сѣрымъ волкомъ рыскать во чистыхъ поляхъ».

Выросши, Вольга началъ набирать себѣ дружину и набралъ тридцать молодцовъ безъ единаго, самъ сталъ тридцатымъ. Съ этою дружиною онъ ѣздитъ на охоту и собираетъ дань съ трехъ

городовъ, которые пожаловалъ ему его дядюшка, стольно-кіевскій Владиміръ князь. Успѣха въ своихъ дѣлахъ Вольга достигаетъ не силою своей храброй дружины, а своею собственною хитростію или способностію превращаться въ разные виды. Вольга приказываетъ своей храброй дружинѣ „становить веревочки шелковыя по темну лѣсу, по сырой землѣ, и ловитъ куницъ и лисицъ.... по три дня и по три ночи. Дружина поставила веревочки шелковыя, но не могла добыть ни одного звѣрка. Вольга самъ обернулся *лёвымъ* (львомъ) *звѣремъ*, поскочилъ по темному лѣсу, заворачивалъ куницъ, лисицъ и дикихъ звѣрей. Въ другой разъ Вольга велѣлъ дружинѣ становить силышки на темный лѣсъ и ловить гусей, лебедей, ясныхъ соколей, по три дня и по три ночи. Дружина поставила силышки на темный лѣсъ, но не могла добыть ни одной птички. Вольга повернулся *Науй-птицей* (страусомъ) и нагналъ гусей, лебедей и другихъ птицъ. Наконецъ онъ приказываетъ дружинѣ выѣзжать на сине море и ловить рыбу семжинку и бѣлужинку, щученьку и плотиченьку и дорогую рыбку осетринку. Дружина строила судёнышко дубовое, вязала путевья шелковыя, выѣзжала на сине море и ловила по три дня и по три ночи, но не могла добыть ни одной рыбки. Вольга самъ повернулся рыбой щучиной, побѣжалъ по синю морю, заворачивалъ рыбу семжинку и бѣлужинку, щученьку и плотиченьку и дорогую рыбу осетринку“. Названіе *вѣщаго* князь Олегъ получилъ за походъ на Византію, изъ котораго онъ возвратился съ богатою добычею. Былина изображаетъ его въ такомъ видѣ:

«Повернулся Вольга сударь Буслаевичъ
Малою птицей пташицей,
Полетѣлъ онъ по подоблачью.
И скоро будетъ во Турецъ-землѣ,
Будетъ у царя турецкаго,
Противъ самыхъ окошечекъ,
И слушаетъ онъ рѣчи тайныя—
Говоритъ царь со царицею:
. . . . . .
А я думаю скоро ѣхать на святую Русь,
Возьму я девять городовъ
И подарю своихъ девять сыновей,
Привезу себѣ шубоньку дорогую».

Услышавъ, что Турецъ-султанъ собирается на святую Русь, Вольга тотчасъ повернулся малымъ горностаюшкомъ, проникъ въ ружейную горницу царя, и здѣсь, обернувшись добрымъ молодцомъ, испортилъ все оружіе: переломалъ тугіе луки, каленыя

стрѣлы, испортилъ замки у ружьевъ, залилъ весь порохъ въ боченкахъ; потомъ повернувшись сѣрымъ волкомъ, онъ отправился въ царскую конюшню и передушилъ тамъ всѣхъ коней. Устроивъ все это, Вольга вернулся домой, взялъ свою храбрую дружину и пошелъ съ нею на Турецъ-землю, и они силу турецкую въ полонъ взяли! Былина оканчивается разсказомъ о раздѣлѣ добычи, пріобрѣтенной во время набѣга:

«Что было надѣлу дорого
И что было надѣлу дешево?
Вострыя сабли по пяти рублей,
А оружіе булатное по шести рублей,
А добрые кони по семи рублей;
А только надѣлу было дешево—женскій полъ;
Старушечки были по полушечкѣ,
А молодушечки по двѣ полушечки,
А красныя дѣвушки по денежкѣ» (1).

Незнакомый ни съ силами природы, ни съ силами своего духа, народъ, въ первобытную эпоху, во всякомъ дѣйствіи человѣческомъ, которое только что выходитъ изъ ряда повседневныхъ явленій жизни, обыкновенно видитъ помощь или вліяніе какой нибудь особенной высшей силы; дѣйствіемъ высшей волшебной силы представился ему и счастливый набѣгъ Олега на Византію, и самъ Олегъ получилъ въ народной фантазіи образъ не просто хитраго или мудраго князя, но хитраго волшебника—оборотня. Впрочемъ, волшебный характеръ могъ перейти на Вольгу Святославича и отъ другого извѣстнаго князя-оборотника, Всеслава Полоцкаго. О Всеславѣ Полоцкомъ въ лѣтописи сказано, что его мать родила отъ волхованія, а въ Словѣ о полку Игоревѣ онъ изображается волшебникомъ-оборотнемъ, который днемъ людей судилъ, а въ ночь волкомъ рыскалъ. На это родство Вольги съ княземъ Всеславомъ можетъ указывать и то, что онъ въ нѣкоторыхъ былинахъ называется *Волхомъ Всеславьевичемъ*.

Эти три богатыря, указывая своими сверхъ—естественными свойствами на древнѣйшую миѳическую эпоху, въ то же время представляютъ собою разныя ступени въ развитіи народной русской жизни: Святогоръ, разъѣзжающій по чистому полю, богатырь стихійный и принадлежитъ еще кочевой жизни; онъ *упрязъ* въ землю, когда эта жизнь для народа кончилась и смѣнилась бытомъ осѣдлымъ и земледѣльческимъ; представителемъ первыхъ

(1) Рыбн. ч. I. стр. 1—6. У Гильфердинга №№ 13 и 94.

временъ осѣдлаго быта и перехода отъ стихійной силы въ богатыряхъ къ силѣ нравственной служитъ Микула Селяниновичъ; у него есть сумочка переметная, принадлежность кочевой жизни, но онъ уже называетъ себя *Селяниновичемъ*, жителемъ сельскимъ; онъ занимается хлѣбопашествомъ и въ этомъ занятіи полагаетъ свою огромную силу и значеніе; Вольга Святославичъ представляетъ новое начало въ русской жизни, начало княжеской дружины и княжеской власти. Основное качество въ первыхъ богатыряхъ—страшная физическая сила, отличительное свойство послѣдняго—мудрость-хитрость ([1]).

Къ богатырямъ, указывающимъ на старую доисторическую эпоху, могутъ быть отнесены еще Сухманъ Одихмантьевичъ, Донъ Ивановичъ, Дунай Ивановичъ и Нѣпра Королевична.

По былинамъ объ этихъ богатыряхъ рѣка Дунай произошла отъ богатыря Дуная, а рѣки Днѣпръ и Донъ—отъ богатыря Дона и супруги его, Нѣпры Королевичны. Эти былины указываютъ на то старое доисторическое время, когда предки наши Славяне, ведя кочевую жизнь, разселялись по рѣкамъ, которыя были для нихъ и путями переселенія и сообщенія и главными мѣстами, гдѣ они основывали свои становища, когда, въ силу этого значенія рѣкъ, они питали къ нимъ религіозное почтеніе, какъ къ мѣстамъ самымъ благодѣтельнымъ и священнымъ. „По многихъ временѣхъ, говоритъ Несторъ, славяне сѣли *по Дунаю*, гдѣ нынѣ земля угорская и болгарская. Отъ тѣхъ славянъ разошлись другіе по землѣ и прозвались своими именами, смотря по тому, *гдѣ кто сѣлъ, на которомъ мѣстѣ*“ ([2]). Поэтому, конечно, Дунай, какъ мѣсто первоначальнаго поселенія славянъ,—нашихъ предковъ, и до сихъ поръ воспѣвается въ нашихъ хороводныхъ пѣсняхъ: *Дунай ли мой Дунай, сынъ Ивановичъ Дунай*“. При указанномъ значеніи рѣкъ для предковъ, совершенно понятнымъ становится олицетвореніе Дуная, Дона и Днѣпра въ видѣ славныхъ богатырей ([3]).

([1]) См. Пѣсни Рыбникова ч. I. Замѣтка П. Безсонова стр. IX—XXIII

([2]) Лѣт. т. I стр. 3.

([3]) «Названія *Донъ* и *Дунай*, говоритъ г. Буслаевъ, древнѣйшаго индоевропейскаго происхожденія, имѣютъ себѣ родственныя формы въ санскритѣ, въ смыслѣ воды, или рѣки вообще... отъ индо-европейскаго имени рѣки вообще—*дуни* произошли *дун* и *дон*, которыя на Кавказѣ у Осетинцевъ, еще до сихъ поръ означаютъ рѣку или воду вообще... У славянъ *Донъ* получилъ смыслъ собственнаго имени, а форма *дун*, съ окончаніемъ *авъ*, именно *Дунавъ*, а потомъ *Дунай*, имѣетъ значеніе не собственное извѣстной рѣки, а нарицательное, рѣки вообще, какъ напр. поется въ одной польской пѣснѣ: *«за рѣками за Дунаями»*. Русск. Богат. эпосъ. Русск. Вѣстн. 1862. № 3, стр. 32—33.

2) **Былины о богатыряхъ младшихъ.** Къ младшимъ богатырямъ принадлежатъ: *Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ, Соловей Будиміровичъ, Дюкъ Степановичъ, Чурила Пленковичъ, Гришка боярскій сынъ, Иванъ Гостиной сынъ, Васька Долгополый* и другіе. Младшими они называются по отношенію къ старшимъ богатырямъ. Кромѣ Ильи Муромца, стоящаго на переходѣ отъ старшихъ богатырей къ младшимъ, всѣ они въ былинахъ изображаются людьми *молодыми*; *молодецъ добрый молодецъ*—постоянные и обыкновенные эпитеты, которые къ нимъ прилагаются. И вообще они представляютъ уже не доисторическую старину, а позднѣйшую историческую, сравнительно *молодую* эпоху князя Владиміра. Эпоха Владиміра—самая ранняя историческая эпоха, какую помнятъ былины; Кіевъ въ эту эпоху является средоточіемъ всѣхъ русскихъ областей, а самъ Владиміръ центромъ, вокругъ котораго собираются всѣ русскіе богатыри. Въ лѣтописяхъ же богатыри упоминаются отъ конца XI в. и до начала XIII в. Въ Новгородской лѣтописи подъ 1046 г. упоминается о Садкѣ богатомъ гостѣ; Илья Муромецъ, какъ лице историческое, жилъ къ концѣ XII в. ([1]); между богатырями XII и XIII в. упоминается Мстиславъ Мстиславичъ Удалой, Александръ Поповичъ со слугою Торопомъ, Добрыня Рязаничъ, Золотой Поясъ; наконецъ въ 1224 г. въ первой битвѣ Русскихъ съ Татарами на рѣкѣ Калкѣ было убито 70 богатырей. Въ былинахъ богатыри являются представителями не только разныхъ областныхъ городовъ, но и разныхъ сословій народа: Добрыня Никитичъ—изъ Рязани—представитель княжескаго рода; Алеша Поповичъ—изъ Ростова—изъ духовнаго сословія; Гришка боярскій сынъ—представитель бояръ; Иванъ Гостиной сынъ—представитель купечества; Илья Муромецъ—изъ Мурома—крестьянскій сынъ—представитель крестьянства; Васька Долгополый—вѣроятно дьякъ-грамотѣй. Само собою разумѣется, что областное значеніе богатырей гораздо древнѣе сословнаго, которое они могли получить уже во времена позднѣйшія, когда рѣзко раздѣлились и самыя сословія. Надобно помнить, что былины, переходя отъ одной эпохи къ другой, получали разныя добавленія и дошли до насъ съ отпечаткомъ разныхъ эпохъ.

Лѣтопись, разсказывая о Владимірѣ, весьма пространно говоритъ о пирахъ, которые онъ любилъ устраивать для народа. Подобно лѣтописи, и былины постоянно воспѣваютъ пиры Владиміра; многія изъ нихъ и начинаются разсказами о томъ, какъ

([1]) Смотр. Опис. Кіевопеч. Лавры стр. 87, Мощи Ильи Муромца почиваютъ въ Кіевѣ, въ пещерѣ преп. Антонія; память его празднуется 19 декабря.

Во стольномъ городѣ, во Кіевѣ.
У ласкова князя, у Владиміра
Было пированье почестенъ пиръ
На многихъ князей, на бояръ,
На могучихъ на богатырей.

Пиры Владиміра, вѣроятно, производили такое глубокое впечатлѣніе на народъ, что заслонили собою въ его памяти всѣ его дѣйствія. Былины не помнятъ ни обращенія его въ христіанство и крещенія имъ русской земли, ни другихъ его подвиговъ, а прославляютъ только его радушіе и гостепріимство, называютъ его *ласковымъ княземъ*, *краснымъ солнышкомъ*. Часто онъ даже теряетъ въ нихъ образъ христіанскаго князя и является тѣмъ многоженцемъ, какимъ изображаетъ его лѣтопись до обращенія въ христіанство. Вся дѣятельность Владиміра, по былинамъ, состоитъ въ томъ, что онъ собираетъ вокругъ себя богатырей, пируетъ съ ними, женитъ ихъ и самъ женится, отправляетъ богатырей на разные подвиги, но самъ не совершаетъ никакихъ подвиговъ. Частныя, отличительныя черты князя Владиміра уничтожились въ общемъ типѣ князя древняго удѣльно-вѣчеваго періода. Такимъ общимъ типомъ, дѣйствительно, и представляется князь Владиміръ, изображаемый въ былинахъ.

Подвиги богатырей, изображаемыхъ въ былинахъ, состоятъ въ томъ, что они разъѣзжаютъ *по полямъ*, для охраненія ихъ отъ враговъ, и потому сами называются *полянщцами*, разчищаютъ и пролагаютъ пути и дороги прямоѣзжія, стоятъ *на розстаняхъ* (на распутіяхъ дорогъ) *и заставахъ* для ихъ защиты и сражаются съ врагами Россіи. Противниками богатырей являются въ былинахъ разныя чудовища: Змѣй Горыничъ, Тугаринъ Зміевичъ, богатырь Жидовинъ, Идолище поганое, Соловей-разбойникъ, Шаркъ великанъ, чудь бѣлоглазая, сорочина долгополая, черкесы пятигорскіе, калмыки съ татарами, чуваши и алюторы.—Подъ ними разумѣются, конечно, разные внутренніе и внѣшніе враги древней Руси. Внутренними врагами были: язычество, враждовавшее съ христіанствомъ, и разбойническія шайки, которыя при слабости государственнаго устройства, такъ усиливались, что противъ нихъ нужно было высылать цѣлыя войска; а внѣшними—дикіе народы: печенѣги, половцы и хозары. Но главною враждебною силою Россіи представляется въ былинахъ сила татарская. Смѣшеніе эпохи Владиміра съ эпохой татарской составляетъ такой грубый анахронизмъ, что онъ объясняется только страшными бѣдствіями, которыя испыталъ народъ во время монгольскаго ига. Татарскіе погромы превосходили всѣ прежнія опустошенія земли и производили такое потрясающее дѣйствіе, что изгладили изъ памяти народа прежнихъ его враговъ или слили ихъ съ образомъ

татаръ, такъ что татарская сила сдѣлалась для народа символомъ вообще всякой враждебной, непріятельской силы.

Илья Муромецъ. Главнымъ богатыремъ эпохи Владиміра является Илья Муромецъ, который занимаетъ среднее переходное мѣсто между старшими и младшими богатырями. На немъ, какъ и на старшихъ богатыряхъ, мы видимъ также миѳическія черты перешедшія на него отъ какого нибудь миѳическаго божества и можетъ быть отъ Перуна. Такъ какъ Илью пророка народная фантазія соединила съ Перуномъ, то весьма естественно было и на Илью Муромца, носившаго имя Ильи пророка, перенести черты Перуна, бога-громовника. По народнымъ преданіямъ, онъ былъ сынъ крестьянина Ивана Тимоѳеева, изъ села Карачарова, въ муромской области. Сидѣлъ онъ сиднемъ тридцать лѣтъ, не владѣлъ ни руками, ни ногами. Происхожденіе въ немъ богатырской силы былины объясняютъ различно. По однѣмъ былинамъ ([1]), Илья получилъ свою силу *отъ каликъ перехожихъ*. Пришли однажды калики (по другому варіанту, нищая братія, или самъ Христосъ съ двумя апостолами) и просятъ его принести имъ напиться. Илья всталъ въ первый разъ и принесъ имъ чашу въ полтора ведра. „Выпей самъ“, говорятъ ему калики; онъ выпилъ. При этомъ одна былина замѣчаетъ:

«Какъ выпилъ-то чару питьица медвянаго,
Богатырско его сердце разгорѣлося,
Его бѣлое тѣло распотѣлося».

Калики спросили: „Много ли Илья чуешь въ себѣ силушки?“ Илья отвѣчаетъ:

«Отъ земли столбъ былъ бы до небушки,
Къ столбу было бы золото кольцо,
За кольцо бы взялъ, Святорусску (т. е. землю) поворотилъ».

Калики увидѣли, что много дано силы Ильѣ, что земля не снесетъ такой силы. Они еще велѣли Ильѣ принести питья и еще напоили его и потомъ спросили: „много ли, Илья, чуешь въ себѣ силушки?“ Онъ отвѣчалъ: во мнѣ силушки половинушка (противъ прежняго). Калики попросили Илью „проводить ихъ во чисто поле, къ высоку бугру“.

«На бугрѣ Илья отдохнуть прилегъ.
Богатырскій сонъ на двѣнадцать дёнъ».

([1]) Рыбн. ч. 1. стр. 33—35. Кирѣев. Вып. I, стр. 1—3.

По другому варіанту ([1]), калики, прощаясь съ Ильей, прибавили:

«Будешь ты, Илья, великій богатырь.
И сметрть тебѣ на бою не написана:
Бейся-ратися со всякимъ богатыремъ
И со всею поленицею удалою,
А только не выходи драться
Съ Святогоромъ богатыремъ:
Его и земля на себѣ черезъ силу носитъ;
Не моги драться съ Самсономъ богатыремъ:
У него на головѣ семь власовъ ангельскихъ;
Не бейся съ родомъ Микуловымъ:
Его любитъ матушка сыра-земля;
Не ходи еще на Вольгу Сеславича (Святославича):
Онъ не силою возьметъ,
Такъ хитростію-мудростію».

По другой былинѣ, Илья Муромецъ получилъ свою богатырскую силу отъ Святогора. Святогоръ выучилъ Илью всѣмъ похваткамъ и поѣздкамъ богатырскимъ, и, умирая въ гробу, который они встрѣтили на полѣ, передалъ ему часть своей богатырской силы сквозь щелочку гроба. Святогоръ велѣлъ Ильѣ наклониться ко гробу, и когда тотъ наклонился, онъ дохнулъ на него изъ маленькой щелочки своимъ богатырскимъ духомъ. Илья почуялъ, что въ немъ силы прибыло втрое противъ прежняго. „Задыхаюсь я, меньшой братецъ, сказалъ Святогоръ. Наклонись къ щелочкѣ: я дохну еще на тебя, и передамъ тебѣ всю великую силу“. „Будетъ съ меня силы, большой братецъ, сказалъ Илья; не то земля на себѣ носить не станетъ“. Промолвился тутъ Святогоръ: „хорошо ты сдѣлалъ, меньшой братъ, что не послушалъ моего послѣдняго наказа; я дохнулъ бы на тебя мертвымъ духомъ, и ты бы легъ мертвъ подлѣ меня“ ([2]).

([1]) Рыбн. ч. I. стр. 34—35.

([2]) Рыбн. ч. I. стр. 42. По былинамъ, записаннымъ Гильфердингомъ, передача силы Ильѣ Святогоромъ происходитъ иначе. Свитогоръ заставилъ Илью два раза лизнуть, по одной былинѣ—поту, а по другой—пѣны, которые выходили изъ Святогора въ то время, когда онъ умиралъ. (Онежскія былины.... № 265). Кромѣ того, въ народѣ сохранилось сказаніе еще о другомъ богатырѣ, который изображается предшественникомъ Ильи Муромца и указываетъ на богатырей прежней эпохи. Вотъ это сказаніе: Илья Муромецъ, прежде своей поѣздки въ Кіевъ, идетъ на поклонъ къ сосѣднему богатырю, къ слѣпому *Старчищу-многольтищу Билогремлищу*, который въ свое время носилъ на головѣ, вмѣсто шишака, колоколъ въ 300 пудовъ, а на плечѣ палицу и того тяжелѣй.

Этими сказаніями опредѣляется отношеніе Ильи Муромца къ богатырямъ старшимъ. Онъ ихъ непосредственный преемникъ; онъ отъ нихъ получилъ даже свою силу; но онъ совсѣмъ не такой великанъ, какъ они; калики не совѣтуютъ ему биться съ ними; ему дано столько силы, чтобы земля могла носить его на себѣ, чтобы ему можно было жить между людьми.

Имя Ильи Муромца, какъ главнаго и любимаго богатыря, встрѣчается почти въ каждой былинѣ; онъ принимаетъ участіе въ разныхъ подвигахъ, совершаемыхъ богатырями; но главнымъ образомъ въ былинахъ изображаются три подвига Ильи Муромца: плѣнъ Соловья-разбойника, который засѣлъ на дорогѣ къ Кіеву, уничтоженіе Идолища поганаго и побѣда надъ исполиномъ Жидовиномъ.

Получивъ богатырскую силу, Илья Муромецъ выпросилъ благословеніе у своего родимаго батюшки съѣздить посмотрѣть земли святорусскія, и особенно въ Кіевъ Богу помолиться, князю Владиміру поклониться. Одна былина изображаетъ это въ такой картинѣ:

«Не сырой дубъ къ землѣ клонится,
Не бумажные листочки разстилаются:
Разстилается сынъ передъ батюшкомъ;
Онъ и проситъ себѣ благословеньица;
Охъ ты гой еси, родимый, милой батюшка!
Дай ты мнѣ свое благословеньицо,

И когда скликалъ свою дружину по темнымъ лѣсамъ, тогда булавой ударялъ въ колоколъ. Отецъ Муромца, остерегая сына, наказываетъ, чтобы онъ, при свиданіи съ слѣпымъ богатыремъ, не давалъ ему своей руки, а не то-де онъ сдѣлаетъ изъ нея бросовую рукавицу. Въ морозный день входитъ Муромецъ въ богатырскую хоромину, гдѣ сидѣлъ слѣпой Старище-Дивище. А Илюша предъ нимъ словно тросточка, а старикъ передъ Ильей какъ бы коренастый дубъ на густыхъ на вѣтвяхъ съ зимнимъ иніемъ. Послѣ обычныхъ: «здравствуй», «здорово!», старъ-богатырь проситъ у Ильи руку; ему хочется попытать, горяча ли кровь у Муромца. «Я-де знавалъ во очью твою родню почестную, а тебя, другъ, хоть только пощупаю». Илья отвѣчалъ, что его руки съ морозу захолодѣли, что ему надобно поразмяться; а между тѣмъ бросилъ свою мѣдную 25-пудовую палицу въ топящуюся печь, и накалилъ ее до бѣла, подалъ вмѣсто руки въ руки слѣпца. Старъ-богатырь жметъ палицу, только искры брызжутъ, да послѣ каждаго жома остаются глубокіе перехваты. «Ну, сказалъ богатырь,—горяча, Илюшка, твоя кровь, а всё супротивъ нашей не будетъ». Это сказаніе, напечатанное въ первый разъ Д. Н. Минаевымъ въ статьѣ: «Донстровская женщина въ новомъ историческомъ освѣщеніи» (Библ. для чтен. 1864 г. № 9), приведено Л. Н. Майковымъ въ его статьѣ по поводу былинъ Рыбникова въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1868 Май стр. 624, откуда и заимствовано нами.

Я поѣду въ славной стольной Кіевъ-градъ,
Помолиться чудотворцамъ Кіевскимъ,
Заложиться за князя Володиміра,
Послужить ему вѣрой-правдою,
Постоять за вѣру христіанскую.
Отвѣчаетъ старой крестьянинъ Иванъ Тимоѳеевичъ:
Я на добрыя дѣла тебѣ благословенье дамъ,
А на худыя дѣла благословенья нѣтъ:
Поѣдешь ты путемъ и дорогою,
Ни помысли зломъ на татарина,
Ни убей въ чистомъ полѣ христіанина» (1).

Отслуживъ, говоритъ другая былина, „у Миколы Заручевскаго обѣдню и поставивъ запрестольную свѣчу въ двадцать пять рублевъ“, и пообѣщавъ послѣ поставить еще свѣчу въ пятьдесятъ рублевъ, Илья Муромецъ отправился въ Кіевъ тою дорогой, на которой засѣлъ Соловей воръ-разбойникъ и по которой не ѣздилъ никто уже тридцать лѣтъ.

«У него конь бѣжитъ, какъ соколъ летитъ,
Рѣки и озера промежъ ногъ берстъ,
Хвостомъ поля устилаются,
Старшіе богатыри дивуются:
Нѣтъ (лучше) на поѣздку Илья Муромца,
У его поѣздка молодецкая,
Вся поступочка богатырская» (2).

На пути онъ освобождаетъ градъ-Черниговъ отъ несчетныхъ бусурманскихъ полчищъ (3); потомъ встрѣчается съ *станишниками* (разбойниками), вынимаетъ изъ налушна тугой лукъ, пускаетъ калену стрѣлу, но не въ самихъ станишниковъ, а по сыру дубу:

«Спѣла тетива у туга лука—
Станишники съ коней попадали;
Угодила стрѣла въ сыръ-кряковистый дубъ,
Изломало дубъ въ черенья ножевые».

Наконецъ онъ выѣхалъ на ту дорогу, которая *заложена* была Соловьемъ разбойникомъ.

---

(1) Сборн. Кирѣев. Вып. I. стр. 34.

(2) Тамъ же, стр. 77—78.

(3) Тамъ же, стр. 54—55. У Гильфердинга № 3,

«Сидитъ Соловей разбойникъ на семи дубахъ,
Захватываетъ злодѣй онъ на семи верстахъ.
Засвисталъ Соловей по соловьиному,
Забилъ въ долони по богатырскому,
Заревѣлъ вѣдь онъ по звѣриному
Зашипѣлъ по змѣиному» (¹).

Конь Ильи съ испугу упалъ на колѣни. Илья натянулъ свой тугой лукъ, выстрѣлилъ въ Соловья и попалъ ему въ правый глазъ и взялъ его въ плѣнъ. Проѣзжая далѣе, онъ встрѣтилъ городъ Кидишъ, который обложила кругомъ литва некрещеная; онъ перебилъ эту литву и отправился къ Кіеву. На заставѣ у Кіева сидѣло семь сыновей Соловья-разбойника; Соловей приказываетъ имъ немедленно отпирать погреба глубокіе и выносить Ильѣ злата и серебра и скатнаго жемчуга на выкупъ его изъ плѣна. Но Илья не зарится на подарки, отправляется съ Соловьемъ далѣе и доѣжаетъ до рѣки Дуная. На Дунаѣ перевощикомъ была дочь Соловья, Катюшенька. Отецъ не приказываетъ ей перевозить Илью, пока онъ не отпуститъ его. Тогда Илья слѣзъ съ своего коня:

«Онъ въ лѣву взялъ въ руку да шелковъ поводъ;
Правой рукой рветъ дубье съ кореньями;
Онъ мосты мостилъ крѣпко на крѣпко,
Крѣпко на крѣпко да дѣльно на дѣльно,
Онъ самъ перешелъ да и коня перевелъ».

Переѣхавъ черезъ рѣку, онъ стегнулъ два раза дочь Соловья своей шелковой плеткой и убилъ ее. Пріѣхавъ въ Кіѣвъ, онъ идетъ къ князю Владиміру во свѣтлыя свѣтлицы, во княженецкія горницы:

«Онъ и крестъ кладетъ да по писанному,
Онъ поклонъ ведетъ да по ученому,
Онъ и кланяется на всѣ на четыре стороны,
Еще князю-то да на особицу:
Еще здравствуй, князь славной Кіевской,
Славной Кіевской да Владимірской».

(³) Сбор. Рыбн. ч. I, стр. 47. Сборн. Кирѣев. Вып. I. стр. 78. Сбор. Гильфердинга №№ 56. 74.

Князь спрашиваетъ его, кто онъ такой, какихъ родовъ да какихъ городовъ? Въ отвѣтъ на это Илья расказываетъ, какъ онъ очистилъ дорогу къ Кіеву, заложенную Соловьемъ-разбойникомъ, и взялъ его въ плѣнъ. Владиміръ не повѣрилъ; „еще врешь ты, дѣтина сельщина, да полыгаешься, надо мной княземъ насмѣхаешься". Илья повелъ князя на дворъ, гдѣ онъ оставилъ Соловья привязаннымъ у лѣваго стремени своего коня, и приказалъ Соловью посвистать по соловьиному. „И засвисталъ Соловей по соловьиному, зашипѣлъ по змѣиному, заревѣлъ по звѣриному; темны лѣса къ землѣ приклонилися, потряслись всѣ палаты бѣлокаменны, полетѣло изъ дымолокъ кирпичье заморское; полетѣли изъ оконницъ стекла аглицкія". Князь такъ испугался, что началъ просить Илью унять Соловья; Илья унялъ его по своему: „схватилъ за черныя кудри и ударилъ о сыру землю". Этимъ обыкновенно и оканчивается въ былинахъ разсказъ объ уничтоженіи Соловья разбойника; только въ одной былинѣ встрѣчается еще слѣдующее прибавленіе. Когда Илья убилъ Соловья разбойника, князь позвалъ его во свою свѣтлицу, гдѣ въ это время пировали всѣ знаменитые богатыри. Илью посадили за столъ вмѣстѣ съ ними *по край стола и по край скамьи.* Онъ потребовалъ себѣ „чашу большую да обѣручную зелена вина да вполтара ведра", и выпивъ двѣ такихъ чаши, такъ охмелѣлъ, что поломалъ скамьи дубовыя и погнулъ сваи желѣзныя, которыя были устроены для богатырей. Когда же князь Владиміръ указалъ ему на это, то онъ такъ разсердился, что, отказавшись отъ угощенія и отъ предложенія Владиміра быть у него воеводой, перебилъ всѣхъ богатырей.

Въ Соловьѣ разбойникѣ, какъ самое имя его показываетъ, олицетворены разбойники, которые укрывались въ неразчищенныхъ лѣсахъ и ненаселенныхъ мѣстахъ и дѣлали ихъ непроходимыми: „дворъ Соловья на семи дубахъ, на семи верстахъ; въ глубокихъ погребахъ его множество награбленныхъ богатствъ— золота, серебра и скатнаго жемчуга; девять сыновей его живутъ на заставахъ, а дочери на перевозахъ". Но какъ типъ богатырей сложился подъ вліяніемъ миѳическихъ образовъ, такъ и враги, съ которыми они сражаются, имѣютъ черты чудовищныхъ существъ: Соловей разбойникъ, какъ чудовище, „шипитъ по змѣиному, зрявкаетъ по звѣриному".....

Поганое Идолище изображается въ былинахъ ([1]) чудовищемъ страшно прожорливымъ, которое за-разъ „по семи ведръ пива пьетъ, по семи пудъ хлѣба кушаетъ". Въ немъ, очевидно, народ-

---

([1]) Рыбн. ч. I. стр. 85—94. У Гильфердинга №№ 4. 178.

ная фантазія олицетворила язычество съ его идолами и жрецами, требовавшими отъ народа постоянныхъ и огромныхъ жертвъ.

«Пріѣзжалъ Идолище поганое въ стольно-Кіевъ градъ.
. . . . . .
Посылалъ посла ко князю Владиміру,
Чтобы князь Владиміръ стольно-Кіевскій
Ладилъ бы онъ ему поединщика,
Супротивъ его силушки супротивника».

Владиміръ испугался, но Илья Муромецъ сказалъ ему:

«Не кручинься, Владиміръ, не печалуйся:
На бою мнѣ-ка смерть не написана,
Пойду я въ раздольице чисто поле
И убью то я Идолища поганаго».
Обулъ Илья лапотки шелковые,
Подсумокъ одѣлъ онъ черна бархата,
На головушку надѣлъ шляпу земли греческой,
И пошелъ ко Идолищу ко поганому».

Дорогой Илья вспомнилъ, что онъ забылъ взять съ собою на случай палицу булатную или саблю вострую.

«На ту пору, на то времячко
Идетъ ему въ стрѣчу Каличище Иванище,
Несетъ на рукахъ клюку девяносто пудъ».

Илья отнялъ у него клюку и явился къ Идолищу. Идолище принялъ его за калику перехожаго и спрашиваетъ:

«Ай же ты, калика перехожая!
Какъ великъ у васъ богатырь Илья Муромецъ?»
Говоритъ ему Илья таковы слова:
«Толь великъ Илья, какъ и я».
Говоритъ ему Идолище поганое:
«По многу ли Илья вашъ хлѣба ѣстъ,
«По многу ли Илья вашъ пива пьетъ?»
Говоритъ Илья таковы слова:
«По стольку ѣсть Илья, какъ и я,
По стольку пьетъ Илья, какъ и я.
Говоритъ ему Идолище поганое:
«Экой вашъ богатырь Илья:
Я вотъ по семи ведръ пива пью,
По семи пудъ хлѣба кушаю».

За это Илья сравнилъ Идолище съ прожорливой коровой своего батюшки, которая много пила и ѣла, и лопнула. Идолище разсердился и бросилъ въ Илью свое кинжалище булатное; Илья ловко увернулся отъ него:

«У Ильи Муромца разгорѣлось сердце богатырское,
Схватилъ съ головушки шляпу земли греческой,
И ляпнулъ онъ въ Идолище поганое,
И разсѣкъ онъ Идолище на полы.»

По другому варіанту былины (1), жилищемъ Идолища представляется Царь-градъ, и само оно смѣшивается съ татарами погаными, а вмѣсто Владиміра князя называется царь Константинъ Боголюбовичъ, который за истребленіе Идолища наградилъ Илью Муромца богатыми дарами.

Жидовинъ изображается въ былинѣ (2) такимъ страшнымъ великаномъ, что одна *ископыть* (яма, выбитая копытомъ) его коня величиною *въ полъ-печи*. Этотъ Жидовинъ проѣхалъ чрезъ богатырскую заставу предъ Кіевомъ, на которой атаманомъ былъ Илья Муромецъ, и насмѣялся надъ русскими богатырями. Илья выбираетъ богатыря, который долженъ сразиться съ Жидовиномъ и отмстить ему за насмѣшку.

Сначала богатыри выбрали Ваську Долгополаго; Илья Муромецъ сказалъ:

«Не ладно, ребятушки, положили:
У Васьки полы долгія,
По землѣ ходитъ Васька,—заплетается;
На бою-на дракѣ заплететься,
Погинётъ Васька по напрасному».

Потомъ выбрали Гришку Боярскаго; Илья Муромецъ сказалъ:

«Не ладно, ребятушки, удумали;
Гришка роду боярскаго:
Боярскіе роды хвастливые;
На бою-дракѣ призахвастается,
Погинётъ Гришка по напрасному».

---

(1) Рыбн. ч. I. стр. 89—94. (2) Сборн. Кирѣев. Вып. I. стр. 46—52.

Выбрали Алешу Поповича; Илья сказалъ:

«Не ладно, ребятушки, положили:
Алёшинька роду поповскаго;
Увидитъ Алёша на нахвальщикѣ
Много злата, серебра,—
Злату Алёша позавидуетъ.
Погинетъ Алёша по напрасному».

Наконецъ выборъ Ильи падаетъ на Добрыню Никитича. Добрыня выѣхалъ въ поле, посмотрѣлъ въ трубочку серебряную и вызвалъ Жидовина на бой; Жидовинъ бросился на него съ такой силой, что „мать-сыра земля всколебалася, изъ озеръ вода выливалася, а конь подъ Добрыней на колѣнца палъ“. Добрыня началъ молиться Богородицѣ о спасеніи и обратился въ бѣгство. Тогда Илья, сказавши, что ему не кѣмъ замѣнитися, самъ отправился на бой съ Жидовиномъ. Выѣхалъ въ поле и, вмѣсто трубки, посмотрѣвъ въ свой *молодецкій кулакъ,* онъ вызвалъ великана на битву. Долго боролись между собою противники, не одолѣвая другъ друга; вдругъ Илья поскользнулся на лѣвую ногу и упалъ. Жидовинъ тотчасъ вскочилъ на него и хотѣлъ распороть ему грудь кинжаломъ:

«Лежитъ Илья подъ богатыремъ,
Говоритъ Илья таково слово:
Да не ладно у святыхъ Отцовъ написано,
Не ладно у Апостоловъ удумано;
Написано было у святыхъ Отцовъ,
Удумано было у Апостоловъ:
Не бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому;
А теперь Илья подъ богатыремъ —
Лежучи у Ильи втрое силы прибыло».

Увѣренность, что судьбами Божьими не положено умереть ему въ бою, придаетъ ему силы и спасаетъ его. Однимъ взмахомъ онъ вскидываетъ Жидовина на воздухъ; потомъ, отрубивъ ему голову, онъ везетъ ее на своемъ булатномъ копьѣ на заставу. Здѣсь, бросивъ ее на сыру землю, онъ говоритъ богатырямъ:

«Ѣздилъ въ полѣ тридцать лѣтъ,
Экаго чуда не наѣзживалъ!»

Жидовинъ называется въ былинѣ богатыремъ изъ земли козарской; въ немъ, очевидно, олицетворена борьба съ козарами,

принадлежавшими къ жидовской вѣрѣ, которые, какъ извѣстно изъ исторіи, отъ самыхъ древнихъ временъ осаждали русскій народъ своими жидовскими вѣрованіями.

Кромѣ указанныхъ былинъ, Илья Муромецъ выводится главнымъ дѣйствующимъ лицемъ и во многихъ другихъ былинахъ и даже въ тѣхъ былинахъ и историческихъ пѣсняхъ, въ которыхъ изображается эпоха татарская. Между всѣми младшими богатырями онъ является первымъ и старшимъ; онъ называется ихъ атаманомъ и назначаетъ имъ богатырскіе подвиги. Самъ Владиміръ князь, въ трудныхъ случаяхъ, обращается къ нему за совѣтомъ и помощію. Такимъ почетомъ онъ пользуется потому, что и силою и храбростію онъ выше всѣхъ богатырей: онъ богатырь непобѣдимый. Но Илья Муромецъ не только сильнѣе и храбрѣе, но и честнѣе и благороднѣе всѣхъ другихъ богатырей. Въ этотъ отношеніи особенно замѣчательна былина о Василисѣ Микуличнѣ. Всѣ богатыри, желая угодить Владиміру, положили отнять для него у Черниговскаго князя, Данилы Денисьевича, его супругу, Василису Микуличну, а его самого извести, пославъ на вѣрную смерть; только одинъ Илья Муромецъ возсталъ противъ этого безчестнаго поступка ([1]). Въ такихъ чертахъ фантазія народа изобразила своего любимаго богатыря.

Добрыня Никитичъ. Послѣ Ильи Муромца, былины отдаютъ предпочтеніе предъ всѣми богатырями Добрынѣ Никитичу— богатырю изъ Рязани. Въ былинахъ Добрыня называется племянникомъ Владиміра (вмѣсто дяди) ([2]) и сыномъ гостя рязанскаго; онъ же, вѣроятно, и Добрыня Рязаничъ, *Золотой поясъ*, о которомъ упоминаютъ лѣтописи. Добрыня представляется ближе всѣхъ богатырей ко двору княжескому и исполняетъ разныя придворныя должности:

«По три года Добрынюшка стольничалъ,
По три года Добрынюшка чашничалъ,
По три года Добрынюшка пословничалъ»([3]).

Онъ отличался особеннымъ благородствомъ и *вѣжествомъ*: „вѣжество у Добрыни прироженое“, говоритъ одна былина. Его посылаютъ богатыри къ Дюку Степановичу, „какъ грамотой во-

---

([1]) Кирѣевск. Вып. III. стр. 32.

([2]) По лѣтописямъ Добрыня — дядя Владиміра, братъ Малуши, ключницы Ольги. ([3]) Жилъ въ послахъ. Пѣсни Рыбн. ч. II, стр. 10. У Гильфердинга № 17.

страго, на рѣчахъ разумнаго, съ гостями почестливаго" ([1]). „У него рѣчи, говоритъ другая былина, привѣтливы, у него рѣчи умильныя; онъ прельститъ и уговоритъ" ([2]). Въ борьбѣ съ противниками Илья Муромецъ больше другихъ богатырей надѣется на Добрыню. Между подвигами Добрыни указывается ([3]) на то, что онъ вырубилъ чудь бѣлоглазую, перекратилъ (укротилъ, уничтожилъ) сорочину (сарацыны-магометане) долгополую, черкесовъ пятигорскихъ, и тѣхъ калмыковъ съ татарами, чукчи всѣ и алюторы (названіе одного изъ сибирскихъ народовъ, по объясненію К. Аксакова). „По приказу Владиміра, онъ ѣздитъ въ орды не мирныя, очищаетъ дороги прямоѣзжія; вмѣстѣ съ Васильемъ Казиміровичемъ отвозитъ дани-выходы за двѣнадцать лѣтъ и грамоту повинную къ царю Бутеяну Бутеяновичу (къ царю Батыю?)". Но особеннымъ подвигомъ Добрыни выставляется въ былинахъ уничтоженіе страшнаго *Змѣя Горынчища*. Однажды, разсказывается въ былинѣ ([4]), онъ купался *во Израй-рѣкѣ* (по другимъ варіантамъ, на Сафатъ-рѣкѣ, или Пучай-рѣкѣ); струя (теченіе) унесла его въ глубь рѣки, и онъ очутился въ пещерахъ бѣлокаменныхъ, гдѣ жилъ страшный Змѣй Горыничъ.

«Налетѣлъ на его Змѣй Горынчище,
Хочетъ Добрыню огнемъ спалить,
Огнемъ спалить, хоботомъ ушибить.
На то-то Добрынюшка не робокъ былъ,
Бросаетъ шляпу земли греческой,
Со тѣми пески желтыми,
Ко лютому Змѣю Горынчищу:
Глаза запорошилъ и два хобота ушибъ ([5]).
Упалъ Змѣй Горынчище
Во ту во матушку во Израй-рѣку;
Когда ли Змѣй исправляется,
Во то время и во тотъ же часъ
Схватилъ Добрыня дубину, тутъ убилъ до смерти,
А вытащилъ Змѣя на берегъ,
Его повѣсилъ на осину на кляную (покляную)».

Потомъ Добрыня проникъ въ жилище Змѣя, нашелъ его малыхъ дѣтушекъ, всѣхъ прибилъ, пополамъ перервалъ, нашелъ въ пещерахъ Змѣя много злата и серебра и свою любимую те-

---

([1]) Рыбн. ч. II, стр. 174. ([2]) Рыбн. ч. I, стр. 195.

([3]) Кирш. Данил. стр. 201. ([4]) Сборн. Кирш. Дан. стр. 345—351. Сборн. Кирѣев. Вып. II, стр. 49—53. У Гильфердинга № 64.

([5]) По другому варіанту былины, у Змѣя было двѣнадцать хоботовъ.

тушку, Марью Дивовну (по другимъ варіантамъ, племянницу князя Владиміра, Запаву Путятишну). Другая былина говоритъ, что, кромѣ Марьи Дивовны, Добрыня нашелъ въ пещерахъ Змѣя въ плѣну „много царей и царевичей, королей и королевичей, простой-то силы и смѣты нѣтъ.“ Въ другой былинѣ разсказывается, какъ Добрыня встрѣтился со змѣемъ у еретницы Марины Игнатьевны, которая водила знакомство съ этимъ змѣемъ.

«А бросится Змѣища Горынчища,
Чуть его Добрыню огнемъ не спалилъ,
А и чуть молодца хоботомъ не ушибъ,
А и самъ тутъ Змѣй началъ бранити его....
. . . . . .
Ему туто-тко Добрынѣ за бѣду стало,
И за великую досаду показалося.
Вынималъ саблю острую,
Воздымалъ выше буйны головы своей:
А и хощешь ли тебя, Змѣя, изрублю я
Въ мелкія части пирожныя,
Разбросаю далече по чисту полю?
А и тутъ Змѣй Горынчъ хвостъ поджавъ
Да и вонъ побѣжалъ».

За то, что Добрыня разстроилъ пирушку у Марины и прогналъ Змѣя Горынича, Марина, какъ волшебница, обернула его гнѣдымъ туромъ:

«Обернула его, Добрыню, гнѣдымъ туромъ,
Пустила его даже во чисто поле,
А гдѣ-то ходятъ девять туровъ,
А девять туровъ, девять братаниковъ.
Что Добрыня имъ будетъ десятый туръ.
Всѣмъ атаманъ—золотые рога».

Чрезъ полгода, однакоже, она принуждена была снять съ Добрыни волшебное очарованіе и согласилась возвратить ему настоящій видъ подъ тѣмъ условіемъ, если онъ женится на ней. Добрыня принялъ условіе, но какъ только Марина сняла съ него чары, онъ жестоко отомстилъ ей за свое безчестіе.

Алеша Поповичъ — богатырь изъ духовнаго сословія, сынъ стараго попа соборнаго въ Ростовѣ. Онъ отличается не силою и храбростію, какъ другіе богатыри, а смѣлостію: „какъ нѣтъ въ Кіевѣ сильнѣе Ильи Муромца, и вѣжливѣе Добрыни Никитича, такъ

нѣтъ смѣлѣе Алеши Поповича“, говоритъ былина ([1]). Но смѣлость у Алеши доходитъ до безразсудства, такъ что богатыри не хотятъ его посылать на трудные и опасные подвиги, гдѣ требуется осторожность и благоразуміе. „Алеша говоритъ гораздъ, но онъ въ тоже время гордливъ и спѣсивъ, не умѣетъ съ богатыремъ какъ съѣхаться, не умѣетъ богатырю честь отдать“ ([2]). Особенно Алеша не пользуется между богатырями хорошей репутаціей за свои отношенія къ женщинамъ. Алеша принимаетъ участіе въ разныхъ подвигахъ съ другими богатырями; главнымъ же его подвигомъ, который и доставилъ ему мѣсто между богатырями, было уничтоженіе Тугарина Зміевича. Этотъ подвигъ Алеши былина также приписываетъ не силѣ и храбрости, а смѣлости и хитрости или, лучше сказать, обману. Ѣздилъ однажды Алеша Поповичъ съ братомъ своимъ Екимомъ Ивановичемъ, по чистому полю и встрѣтилъ калику перехожаго:

«Лапотки на немъ семи шелковъ,
Подковырены чистымъ серебромъ,
Личико унизано краснымъ золотомъ,
Шуба соболиная, долгополая,
Шляпа сорочинская земли греческой,
Въ тридцать пудъ шеленуга подорожная,
Въ пятьдесятъ пудъ налита свинцу чебурацкаго».
Калика сказалъ богатырямъ:
«Видѣлъ я Тугарина Змѣевича:
Въ вышину-ли онъ Тугаринъ трехъ саженъ,
Промежь плечей косая сажень,
Промежу глазъ калена стрѣла;
Конь подъ нимъ какъ лютой звѣрь,
Изъ хайлища пламень пышетъ,
Изъ ушей дымъ столбомъ стоитъ».

Алёша выпросилъ у калики его платье и шеленугу подорожную въ тридцать пудъ, и нарядившись каликой, отправился противъ Тугарина. Увидавъ его, Тугаринъ закричалъ: „гой еси, калика перехожая! не видалъ ли ты молодаго Алеши Поповича?“ Алеша притворился, что не слышитъ, „подъѣзжай поближе ко мнѣ, не слышу я, что ты говоришь“. Какъ только Тугаринъ поровнялся съ Алешей, „Алеша хлеснулъ его шеленугой по буйной головѣ, расшибъ ему буйну голову“. Въ другой разъ Тугаринъ вызвалъ Алешу сразиться одинъ на одинъ въ открытомъ бою. Когда въ положенное время они съѣхались, Алеша закричалъ Тугарину:

([1]) Кирѣев. Вып. III, стр. 53, 68.
([2]) Кирѣев. вып. IV.

«Гой ты еси Тугаринъ Змѣевичъ младъ!
Бился ты со мною о великъ закладъ,
Биться-драться единъ на единъ,
А за тобою нынѣ силы смѣты нѣтъ
На меня, Алёшу Поповича».

Тугаринъ оглянулся, чтобы посмотрѣть, какую силу за нимъ видитъ Алёша, а Алеша только того и ждалъ:

«Втапоры Алёша подскочилъ, ему голову срубилъ,
И пала глава на сыру землю, какъ пивной котелъ» (1).

Потокъ-Михайла Ивановичъ. И Добрыня Никитичъ и Алеша Поповичъ сражаются съ змѣемъ; съ тѣмъ же чудовищемъ борется и Потокъ-Михайла Ивановичъ. Ѣздилъ Потокъ на кораблѣ по морю, получать дани-выходы съ царя Лиходѣя Лиходѣевича. Увидѣвъ однажды на морѣ бѣлую лебедь, онъ хотѣлъ застрѣлить ее; но лебедь сама прилетѣла на корабль, обернулась красной дѣвицей и говоритъ Потоку: „есть я роду невѣрнаго, есть я роду некрещенаго. Когда свезешь меня на славную святую Русь, и сходимъ во матушку Божью церковь, тогда мы примемъ съ тобою золоты вѣнцы“. Потокъ согласился, и *Марья-Лебедь Бѣлая* стала его женой (2). По другой былинѣ, она была дочь царя Лиходѣя и сама пришла къ Потоку, когда онъ стоялъ въ шатрѣ на зеленыхъ лугахъ ея отца. При вѣнчаніи, Потокъ и Настасья Лебедь бѣлая (такъ переименовали ее при крещеніи) положили между собой такую заповѣдь: „когда одинъ умретъ, тогда и другому вмѣстѣ съ нимъ въ гробъ лечь“. Во время одной богатырской поѣздки Потока, Настасья умерла; узнавъ объ этомъ, Потокъ немедленно возвратился, приказалъ сдѣлать дубовую колоду, чтобы „двоимъ и сидѣть и стоять можно было“, взялъ себѣ хлѣба на пропитаніе да клещи да прутья желѣзные, сѣлъ въ колоду съ умершей женой,—и живетъ подъ землей три мѣсяца. Наконецъ приплыла подземная змѣя, проточила колоду и хотѣла сосать тѣло. Потокъ схватилъ ее клещами и началъ сѣчь прутьями желѣзными, и потребовалъ, чтобы она черезъ три часа принесла живой воды. Этою водою онъ оживилъ Настасью и закричалъ такимъ громкимъ голосомъ, что мать сыра-земля всколебалася. Богатыри услышали и вырыли ихъ изъ земли. Но Настасья была не простая женщина, а колдунья и чародѣйка, подобная еретницѣ Ма-

---

(1) Кирш. Дан. стр. 192—193. Сборн. Кирѣев. Вып. 2. стр. 70—80. Другая редакція былины у Гильфердинга № 99.

(2) Сборн. Рыбн. ч. I, стр. 206—229. У Гильф. № 6.

ринѣ,—и былина разсказываетъ далѣе, какъ она сдѣлалась врагомъ Потока и старалась извести его ([1]).

Въ былинахъ о Добрынѣ Никитичѣ, Алешѣ Поповичѣ и Потокѣ-Михайлѣ Ивановичѣ замѣчательно то, что всѣ они сражаются со змѣемъ. Этотъ змѣй является то Змѣемъ Горынычемъ, то Тугариномъ Зміевичемъ, то просто змѣемъ. Онъ живетъ въ горахъ и рѣкахъ, летаетъ по воздуху и разсыпается огненными искрами; принимаетъ видъ богатыря и сражается съ богатырями; похищаетъ женщинъ и вступаетъ въ самыя тѣсныя сношенія съ ними; онъ обладаетъ несмѣтными богатствами и знаетъ, гдѣ находится живая вода, составляющая источникъ жизни, силы и здоровья. „Здѣсь сведены воедино, говоритъ Аѳанасьевъ, различныя поэтическія представленія, въ которыхъ древній человѣкъ любилъ живописать небесныя тучи и грозы... Въ огненномъ зміѣ, народная фантазія олицетворила *молнію*, прихотливый извивъ которой напоминалъ воображенію скользящую по землѣ змѣю, а равно *воздушные метеоры и падающія звѣзды*, которые младенчески неразвитому народу, ради производимаго ими на глазъ впечатлѣнія, казались тождественными съ сверкающей молніей. Всѣ эти естественныя явленія, быстро мелькающія въ небесныхъ пространствахъ свѣтлыми пламенными полосами, для предковъ нашихъ представляли близкое подобіе летучаго и разсыпающагося въ искрахъ змѣя“ ([2]). Дѣйствительно, въ миѳическихъ сказаніяхъ всѣхъ народовъ борьба разныхъ героевъ со змѣемъ представляется какъ символъ борьбы солнечнаго свѣта съ мрачными тучами, его закрывающими. Но кромѣ этого стихійнаго значенія, во всѣхъ народныхъ сказаніяхъ змѣю приписывается еще аллегорическое значеніе; онъ представляется символомъ всего вреднаго и враждебнаго человѣку, символомъ злой и нечистой силы. Особенно рѣзко выставляется, какъ въ другихъ народныхъ сказаніяхъ, такъ и въ нашихъ былинахъ, чародѣйское губительное вліяніе змѣя на женщинъ, съ которыми онъ находится въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ. Основой всѣхъ подобныхъ сказаній о змѣѣ послужило еще библейское сказаніе о томъ древнемъ зміѣ обольстителѣ, или о томъ исконномъ врагѣ человѣка, который принялъ на себя видъ змія, сталъ враждебно между первымъ мужемъ и первой женой, обольстилъ первую жену и ввелъ первыхъ людей въ искушеніе.

Кромѣ кіевскихъ богатырей, въ былинахъ изображаются еще богатыри такъ называемые *заѣзжіе*, изъ разныхъ мѣстъ: Чурило Пленковичъ—изъ Малаго Кіевца; Дюкъ Степановичъ—изъ Во-

---

([1]) У Рыбн. стр. 213—227. У Гильф. № 40.

([2]) Поэт. воззр. т. 2. стр. 109—110.

лынна-Красна Галичья, или изъ Индіи богатой, и Соловей Будиміровичъ—богатый купецъ изъ за-моря.

Новгородскія былины о Садкѣ и Василіи Буслаевѣ. Особеннымъ, мѣстнымъ колоритомъ отличаются отъ кіевскихъ былинъ эпохи Владиміра былины новгородскія о *Садкѣ и Василіи Буслаевѣ.*

Въ былинахъ о новгородскомъ купцѣ, Садкѣ, въ поэтическихъ чертахъ изображаются торговая, промышленная жизнь и богатство Великаго Новгорода. По одной былинѣ, Садко былъ удалый молодецъ — выходецъ съ Волги. Задумавъ отправиться въ богатый Новгородъ поискать счастья, онъ бросилъ въ рѣку Волгу ломоть хлѣба съ солью и сказалъ:

«А спасибо тебѣ, матушка Волга рѣка!
А гулялъ я по тебѣ двѣнадцать лѣтъ,
Никакой я притки, скорби не видывалъ надъ собой,
И въ добромъ здоровьи отъ тебя отошелъ,
А иду я молодецъ въ Новгородъ побывать».
Проговоритъ ему матка Волга рѣка:
«А и гой еси, удалой доброй молодецъ!
Когда придешь ты во Новгородъ,
А стань ты подъ башню проѣзжую,
Поклонися отъ меня брату моему,
А славному озеру Ильменю».

Садко такъ и сдѣлалъ. Прибывъ въ Новгородъ, онъ прежде всего справилъ поклонъ Ильменю отъ сестры его, матушки Волги. Въ благодарность за этотъ поклонъ Ильмень посовѣтовалъ Садкѣ выпросить у новгородцевъ три невода и закинуть ихъ въ озеро. Въ первый неводъ попалось множество мелкой рыбы; въ другой попалась красная рыба; а въ третій—крупная бѣлая рыба. Садко сложилъ всю рыбу въ три погреба, а чрезъ три дня, когда сталъ осматривать ихъ, въ одномъ погребѣ, вмѣсто мелкой рыбы, оказались разныя мелкія деньги, въ другомъ, вмѣсто красной рыбы,—червонцы, а въ третьемъ—вмѣсто крупной бѣлой рыбы,—крупныя монеты. Садко такъ сильно разбогатѣлъ, что однажды на пиру, во время братчины Никольщины, у Николы Можайскаго, похвалился, что на свое богатство выкупитъ въ три дня всѣ товары въ Новгородѣ. Въ первый день онъ выкупилъ всѣ товары и построилъ храмъ во имя архидіакона Стефана:

Въ другой день пошелъ Садко по Новгороду, а въ Новгородѣ товаровъ больше стараго; онъ опять выкупилъ всѣ товары и построилъ церковь во имя Софіи премудрыя. Въ третій день Садко нашелъ опять въ Новгородѣ товару больше стараго; онъ выкупилъ и этотъ товаръ и построилъ церковь во имя Николы

Можайскаго. На четвертый день Садко не нашелъ уже товаровъ въ Новгородѣ „ни на денежку, ни на малу разну полушечку“, только „въ темномъ ряду стоятъ черепаны, гнилые горшки, всѣ горшки уже битые“; Садко купилъ и битые горшки:

«Пригодятся ребятамъ черепками играть,
Поминать Садку гостя богатаго» (¹).

По другой былинѣ, Садко былъ бѣдный новгородецъ и сначала жилъ только тѣмъ, что ходилъ играть въ гусли на пирахъ богатыхъ людей. Случилось такъ, что Садку долго не приглашали на пиры; онъ сталъ ходить на озеро Ильмень, садился на берегу, на бѣлъ горючь камень, и игралъ здѣсь по три дня *въ гуселки яровчаты.* Въ третій день показался на озерѣ морской царь *Водяникъ* и сказалъ Садкѣ:

«Ай же ты Садко новгородскій!
Не знаю чѣмъ буде тебя пожаловать
За твои утѣхи за великія,
За твою игру нѣжную:
Аль безсчетной золотой казной?
А не то ступай въ новгородъ
И ударь о великъ закладъ,
Заложи свою буйну голову,
И выряжай съ прочихъ купцовъ
Лавки товара краснаго,
И спорь, что въ Ильменѣ-озерѣ
Есть рыба-золоты перья.
Какъ ударишь о великъ закладъ,
И пріѣзжай ловить въ Ильмень озеро:
Дамъ три рыбины-золоты перья,
Тогда ты, Садко, счастливъ будешь».

Садко на первомъ пиру, какъ позвали его играть, ударилъ объ закладъ съ новгородскими купцами, что онъ въ озерѣ Ильменѣ поймаетъ три золотыхъ рыбы, и выигралъ *три лавки товару краснаго.*

«Сталъ Садко поторговывать,
Сталъ получать барыши великіе».

И такъ разбогатѣлъ, что на одномъ пиру, когда пировали у него всѣ гости новгородскіе и похвалились кто безсчетной золотой казной, кто силой-удачей молодецкою, кто старымъ ба-

(¹) Кирш. Данил. стр. 266—274.

тюшкомъ, кто молодой женой, онъ такъ похвалился своимъ богатствомъ:

«А похвастать не похвастать безсчетной золотой казной:
На свою безсчетну золоту казну
Повыкуплю товары новгородскіе,
Худые товары и добрые».

Но какъ ни былъ богатъ Садко, Новгородъ оказался несравненно богаче его. „Вставалъ Садко, говоритъ былина, ранымъ-рано, будилъ свою дружину хоробрую, безъ счета давалъ золотой казны, распущалъ дружину по улицамъ торговымъ, а самъ то прямо шелъ въ гостинный рядъ и повыкупилъ товары новгородскіе, худые товары и добрые". Но на другой день Садко увидѣлъ:

«Вдвойнѣ товаровъ принавезено,
Вдвойнѣ товаровъ принаполнено
На тую на славу на великую новгородскую»

Садко выкупилъ и эти товары, но на третій день опять увидѣлъ:

«Втройнѣ товаровъ принавезено,
Втройнѣ товаровъ принаполнено
На ту на великую на славу новгородскую».

Садко призадумался и сказалъ:

«Не выкупить товара со всего бѣла свѣта.
Още (1) выкуплю товары московскіе,
Подоспѣютъ товары заморскіе.
Не я, видно, купецъ богатъ новгородскій,—
Побогаче меня славный Новгородъ».

Далѣе былина разсказываетъ о морскомъ торговомъ путешествіи Садки, подъ которымъ, конечно, разумѣется иностранная торговля Новгорода и указываются пути этой торговли. „Нагрузилъ Садко, говоритъ былина, своими товарами тридцать кораблей и поѣхалъ по Волхову, со Волхова во Ладожско, а со Ладожска во Неву рѣку, а со Невы рѣки во сине море, воротилъ онъ въ Золоту орду, продавалъ товары новгородскіе, получалъ барыши великіе, насыпалъ бочки сороковки красна

(1) Если.

золота, чиста серебра,поѣзжалъ назадъ во Новгородъ". На возвратномъ пути застигла Садку сильная буря:

Садко говоритъ своей дружинѣ:

«Ай же ты, дружинушка хоробрая!
Какъ мы вѣкъ по морю ѣздили,
А морскому царю дани не плачивали,
Видно, царь морской отъ насъ дани требуетъ».

Бросили въ море на жертву морскому царю „бочку сороковку чиста серебра, потомъ красна золота", но буря не утихала. „Видно, говоритъ Садко, морской царь живой головы требуетъ". Когда кинули жребій, кого бросить въ море, жребій выпалъ на самого Садку,—и Садко началъ готовиться къ смерти:

«Онъ сталъ имѣньице отписывать:
Кое имѣнье отписывалъ Божьимъ церквамъ,
Иное имѣнье нищей братіи,
Иное имѣнье молодой женѣ,
Остатнее имѣнье дружины(ѣ) хоробрыя(ой).
Говорилъ Садке купецъ, богатый гость:
Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Давайте мнѣ гуселки яровчаты,
Поиграть-то мнѣ въ остатнее:
Больше мнѣ въ гуселки не игрывати.
Али мнѣ взять гусли во сине море?».

Садко взялъ гусли и спустился въ море на дубовой дощечкѣ. Скоро онъ очутился въ бѣлокаменныхъ палатахъ морского царя, который тотчасъ же заставилъ его играть въ гусли:

Садко игралъ трои сутки, а морской царь все это время плясалъ такъ сильно, что отъ пляски его

«Во синемъ морѣ вода всколыбалася,
Со желтымъ пескомъ вода смутилася,
Стало разбивать много кораблей на синемъ морѣ,
Стало много гибнуть имѣньицевъ,
Стало много топуть людей праведныхъ,
Какъ сталъ народъ молиться Миколѣ Можайскому».

Явился Николай чудотворецъ, запретилъ Садкѣ играть и научилъ его, какъ спастись отъ морского царя. Возвратившись въ Новгородъ, Садко, въ благодарность за спасеніе, построилъ церковь во имя Николая чудотворца и не сталъ больше ѣздить на сине море, а сталъ жить въ Новгородѣ ([1]).

([1]) Сборн. Рыбн. ч. I. стр. 370—380. У Гильф № 70.

Въ этихъ былинахъ о Садкѣ изображаются богатая торговая жизнь Новгорода, источники богатства и торговля Новгорода, набожность торговыхъ людей, выражающаяся въ построеніи храмовъ Божіихъ на пріобрѣтенныя торговлею богатства, и наконецъ двоевѣріе древняго русскаго человѣка, по которому Садко обогащается при помощи морского царя и за это долженъ платить ему дань своей головой, но находитъ защиту и спасеніе отъ него въ святомъ покровителѣ всѣхъ плавающихъ мореходцевъ — Николаѣ чудотворцѣ, которому, въ благодарность за спасеніе, строитъ церковь въ Новгородѣ.

Въ былинахъ о Василіи Буслаевѣ изображается другая характеристическая черта Новгорода—вольная, буйная жизнь Новгородцевъ, выражавшаяся по временамъ въ страшныхъ междоусобныхъ битвахъ одной стороны или партіи съ другой. Представителемъ буйной новгородской вольницы въ былинахъ является Василій Буслаевъ. Еще въ молодыхъ лѣтахъ Василій началъ „шутить шутки не маленькія: кого возьметъ за руку, у того рука прочь, кого за ногу, у того нога прочь, кого хватитъ за голову, головой вертитъ будто пуговицей“, такъ что всѣ въ Новгородѣ стали жаловаться на него матери его, честной вдовѣ, Амелфѣ Тимоѳеевнѣ:

«Уйми ты свое дѣтище любимое,
Молода Васильюшка Буславьева:
Ходитъ онъ по городу, похаживаетъ,
На княженецкій дворъ онъ загуливаетъ,
Шутитъ онъ шуточки не хорошія
Со тѣми дѣтьми со боярскими,
Со боярскими дѣтьми княженецкими,
Побиваетъ смертію напрасною» (¹).

Мать указывала Василію на примѣръ его отца, Буслая, который жилъ въ Новгородѣ 90 лѣтъ, и ни съ кѣмъ не спорилъ и не ссорился. Но Василій продолжалъ буйствовать, и чтобы защититься отъ мести побитыхъ и обиженныхъ имъ, онъ началъ набирать дружину изъ такихъ же буйныхъ удальцовъ, какимъ былъ самъ: повѣстилъ весь Новгородъ, чтобы кто хочетъ пить и веселиться, шелъ къ нему на дворъ. Угощая приходившихъ, онъ ударялъ каждаго червленнымъ вязомъ по спинѣ и плечамъ; кто вытерпѣлъ такіе удары, тѣ составили его дружину.

Однжды Василій съ своею дружиною незваный явился на пиръ ко князю новгородскому и здѣсь держалъ закладъ, что онъ

(¹) Сборн. Рыбн. ч. I. стр. 343.

будетъ биться на Волховскомъ мосту со всѣми мужиками новгородскими, а если не устоитъ, *срубить ему буйну голову*. Когда онъ разсказалъ объ этомъ матери, мать заперла его въ глубокій погребъ, а сама съ богатыми дарами отправилась къ князю съ просьбою о помилованіи сына. Но князь сказалъ: „тогда прощу, когда голову срублю". Между тѣмъ на Волховскомъ мосту собралось множество народа. Дружина Василія завязала съ ними битву, побила много народу, но начала ослабѣвать. Услышавъ объ этомъ, Василій вырвался изъ погреба, схватилъ *ось телѣжную желѣзную* и прибѣжалъ къ мосту.

«И видитъ дружину хоробрую,
Стоитъ дружина по колѣнъ въ крови
Головки шалыгами прощелканы,
Платками руки перевязаны.
И ноги кушаками переверчены.
Говоритъ Васильюшка Буславьевичъ:
«Ай моя дружина хоробрая!
Вы теперь позавтракали,
Мнѣ-ко-ва дайте пообѣдати».
Становилъ дружину на сторону,
А самъ началъ по мужичкамъ похаживать
И началъ мужичковъ пощелкивать.
Осью желѣзною помахивать:
Махнетъ Васильюшка—улица,
Отмахнетъ назадъ—промежуточекъ,
И впередъ просунетъ—переулочекъ» (1).

Видя такое побоище, князья новгородскіе обратились къ матери Василія съ просьбою унять его; но мать, не надѣясь усмирить Василія, послала ихъ въ сергіевскій монастырь къ Старчищу Пилигримищу, сказавши:

«Крестовый его батюшка, Старчище Пилигримище
Имѣетъ силу нарочитую.
Попросите князья Новгородскіе,
Не можетъ ли унять мое чадо милое».
. . . . . .
«Идетъ крестовый батюшка, Старчище Пилигримище:
На буйной головѣ колоколъ пудовъ во тысячу,
Во правой рукѣ языкъ во пятьсотъ пудовъ» (2).

---

(1) Рыбн. ч. I. стр. 347—348. У Гильф. № 30.

(2) Судя по этому изображенію Старчища, можно думать, что въ немъ олицетворенъ совѣтъ старшинаго новгородскаго *Вича* съ его колоколомъ.

Василій не послушалъ и Старчища Ирлигримища. Когда онъ сталъ убѣждать его прекратить побоище, Василій сказалъ:

«А у насъ-то вѣдь дѣло дѣлается:
Головами, батюшка, играемся.
И здынулъ шалыгу девяносто пудъ,
Какъ хлыснулъ своего батюшку въ буйну голову,
Такъ разсыпался колоколъ на черенья ножевыя:
Стоитъ крестный—не кренется,
Желтыя кудри не ворохнутся.
Онъ скочилъ батюшку противъ очей его
И хлеснулъ-то крестнаго батюшка
Въ буйную голову промежъ ясны очи:
И выскочили ясны очи, какъ пивны чаши» (1).

По другой былинѣ, Буслаевъ, послѣ перваго удара въ Старчище, одумался: „старца убить не спасенья залѣсть (добыть), а грѣха себѣ на душу“, сказалъ онъ и посовѣтовалъ Старчищу отправляться въ свое мѣсто (2). Тогда, говоритъ одна былина, вышла изъ монастыря Смоленская сама мать пресвятая Богородица и велѣла матери Васильевой унять своего сына: эта подробность въ былинѣ совершенно согласна съ лѣтописями, которыя разсказываютъ, что, во время междоусобныхъ кровопролитныхъ битвъ въ Новгородѣ, духовенство часто выходило съ крестами и иконами, для усмиренія враждующихъ. Василій усмирился, когда мать стала заклинать его: „никого я не послушалъ бы, а послушалъ тебя, родну матушку: не послушать мнѣ законъ не даетъ“ (3). Какъ эпилогъ къ разсказу о Буслаевѣ и вмѣстѣ какъ послѣдняя черта, дорисовывающая образъ этого представителя буйной новгородской вольницы, въ былинахъ изображается еще путешествіе Василія въ Іерусалимъ (4). „Съ молоду бито много, граблено, подъ старость надо душу спасти“, говоритъ онъ и отправляется ко святымъ мѣстамъ, со всею своею дружиною. Это совершенно согласно съ характеромъ древне-русскаго человѣка: послѣ буйнаго разгула страстей въ молодости, послѣ всякихъ насилій и неправдъ въ жизни, приходя къ раскаянію, онъ начиналъ строить церкви и монастыри, иногда самъ уходилъ въ монастырь, и чаще всего, для успокоенія своей совѣсти, отправлялся въ путешествіе по святымъ мѣстамъ: „съ молоду бито много, граблено,

(1) Рыбн. ч. I. стр. 343—344. Гильф. № 44. (2) Рыбн. ч. II. стр. 206—207.
(3) Рыбн. ч. I. стр. 457. (4) Кирш. Дан. стр. 166—179.

подъ старость надо душу спасти". Но и Іерусалимъ и святыя мѣста не могли усмирить своевольнаго и буйнаго характера Василія. Отпуская въ Іерусалимъ, мать запретила ему купаться въ Іорданѣ *нагимъ тѣломъ*, а велѣла купаться *въ рубашечкѣ*; но онъ не послушался матери и выкупался въ Іорданѣ *нагимъ тѣломъ*. Поднимаясь на Ѳаворъ-гору, дружина Василія встрѣтила огромный *камень-Латырь*; чтобы дойти до церкви Преображенія, стоящей на горѣ, нужно было трижды перескочить черезъ этотъ камень. Прежде стали скакать товарищи Василія, и трижды перескочили; послѣ нихъ сталъ скакать самъ Василій: „разъ скочилъ и другой скочилъ, и говоритъ своей дружинѣ: „я на третій разъ не передомъ, а задомъ перескочу". Скочилъ задомъ и задѣлъ ногою за камень и убился до смерти ([1]).

Такъ какъ былины сложились подъ вліяніемъ древнѣйшихъ миѳическихъ представленій, то въ нихъ много чудеснаго и фантастическаго элемента. Но подъ чудесными и фантастическими образами въ былинахъ выражаются идеальныя представленія народа о богатыряхъ. Богатыри представляютъ собою олицетвореніе тѣхъ свойствъ и качествъ, какія всего болѣе цѣнились и уважались народомъ: это своего рода идеалы и типическія лица, изображающія разные характеры народа. Князь Владиміръ— идеалъ человѣка счастливаго, *ласковаго* и гостепріимнаго, Илья Муромецъ — идеалъ силы и храбрости, Добрыня Никитичъ— идеалъ вѣжливости, благородства и образованности; Алеша Поповичъ—смѣлости и удальства; Чурило Пленковичъ—идеалъ красавца и щеголя; Дюкъ Степановичъ и Садко Новгородскій—идеалы богатства. Эти идеалы, разумѣется, вполнѣ соотвѣтствуютъ степени развитія народа, среди котораго они образовались. Не развитый умственно и нравственно народъ еще не можетъ вполнѣ оцѣнить высокія духовно-нравственныя свойства, каковы напр. сила ума, высота нравственнаго характера, глубина чувства и проч.; ему нравятся болѣе наружныя качества: физическая сила и храбрость, смѣлость и удальство, ловкость и хитрость; тѣлесная красота, щегольство и богатство.

Въ первыя времена устройства человѣческихъ обществъ, когда человѣку постоянно приводится бороться и съ силами природы и съ разными врагами, внутренними и внѣшними, всего необходимѣе, разумѣется, физическая сила и храбрость, которыя, поэтому, цѣнятся народомъ выше всѣхъ другихъ качествъ. Всѣ богатыри въ былинахъ изображаются съ страшной физической силой: „кого хватитъ богатырь за руку, у того рука прочь, за ногу,

---

([1]) Рыбн. ч. I. стр. 361—363. Гильф. № 54 и 141.

нога прочь, за голову, голова долой". Соединивъ на пирахъ Владиміра цѣлую толпу богатырей съ подобною чрезвычайною силою, фантазія народная нашла необходимымъ выдумать для нихъ особыя для каждаго помѣщенія и перегородки съ желѣзными сваями; „у меня, говоритъ князь Владиміръ въ одной былинѣ, промежъ каждымъ богатыремъ были сваи желѣзныя, чтобы они въ пиру да напивалися, напивалися да не столкалися". Но Илья Муромецъ, разсердившись однажды, перемѣшалъ всѣ мѣста богатырскія, погнулъ всѣ сваи желѣзныя и побилъ всѣхъ богатырей; между богатырями, которые всѣ отличаются чрезвычайною силой, онъ идеалъ силы непобѣдимой и храбрости неустрашимой.

Вмѣстѣ съ хорошими свойствами, въ былинахъ отразились и черты грубости и жестокости того вѣка, въ который онѣ возникли. Страшная сила богатырей выражается иногда въ жестокихъ и чисто звѣрскихъ поступкахъ: богатырь часто не довольствуется тѣмъ, что побѣдилъ своего врага; онъ рубитъ ему голову, распарываетъ грудь или животъ и издѣвается надъ нимъ. Удальство богатырей въ былинахъ соединяется съ похвальбою, или лучше сказать, съ непріятною хвастливостію: вся бесѣда богатырей на пирахъ Владиміра состоитъ въ томъ, что они напиваются да хвастаютъ: „еще всѣ на пиру напивалися, еще всѣ на пиру порасхвастались".

Вмѣстѣ съ богатырями, въ былинахъ нерѣдко изображаются и воинственныя женщины, которыя, подобно богатырямъ, отличаются чрезвычайною силою и храбростію, ѣздятъ по полямъ, сражаются со врагами, стрѣляютъ изъ лука и присутствуютъ иногда на пирахъ Владиміра. Таковы: воинственная супруга Дуная, Настасья Королевична, и супруга Дона, Днѣпра Королевична, которыя искусствомъ стрѣлять изъ лука побѣдили своихъ мужей-богатырей; таковы три дочери богатыря Микулы Селяниновича: Василиса, Настасья и Марья; жена Святогора и жена Ильи Муромца, Савишна, которая однажды прогнала отъ стѣнъ Кіева Тугарина Зміевича со всею его силою. Кромѣ воинственности, другую отличительную черту женщинъ героинь, изображаемыхъ въ былинахъ, составляетъ то, что онѣ, находясь въ связи съ нечистою силою, владѣютъ чародѣйскою способностію превращаться и другихъ превращать въ разные виды:

Рядъ былинъ заключается былиною о томъ, отъ чего перевелись богатыри на святой Руси ([1]). Въ этой былинѣ разсказывается о битвѣ богатырей съ татарами на Сафатъ-рѣкѣ. Силы

([1]) Мы приводимъ ее по первой редакціи, напечатанной Шевыревымъ въ Ист. рус. слов. т. I. стр. 246—249.

татарской было столько, что „той силы доброму молодцу не объѣхать, сѣрому волку не обрыскать, черному ворону не облетѣть; но богатыри перебили всю эту силу и одержали такую побѣду, что возгордились своею силою, и одинъ изъ нихъ, Алеша Поповичъ, сказалъ: „подавай намъ силу небесную; мы и съ тою силою, витязи, справимся“. Едва онъ проговорилъ эти слова, какъ явилось двое небесныхъ воителей, которые сказали: „а давайте съ нами, витязи, бой держать“. Налетѣлъ на нихъ Алеша Поповичъ и разрубилъ ихъ пополамъ, со всего плеча: стало ихъ четверо, и живы всѣ. Налетѣлъ потомъ Добрыня Никитичъ, разрубилъ ихъ пополамъ, со всего плеча: стало восьмеро и живы всѣ. Налетѣлъ на нихъ Илья Муромецъ, разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча, стало вдвое болѣе, и живы всѣ.

«Бросились на силу всѣ витязи,
Стали они силу колоть, рубить,
А сила все растетъ да растетъ,
Всё на витязей съ боемъ идетъ.
Не столько витязи рубятъ,
Сколько добрые кони ихъ топчутъ,
А сила всё растетъ да растетъ,
Всё на витязей съ боемъ идетъ.
Бились витязи три дня, три часа, три минуточки,
Намахалися ихъ плечи могутныя,
Уходилися кони ихъ добрые,
Притупились мечи ихъ булатные...
А сила всё растетъ да растетъ,
Всё на витязей съ боемъ идетъ.
Испугалися могучіе витязи,
Побѣжали въ каменныя горы, въ темныя пещеры,
Какъ подбѣжитъ витязь къ горѣ, такъ и окаменѣетъ,
Какъ подбѣжитъ другой, и окаменѣетъ,
Какъ подбѣжитъ третій, такъ и окаменѣетъ...
Съ тѣхъ поръ и перевелись витязи на святой Руси».

Трудно опредѣлить, что разумѣется въ былинѣ подъ *силою небесною*. Въ одномъ варіантѣ былины (1), вмѣсто небесной, сила названа *не здѣшнею:* „подавай намъ силу не здѣшнюю“. Въ другой былинѣ (2), вмѣсто Алеши Поповича, Илья Муромецъ, возгордившись, подумалъ: „если бы была вся сила небесная, прирубилъ бы и всю силу небесную“, но вмѣсто небесной силы, подъ ударами богатырей, начала увеличиваться сила татарская: „раз-

(1) Сынъ Отеч. 1856. № 17. (2) Рыбн. ч. I. стр. 119.

рубятъ татарина единаго, сдѣлается два татарина; разрубятъ два татарина, сдѣлается четыре татарина“ и т. д. Эти измѣненія въ былинахъ сдѣланы народомъ, вѣроятно, въ позднѣйшее время, когда онъ, повторяя былины, борьбу богатырей съ небесною силою нашелъ оскорбительною для своего религіознаго чувства. Какъ бы то ни было, только погибель богатырей, по былинѣ, произошла отъ ихъ гордости непомѣрной силой своей, и состояла въ томъ, что они окаменѣли. „Русскій народъ, по замѣчанію Шевырева, этимъ глубокомысленнымъ преданіемъ объясняетъ себѣ, какъ въ древней его жизни сила тѣлесная, олицетворенная въ витязяхъ, побѣдивъ азіатскія орды, уступила мѣсто силѣ духовной, которая мало по малу простерлась во всѣ концы земли русской“ (¹).

3) ИСТОРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

Былины о богатыряхъ сохранились не на югѣ Россіи, гдѣ онѣ первоначально были сложены, а въ разныхъ областяхъ Великороссіи, куда онѣ перенесены были удалившимся съ юга населеніемъ во времена татарскихъ нашествій. По образцу ихъ въ Великой Россіи составились такъ называемыя *историческія пѣсни*; на югѣ же Россіи, подъ вліяніемъ новыхъ историческихъ условій жизни, въ послѣдствіи возникъ особый эпосъ, въ формѣ *малороссійской думы*.

Послѣ раззоренія Кіева и Кіевской Руси татарами, центромъ русскихъ областей и государственной жизни сдѣлались сначала Владиміръ, а потомъ Москва. Около Москвы сосредоточился и народный эпосъ, какъ прежде онъ сосредоточивался около Кіева. Какъ въ былинахъ Кіевъ и кіевскій князь Владиміръ служатъ центромъ, вокругъ котораго собираются всѣ богатыри, такъ въ историческихъ пѣсняхъ всѣ сказанія примыкаютъ къ Москвѣ и московскому царству. Ярче всѣхъ эпохъ въ историческихъ пѣсняхъ выставляются времена Грознаго; но рядъ ихъ начинается еще пѣснями о татарской эпохѣ, которыми онѣ и связываются съ былинами кіевскаго цикла, и потомъ продолжаются пѣснями о временахъ Грознаго, смутной эпохѣ самозванцевъ, царствованіи Алексѣя Михайловича и Петра В. По формѣ историческія пѣсни близки къ былинамъ, по образцу которыхъ онѣ и составились: въ нихъ тѣ же, какъ въ былинахъ, пріемы при изображеніи предметовъ и тотъ же складъ рѣчи.

(¹) Ист. русск. слов. т. I. стр. 249.

Пѣсни о татарской эпохѣ. Пѣсни о татарской эпохѣ связываютъ собою историческій эпосъ съ богатырскимъ. Татарскія нашествія оставили такое сильное и страшное впечатлѣніе въ народѣ, что татары сдѣлались для него символомъ вообще всякой непріятельской силы, и эпоха татарская соединилась въ его воображеніи съ эпохой князя Владиміра и его богатырей. Съ особенною яркостію ужасъ и тяжесть татарскихъ нашествій изображаются въ былинѣ или пѣснѣ *о царѣ Калинѣ.* „Изъ орды, золотой земли, разсказывается въ этой былинѣ-пѣснѣ, подымался злой Калинъ царь Калиновичъ, ко стольному городу, ко Кіеву, со своею силою, съ поганою. Собиралося съ нимъ силы на сто верстъ во всѣ четыре стороны". Далѣе изображается страшный ужасъ, какой производили на народъ татарскія нашествія:

«За чѣмъ мать сыра-земля не погнется?
За чѣмъ не разступится?
А отъ пару было отъ коннаго
А и мѣсяцъ, солнце померкнуло,
Не видать луча свѣта бѣлаго.
А отъ духа татарскаго
Не можно крещенымъ намъ живымъ быть».

Присылаетъ царь Калинъ ярлыки скорописчаты, въ которыхъ было написано, чтобы Владиміръ немедленно сдалъ стольный Кіевъ-градъ. Владиміръ опечалился: „по грѣхамъ князю учинилося, богатырей (въ то время) въ Кіевѣ не случилося". Былъ тамъ одинъ богатырь, Василій пьяница; онъ взбѣжалъ на башню и выстрѣлилъ оттуда, но не попалъ въ Калина царя, а попалъ въ зятя его, въ правый глазъ. Въ это тяжкое время для Кіева является Илья Муромецъ и говоритъ Владиміру: Ни о чемъ, государь, не печалуйся.

«Насыпай ты мису чиста серебра,
Другую красна золота,
Третью мису скатнаго жемчуга;
Поѣдемъ со мною къ Калину царю,
Со своими честными подарками».

Эти слова указываютъ на тѣ огромныя дани, которыя должны были платить татарамъ наши предки. Но царь Калинъ не сдается на подарки; онъ требуетъ выдачи виноватаго, кто застрѣлилъ его зятя, и самого Илью Муромца, когда онъ сталъ невѣжливо убѣждать его отойти отъ Кіева, приказалъ связать крѣпкими веревка-

ми. Но Илья тотчасъ же разорвалъ эти веревки, и такъ какъ его не допускали до его мѣдной палицы въ три тысячи пудъ, то онъ схватилъ стоявшаго около него татарина.

«И зачалъ татариномъ помахивати:
Куда ли махнетъ—тутъ и улицы лежатъ,
Куда отвернетъ—съ переулками,
А самъ татарину приговариваетъ:
А и крѣпокъ татаринъ, не ломится.
А жиловатъ, собака, не изорвется».

При этомъ голова татарина оторвалась и угодила вдоль всего татарскаго войска: „бьетъ ихъ, ломитъ, въ конецъ губитъ; остальные татары на побѣгъ пошли; въ болотахъ, въ рѣкахъ притонули всѣ, оставили свои возы и лагери“. А самаго Калина Илья Муромецъ поднялъ выше головы, ударилъ „о горючь камень и расшибъ его въ крошечки“.

Къ этому же разряду пѣсенъ, связывающихъ времена татарства съ эпохой Владиміра, относится пѣсня о Михаилѣ Казариновѣ. Михайло Казариновъ представляется въ пѣснѣ богатыремъ князя Владиміра. Исполняя порученіе князя—настрѣлять гусей бѣлыхъ лебедей ко столу княженецкому, Михайло встрѣтилъ въ полѣ три шатра:

«На бесѣдѣ сидятъ три татарина,
Три собаки наѣздника;
Передъ ними ходитъ красна дѣвица,
Русская дѣвица полоняночка,
Молода Мароа Петровична;
Во слезахъ не можетъ слово молвити,
Добрѣ жалобно причитаючи:
О злосчастная моя буйна голова» (¹).

Михайло убилъ татаръ, а въ ихъ плѣнницѣ узналъ свою родную сестру, которую татары плѣнили въ то время, какъ она гуляла дома въ саду съ своею матерью. При татарскихъ нашествіяхъ подобныя похищенія и уводы въ плѣнъ женщинъ были, конечно, весьма обыкновеннымъ дѣломъ. Такъ въ пѣснѣ о князѣ Романѣ Дмитріевичѣ и супругѣ его, княгинѣ Марьѣ Юрьевнѣ, разсказывается, какъ эта княгиня взята была въ плѣнъ татарами къ царю Батыю. При подобныхъ случаяхъ похищенія очень могло быть, что въ слѣдъ за дочерью въ одинъ и тотъ же домъ попа-

(¹) Кирш. Данил. стр. 208—209.

дала въ плѣнъ и ея мать. Такой именно случай изображается въ одной пѣснѣ:

«Доставалася
Теща зятю въ плѣнъ;
Онъ отвезъ ее
Къ молодой женѣ.
А и вотъ тебѣ,
Молодая жена,
Полоняночка
Съ Руси русская».

Полоняночка стала нянчить дитя молодой жены татарина и говоритъ:

«Ты баю, баю,
Мое дитятко!
Ты по батюшкѣ
Злой татарченокъ,
Ты по матушкѣ
Милъ внученочекъ:
Вѣдь твоя-то мать
Мнѣ родная дочь;
Семи лѣтъ она
Во полонъ взята,
На правой рукѣ
Нѣтъ мизинчика» (1).

Кромѣ этихъ пѣсенъ объ эпохѣ татарской, замѣчательна еще пѣсня о *Щелканѣ Дудентьевичѣ*. Эта пѣсня основана на дѣйствительномъ событіи, которое записано въ лѣтописи подъ 1327 г. Въ ней изображается, какъ безжалостно поступали со всѣми татарскіе чиновники, собиравшіе дань для своихъ хановъ. Подъ Щелканомъ здѣсь разумѣется Шевкалъ Дуденевъ, посолъ Узбека, который въ пѣснѣ названъ Азвякомъ, бывшій въ Твери въ 1327 г., при князѣ Александрѣ Михайловичѣ. Вотъ какъ Щелканъ или Шевкалъ собиралъ дань съ Литвы:

«Бралъ онъ, младъ Щелканъ,
Дани, невыходы,
Царски невыплаты.
Съ князей бралъ по сту рублевъ,
Съ бояръ по пятидесятъ,

(1) Сказ. Сахар. т. I. ч. 3. стр. 263—264. Подобная пѣсня, подъ названіемъ: «Теща въ плѣну у зятя», напечатана въ Истор. пѣсняхъ Малор. народа Антоновича и Драгоманова т. I. стр. 286.

Съ крестьянъ по пяти рублевъ;
У котораго денегъ нѣтъ,
У того дитя возьметъ;
У котораго дитя нѣтъ,
У того жену возьметъ:
У котораго жены-то нѣтъ,
Того самого головой возметъ» (1).

Но когда Шевкалъ также сталъ поступать и въ Твери, то тверитяне возмутились противъ него и разорвали его на части.

Пѣсни объ Іоаннѣ Грозномъ. Изъ Московскаго періода ни одно лицо не обратило на себя такого вниманія народныхъ пѣвцовъ, какъ Іоаннъ Грозный. Въ одной пѣснѣ онъ говоритъ о себѣ:

«Есть чѣмъ царю мнѣ похвастати:
Я повынесъ царенье изъ Царь-града.
Царскую порфиру на себя надѣлъ,
Царскій костыль себѣ въ руки взялъ
И повыведу измѣну съ каменной Москвы (2).

Другая пѣсня говоритъ о немъ:

«Что взялъ онъ царство казанское,
Симеона царя во полонъ полонилъ
Со царицею со Еленою
Выводилъ онъ измѣну изъ Кіева,
Что вывелъ измѣну изъ Нова-Города,
Что взялъ Рязань, взялъ и Астрахань».

Этими словами вполнѣ объясняется вниманіе народа къ Грозному, не смотря на страшную его жестокость, наводившую ужасъ на подданныхъ; причина этого вниманія заключается въ томъ, что Грозный возвысилъ санъ царя московскаго, распространилъ и усилилъ русское царство огромными завоеваніями, а жестокость его народъ объясняетъ необходимостью — вывести измѣну изъ царства, т. е. укротить боярское самовластіе. Пѣсни не только не скрываютъ гнѣвнаго и жестокаго характера Грознаго, но какъ бы желаютъ выставить его съ особенною силою. Вотъ какою картиною начинается пѣсня, разсказывающая объ убійствѣ имъ своего сына:

«Не сине море всколебалося,
Не сыры дубы разгоралися,
Распалился Грозный царь, Иванъ Васильевичъ».

---

(1) Кирш. Данил. стр. 32—33. У Гильфердинга №№ 269, 283.
(2) Рыбн. ч. I. стр. 383.

Во время пира, говоритъ пѣсня, онъ похвалился тѣмъ, что вывелъ измѣну изъ Москвы; царевичъ Иванъ Ивановичъ, замѣтилъ, что ему не вывести измѣны, потому что измѣна сидитъ за однимъ столомъ съ нимъ, и при этомъ указалъ на брата своего, Ѳедора Ивановича, который будто бы покрываетъ измѣну:

«Свѣтъ-государь, мой батюшка!
А которой улицей ты ѣхалъ, батюшка,
Всѣхъ сѣкъ, и кололъ, и на колъ садилъ;
И которой улицей я ѣхалъ,
Всѣхъ сѣкъ, и кололъ, и на колъ садилъ;
А которой улицей ѣхалъ Ѳедоръ Ивановичъ,
Онъ писалъ ярлыки милостивые,
И кидалъ по улицамъ Новгородскимъ».

т. е. для того, чтобы Новгородцы успѣли укрыться отъ гнѣва Грознаго. Грозный приказалъ тотчасъ же казнить царевича, и Малюта Скуратовъ повелъ его на казнь. Но народъ не могъ помириться съ сыноубійствомъ царя, и пѣсня спасаетъ его отъ этого страшнаго преступленія. О приказаніи царя, говоритъ она, услышала царица, Анастасія Романовна, и бросилась къ брату своему, боярину Никитѣ Романовичу; Никита Романовичъ поспѣшилъ на мѣсто казни, убилъ Малюту, а царевича взялъ къ себѣ. Между тѣмъ Грозный, думая, что сынъ его погибъ, по всей Москвѣ отдалъ приказаніе, чтобы всѣ люди молились, постились и носили *одежды опальныя* (траурныя, черныя), а самъ съ царицей и царевичемъ отправился въ церковь молиться. Въ церковь пришелъ и Никита Романовичъ, только не въ черной одеждѣ, какъ было приказано, а въ самомъ дорогомъ цвѣтномъ платьѣ, и весело началъ здороваться съ царемъ. Царь принялъ все это за насмѣшку надъ своимъ несчастіемъ, и страшно разсердился; но когда Никита разсказалъ ему о спасеніи царевича, царь захотѣлъ наградить его городами и селами, но Никита отказался отъ нихъ:

«Не беру я городы съ пригородками,
Не надо мнѣ селъ со приселками,
Не надо мнѣ бояръ со крестьянами:
. . . . . .
А ты пожалуй-ка Микитину вотчину,
Кто коня угналъ, кто жену увелъ,
Да ушелъ въ Микитину вотчину,
Того въ Микитиной вотчинѣ не взыскивати» (1).

---

(1) Рыбн ч. I. стр. 402. У Гильфердинга №№ 13. 25, 142.

Въ другомъ варіантѣ пѣсни роль Ивана Ивановича дана Ѳедору Ивановичу, который указываетъ Грозному на другихъ измѣнниковъ:

«Что есть у насъ въ каменной Москвѣ,
Что три большіе боярина,
А три Годунова измѣнника».

Грозному не понравилось это указаніе, и онъ велѣлъ казнить Ѳедора. Но Никита Романовичъ спасаетъ его, приказавъ палачу Малютѣ, вмѣсто него, убить и похоронить одного конюха. Отъ радости, что ему удалось спасти царевича, Никита устроилъ большой пиръ. Не зная настоящей причины радости боярина, Грозный воспылалъ гнѣвомъ и позвалъ его къ себѣ. Когда пришелъ бояринъ, у Грознаго въ рукахъ былъ желѣзный остроконечный посохъ:

А ткнетъ онъ Никиту въ праву ногу,
Пришилъ его ко сырой земли;
А самъ онъ царь приговариваетъ:
Велю я Никиту въ котлѣ сварить,
Въ котлѣ сварить, либо на колъ посадить,
У меня кручина несносная,
А у тебя, боярина, пиръ на веселѣ» (1).

Пѣсня здѣсь, очевидно, смѣшала боярина Никиту Романовича со стремяннымъ князя Курбскаго, Шибановымъ, съ которымъ, дѣйствительно, такъ поступилъ Грозный, когда тотъ привезъ ему изъ Литвы извѣстное письмо Курбскаго. Узнавъ истинную причину пира, Грозный пожаловалъ Никитѣ село Преображенское.

Въ пѣснѣ о свадьбѣ Грознаго замѣчательно, какъ царица Софья (т. е. Анастасія) Романовна, при смерти своей, проситъ царя *не быть ярымъ, а быть милостивымъ* и не жениться, послѣ ея смерти, въ проклятой Литвѣ, на Марьѣ Темрюковнѣ. Но царь, говоритъ пѣсня, не послушался и черезъ три мѣсяца, послѣ смерти царицы, поѣхалъ въ Литву жениться.

Въ пѣснѣ *„О взятьи казанскаго царства“* разсказывается о самыхъ послѣднихъ событіяхъ войны, о взрывѣ подкоповъ подъ крѣпостною стѣною. Русскія войска

(1) Кирш. Данил. стр. 334.

«Подходили подъ казанское царство за пятнадцать верстъ,
Становились они подкопью подъ Булатъ-рѣку,
Подходили подъ другую, подъ рѣку подъ Казанку.
Съ чернымъ порохомъ бочки закатали
А и подъ гору ихъ становили,
Подводили подъ царство казанское.
Воску яраго свѣчу становили,
А другую вѣдь на полѣ въ лагерѣ:
Еще на полѣ свѣча-та сгорѣла,
А и въ землѣ-то идетъ свѣча тишѣя
Воспалился тутъ Великій князь московскій,
Князь Иванъ сударь Васильевичъ, прозритель,
И зачалъ канонеровъ тутъ казнити,
Что началася отъ канонеровъ измѣна».

Но одинъ изъ нихъ осмѣлился замѣтить Грозному, что на вѣтру въ полѣ свѣча горитъ скорѣе, чѣмъ въ землѣ. Эти слова заставили царя задуматься, а между тѣмъ и въ землѣ свѣчи догорѣли, и послѣдовалъ взрывъ подкоповъ. Замѣчательно, что и народная пѣсня, согласно съ исторіей, взятію Казани приписываетъ великое значеніе, какъ для самого Грознаго, который будто съ этого времени сдѣлался царемъ, такъ и для Москвы, которая, по выраженію ея, тогда основалася:

«И въ то время князь воцарился
И насѣлъ въ Московское царство,
Что тогда-де Москва основалася,
И съ тѣхъ поръ великая слава» (1).

О покорителѣ Сибири, Ермакѣ, народъ составилъ двѣ пѣсни. Въ одной пѣснѣ „*На Бузанѣ островѣ*“ разсказывается о томъ, какъ шайка Ермака убила персидскаго посла Коромышева; въ другой пѣснѣ — о покореніи Сибири.

Далѣе слѣдуетъ разсказъ о походѣ Ермака въ Сибирь и о покореніи ея; онъ оканчивается описаніемъ погибели Ермака въ Енисеѣ (2).

Пѣсни объ эпохѣ самозванцевъ и смутнаго времени. Къ эпохѣ самозванцевъ и смутнаго времени относятся пѣсни о Лжедимитріи и князѣ Скопинѣ-Шуйскомъ.

Пѣсня о Лжедимитріи представляетъ самозванца противникомъ и презрителемъ народныхъ вѣрованій и обычаевъ, и объ-

---

(1) Кирш. Данил. стр. 284—287. У Гильфердинга №№ 129. 160.
(2) Сборн. Кирш. Данил. и Кирѣевск. Вып. 6, стр. 143—150.

ясняетъ такимъ образомъ то негодованіе, какое онъ возбудилъ противъ себя въ народѣ. Вотъ въ какомъ видѣ представляется въ пѣснѣ его поведеніе на московскомъ царствѣ:

«Не успѣлъ воръ-собака воцаритися,
Похотѣлъ воръ-собака поженитися,
Не въ своей онъ Россіи въ каменной Москвѣ,
Поженился воръ-собака въ хороброй Литвѣ....
На той ли Маринушкѣ Юрьевной.
Они свадьбу играли во Филиповъ постъ,
Вѣнецъ принимали въ Миколинъ день.
Дошло-то это время до Великаго дня....
Всѣ князи-бояра къ обѣднѣ пошли,
Воръ Гришка-разстрижка въ мыльну пошолъ,
Со душечкой, со Маринушкой, со Юрьевной.
Всѣ князи-бояра Богу молятся,—
Воръ Гришка-разстрижка въ мыльнѣ моется,
Всѣ князи-бояра отъ обѣдни пришли,
Воръ Гришка-разстрижка съ мыльны идетъ.
. . . . . .
Приходитъ, воръ, на царское крылечушко,
Прицыкиваетъ, собака, громкимъ голосомъ,
Чтобы слышно было въ хоробру Литву,
Ко Юрью пану Сердопольскому (т. е. Сендомирскому),
Ай же ты, Марина, Лебедь бѣлая!
Ты не кланяйся Московскимъ князьямъ-боярамъ,
Не молись-ка Марина чуднымъ образамъ» (¹).

Пѣсни о князѣ Скопинѣ-Шуйскомъ сохранились въ трехъ видахъ. Въ одной пѣснѣ, послѣ описанія подвиговъ Скопина, разсказывается о причинѣ его внезапной смерти. Внезапную смерть Скопина народная молва приписала зависти бояръ къ его славѣ: въ пѣснѣ Скопинъ называется „оберегателемъ міра крещенаго и всей земли святорусской“. Въ другой пѣснѣ ничего не говорится ни о подвигахъ Скопина, ни объ обстоятельствахъ его смерти, а изображается только плачъ по немъ московскихъ людей и свейскихъ (шведскихъ) нѣмцевъ

Въ третьей пѣснѣ Скопинъ представляется современникомъ Грознаго. Когда обошла Москву Литва поганая, говорится въ ней, Скопинъ набралъ въ Новгородѣ сорокъ тысячъ войска и пріѣхалъ въ Москву просить боярина, Никиту Романовича, помочь ему — прогнать *Литву поганую*. Пѣсня представляется не оконченною; весь интересъ ея сосредоточивается на князѣ Ни-

(¹) Рыбн. ч. I. стр. 406—407. У Гильфердинга №№ 14. 111. 143.

китѣ Романовичѣ, который изображается въ ней княземъ оборотнемъ, подобно Вольгѣ Святославичу въ былинѣ.

Вторая изъ этихъ пѣсенъ о Скопинѣ была записана въ сборникѣ Ричарда Джемса. Баккалавръ Ричардъ Джемсъ, въ качествѣ священника при англійскомъ посольствѣ, былъ въ Москвѣ, въ 1619—20 г. Неизвѣстно, кѣмъ для него записано было нѣсколько пѣсенъ, которыя тогда сложились въ народѣ о современныхъ событіяхъ. Кромѣ пѣсенъ о Скопинѣ, въ сборникѣ Джемса помѣщены: пѣсня о въѣздѣ въ Москву патріарха Филарета Никитича въ 1619 г.; двѣ пѣсни о царевнѣ, Ксеніи Борисовнѣ Годуновой; пѣсня о набѣгѣ Крымскихъ татаръ и еще пѣсня *о весновой службѣ* (¹). Пѣсни о царевнѣ, Ксеніи Борисовнѣ, которая по приказанію самозванца была пострижена въ инокини, подъ именемъ Ольги, весьма замѣчательны. Судьба этой царевны, похваляемой современниками за умъ, образованіе и красоту лица, невинной самой по себѣ, но жестоко пострадавшей за грѣхи отца, глубоко поразила народъ, и онъ изобразилъ ее въ простой, но весьма нѣжной и трогательной картинѣ. Пѣсня сравниваетъ царевну *съ бѣлой перепелкой*, у которой хотятъ гнѣздышко раззорити, милыхъ дѣтей побити и ее самое поимати. Предчувствуя свое несчастіе, свой плѣнъ и постриженіе, — она ходитъ-горюетъ по царскимъ теремамъ и переходамъ и прощается съ ними и съ своей свободой:

«Сплачетца мала птичка
Бѣлая перепелка:
«Охте мнѣ молоды горевати!
Хотятъ сырой дубъ зажигати,
Мое гнѣздышко разорити,
Мои милыи дѣтки побити,
Меня перепелку поимати».
Сплачетца на Москвѣ царевна:
«Охте мнѣ молоды горевати,
Что ѣдетъ къ Москвѣ измѣнникъ,
Ино Гришка Отрепьевъ разстрига,
Что хочетъ меня полонити,
А полонивъ меня, хочетъ постритчи,
Чернеческій чинъ наложити.
Ино мнѣ постритчися не хочетъ(ся),
Чернеческаго чину не сдержати;
Отворити будетъ темна келья,
На добрыхъ молодцевъ посмотрити.

(¹) Смотр. эти пѣсни въ Христ. Буслаева стр. 1031—1037.

Ино охъ милыи наши переходы,
А кому будетъ по васъ да ходити,
Послѣ царскаго нашего житья
И послѣ Бориса Годунова?
Ахъ милыи наши теремы,
А кому будетъ въ васъ да сидѣти,
Послѣ царскаго нашего житья
И послѣ Бориса Годунова?»

Изъ временъ царствованія Алексѣя Михайловича въ пѣсняхъ разсказывается объ осадѣ Соловецкаго монастыря и о бунтѣ Стеньки Разина. Въ пѣснѣ объ осадѣ Соловецкаго монастыря это событіе излагается съ раскольнической точки зрѣнія, что показываетъ, что пѣсня составлена въ средѣ раскольниковъ.

Особый разрядъ составляютъ пѣсни казацкія, разбойничьи и солдатскія. Въ большей части казацкихъ и разбойничьихъ пѣсенъ героемъ является *Стенька Разинъ* съ своими товарищами. Воровскія и разбойничьи шайки часто упоминаются въ древнихъ памятникахъ; особенно стали увеличиваться разбои въ Московскомъ государствѣ съ XIV в. послѣ татарскаго ига; въ XVII вѣкѣ разбойничество было страшною общественною язвою. Многочисленныя сборища воровъ, бѣглыхъ боярскихъ холоповъ и всякаго рода отверженныхъ людей держали въ страхѣ часто цѣлыя области. Большею частію, подъ именемъ казаковъ, они нападали на села и деревни, побивали бояръ и дѣтей боярскихъ, жгли и грабили дома и пытали людей, чтобы узнать, гдѣ спрятаны ихъ деньги и пожитки ([1]). Между тѣмъ народныя пѣсни, хотя и называютъ ихъ ворами или воровскими казаками, часто однакожъ обнаруживаютъ къ нимъ замѣтное сочувствіе. Разбойники называются въ пѣсняхъ *удалыми добрыми молодцами*, а ихъ грабежи и разбои—*подвигами отваги и удальства*. Такое странное явленіе можетъ быть объяснено только тѣмъ тяжелымъ положеніемъ, въ которомъ находился простой народъ въ XVII в. и которое, можетъ быть, всего болѣе и способствовало особенному усиленію и самаго разбойничества. Многочисленные тяжелые налоги на всякую торговлю и промышленность, жестокое обращеніе помѣщиковъ съ крѣпостными холопами, неправосудіе и вымогательство судей, наконецъ частыя войны производили въ народѣ такую нищету и такое озлобленіе, что цѣлыя толпы уходили въ лѣса и начинали грабить на дорогахъ, или присоединялись къ разбойничьимъ шайкамъ понизовой вольницы. Въ грабежѣ и раз-

---

([1]) Смотр. Объ историческомъ значеніи русскихъ разбойничьихъ пѣсенъ Н. Я. Аристова. Филол. Записки. 1874. Вып. III—IV. V. 1875. Вып. I и II.

боѣ этихъ людей народъ видѣлъ стремленіе отмстить за разныя притѣсненія и бѣдствія, которыя онъ испытывалъ. Такъ по крайней мѣрѣ былъ понятъ народомъ бунтъ Стеньки Разина, который потому и получилъ такую силу, что народъ считалъ Разина своимъ защитникомъ. О Разинѣ сложено много пѣсенъ, и въ этихъ пѣсняхъ онъ является настоящимъ героемъ, похожимъ на древнихъ богатырей. Въ одной пѣснѣ онъ даже соединяется вмѣстѣ съ любимымъ народнымъ богатыремъ, Ильей Муромцемъ, который называется его есауломъ. Корабль, на которомъ плылъ Стенька съ Ильей Муромцемъ, называется *Соколъ-корабль* и описывается такъ же, какъ корабль Соловья Будиміровича въ былинѣ: „бока его были сведены по туриному; носъ да корма по змѣиному". Кромѣ необычайной силы, мужества и храбрости, ему приписывается еще волшебство, при помощи котораго онъ спасается отъ всякихъ бѣдъ и опасностей. Сидя однажды въ тюрьмѣ, говоритъ народная молва, онъ вдругъ вздумалъ нарисовать на стѣнѣ углемъ лодку съ гребцами, и эта лодка, силою его волшебства, превращается въ настоящую лодку, на которой онъ спасается изъ тюрьмы; посредствомъ волшебства также онъ заговаривалъ пушки и ружья, такъ что они нисколько не могли вредить ему. Въ одной пѣснѣ, сочиненіе которой приписывается самому Разину, онъ, прощаясь съ своими товарищами, проситъ ихъ похоронить его на перекресткѣ между трехъ дорогъ: „межъ Московской, Астраханской, славной Кіевской":

«Въ головахъ моихъ поставьте животворный крестъ.
Во ногахъ мнѣ положите саблю вострую.
Кто пройдетъ или проѣдетъ—остановится,
Моему ли животворному кресту помолится,
Моей сабли вострой испужается:
Что лежитъ тутъ воръ удалый добрый молодецъ,
Стенька Разинъ, Тимоѳеевъ по прозванію».

Въ другой пѣснѣ о казни Разина говорится:

«Помутился славный тихій Донъ
Отъ Черкаска до Черна Яра!
Помѣшался весь казацкій кругъ!
Атамана болѣ нѣтъ у насъ,
Нѣтъ Степана Тимоѳеевича,
По прозванью Стеньки Разина!»

Сообщники Стеньки Разина представляются также не простыми разбойниками, а удалыми работничками:

«Мы не воры, не разбойнички,
Стеньки Разина мы работнички,
Есауловы все помощнички,
Мы весломъ махнемъ—корабль возьмемъ,
Кистенемъ махнемъ—караванъ собьемъ.
Мы рукой махнемъ—дѣвицу возьмемъ.»

Но какъ бы ни идеализировала народная пѣсня дикую, отчаянную удаль и этихъ удалыхъ молодцевъ, она помнитъ однакожъ, къ какой судьбѣ эта удаль неизбѣжно приводитъ ихъ. Эта неизбѣжная судьба весьма характеристично изображается въ извѣстной разбойничьей пѣснѣ:

«Не шуми мати, зеленая дубровушка,
Не мѣшай мнѣ, доброму молодцу, думу думати,
Какъ заутра мнѣ, доброму молодцу, во допросъ идти,
Передъ грознаго судію, самого Царя....»

Пѣсни о Петрѣ. Въ Сборникѣ Кирѣевскаго почти цѣлый томъ занимаютъ пѣсни объ эпохѣ Петра В.; но между этими пѣснями мало интересныхъ. Онѣ очень однообразны и бѣдны по содержанію, особенно сравнительно съ такимъ богатымъ и разнообразнымъ содержаніемъ эпохи. Въ нихъ отразилось только общее впечатлѣніе, какое производили на народъ такія событія, какъ стрѣлецкіе бунты и казни стрѣльцовъ, и вообще внѣшнія дѣла Петра, особенно его войны; внутреннія же событія, разныя государственныя реформы Петра были не понятны для народа и потому не вошли въ его пѣсни. Лучшими пѣснями можно назвать пѣсни на рожденіе и смерть Петра въ монастырѣ. Въ пѣснѣ на рожденіе Петра выражается всеобщая радость о его рожденіи:

«Какъ свѣтелъ, радошенъ во Москвѣ
Благовѣрный царь, Алексѣй Михайловичъ!
Народилъ Богъ ему сына, царевича Петра Алексѣевича,
Перваго императора по землѣ.
Всѣ-то русскіе какъ плотники мастеры
Во всю ноченьку не спали, колыбель-люльку дѣлали
Они младому царевичу;
А и нянюшки, мамушки, сѣнныя красныя дѣвушки
Во всю ноченьку не спали, шириночку вышивали,
По бѣлому рытому бархату онѣ краснымъ золотомъ.
Тюрьмы съ покаянными всѣ растворялися—
У царя благовѣрнаго еще пиръ и столъ на радости;
А князи собиралися, бояре съѣзжалися и дворяне сходилися,
А все народъ Божій; на пиру пьютъ, ѣдятъ, прохлаждаются,
Во весельи, въ радости не видали, какъ дни прошли,

Для младаго царевича, Петра Алексѣевича,
Перваго Императора.»

Въ пѣсняхъ на смерть Петра изображается плачъ о Петрѣ государыни и войска. Плачъ государыни не заключаетъ въ себѣ ничего особеннаго; интереснѣе плачъ войска, объ устройствѣ котораго Петръ заботился съ особенною любовію:

«Ахъ ты батюшка, свѣтелъ мѣсяцъ!
Что ты свѣтишъ не по старому,
Не по старому и не попрежнему,
Закрываешься тучей тёмною?
Что у насъ было на святой Руси,
Въ Петербургѣ въ славномъ городѣ,
Во соборѣ Петропавловскомъ,
Что у праваго у крылоса,
У гробницы Государевой,
Молодой солдатъ на часахъ стоялъ.
Стоючи онъ призадумался,
Призадумавшись онъ плакать сталъ,
И онъ плачетъ—что рѣка льется,
Возрыдаетъ—что ручьи текутъ.
Возрыдаючи онъ вымолвилъ:
Ахъ ты, матушка, сыра земля,
Разступись ты на всѣ стороны,
Ты раскройся, гробова доска,
Разверзися ты, золота парча,
И ты встань, проснись, Православный царь,
Посмотри, сударь, на свою гвардію,
Посмотри на свою армію....»(¹).

Малороссійскія думы. Малороссійскій эпосъ относится къ эпохѣ казачества. Казачество было совершенно народнымъ явленіемъ; оно вызвано было историческими условіями жизни малорусскаго народа, который поставленъ былъ въ необходимость постоянно бороться съ окружавшими его врагами. Возникнувъ въ XVI в. въ видѣ особенной воинственной общины въ Запорожьѣ, оно вскорѣ распространилось отсюда по всей Малороссіи, такъ что слово казакъ стало со временемъ означать не только всякаго воина, но и вообще малороссіянина, и стало прилагаться ко всему малороссійскому народу. За вѣру и церковь, народность и волю казаки постоянно боролись съ крымскими татарами и турками, которые своими набѣгами опустошали

(¹) Сборн. Кирѣев. Вып. 8. стр. 280—281.

города и села, съ іезуитами и польскими ксендзами, которые старались ввести въ Малороссіи повсюду унію и католичество, и съ польскими панами, которые, постоянно притѣсняя народъ, отдавали жидамъ въ аренду церкви, дороги и рынки. Это была борьба героическая, и подвиги этой борьбы воспѣвали въ думахъ и пѣсняхъ. Пѣсни эти слагались или самими участниками въ событіяхъ, или ихъ очевидцами, и распѣвались съ игрою на бандурѣ или кобзѣ, народномъ малороссійскомъ инструментѣ, отъ котораго и сами пѣвцы получили названіе бандуристовъ или кобзарей. Между малороссійскими пѣснями есть одна чрезвычайно поэтичная и характерная дума о смерти казака-бандуриста, который, потерявъ въ битвѣ саблю и коня, весь израненный, ожидаетъ смерти и прощается съ своей бандурой:

«Ой на татарскихъ поляхъ,
На казацкихъ поляхъ,
Не вовки-сіроманці квилять—приквиляють,
Не орли-чернокрильці клекочуть і підъ небесами літають:
То сидить козакъ старесенькій,
Якъ голубонько сивесенькій,
У кобзу грае—вигравае,
Голосно співае:
Кобзо жь моя дружино вірная,
Бандуро моя малеваная!
Де жъ мині тебе діти?
А чи у чистому степу спалити?
И попілець по вітру пустити?
А чи на могілі положити?
Нехай буйний вітеръ по степахъ пролітае,
Струни твои зачипае,
Смутнесенько, жалібнесенько грае-вигравае.....» (1).

Отъ бандуристовъ пѣсни перешли въ послѣдствіи къ нищимъ слѣпцамъ, которые и до сихъ поръ ихъ распѣваютъ.

Всѣ малороссійскія думы можно раздѣлить на три отдѣла: 1) думы, изображающія борьбу казаковъ съ турками и татарами; 2) думы, изображающія борьбу съ поляками и 3) думы о событіяхъ послѣ присоединенія Малороссіи къ Московскому царству.

1) Въ думахъ, изображающихъ борьбу казаковъ съ турками и татарами, разсказывается про Малаго-Гарею, т. е. Менгли-Гирея, опустошившаго Украйну въ 1493 г.; о Самуилѣ Кушкѣ, или Кошкѣ, который бился съ турками на Черномъ морѣ; о Ди-

(1) Записки о южной Россіи ч. I. стр. 185.

митріи Байдѣ (гетманѣ кн. Димитріи Вишневецкомъ), о Свирговскомъ, Серпягѣ (Подковѣ), Богданѣ Ружномъ и др. Особенною полнотою и характеристичностію отличается дума о Самуилѣ Кошкѣ (Побѣгъ Самуила Кошки изъ турецкой неволи въ 1599 г.) (1). Изображаются въ думахъ и отдѣльные подвиги или поединки казаковъ противъ Турокъ. Между думами довольно такъ называемыхъ *невольницкихъ*, въ которыхъ описывается пребываніе казаковъ на турецкихъ галерахъ, или въ плѣну у Турокъ и Татаръ.

Вотъ какъ въ одной изъ думъ изображается тоска казака въ плѣну:

«Поклоняеться бідний невольник
Із земли Турецької, із віри бусурманської
У города Християньскиї,—до отця, до матусі.
Що не может він їм поклонитися,—
Тілько поклоняеться голубонькам сивеньким:
Ой ти, голубонько сивеньки:
Ти далеко летаеш, ти далеко буваеш,
Полети ти в города Християнськиї,
До отца моёго до матусі,
Сядь пади на подвіръї отцовськім,
Жалобненько загуди:
Об мої пригоді казацької припомяни.
Не хай отець і матуся
Мою пригоду казацькую знають,
Статки, маетки збувають.
Великі скарби собирають,
Головоньку козацькую із тяжкої неволі визволяють!» (2).

Къ этому разряду невольницкихъ пѣсенъ относится дума о *Марусѣ Богуславкѣ*. Въ ней разсказывается, что въ каменной темницѣ, на Черномъ морѣ, сидѣло 700 казаковъ невольниковъ, 30 лѣтъ они сидѣли въ неволѣ, свѣта Божьяго, солнца праведнаго не видѣли. У турка, смотрѣвшаго за плѣнниками, жила также русская плѣнница *Маруся Богуславка* (изъ города Богуслава). Въ годовой праздникъ—Великъ день (день Пасхи), воспользовавшись тѣмъ, что турокъ, отправляясь въ мечеть, отдалъ ей ключи на руки, она отперла темницу и выпустила казаковъ. Къ этому же разряду пѣсенъ относится дума о трехъ братьяхъ, убѣжавшихъ изъ Азова, гдѣ они находились въ плѣну.

---

(1) Истор. пѣсни Малор. народа Антоновича и Драгоманова т. I. стр. 208—220.

(2) Сборн. Антоновича и Драгоманова стр. 93—94.

Двое изъ нихъ были на коняхъ и спаслись, а третій младшій братъ былъ пѣшій, отсталъ отъ братьевъ и умеръ въ степи; братья, боясь погони турокъ и не желая бросить на дорогѣ своего имущества, не взяли его съ собою. Дума чрезвычайно трогательно изображаетъ смерть младшаго брата, оставленнаго въ степи на съѣденіе звѣрей: „только сизыя кокушки, говоритъ она, прилетали къ нему, садились въ головахъ и какъ родныя сестры куковали надъ нимъ". Во многихъ думахъ довольно рѣзко выступаетъ дидактическій элементъ, вызванный разгуломъ казацкой жизни и частыми побѣгами молодыхъ людей въ Запорожскую сѣчь, внушается набожность, почтеніе къ отцу-матери, уваженіе къ старшимъ.

2) Въ думахъ, изображающихъ борьбу казаковъ съ поляками, прославляются подвиги Наливайки, Тетеренко, Лободы, Чурая, Полтара-Кожуха. Но главнымъ героемъ въ этихъ думахъ является гетманъ Богданъ Хмѣльницкій. Изъ нихъ замѣчательны думы: *о Феськѣ Ганжѣ Андыберѣ*; *о бѣлоцерковскомъ мирѣ и войнѣ съ поляками*; *о жидовскихъ откупахъ и войнѣ за нихъ*; *о Богданѣ Хмѣльницкомъ*; *о побѣдѣ надъ Корсунемъ*. Въ думѣ о Ганжѣ Андыберѣ (1) изображается вражда казаковъ къ польскимъ панамъ за то, что они захватили у народа лучшія земли и угодья. Въ думѣ *о жидовскихъ откупахъ* разсказывается, какъ жиды взяли въ аренду всѣ казацкія дороги и на одной милѣ становили по три кабака, всѣ казацкіе рынки и брали пошлины отъ воза по полузлоту, отъ пѣшаго по три денежки, у бѣдняги нищаго забирали куръ и яица, взяли въ аренду всѣ казацкія церкви.

3) Изъ думъ, разсказывающихъ о событіяхъ послѣ присоединенія Украйны къ Московскому царству, замѣчательны думы или легенды о Мазепѣ и Паліи. Въ нихъ изображены заключеніе Палія въ темницу, ссылка въ Сибирь и потомъ появленіе его на полтавскихъ боевыхъ равнинахъ.

4) БЫТОВЫЯ ПѢСНИ.

Бытовыми въ общемъ смыслѣ называются всѣ пѣсни, въ которыхъ изображаются черты какъ вообще народнаго быта, такъ и въ частности жизни семейной (2). Поэтому въ сборникахъ къ

(1) Ганжа Андыберъ по исторіи неизвѣстенъ. Предполагаютъ, что онъ былъ гетманомъ въ первой половинѣ XVII в. и вѣроятно не задолго предъ Богданомъ Хмѣльницкимъ т. е. до 1647. Смотр. южно-русскія пѣсни А. Метлинскаго стр. 432—433.

(2) Изданія пѣсенъ: Чулкова: Собраніе разныхъ пѣсенъ. Спб. 1770—74. Новикова: Новое и полное собраніе росс. пѣсенъ М. 1780—81. Сахарова: Пѣсни

нимъ причисляются: 1) пѣсни, которыми сопровождаются разные народные праздники и игры въ разныя времена года: святочныя, хороводныя и др.; и 2) пѣсни, изображающія собственно семейную жизнь—свадебныя и семейныя. Такъ какъ народные праздники и игры большею частію идутъ отъ самыхъ древнихъ временъ и составляютъ остатки еще языческихъ праздниковъ и обрядовъ, то и въ пѣсняхъ, которыми они сопровождаются, сохранились слѣды еще языческой старины, и многія изъ нихъ, по своему характеру, относятся къ обряднымъ, или миѳическимъ пѣснямъ, указывающимъ на старые языческіе праздники и обряды (смотр. выше—миѳическія или обрядныя пѣсни). Черты нравовъ и разныя стороны собственно семейной жизни изображаются преимущественно *въ свадебныхъ и семейныхъ пѣсняхъ.*

Свадебныя пѣсни ([1]). Въ свадебныхъ пѣсняхъ сохранились слѣды самаго древняго быта нашихъ предковъ, того отдаленнаго времени, когда, по выраженію Кавелина: „кровное родство было единственной, исключительною связью между людьми, семьи и роды—единственными человѣческими союзами и обществами, семейный и родственный распорядокъ—единственнымъ общественнымъ устройствомъ“ ([2]). Въ однѣхъ свадебныхъ пѣсняхъ невѣста тужитъ и плачетъ горькими слезами о томъ, что ее увезутъ *на сторону чужедальную, въ чужи люди незнакомые, къ чужому отцу-матери, къ чужому роду-племени* ([3]); родныхъ жениха и вообще всю его свиту называетъ своими *недругами, разлучниками*, а самого жениха—своимъ *погубителемъ* ([4]), и проситъ свою мать и своихъ подружекъ *схоронить* ее отъ этихъ недруговъ и погубителя. Въ другихъ пѣсняхъ женихъ называется *купцомъ*, а невѣста—*товаромъ*; невѣста проситъ отца не продавать ее; женихъ и невѣста называются *сужеными, ряжеными*, а бракъ *судомъ Божіимъ* ([5]). Всѣ эти странныя выраженія, употребляемыя поющими свадебныя пѣсни безъ смысла, по одному простому обряду, имѣли сначала опредѣленный смыслъ и означали не пустой обрядъ, а обычай, существовавшій въ самой жизни.

По сказанію лѣтописи, у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ Руси, первоначально браковъ не было, а

русскаго народа Спб. 1838—39 (вошли въ Сказанія Русскаго народа); Сборникъ народныхъ пѣсенъ Шейна. Изслѣдованія: Бодянскаго о народной поэзіи славянскихъ племенъ М. 1837. Костомарова: объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи. Х. 1843.

([1]) О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ Н. Ѳ. Сумцова. Харьковъ. 1881. ([2]) Сочин. Кавелина ч. 4. стр. 82. ([3]) Сказ русск. народ. Сахар. I. кн. Ш. стр. 143. 145. ([4]) Тамъ же, стр. 153. 163. ([5]). Тамъ же, стр. 113. 148.

невѣстъ добывали *похищеніемъ*. Хотя похищеніе невѣстъ происходило иногда по предварительному согласію невѣсты, но родственники похищенной, конечно, старались отомстить похитителямъ и начинали борьбу, которая могла оканчиваться иногда истребленіемъ цѣлаго рода. На подобныя слѣдствія похищенія, конечно, указываетъ одна свадебная пѣсня (¹). Невѣста сидѣла у окна въ теремѣ и шила волю золотомъ, обшивала чистымъ серебромъ; вдругъ къ окну прилетѣлъ орелъ и говоритъ ей, чтобы она не тратила чиста серебра и не портила красна золота:

«По сегодняшнему денечку
Быть саду да полоненному,
Всему роду покоренному;
Волюшкѣ быть въ неволюшкѣ,
Дѣвушкѣ быть во забавушкѣ».

Но не всегда, конечно, похищеніе невѣстъ приводило къ плѣненію или покоренію рода, какъ говоритъ пѣсня. Начавшіяся изъ-за похищенія ссоры могли оканчиваться мировыми сдѣлками; похитившій родъ въ этомъ случаѣ платилъ, конечно, пеню обиженнымъ родственникамъ похищенной. Часто, конечно, и прямо безъ похищенія одинъ родъ покупалъ дѣвицу у другаго. Такимъ образомъ, рядомъ *съ умыканіемъ*, надо предполагать, отъ самыхъ первыхъ временъ, существовалъ обычай покупать невѣстъ. На этотъ обычай указываетъ какъ то, что еще до сихъ поръ въ общежитіи женихъ называется *купцомъ*, а невѣста *товаромъ*, такъ и тѣ свадебныя пѣсни въ которыхъ невѣста проситъ отца, мать, братьевъ и родныхъ не выдавать ее и не продавать ея волюшки:

«Свѣтелъ мѣсяцъ, родимой батюшко,
Красно солнышко, родима матушка!
Не бейте вы полу о полу,
Не хлопайте вы пирогъ о пирогъ,
Не пробивайте вы меня бѣдную,
Не давайте вы меня горькую
На чужую дальню сторону» (²).

При покупкѣ невѣсты, конечно, заключались опредѣленные договоры, въ которыхъ указывалось, что̀ обязаны были заплатить покупающіе невѣсту. Отсюда въ пѣсняхъ невѣста называется *ряженою* отъ слова *рядъ*—договоръ. По совершеніи ряда или дого-

(¹) Сказ. русс. народ. т. I. кн. III. стр. 199. № 4. (²) Тамъ же, стр. 112. № 18.

вора, договаривавшіеся подавали другъ другу руку правую, или били по рукамъ. Отсюда самое сосватанье стало называться *обрученіемъ*, *порученіемъ*, *рукобитьемъ* (1).

При заключеніи брачныхъ союзовъ, главными дѣйствующими лицами были не женихъ и невѣста, а ихъ родные, которые болѣе всего заботились о матеріальныхъ выгодахъ союза. Естественно, что судьба невѣсты, при подобныхъ условіяхъ, переходившей въ новую семью, представлялась весьма печальною, и очень понятными становятся послѣ этого та глубокая грусть и сѣтованіе, которыми проникнуты всѣ свадебныя пѣсни. Въ одной пѣснѣ невѣста, упрашивая отца и мать не отдавать ее на чужую сторону, къ чужому отцу, чужой матери, говоритъ:

«Какъ чужіе-то отецъ съ матерью
Безжалостны уродилися:
Безъ огня у нихъ сердце разгорается,
Безъ смолы у нихъ гнѣвъ раскипается:
Насижусь-то я у нихъ, бѣдная,
По конецъ стола дубоваго,
Нагляжусь-то я, наплачуся» (2).

Прощаясь съ подругами, невѣста проситъ ихъ научить:

«Какъ мнѣ быть да жить въ чужихъ людяхъ,
Какъ мнѣ назвать свекра лютаго?
Какъ величать свекровь лютую?
Мнѣ свекромъ назвать—осердится;
Мнѣ батюшкомъ назвать—не хочется;
Мнѣ свекровью назвать—осердится;
Мнѣ матушкой назвать—не хочется.

Убавлю я спеси, гордости,
Прибавлю я ума разума:
Назову я свекра батюшкой,
А люту свекровь—матушкой» (3).

Само собою разумѣется, что при такой обстановкѣ жизни только забвеніе своей воли и полная покорность и услужливость всѣмъ и каждому могли быть защитой молодой женщины въ новой чужой семьѣ. И женихъ, собираясь жениться, искалъ себѣ суженой съ такими именно качествами.

---

(1) Кавелина ч. 4. стр. 164—165.
(2) Сах. Сказ. т. I. кн. III. стр. 112. № 48.
(3) Сах. Сказ. т. I. кн. III. стр. 140. № 123.

Такъ какъ выборъ жениха и невѣсты зависѣлъ отъ родителей, воля которыхъ считалась также священною, какъ воля самого Бога, то женихъ и невѣста называются *сужеными*, т. е. назначенными, *присужденными*, а самый бракъ—*судомъ Божіимъ*.

«Въ воскресенье мнѣ, матушка,
Къ суду Божьему ѣхати,
Подъ золотымъ вѣнцомъ стояти» (1).

Въ свадебныхъ пѣсняхъ молодой называется *княземъ*, а молодая—*княгиней*, лица, составляющія свадебный поѣздъ, свиту жениха и невѣсты, называются *боярами*, а главное между ними лицо—*тысяцкимъ — воеводой* (2): въ нихъ постоянно упоминаются *серебро, золото, шелкъ и бархатъ, дорогія парчи, черные соболи*, и вообще вся обстановка жизни изображается не простая, какъ у низшихъ классовъ, у которыхъ теперь поются эти пѣсни, но *боярская и княжеская*. Объясняя это, Кавелинъ говоритъ, что „встарину бытъ княжескій и боярскій былъ идеаломъ для низшихъ классовъ. Основанный на однихъ началахъ съ простонароднымъ бытомъ, онъ былъ его продолженіемъ, какъ бы высшей степенью, и потому предметомъ удивленія и подражанія. Многія свадебныя пѣсни, сохранившіяся теперь въ народѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, сложены и пѣлись сначала на боярскихъ и княжескихъ свадьбахъ. Богатство, роскошь, упоминаемыя въ нихъ, могли быть дѣйствительностію между одними высшими зажиточными сословіями и только идеаломъ, мечтой для простого народа. Да, вѣроятно, и не однѣ свадебныя пѣсни такъ произошли. Многія изъ тѣхъ, которыя теперь поются одними крестьянами, носятъ на себѣ слѣды стариннаго боярскаго и княжескаго житья-бытья“ (3).

Семейныя пѣсни. Бракъ составляетъ основу всей семейной жизни. Заключаемые при указанныхъ выше условіяхъ, при которыхъ имѣлись въ виду главнымъ образомъ не интересы жениха и невѣсты, ихъ взаимное расположеніе и нравственный ихъ характеръ, а интересы родителей и родныхъ, которые прежде всего и болѣе всего заботились о выгодахъ брачныхъ союзовъ, о богатствѣ и знатности рода, браки, конечно, не могли, въ большей части случаевъ, приводить къ правильной и счастливой жизни. Невѣста большею частію не даромъ горькими слезами плакала передъ свадьбой, представляя свою будущую жизнь въ новой семьѣ, гдѣ ни она никого, ни ея никто не знаетъ, самою тяжелою и безотрад-

(1) Тамъ же, стр. 148. № 154.
(2) Тамъ же, стр. 136. (3) Сочин. Кавелина. ч. 4. стр. 136.

дною, большею частію такую жизнь она испытывала на самомъ дѣлѣ. Вотъ въ какомъ видѣ изображаютъ пѣсни положеніе молодой женщины въ чужомъ семействѣ:

«Ни въ умѣ было, ни въ разумѣ,
Въ помышленьи того не было,
Чтобъ красной дѣвицѣ замужъ идти.
Соизволилъ такъ сударь, батюшка,
Похотѣла такъ моя матушка,
Ради ближнева перепутьица:
И я въ торгъ пойду, побывать зайду,
Изъ торгу пойду, ночевать зайду.
Я спрошу у своей дитятки:
Каково жить въ чужихъ людяхъ?
Государыня моя матушка!
Отдавши въ люди стала спрашивать:
Въ чужихъ людяхъ жить умѣючи,
Держать голову поклонную,
Ретиво сердце покорное.
Ахъ, вечеръ меня больно свекоръ билъ,
А свекровь ходя похваляется;
Хорошо учить чужихъ дѣтей,
Нерожденныхъ, нехоженыхъ,
Не вспоенныхъ и не вскормленныхъ» (1).

—

«Выдавала меня матушка далече замужъ,
Хотѣла матушка часто ѣзжати,
Часто ѣзжати, по долгу гостити.
Лѣто проходитъ, матушки нѣту;
Другое проходитъ, сударыни нѣту,
Третье въ доходѣ, матушка ѣдетъ.....
Ужъ меня матушка не узнаваетъ:
— Что это за баба, за старуха?—
Я, вѣдь не баба, я не старуха:
Я твое, матушка, милое чадо.
— Гдѣ твое дѣвалося бѣлое тѣло?
Гдѣ твой дѣвался алый румянецъ?—
Бѣлое тѣло на шелковой плеткѣ,
Алый румянецъ на правой на ручкѣ:
Плеткой ударитъ, тѣла убавитъ,
Въ щеку ударитъ—румянцу не станетъ» (2).

Такой печальный характеръ имѣютъ пѣсни, изображающія тяжелое положеніе молодой женщины въ чужой семьѣ, суровое

(1) Сахар. Сказ. т. I. кн. III. стр. 212. № 43.
(2) Христ. Филопова т. II. стр. 40.

обхожденіе съ нею мужа и родныхъ. Впрочемъ и всѣ почти другія семейныя пѣсни проникнуты глубокою грустію и скорбію. Въ нихъ изображаются также преимущественно печальные случаи и событія. Въ одной пѣснѣ, напр., изображается прощаніе добраго молодца съ милой, который говоритъ ей:

«Не сиди, мой другъ, поздно вечеромъ;
Ты не жги свѣчу воску яраго,
Ты не жди меня до полуночи.
Ахъ, прошли, прошли наши красны дни,
Наши радости буйный вѣтръ унесъ,
И разсѣялъ ихъ по чисту полю.
. . . . . .
Соизволилъ такъ родной батюшка,
Приказала мнѣ родная матушка,
Чтобъ женился я на иной женѣ.
. . . . . .
Ужъ я батюшки не ослушаюсь,
Родной матушки я послушаюсь,
Обвѣнчаюсь я со иной женой,
Я съ иной женой, съ смертью раннею;
Съ смертью раннею и насильною» (1).

Въ другой пѣснѣ изображается смерть добраго молодца далеко въ чистомъ полѣ. Онъ лежитъ около огня, на войлочкѣ; припекаетъ свои *ранушки боевыя* и, прощаясь съ своими товарищами, говоритъ:

«Ахъ, не жаль-то мнѣ роду племени,
Мнѣ жаль-то малыхъ дѣтушекъ,
Остались дѣтушки малешеньки,
Малешеньки дѣтушки, глупешеньки,
Натерпятся холода и голода» (2).

Подобная картина рисуется въ другой пѣснѣ, гдѣ также разсказывается, какъ добрый молодецъ умираетъ далеко въ чистомъ полѣ: лежитъ онъ подъ ракитовымъ кустомъ — *избитъ, израненъ, исколотъ весь:*

«Что не ласточки, не касаточки
Кругъ тепла гнѣзда увиваются,
Увивается тутъ родная матушка.
Она плачетъ, какъ—рѣка льется,
А родная сестра плачетъ, какъ ручей течетъ,
Молода жена плачетъ, какъ роса падетъ» (3).

---

(1) Сах. Сказ. т. I. кн. III. стр. 208. № 29. (2) Тамъ же. стр. 204. № 9. (3) Тамъ же, стр. 209. № 30. и Христ. Филонова т. II. стр. 43.

Иногда въ пѣснѣ вообще изображается глубокое горе, которое ничѣмъ избыть нельзя:

«Привязалось ко мнѣ горе;
Я не знаю, какъ и быти,
Своему горю пособити,
Не могу горя избыти.
Ни заѣсть ни запити:
Я пойду ли лучше въ поле,
И разсѣю мое горе,
По всему по чисту полю.
Уродися мое горе,
Ты травою полынью.
Какова трава полынь горька,
Таково-то горе сладко» (¹).

Это горе, подобно злой неотвязчивой судьбѣ, постоянно преслѣдующее человѣка, весьма хорошо олицетворено въ слѣдующей пѣснѣ, въ которой народъ иронически шутитъ надъ своимъ бѣдственнымъ положеніемъ и посмѣивается надъ своимъ горемъ и самимъ собою:

«Ай горе, горе, гореваньице!
А и лыкомъ горе подпоясалось,
Мочалами ноги изопутаны!
А я отъ горя въ темные лѣса—
А горе прежде въ лѣсъ зашелъ;
А я отъ горя въ почестной пиръ—
А горе зашелъ, впереди сидитъ;
А я отъ горя въ царевъ кабакъ—
А горе встрѣчаетъ, ужъ пиво тащитъ,
Какъ я нагъ-то сталъ, насмѣялся онъ» (²).

Дѣйствительно, при бѣдности и отсутствіи образованія, лишенный благородныхъ развлеченій, народъ издавна привыкъ все утѣшеніе въ своемъ горѣ находить въ винѣ. Объ этомъ онъ поетъ въ извѣстной глубоко-грустной и трогательной пѣснѣ:

«Да спасибо же тебѣ, синему кувшину,
Ты размыкалъ, разогналъ злу тоску кручину:
Посѣдѣла-то моя буйная головушка
Ни отъ время ни отъ лѣтъ, все отъ безвременья;
Я родился въ слезахъ, въ слезахъ крестился,
Плакалъ долго сиротой отъ людскихъ навѣтовъ;
Красна дѣвица душа не для утѣшенья,

(¹) Сахар. Сказ. т. I. кн. III. стр. 210. № 34. (²) Тамъ же, стр. 223—224 № 28.

Все для слезъ же меня молодца полюбила.
Потухаютъ во слезахъ мои ясны очи.
Изсыхаетъ бѣла грудь съ тяжкихъ воздыханій.
Да спасибо же тебѣ, синему кувшину.
Ты размыкалъ, разогналъ злу тоску кручину» (¹).

Этотъ глубоко грустный характеръ нашей народной пѣсни подалъ поводъ Пушкину назвать ее *грустнымъ воемъ*, который отражается и въ художественныхъ пѣсняхъ образованныхъ поэтовъ. „Отъ ямщика до перваго поэта, говоритъ онъ,

Мы всѣ поемъ уныло. Грустный вой
Пѣснь русская. Извѣстная примѣта!
Начавъ за здравіе, за упокой
Сведемъ какъ разъ. Печалію согрѣта
Гармонія и нашихъ музъ и дѣвъ,
Но нравится ихъ жалобный напѣвъ».

Гоголь также называетъ русскую пѣсню *тоскливою, рыдающею и хватающею за сердце*. Въ объясненіе такого характера народныхъ нашихъ пѣсенъ, критики ихъ указываютъ обыкновенно прежде всего на суровость и угрюмость сѣверной природы Россіи съ ея пасмурнымъ небомъ, мрачными лѣсами, необозримыми топями и болотами, съ продолжительной зимой, сопровождающейся частыми вьюгами, мятелями и буранами, съ мимолетной весной и короткимъ лѣтомъ, которое, по выраженію поэта, только каррикатура южныхъ зимъ, на природу, которая уже сама по себѣ не могла возбуждать въ народной фантазіи свѣтлыхъ и веселыхъ картинъ, а потомъ,—на всегдашнюю бѣдность и убожество народнаго быта, на стѣснительную обстановку семейной жизни, такъ ясно выразившуюся въ семейныхъ пѣсняхъ, и наконецъ на тяжелыя историческія обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ суждено было жить русскому народу, каковы, напр., продолжительное монгольское иго, смутное время самозванцевъ и междуцарствія, крѣпостное право и проч.

Разгульныя и плясовыя пѣсни нашего народа представляютъ противоположность семейнымъ пѣснямъ и, по видимому, противорѣчатъ ихъ грустному характеру; онѣ такъ веселы, что веселье ихъ часто выходитъ изъ всякихъ границъ. Но это и заставляетъ подозрѣвать искренность ихъ веселія; источникомъ его служитъ не чистая и спокойная свѣтлая радость, а тоже горе и

(¹) Сахар. Сказ. т. I. кн. III. стр. 208. № 28. и Христ. Филонова т. II. стр. 42—43.

нужда, которыя народъ хочетъ на время забыть въ разгульи; этимъ разгульемъ онъ обязанъ бываетъ тому же *синему кувшину*, въ которомъ онъ привыкъ искать забвенія своего горя.

По формѣ и изложенію, наши пѣсни отличаются особенною образностію и живописностію. Эти качества сообщаютъ имъ частыя обращенія къ природѣ, сравненія и уподобленія. Въ пѣсняхъ постоянно встрѣчаются эти обращенія къ солнцу красному, полю чистому, вѣтру буйному, лѣсу дремучему, березѣ кудрявой, травушкѣ-муравушкѣ, ясному соколу, бѣлому лебедю, кукушечкѣ, сѣрой утицѣ. Мысли, чувства и разныя положенія человѣка, печальныя и радостныя состоянія души изображаются посредствомъ сравненій, которыя большею частію имѣютъ отрицательный характеръ, напр. „не былинушка въ чистомъ полѣ зашаталася, зашаталася безпріютная головушка“; не трава растетъ, не огонь горитъ, не огонь горитъ—ретиво сердце“; „ужъ не лебедь ходитъ бѣлой, ходитъ красна дѣвица душа“; „что не ласточки не касаточки вкругъ тепла гнѣзда увиваются, увивается тутъ родная матушка“. Въ языкѣ пѣсенъ замѣчательны преимущественно двѣ особенности: 1) постоянное соединеніе съ извѣстными словами однихъ и тѣхъ же эпитетовъ, которые съ той или другой стороны характеризуютъ обозначаемые словами предметы; напр. „солнце красное“, „младъ свѣтелъ мѣсяцъ“, „звѣзды частыя“, „море синее“, „мать сыра земля“, „зелена трава“, „шелкова трава“, „кудрявая березонька“, „зеленая дубровушка“, „дремучій лѣсъ“, „сизый орелъ“, „сѣрый волкъ“, „кормилецъ батюшка“, „родимая матушка“, „свекровь лютая“, „злая мачиха“, „слёзы горючія“, „ретиво сердце“; и 2) частое употребленіе уменьшительныхъ словъ; напр. „вставалъ ранешенько“, „умывался бѣлешенько“; „курится огонекъ малешенекъ“; „лазуревые цвѣточки, василечки“; „бѣлая лебедушка“; „сѣрая утушка“; „дѣтушки малешеньки, глупешеньки“ и проч. Употребленіе эпитетовъ дѣлаетъ рѣчь живописною, а обиліе уменьшительныхъ словъ сообщаетъ пѣснѣ особенную нѣжность и задушевность.

Малороссійскія бытовыя пѣсни. Кромѣ историческихъ пѣсенъ, называемыхъ думами, въ малороссійской поэзіи очень много *бытовыхъ* пѣсенъ. Въ сборникахъ малороссійскихъ пѣсенъ мы встрѣчаемъ пѣсни весеннія (веснянки), троицкія, купальныя, колядскія (щедривки—на щедрый т. е. Васильевъ вечеръ), зажнивныя (на зажинки хлѣба), свадебныя и наконецъ семейныя, въ которыхъ изображаются черты семейнаго быта. Особенною красотою отличаются семейныя пѣсни. Гоголь находитъ въ нихъ совершенную противоположность малороссійскимъ думамъ. „Въ думахъ, говоритъ онъ, одни казаки, одна военная, бивачная и суровая жизнь; здѣсь, напротивъ, одинъ женскій міръ, нѣжный,

тоскливый, дышащій любовію. Эти два пола видѣлись между собою самое короткое время и потомъ разлучались на цѣлые годы. Годы эти были проводимы женщинами въ тоскѣ, въ ожиданіи своихъ мужей"... Какъ образецъ нѣжности и глубины чувства въ малороссійскихъ пѣсняхъ Гоголь приводитъ въ переводѣ слѣдующую пѣсню:

„Разсердился, разгнѣвался на меня мой милый! Вотъ онъ сѣдлаетъ своего вѣрнаго коня и ѣдетъ далеко-далеко отъ меня. Куда же ты, мой милый, голубчикъ мой сизый, куда ты уѣзжаешь? Кому ты меня беззащитную, молодую, кому оставляешь"? „Оставляю тебя, моя милая, одному Богу. Жди меня, пока не возвращуся изъ дальней дороги". „О еслибъ я знала, еслибъ я вѣдала, откуда будетъ ѣхать мой милый: я бы ему по всей дорогѣ мостила мосты изъ зеленаго тростника и все бы ждала его въ гости. Боже Всесильный! выровняй всѣ долины и горы, чтобы вездѣ было ровно, чтобы оттолѣ ему до самаго дому было хорошо ѣхать" и проч. (1).

Сравнивая малороссійскія пѣсни съ великорусскими, Максимовичъ говоритъ: „въ русскихъ пѣсняхъ выражается духъ покорный своей судьбѣ и готово повинующійся ея велѣніямъ.... Русскія пѣсни отличаются глубокою унылостію, отчаяннымъ забвеніемъ, какимъ-то раздольемъ и плавною протяженностію. Въ малороссійскихъ меньше такой роскоши и протяженности; онѣ, будучи выраженіемъ борьбы духа съ судьбою, отличаются порывами страсти, сжатою твердостію и силою чувства, а равно и естественностію выраженія. Въ нихъ видимъ не забывчивость и унылость, но болѣе досаду и тоску; въ нихъ больше дѣйствія... Въ русскихъ пѣсняхъ превосходнѣе описательная поэзія... въ нихъ встрѣчаемъ разсказъ сочинителя, между тѣмъ какъ въ пѣсняхъ малороссійскихъ находимъ драматическое изложеніе предмета... Пѣсни нѣжныя отличаются неподражаемымъ простодушіемъ и естественностію, которой ни мало не противорѣчатъ безпрестанныя сравненія". Говоря о сравненіяхъ, онъ указываетъ „на частыя сравненія съ окружающею безукрашенною природою, частыя бесѣды съ буйнымъ вѣтромъ, дробнымъ дождемъ, черными тучами. Унылая, вѣщая зозуля (кукушка), одинокій яворъ, плакучія ивы и гибкія лозы, печальная калина, крещатый барвинокъ служатъ эмблемами отдѣльныхъ состояній духа.... Если сравненія отрицательныя составляютъ.... отличительное свойство народной поэзіи русской, то малороссійскія пѣсни будутъ отличаться положительностію своихъ сравненій" (2).

---

(1) О малорос. пѣсняхъ. Сочин. т. II. стр. 185—186.

(2) Малоросс. пѣсни. Предисл. стр. XIII—XVIII.

II. РУССКІЯ СКАЗКИ.

Народная пословица называетъ сказку *складкой* т. е. вымысломъ: „*сказка складка, а пѣсня быль*“, говоритъ она, противополагая сказку былевой пѣснѣ, или былинѣ. Дѣйствительно: отличительную черту сказки составляетъ вымыслъ, и не такой вымыслъ, какой обыкновенно бываетъ, напр., въ романахъ и повѣстяхъ новаго времени, но *фантастическій* т. е. въ сказкахъ часто изображаются такія лица и предметы, какихъ совершенно нѣтъ въ дѣйствительности, или же дѣйствительно существующіе лица и предметы представляются съ такими свойствами, какими они въ дѣйствительности не обладаютъ. Дѣйствіе или событіе въ сказкѣ происходитъ часто въ тридевятомъ царствѣ, въ тридесятомъ государствѣ, иногда подъ землею, въ какомъ нибудь хрустальномъ дворцѣ; дѣйствующими лицами являются: Баба-Яга, которая хотя имѣетъ человѣческій видъ, но въ то же время ѣздитъ въ желѣзной ступѣ, погоняя пестомъ и заметая слѣдъ помеломъ; Кощей безсмертный, Змій шести или двѣнадцати-главый, который летаетъ по воздуху и говоритъ человѣческимъ языкомъ; жаръ-птица, олень-златорогій, конь-златогривый, свинка-золотая щетинка, сапоги-самоходы, коверъ-самолетъ, скатерть-самобранка, живая и мертвая вода и проч. Вслѣдствіе такого фантастическаго элемента и составилось понятіе о сказкѣ, какъ о произвольномъ совершенно и безсмысленномъ вымыслѣ, достойномъ вниманія только дѣтей и людей необразованныхъ. Но съ одной стороны, народная фантазія не создаетъ ничего по одному чистому произволу, безъ всякаго смысла и основанія, а съ другой—нельзя оставить безъ вниманія того обстоятельства, что сказки разныхъ народовъ удивительно сходны между собою. Почти всѣ указанныя выше диковинки встрѣчаются не только въ русскихъ, но и вообще славянскихъ сказкахъ и повторяются съ разными измѣненіями въ сказкахъ нѣмецкихъ и сказкахъ другихъ народовъ. Это сходство сказокъ, котораго нельзя объяснить одними позднѣйшими заимствованіями одного народа у другого, потому что оно замѣчается у народовъ не только сосѣднихъ, но и отдѣленныхъ другъ отъ друга пространствомъ и временемъ, указываетъ на одинъ общій первобытный источникъ сказокъ и заставляетъ допустить, что всѣ сказочныя диковинки первоначально имѣли опредѣленный смыслъ, который въ впослѣдствіи затерялся. Въ сказкахъ, дѣйствительно, усматриваются слѣды миѳическихъ воззрѣній того періода народной жизни, когда народомъ были обоготворяемы стихіи и силы природы, когда въ разныхъ формахъ представлялись солнце, луна и звѣды, явленія грома и молніи, вѣтра, дождя и снѣга, борьба силъ природы въ разныя времена

гола. Сказочные герои и героини—царевичи и царевны изображаются съ солнцемъ, мѣсяцемъ или звѣздами во лбу или на лицѣ или головѣ; это можетъ указывать на первоначальное сродство ихъ съ этими небесными свѣтилами, образами коихъ они сначала, вѣроятно, и были. Между дѣйствующими лицами въ сказкахъ часто являются силы природы; напр. въ сказкѣ *о Ѳедорѣ Тугаринѣ* сватаются за красавицъ и уносятъ ихъ съ собою Вѣтеръ, Градъ и Громъ: въ сказкѣ *объ Иванѣ Бѣломъ* (1) Вѣтеръ, Дождь и Громъ женятся на трехъ сестрахъ-царевнахъ. Наконецъ во многихъ сказкахъ разсказывается объ очарованіяхъ, превращеніяхъ, усыпленіяхъ и окаменѣніяхъ. Такъ въ сказкѣ *Заколдованная невѣста* говорится о царевнѣ, которая превращена была въ медвѣдицу (2); въ сказкѣ *Царевна лягушка* разсказывается о Еленѣ прекрасной, которая оборачивалась лягушкою (3); въ сказкѣ *Окаменѣлое царство* изображается цѣлое царство въ состояніи окаменѣнія: „кругомъ камни, и скотъ и люди, гдѣ кто былъ, стоялъ или сидѣлъ, кто куда ѣхалъ, такъ всѣ и окаменѣли; иной дрова рубитъ, руку съ топоромъ поднялъ, да такъ и остался“ (4). Превращеніе въ какой-нибудь странный видъ, оцѣпенѣніе, окаменѣніе въ миѳическихъ представленіяхъ служатъ символомъ замиранія растительной и плодотворной силы и вообще не нормальнаго состоянія природы во время зимы. Заколдованная царевна, послѣ того, какъ снято было съ нея очарованіе, даетъ мѣшокъ съ сѣменами: куда ни бросятъ эти сѣмена, повсюду начинаютъ расти деревья, цвѣты и плоды: царевна, очевидно, служитъ здѣсь образомъ скованной зимнимъ холодомъ природы, которая, освободившись отъ оковъ зимы, повсюду выказываетъ свое плодородіе весною и лѣтомъ.

Возвращеніе похищенныхъ, или очарованныхъ красавицъ, добываніе жаръ-птицы, коня златогриваго, живой и мертвой воды и тому подобныхъ диковинокъ составляетъ обыкновенные подвиги большей части сказочныхъ героевъ. Врагами, съ коими при этомъ приводится сражаться героямъ, представляются: Змѣй шести или двѣнадцати-главый, Кощей безсмертный, водяной или морской царь, Морозко, Баба-Яга-костяная нога. Фантазія народная въ нихъ первоначально олицетворяла, вѣроятно, вредныя явленія силъ природы, препятствующія свѣту и теплотѣ и останавливающія развитіе плодотворной силы земли, каковы напр. тучи и облака (Змій), закрывающія солнце, стужа и холодъ

---

(1) Лѣт. русск. лит. т. III. (2) Аѳан. Вып. VIII № 12. (3) Тамъ же вып. VII. № 17. (4) Тамъ же, Вып. V. № 40.

(Кощей безсмертный, Морозко), уничтожающіе растительную жизнь, и зима (Баба-Яга), измѣняющая весь видъ природы. Соотвѣтственно тому и сказочныя диковинки, за которыя герои сражаются съ указанными врагами, могли первоначально указывать на солнце и благодѣтельныя явленія солнечнаго свѣта и теплоты: сапоги-самоходы или скороходы и коверъ-самолетъ, вѣроятно, образы вѣтра или быстро летящей тучи; живая вода, оживляющая мертвыхъ и убитыхъ,—образъ росы и весенняго и лѣтняго дождя, оживляющаго природу; скатерть-самобранка, доставляющая героямъ все нужное для пищи и питія,—символъ богатства и изобилія растительности природы во время весны и лѣта.

При изображеніи похожденій героевъ, для добыванія этихъ диковинокъ, въ сказкахъ встрѣчается нѣсколько постоянныхъ мотивовъ и пріемовъ. Отправляясь на подвиги, сказочные герои большею частію встрѣчаютъ три дороги, съ надписью на столбѣ: „по правой сторонѣ ѣхать—быть убитому; по лѣвой сторонѣ ѣхать—быть самому голодному; по средней сторонѣ ѣхать—быть коню голодному“. Герои всегда выбираютъ дорогу по правую сторону, и на ней находятъ отыскиваемыя диковинки. Весьма важнымъ лицемъ, заправляющимъ всѣмъ ходомъ приключеній въ большей части сказокъ, является *Баба-Яга-костяная нога.* Она изображается въ видѣ сердитой и безобразной старухи, которая живетъ въ лѣсу, въ избушкѣ на курьихъ ножкахъ; эта избушка обнесена заборомъ изъ костей человѣческихъ, вмѣсто дверей у воротъ—ноги человѣческія, вмѣсто запоровъ—руки, вмѣсто замка—ротъ съ острыми зубами. Избушка обращена къ лѣсу и поворачивается при словахъ: „избушка, избушка повернись къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ“. Ѣздитъ Баба-Яга въ желѣзной ступѣ, пестомъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ. Роль Бабы-Яги въ сказкахъ не одинакова. Сказки собственно о Бабѣ-Ягѣ изображаютъ ее злою и кровожадною; какова напр. извѣстная сказка, въ которой Баба-Яга собирается съѣсть дѣвочку, которую прислала къ ней для этого нелюбившая ее мачиха. Въ другихъ сказкахъ она изображается помогающею сказочнымъ героямъ въ борьбѣ ихъ со врагами; такъ, напр., Иванъ царевичъ въ одной сказкѣ, при помощи Бабы-Яги, достаетъ жаръ-птицу. Здѣсь она имѣетъ характеръ вѣщей вѣдьмы, знающей то, что недоступно обыкновеннымъ смертнымъ—прошедшее и будущее, колдуньи, владѣющей способностію производить разныя чары. Въ подобныхъ сказкахъ обыкновенно дѣйствуетъ не одна, а три сестры Бабы-Яги, изъ коихъ старшая, разумѣется, самая сильная и самая знающая. Баба-Яга непремѣнно знаетъ, гдѣ скрыты похищенныя красавицы, или тѣ дорогія диковинки, которыя герои отыскиваютъ, она наставляетъ ихъ, какъ дойти туда, какъ побѣ-

дить враговъ, или убѣжать отъ ихъ преслѣдованія. Она даетъ герою клубочекъ, который покатится и доведетъ его до искомой цѣли. Въ другихъ случаяхъ этотъ клубочекъ исполняетъ другую роль: стоитъ бросить его, и онъ превратится въ огромную гору, которая задержитъ или остановитъ врага, преслѣдующаго героя. Такую же роль играютъ—полотенце, гребень и щетка, которыми также снабжаетъ Баба-Яга сказочныхъ героевъ; если бросить на дорогѣ полотенце, сдѣлается быстрая и глубокая рѣка; если бросить гребень, явится дремучій, непроходимый лѣсъ; если бросить щетку, сдѣлается огненная рѣка (Жаръ птица). Иногда эти же вещи въ другихъ сказкахъ (о Бабѣ-Ягѣ) служатъ защитой противъ самой Бабы-Яги.

Итакъ чудовищные и фантастическіе образы въ сказкахъ суть образы миѳическіе, въ которыхъ въ древнія времена представлялась дѣятельность силъ обоготворенной природы. Когда забылись миѳы, потеряли смыслъ и сказочные образы. Впослѣдствіи ихъ стали переносить на людей и дѣйствія человѣческія. Но то, что казалось понятнымъ и естественнымъ, когда было просто только символомъ извѣстнаго явленія природы, сдѣлалось непонятнымъ и неестественнымъ, когда стало прилагаться къ дѣйствіямъ человѣческимъ; сказочные образы получили характеръ чудесныхъ и чудовищныхъ.

Утративъ миѳическій смыслъ, сказка сдѣлалась такимъ *нравоописательнымъ разсказомъ*, въ которомъ воззрѣнія народа и черты нравовъ дѣйствительной жизни самымъ страннымъ образомъ перемѣшаны съ старинными, потерявшими смыслъ, миѳическими представленіями. Чѣмъ древнѣе сказка, тѣмъ болѣе, разумѣется, въ ней старинной миѳической примѣси; въ сказкахъ позднѣйшаго происхожденія преобладаетъ уже бытовой и нравоописательный элементъ. Чудесное миѳическое въ этихъ сказкахъ уже смѣняется чудеснымъ христіанскимъ, и самая сказка часто имѣетъ характеръ религіозной легенды, изображающей понятія и нравы временъ христіанскихъ.

Къ первому роду относятся всѣ почти сказки о мачихѣ, падчерицѣ и пасынкахъ, о трехъ сестрахъ, трехъ невѣсткахъ и о трехъ братьяхъ. На миѳическій элементъ этихъ сказокъ указано выше; здѣсь указывается элементъ нравоописательный. Въ сказкахъ о мачихѣ и падчерицѣ (Баба-Яга и Морозко) изображается нелюбовь мачихи къ падчерицамъ и пристрастіе ея къ роднымъ дочерямъ: но, желая извести или погубить падчерицу, мачиха, обыкновенно, губитъ своихъ дочерей. Падчерица всегда представляется умной, доброю и трудолюбивою, и потому она повсюду находитъ себѣ друзей, спасается отъ всѣхъ преслѣдованій и дѣлается счастливою; родныя же дочери, избалованныя при-

страстіемъ матери, изнѣженныя и не пріученныя ни къ какому дѣлу, становятся заносчивыми и ни къ чему не способными, и потому не заслуживаютъ любви и помощи отъ другихъ и подвергаются тѣмъ бѣдствіямъ, которыя мачиха готовитъ для падчерицы. Въ сказкахъ о трехъ сестрахъ (Перушко Финиста-ясна сокола) (1) и трехъ невѣсткахъ (Царевна-лягушка) (2) старшія сестры или невѣстки стараются извести младшую сестру или младшую невѣстку. Старшія сестры представляются завистливыми къ счастью младшей сестры и стараются отнять у нея счастіе, или погубить ее; но ихъ зависть и злость обнаруживаются, и онѣ сами погибаютъ. Особенно замѣчательны сказки *о трехъ братьяхъ*. Братья представляются иногда царевичами, а иногда просто крестьянами; старшіе братья изображаются умными и любимыми, младшій же братъ Иванъ-царевичъ или просто Иванушко—большею частію дурачкомъ, нелюбимымъ и гонимымъ. Не смотря на то, героями сказокъ становятся не старшіе, а младшіе братья, которымъ судьба всячески покровительствуетъ и награждаетъ всевозможнымъ счастіемъ. Типъ младшаго брата, или дурачка въ сказкахъ, весьма интересный для характеристики народныхъ понятій, рисуется въ двоякомъ видѣ. Иногда младшій братъ изображается дурнемъ въ самомъ прямомъ смыслѣ; онъ ничего не дѣлаетъ такого, за что бы стоилъ такой удачи, какая во всемъ достается на его долю; судьба награждаетъ его безъ всякаго основанія, какъ будто единственно потому, что она любитъ дурней (3). Нельзя, конечно, допустить, чтобы народъ сознательно хотѣлъ выразить этими сказками свое одобреніе или защиту глупости или лѣности; по всей вѣроятности, онѣ принадлежатъ къ искаженнымъ произведеніямъ позднѣйшаго времени, когда основной смыслъ, на которомъ первоначально создались сказки о трехъ братьяхъ, уже затерялся и стали повторяться и различнымъ образомъ варіироваться только одни внѣшніе ихъ пріемы, когда, съ утратою первоначальнаго смысла, сказка утратила и серьезный тонъ и стала служить шуткѣ и забавѣ. Дѣйствительно во многихъ другихъ сказкахъ глупость дурачка имѣетъ особенный смыслъ; онъ представляется глупымъ только для другихъ и сравнительно со старшими братьями. Старшіе братья называются умными въ практическомъ смыслѣ: они поступаютъ хитро и осторожно, наблюдая вездѣ только свои личныя выгоды, и потому не бросаются туда, гдѣ нельзя получить пользы для себя и гдѣ особенно можетъ быть

---

(1) Сказки Аѳанасьева. Вып. VII. № 1. Сказки Худякова. ч. 1, стр. 25—30.

(2) Тамъ же, Вып. II. № 23. Вып. VII. № 17.

(3) Тамъ же. V, № 53. VI. 14. 32.

какая нибудь опасность: младшій же братъ, напротивъ, отличается прямотою, добродушіемъ и незлобіемъ; онъ всегда поступаетъ прямо и по совѣсти, всѣмъ готовъ помочь другимъ, часто со вредомъ и явною опасностію для себя, и безъ отговорокъ всегда идетъ, куда его посылаютъ. При такомъ характерѣ и такомъ поведеніи, онъ, естественно, осторожнымъ и эгоистическимъ братьямъ представляется совершенно глупымъ; но на самомъ дѣлѣ онъ оказывается умнѣе ихъ: въ трудныя и рѣшительныя минуты у него являются твердость, ловкость и находчивость, какихъ нѣтъ у старшихъ братьевъ. И потому, гонимый и страдающій въ началѣ, онъ представляется въ концѣ торжествующимъ надъ другими. „Въ царскій звѣринецъ,—такъ разсказывается въ сказкѣ *Звѣрь-Норка* (1),—повадился Звѣрь-Норка и постоянно похищалъ изъ него звѣрей. Царь приказалъ своимъ тремъ сыновьямъ каждую ночь по очередно караулить звѣринецъ. Старшіе сыновья прогуляли свои ночи въ трактирѣ и, разумѣется, не видали звѣря; но младшій добросовѣстно караулилъ и хотя не поймалъ звѣря, но узналъ, гдѣ онъ скрывается. Спасаясь отъ преслѣдованія младшаго брата, Норка подбѣжалъ къ огромному бѣлому камню и скрылся подъ нимъ въ землю. По общему совѣту отца и братьевъ, положено было спуститься за звѣремъ подъ землю на веревкѣ; но у старшихъ братьевъ не достало силы поднять камень. Поднявъ камень, младшій братъ предложилъ старшимъ спуститься въ землю; но они струсили и отказались. Тогда младшій спустился одинъ, сказавши братьямъ, чтобы они тянули веревку къ верху, когда она затрясется. Въ подземномъ царствѣ у Норки было три сестры красавицы. Взявши съ младшаго брата обѣщаніе, что онъ выведетъ ихъ на свѣтъ, онѣ научили его, какъ можно побѣдить Норку. Побѣдивъ звѣря, младшій братъ привязалъ къ веревкѣ трехъ красавицъ и потрясъ ее; старшіе братья вытащили ихъ и снова опустили веревку. Теперь слѣдовало ему самому привязаться; но, зная зависть и злобу братьевъ, онъ подумалъ, что они захотятъ завладѣть одни сестрами, и, чтобы погубить его, непремѣнно обрѣжутъ веревку, и потому, для опыта, вмѣсто себя, онъ привязалъ къ веревкѣ камень. Предположеніе оправдалось; братья, дѣйствительно, обрѣзали веревку на такой высотѣ, что привязанный къ ней камень совершенно разшибся. Младшій братъ одинъ остался въ подземномъ царствѣ, и, не видя средствъ выйти оттуда, горько заплакалъ. Вдругъ поднялась сильная буря; чтобы укрыться отъ нея, онъ подходитъ къ одному дереву, и видитъ, что на немъ въ гнѣздѣ сидятъ маленькія птич-

(1) Сказки Аѳанас. Вып. I. № 6.

ки, и совсѣмъ измокли отъ дождя. Забывая свое положеніе, онъ, по чувству состраданія, снялъ съ себя платье и прикрылъ имъ птичекъ. Вскорѣ прилетѣла огромная птица-мать этихъ птичекъ. Узнавъ, что онъ прикрылъ ея дѣтей отъ дождя, она въ награду за это вынесла его на себѣ на землю, гдѣ онъ обличилъ своихъ злыхъ братьевъ.—Старикъ отецъ,—говорится въ другой сказкѣ (царевна Елена прекрасная) (1),—при смерти своей, просилъ своихъ сыновей приходить къ нему на могилу читать по очереди; старшіе братья, хотя и дали обѣщаніе, но не пошли на могилу, а младшій читалъ по три ночи, не только за себя, но и за нихъ, и въ награду за это получилъ отъ отца коня, съ помощію коего досталъ себѣ невѣсту, Елену прекрасную, которой напрасно домогались старшіе братья. Въ другихъ сказкахъ (2) младшій братъ награждается за то, что, желая помочь больному отцу, рѣшается достать цѣлительныхъ средствъ, подвергая себя страшнымъ опасностямъ. Такимъ образомъ, младшаго брата сказка награждаетъ за его добродушіе, состраданіе, любовь и послушаніе, и вообще цѣнитъ въ немъ прямоту, честность и доброту его нравственнаго характера, совершенно противоположнаго характеру хитрыхъ, эгоистическихъ и злыхъ старшихъ братьевъ.

Ко второму роду относятся тѣ сказки, въ которыхъ миѳическіе образы смѣняются христіанскими представленіями, и нравоописательный элементъ становится преобладающимъ. Изъ нихъ особенно замѣчательны сказки *о правдѣ и кривдѣ* и *о богатствѣ и бѣдности*. Вотъ содержаніе одной сказки *о правдѣ и кривдѣ* (3). „Два мужика—правдивый и криводушный—спорили между собою о томъ, чѣмъ лучше жить на свѣтѣ—правдой или кривдой, и, не могши разрѣшить спора, потому что каждый изъ нихъ настаивалъ на своемъ, они положили—спросить объ этомъ „до трехъ разъ тѣхъ, кто встрѣтится съ ними на дорогѣ. Прежде всего они увидѣли барскаго мужика, который землю пахалъ; „какъ лучше жить на свѣтѣ, спросили они его, правдой или кривдой?“ „Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, правдой вѣкъ прожить не сможешь; кривдой жить легче: вотъ и наше дѣло, изъ-за неволи прикинешься, будто нездоровъ.... а самъ между тѣмъ въ лѣсъ съѣздишь за дровами не днемъ такъ ночью, если запретъ есть“. Потомъ они встрѣтили купца и предложили ему тотъ же вопросъ; „правдой жить мудрено, сказалъ купецъ, насъ обманываютъ, и мы

---

(1) Сказки Аѳанасьева, Вып. VI. № 26. (2) Тамъ же, Вып. VII. № 9. Вып. VIII. № 4.

(3) Сказки Аѳанасьева. Вып. I. № 10. Другія сказки о правдѣ и кривдѣ смотр. тамъ же, Вып. V. № 13. Вып. VI. № 15.

обманываемъ". Наконецъ попался имъ прикащикъ; но онъ, по-видимому, и отвѣчать имъ не хотѣлъ, когда они спросили его: какъ лучше жить на свѣтѣ—правдой или кривдой; „нашли, сказалъ онъ, о чемъ спрашивать; какая нынче правда; за правду въ Сибирь попадешь, скажутъ—кляузникъ". Такимъ образомъ, всѣ трое говорили противъ правдиваго; несмотря на то, правдивый остался при своемъ мнѣніи, что „надо жить правдой". Пошли они, говоритъ далѣе сказка, странствовать. Криводушный умѣлъ ко всѣмъ приладиться, умѣлъ всѣмъ польстить и угодить, и за то его вездѣ кормили, и всего ему давали, а правдивый, при своей прямотѣ и честности, часто долженъ былъ голодать. Однажды у правдиваго долго совсѣмъ нечего было ѣсть; онъ попросилъ у криводушнаго кусочекъ хлѣба; тотъ согласился дать, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы выколоть у него глазъ. Умирающій съ голоду правдивый рѣшился пожертвовать своимъ глазомъ. Спустя нѣсколько времени, правдиваго опять началъ мучить сильный голодъ; онъ опять сталъ просить у криводушнаго кусочекъ хлѣба; криводушный потребовалъ за него другой глазъ. Сколько ни убѣждалъ его правдивый пожалѣть его, криводушный не согласился; „за то ты правдивый,—говоритъ онъ ему съ насмѣшкой—а я живу кривдой". Выколовъ у правдиваго оба глаза, криводушный оставилъ его одного на дорогѣ. Но сказка не оставляетъ правдиваго и награждаетъ его за правоту чудеснымъ образомъ.—Послѣ горячей молитвы къ Богу, на котораго только и оставалось надѣяться правдивому, онъ услышалъ голосъ, который повелѣваетъ ему идти на гремучій ключь, умыться изъ него водой, потомъ взлѣзть на одинъ дубъ и остаться тамъ на ночь. Умывшись водою изъ указаннаго ключа, правдивый прозрѣлъ, и, нашедши дубъ, взлѣзъ на него. Въ полночь къ этому дубу слетѣлись нечистые духи и начали разговаривать между собою. Вотъ уже десять лѣтъ, говорилъ одинъ духъ другимъ, какъ я вселился въ такую-то царевну и мучу ее; выгнать меня можетъ только тотъ, кто достанетъ образъ Смоленской Божіей Матери, поставленный на воротахъ въ кіоти у такого-то купца. Выслушавъ все это, правдивый на другой день отправился къ купцу, трехлѣтней работой у него пріобрѣлъ образъ, и, явившись съ нимъ къ царю, исцѣлилъ царевну. Въ награду за это царь выдалъ царевну за него замужъ. Наградивъ правдиваго за его правоту и терпѣніе, сказка не оставляетъ криводушнаго безъ наказанія. Увидѣвъ правдиваго и узнавъ, какимъ образомъ онъ сдѣлался богатымъ и знатнымъ, криводушный и самъ вздумалъ добиться такого-же счастія, и отправился къ тому дубу, подъ которымъ, по указанію правдиваго, собирались нечистые духи на совѣщаніе; но его постигла совсѣмъ иная участь: духи замѣтили его на дубу и

растерзали на мелкія части. Смыслъ всей сказки такой: хотя правда не уважается на землѣ, и правдивымъ людямъ приводится только терпѣть и страдать, но все же должно жить правдой; за нее награждаетъ Богъ, а за неправду Онъ наказываетъ. Какъ въ борьбѣ правды съ неправдою народная сказка перевѣсъ и конечное торжество предоставляетъ правдѣ, такъ и при изображеніи богатства и бѣдности, она становится на сторону честной и правдивой бѣдности, и, награждая ее, наказываетъ въ то-же время богатство, соединенное съ неправдою. Такова, напр., сказка *о Маркѣ богатомъ и Василіи безчастномъ* (1). Марко былъ богатый купецъ, но не милостивый; особенно онъ терпѣть не могъ нищихъ и приказывалъ травить ихъ собаками, когда они къ нему приходили. За такую жестокость Богъ опредѣлилъ отнять у Марка богатство и передать его только что родившемуся сыну самаго бѣднаго крестьянина, Василію безчастному. Узнавъ объ этомъ, Марко тотчасъ отправился къ отцу Василія; вызвался быть его крестнымъ отцемъ и выпросилъ его себѣ на воспитаніе; но, возвращаясь домой, на дорогѣ бросилъ его въ оврагъ. Здѣсь нашли Василія купцы, ѣхавшіе къ Марку съ деньгами, и взяли его съ собой. Марко выпросилъ Василія у купцовъ, согласившись за него простить имъ долгъ, который они привезли къ нему. Въ судьбѣ Василія приняла участіе дочь Марка, добрая и милостивая къ бѣднымъ, Анастасія прекрасная, но Марко въ одну ночь посадилъ Василія въ боченокъ и бросилъ въ воду. Боченокъ приплылъ къ одному монастырю; монахи поймали его и воспитали Василія. Марко заѣхалъ однажды въ монастырь на богомолье и узналъ здѣсь своего крестника. Онъ предложилъ игумену монастыря 25 рублей вкладу и выпросилъ опять себѣ Василія въ прикащики. Желая погубить его, онъ послалъ его къ своей женѣ съ письмомъ, въ которомъ онъ приказалъ, при первомъ же случаѣ, столкнуть его въ кипучій котелъ на мыльномъ заводѣ. Но на дорогѣ встрѣтился Василію старецъ, который чудеснымъ образомъ измѣнилъ содержаніе письма; жена Марка нашла въ письмѣ приказаніе отдать замужъ за Василія дочь, Анастасію-прекрасную, и тотчасъ исполнила его. Страшно разсердился Марко, когда, возвратившись домой, нашелъ Василія своимъ зятемъ. Чтобы вѣрнѣе погубить его, онъ наконецъ послалъ его къ царю змію на съѣденіе; но Василій и отъ змѣя спасся и возвратился домой съ 12 кораблями, которые далъ ему тотъ же старецъ, сдѣлавшій его зятемъ Марка; Марка же старецъ сдѣлалъ перевозчикомъ, который вѣчно долженъ всѣхъ пе-

---

(1) Сказки Афанасьева. Вып. I. № 13.

ревозить черезъ рѣку. Такимъ образомъ, по смыслу сказки, чѣмъ богаче дѣлается человѣкъ, тѣмъ скупѣе становится, жаднѣе и немилостивѣе. Такой же взглядъ на богатство выражается и въ пословицахъ: „не отъ скудости скупость вышла, а отъ богатства"; „чѣмъ богатѣе, тѣмъ скупѣе"; „будешъ богатъ, будешъ и скупъ"; „залѣзъ въ богатство, забылъ и братство".

Чѣмъ древнѣе сказки, по своему происхожденію, тѣмъ болѣе онѣ отличаются наивностію и простотою взгляда, ровностію и спокойствіемъ тона; но, съ теченіемъ времени, сказка мало по малу утрачиваетъ эти качества, и, подчиняясь требованіямъ времени, становится выраженіемъ разныхъ взглядовъ и направленій и наконецъ получаетъ характеръ сатирическій. Являются сказки *сатирическія*, въ которыхъ, какъ вообще въ сатирическихъ произведеніяхъ, осмѣиваются разныя смѣшныя и неправильныя явленія жизни, разные недостатки и пороки. Къ такимъ сказкамъ относятся, напр. сказки: о *Шемякиномъ судѣ* и о *Ершѣ Ершовичѣ Щетинникѣ*. Сюда же относятся всѣ сказки о разныхъ пройдохахъ, ворахъ, разбойникахъ, жидахъ, татарахъ, цыганахъ, неимѣющія никакой серьезной цѣли, а служащія только забавѣ и шуткѣ.

Есть сказки, содержаніе которыхъ заимствовано изъ былинъ. Таковы напр. сказки объ Ильѣ Муромцѣ, объ Алешѣ Поповичѣ, Нѣкоторыя сказки передѣланы изъ западныхъ повѣстей и сказокъ; напр. извѣстная сказка о Бовѣ Королевичѣ составляетъ передѣлку одной итальянской поэмы XIV в. „Buovo d'Antona". Сказка о „Петрѣ—златыхъ ключахъ" есть также отрывокъ изъ одной западной повѣсти о графѣ Петрѣ Прованскомъ ([1]). Эти сказки перешли къ намъ съ запада чрезъ Польшу и сначала, разумѣется, обращались въ книжной литературѣ, изъ которой потомъ перешли въ народъ.

Средствомъ къ распространенію въ народѣ сказокъ съ иноземнымъ содержаніемъ и вообще сказокъ книжнаго происхожденія служили, между прочимъ, и до сихъ поръ служатъ такъ называемыя „*Лубочныя картинки*". Всего чаще встрѣчаются на лубочныхъ картинкахъ сказки „о Бовѣ Королевичѣ, Еруланѣ Лазаревичѣ, семи Семіонахъ, объ Иванѣ царевичѣ, жаръ-птицѣ и сѣромъ волкѣ". Но особенно въ нихъ много сказокъ сатирическаго или забавнаго содержанія, между которыми самая обыкновенная сказка—„*Погребеніе кота мышами*".

Особый отдѣлъ сказокъ составляютъ сказки о животныхъ, называемыя *животнымъ или звѣринымъ эпосомъ*, хотя не совсѣмъ

([1]) Очеркъ лит. ист. пов. и сказ. рус. Пыпина, стр. 233, 234.

точно, потому что кромѣ животныхъ, въ нихъ разсказывается и о разныхъ неодушевленныхъ предметахъ. Эти сказки получили начало свое еще въ тѣ древнія времена, когда, при младенческомъ взглядѣ на природу и подъ преобладающимъ вліяніемъ фантазіи, народъ любилъ придавать разумную жизнь всему окружающему, влагая свою человѣческую мысль, чувство и слово не только въ животныхъ, но и въ неодушевленные предметы. Основные мотивы сказокъ о животныхъ, какъ и мотивы сказокъ миѳическихъ, очень сходны у всѣхъ народовъ индо-европейскаго племени. Это даетъ право предполагать, что всѣ сходные мотивы въ сказкахъ образовались еще въ то время, когда всѣ эти народы находились въ нераздѣльности. При сходствѣ въ основныхъ мотивахъ, въ сказкахъ много и особенностей. Сообразно съ разными мѣстностями, у однихъ народовъ дѣйствующими лицами или героями сказокъ чаще являются одни животныя, у другихъ—другія: въ восточныхъ сказкахъ, напр. индійскихъ—тигръ, въ греческихъ—левъ, въ нѣмецкихъ, славянскихъ и русскихъ—волкъ, медвѣдь и лиса. Сказки о лисѣ особенно были распространены въ средніе вѣка въ западной Германіи, сѣверной Франціи и Фландріи и въ XII—XIII в. получили даже литературную обработку, подъ названіемъ *Reinhart Fuchs*. Наши сказки также разсказываютъ преимущественно о волкѣ, медвѣдѣ и лисѣ („Лиса и Волкъ", „Лиса и Пѣтухъ", „Лиса и Заяцъ", „Лиса на ночлегѣ", „Лиса-плачея", „Мужикъ, Медвѣдь и Лиса"). Лиса изображается хитрымъ животнымъ; при помощи своей хитрости, она всегда беретъ верхъ надъ другими сильными, но недогадливыми животными, особенно волкомъ и медвѣдемъ. Изъ другихъ животныхъ въ нашихъ сказкахъ изображаются: заяцъ, котъ, козелъ и баранъ; изъ птицъ—пѣтухъ, гуси, лебеди и утки.

III. РУССКІЯ ПОСЛОВИЦЫ.

Пословицами (1) называются краткія изреченія, въ которыхъ выражаются мысли и сужденія, вѣрованія и суевѣрія и правила житейской мудрости народа, характеризуются разныя явленія жизни и историческія событія. Мысли и правила выражаются

(1) Встарину пословица называлась притчею. «Есть притча въ Руси и до сего дне», говоритъ Несторъ, «погибоша, аки Обре». Эта притча въ послѣдствіи стала называться пословицею. Въ словѣ Даніила Заточника пословицы называются также притчами. Изданія пословицъ: «Русскія народныя пословицы

въ пословицахъ иногда прямо и непосредственно, напр. „всегда себя покоить, такъ дому не устроить“; иногда въ формѣ сравненія, напр. „конь узнается при горѣ, а другъ при бѣдѣ“, „глядя на лѣсъ не выростешь, смотря на людей богатъ не будешь“; иногда въ формѣ указанія на какой-нибудь частный случай, которому придается общее значеніе, напр. „за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь“, „обожжешься на молокѣ, будешь дуть и на воду“; или наконецъ въ формѣ указанія на какое-нибудь историческое событіе, напр. „погибоша, аки Обре“, „погибъ, какъ шведъ подъ Полтавою“. Поэтому, большая часть пословицъ имѣютъ два смысла—одинъ, который прямо представляется въ указываемомъ случаѣ, а другой общій смыслъ, который изъ него выводится или только подразумѣвается; поэтому и говорится: „пословица заднимъ умомъ живетъ“. Эта образная форма выраженія мыслей составляетъ отличительную черту пословицъ и придаетъ имъ поэтическій характеръ: „голая рѣчь не пословица“ или „одна рѣчь не пословица“. Словесное выраженіе въ пословицахъ отличается особымъ мѣрнымъ складомъ и созвучіемъ словъ или въ началѣ и срединѣ пословицы, что называется аллитераціей, напр. „отъ сумы, да отъ тюрьмы не отрекайся“, или въ концѣ, т. е. риѳмою, напр. „не проси у богатаго, проси у тороватаго“.

Пословицы не сочинялись народомъ намѣренно, а возникали въ немъ естественно, вызываемыя самою жизнію народною, умножались постепенно, вмѣстѣ съ историческимъ ходомъ развитія жизни и народной и книжной словесности, подъ вліяніемъ коей многія изъ нихъ и образовались. Поэтому на пословицахъ отпечатлѣлись слѣды разныхъ временъ. Есть пословицы весьма древнія, въ которыхъ можно видѣть слѣды еще миѳическихъ вѣрованій нашихъ предковъ. По замѣчанію Буслаева въ пословицахъ: „изъ пустаго дупла—либо сычь, либо сова, либо самъ сатана“; „горы да овраги—чертово житье“; „всякому черту вольно въ своемъ болотѣ бродить“; „вѣнчали вокругъ ели, а черти пѣли“ со-

---

и притчи» 1848 г.; дополненіе къ послѣднему сборнику было напечатано г. Буслаевымъ во 2-мъ томѣ Архива Калачова въ 1854 г.; въ 1857 г. Снегиревъ издалъ новый сборникъ пословицъ. Самый полный сборникъ русскихъ пословицъ напечатанъ В. И. Далемъ: «Пословицы русскаго народа». Москва 1862. «Малороссійскія пословицы, поговорки и загадки и Галицкія приповѣдки собр. Н. Закревскій» М. 1860 г.; Южно-русскія пословицы въ Трудахъ Географ. экспедиціи т. I. вып. 2 (1877 г.). Сборникъ Бѣлорусскихъ пословицъ И. И. Носовича напечатанъ въ Сборн. 2-го Отд. Ак. Наукъ т. XII.

храняется память о древнихъ языческихъ обрядахъ (почитаніи дуплинъ древяныхъ, горъ, рѣкъ, озеръ и вѣнчаніи вокругъ ракитова куста) и языческихъ божествахъ, которыя, съ появленіемъ христіанства, въ воображеніи нашихъ предковъ, превратились въ злыхъ духовъ. Есть пословицы историческія, указывающія на разныя историческія эпохи. Такъ пословицы или притчи: „погибоша, аки Обре"; „бѣда аки въ Роднѣ"; „Радимичи Волчья Хвоста бѣгаютъ"; „Путята крести (Новгородцевъ) мечемъ, а Добрыня огнемъ" (Нестор. Лѣт.) указываютъ на самыя первыя времена исторіи. Такъ пословица: „съ добрымъ думцею (совѣтникомъ) князь высокаго стола додумается, а съ лихимъ думцею и малаго стола лишенъ будетъ" (изъ слова Даніила Заточника) указываетъ на времена удѣловъ. Пословицы: „не во время гость хуже татарина"; „тутъ словно Мамай воевалъ"; „постой татаринъ, дай саблю вынуть"; „каковъ ханъ, такова и орда"; „хоть въ орду, такъ пойду" (т. е. судиться) говорятъ о владычествѣ татаръ. Пословица: „семеро пойдутъ, Сибирь возьмутъ" составилась, вѣроятно, послѣ покоренія Сибири небольшою шайкою Ермака. Пословица: „вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ день" указываетъ на время уничтоженія, при Борисѣ Годуновѣ, крестьянскихъ выходовъ, происходившихъ въ Юрьевъ день (св. Георгія). Пословицы: „пропалъ, какъ шведъ подъ Полтавою"; „голодный французъ и воронѣ радъ" говорятъ о пораженіи Карла XII и бѣдствіяхъ французовъ въ Россіи въ 1812 г.

Однѣ пословицы составились подъ вліяніемъ книгъ св. Писанія, или вообще церковнаго ученія; таковы пословицы религіозныя и нравственныя: „Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ"; „сила Господня въ немощи совершается"; „Господь богатитъ и выситъ, убожитъ и смиряетъ"; „коли Господь не сохранитъ града, то всуе стража и ограда"; „Богъ далъ, Богъ и взялъ"; „Богъ тому даетъ, кто правдою живетъ"; „материна молитва со дна моря вынимаетъ". Особенно много вошло въ пословицы изреченій изъ Псалтири и изъ книгъ Притчей, Екклезіаста, Премудрости Соломона и Премудрости Іисуса, сына Сирахова. Другія пословицы составились подъ вліяніемъ произведеній народной поэзіи—былинъ, пѣсенъ и сказокъ. Таковы напр.: „то старина, то и дѣянье" (изъ былины); „отъ радости кудри вьются, въ печали сѣкутся" (изъ пѣсни); „носъ вытащитъ, хвостъ увязитъ, хвостъ вытащитъ, носъ увязитъ" (изъ сказки о журавлѣ); „корова съ медвѣдемъ (или волкомъ) тягалась, хвостъ да рога остались" (изъ сказки о медвѣдѣ и волкѣ). Пословицы: „прямой что дурной" т. е. глупый; „глупый да малый всегда говорятъ правду"; „дурному горя не ма"; „дурному страху не ма", составились на основаніи сказокъ „о трехъ братьяхъ". Большая же часть пословицъ образовалась чрезъ наблю-

деніе надъ жизнію, общественною и частною, какъ естественный выводъ изъ разныхъ ея явленій, случаевъ, положеній и обстоятельствъ. Таковы пословицы о значеніи міра—народа: „гласъ народа—гласъ Божій“; „міръ великъ человѣкъ“; Пословицы о значеніи дома—семьи: „всякъ домъ по большу голову стоитъ“. Пословицы, выражающія разныя практическія и житейскія истины и наставленія: „бѣлыя руки чужіе труды любятъ“; „частыя пирушки изведутъ полушки“; „счастье безъ ума—дырявая сума, гдѣ найдешъ, тамъ и сгубишъ“; „новая метла чисто мететъ“, „рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ гдѣ лучше“; „ретивая лошадка не долго живетъ“; „не будетъ пахатника, не будетъ и бархатника“; „въ чужихъ рукахъ всегда ломоть великъ кажется, а какъ намъ достанется, такъ и малъ покажется“; „не все то перенять, что по рѣкѣ плыветъ, не все то переслушать, что люди говорятъ“; „не бойся той собаки, которая лаетъ, а бойся той, которая изъподтишка кусаетъ“; „въ большомъ мѣстѣ сидѣть, надо много ума имѣть“. При этомъ пословицы кратко, но иногда чрезвычайно мѣтко, обрисовываютъ разныя положенія, нравы и обычаи въ народной жизни и разные характеры людей. Въ этомъ отношеніи интересны пословицы: „въ дѣвкахъ сижено — горе мыкано; замужъ выдано — вдвое прибыло“; „плачетъ какъ на дѣвичникѣ“; „въ лѣсу медвѣдь, а дома мачиха“; „за чужую душу одна сваха божится“. Изъ пословицъ, обрисовывающихъ разные характеры людей, можно указать на слѣдующія: „у злой Натальи всѣ люди канальи“ (злой человѣкъ); „шипитъ, какъ каленое желѣзо, когда плюнешь“ (человѣкъ горячій, раздражительный); „его семью пестами въ ступѣ не попадешь“ (увертливый); „его въ ступѣ пестомъ не умелешъ“ (упрямый); „идетъ въ сапогахъ, а слѣдъ босикомъ“ (хитрый); „на небо посматриваетъ, а по землѣ-то пошариваетъ“ (разсчетливый ханжа); „гдѣ ни ступитъ тутъ и стукнетъ“ (увалень); „лепечетъ, что сорока“ (скороговорчатый); „сказалъ что отрубилъ„ (говорящій отрывисто и рѣшительно); „говоритъ что рѣка льется“ (плавно и связано); „воркуетъ какъ голубокъ“ (ласково и нѣжно); „что слово молвитъ, то рублёмъ подаритъ“ (говоритъ хорошо и дѣльно).

Такимъ образомъ, пословицы образовались въ разныя времена, чрезъ наблюденіе надъ жизнію, и суть не что иное, какъ выводы, сдѣланные изъ разнообразныхъ ея явленій. Поэтому, какъ взятыя непосредственно изъ жизни, пословицы легко и сами собою примѣняются къ разнымъ ея случаямъ. Особенно встарину, когда не было книгъ и книжнаго образованія, онѣ пользовались высокимъ уваженіемъ и имѣли значеніе правила и руководства въ жизни. Такое значеніе пословицы и до сихъ поръ сохраняютъ въ нашемъ простомъ народѣ, который употребляетъ ихъ для подтвержденія своихъ

мыслей, для оправданія своихъ поступковъ, для обличенія или обвиненія другихъ. „Старинная пословица во вѣкъ не сломится“; „на пословицу суда нѣтъ“, говорятъ о себѣ сами пословицы. Самособою разумѣется, что не всѣ пословицы могутъ имѣть такое значеніе; есть много пословицъ грубыхъ и оскорбительныхъ для нравственнаго чувства, выражающихъ ложный, превратный взлядъ на дѣла и отношенія людей. Впрочемъ, подобныя пословицы народъ и не относитъ къ настоящимъ пословицамъ: „не всякая рѣчь пословица“, говоритъ онъ, „пень не околица, глупая рѣчь не пословица“.

Отъ настоящихъ пословицъ надобно отличать поговорки, присловья или присказки. „Поговорка цвѣточекъ, пословица ягодка“, говоритъ народъ. Поговорка, не имѣя полнаго смысла, заключаетъ только намекъ на какую-нибудь мысль; напр. „на поминѣ легокъ“, „какъ снѣгъ на голову“. Приговорка, присловіе или присказка прибавляется въ рѣчи, при разсказѣ или описаніи чего нибудь, какъ простое украшеніе; напр. „ни дать ни взять, ни вздумать ни взгадать, ни перомъ описать“; „не по днямъ, по часамъ растетъ“; „скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается“.

Загадки. Къ произведеніямъ народной словесности относятся еще *загадки и заговоры* или *заклятія*. Загадки составляютъ одну изъ первоначальныхъ формъ поэзіи у каждаго народа; особенно въ большомъ уваженіи онѣ были у восточныхъ народовъ, какъ признакъ мудрости и того, кто можетъ давать загадки, и того, кто способенъ отгадывать ихъ. Въ настоящее время интересъ загадокъ заключается въ томъ, что въ нихъ выражаются еще древнѣйшія представленія народа о разныхъ явленіяхъ природы; таковы напр. загадки о солнцѣ, о мѣсяцѣ, о солнечномъ лучѣ: „изъ окна въ окно золото бревно (въ другихъ—веретено)“; о зарѣ и росѣ: „заря заряница, красная дѣвица, врата запирала, по полю гуляла, ключи потеряла, мѣсяцъ видѣлъ, солнце скрало“. Нѣкоторыя изъ этихъ загадокъ указываютъ еще на ту эпоху, когда явленія природы и свѣтила небесныя представлялись еще въ животныхъ образахъ; таковы загадки: о мѣсяцѣ: „сивый жеребецъ чрезъ прясло (или: подъ ворота) глядитъ“; о громѣ: „конь бѣжитъ, земля дрожитъ“; о ночи и днѣ: „черная корова весь міръ поборола, а бѣлая подняла“. Загадка всегда имѣетъ метафорическую форму. Вся трудность и вся сущность загадки, замѣчаетъ Аѳанасьевъ, именно въ томъ и заключается, что одинъ предметъ она старается изобразить чрезъ посредство другого, какой-нибудь стороной аналогическаго съ первымъ. Сравненія въ загадкахъ часто весьма наивны и не замысловаты; мѣсяцъ, напр., сравнивается то „съ краюшкою хлѣба“, то „съ кус-

комъ творогу"; иногда мѣсяцъ называется пастухомъ, а звѣзды стадомъ; небо, усѣянное звѣздами, сравнивается съ рогожкою, по которой раскиданы горошины. Большая часть загадокъ по содержанію довольно пусты; въ нихъ изображаются обыкновенные предметы и случаи обыденной жизни.

Заговоры или заклятія. Заговоры или заклятія принадлежатъ къ области такъ называемаго *народнаго знахарства* и сохраняются между людьми, слывущими въ народѣ *колдунами*, *вѣдунами*, *знахарями*. Они составляютъ остатокъ еще языческой старины, когда были обоготворяемы разныя силы и явленія природы, когда вѣрили, что посредствомъ молитвенныхъ словъ и обрядовъ можно привлечь къ себѣ ихъ благотворное вліяніе и уничтожить или остановить ихъ вредное дѣйствіе, когда думали, что физическія явленія и разные вещественные предметы могутъ имѣть вліяніе и на нравственныя качества людей, на ихъ добрыя и дурныя дѣйствія. Въ заговорахъ постоянно дѣлаются обращенія къ солнцу, мѣсяцу, звѣздамъ, зарѣ, вѣтрамъ, огню, грому, дождю, водамъ; упоминаются Окіанъ-море, островъ-Буянъ, камень-Латырь, встрѣчающіеся въ другихъ произведеніяхъ народной словесности. „Гой еси, Солнце жаркое! не пали и не пожигай ты овощъ и хлѣбъ мой, а жги и пали куколь и полынь-траву".—„Гой еси ты, Зоря утренняя и ты, Зоря вечерняя! пади ты на мою рожь, чтобы она росла—какъ лѣсъ высока, какъ дубъ толста".—„Матушка, Зоря вечерняя, утренняя, полунощная! какъ вы тихо потухаете-поблекаете, такъ бы и болѣзни и скорби въ рабѣ Божіемъ (имя рекъ) потухли и поблекли—денныя, ночныя и полуночныя". —„Мѣсяцъ, ты мѣсяцъ,—серебренные рожки, златыя твои ножки! сойди мѣсяцъ, сними мою зубную боль, унеси боль подъ облака".—Очевидно, заговоры выродились изъ молитвенныхъ обращеній къ стихіямъ и силамъ природы, которыя во времена язычества произносились жрецами и въ послѣдствіи перешли къ смѣнившимъ жрецовъ колдунамъ и знахарямъ. Въ христіанскія времена, вмѣсто свѣтилъ небесныхъ, стихій и силъ природы, съ молитвою о помощи во всѣхъ дѣлахъ, въ болѣзняхъ и несчастныхъ случаяхъ, начали обращаться къ Спасителю и Богоматери, къ ангеламъ и святымъ; но въ то же время и языческія молитвы не забывались; только къ языческимъ представленіямъ въ нихъ примѣшались христіанскія понятія, и въ заговорахъ, рядомъ съ краснымъ солнцемъ, свѣтлымъ мѣсяцемъ и матушкой-сырой землей, стали употребляться имена Спасителя, Богоматери и Святыхъ. Такимъ путемъ составились тѣ лживыя молитвы и заговоры, о которыхъ говорится въ извѣстномъ индексѣ запрещенныхъ книгъ.

ДРЕВНЕ-РУССКАЯ КНИЖНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Книжная словесность появилась у насъ вмѣстѣ съ Христіанскою вѣрою, когда изъ Болгаріи были принесены къ намъ священныя и богослужебныя книги на славянскомъ языкѣ. Славянская азбука изобрѣтена и переводъ книгъ на славянскій языкъ сдѣланъ во второй половинѣ IX в. св. апостолами славянскими, Кирилломъ и Меѳодіемъ. Разсказывая объ изобрѣтеніи ими славянской азбуки, Болгарскій писатель (конца IX или начала X в.), черноризецъ Храбръ говоритъ: „Прежде убо Славяне не имѣяху книгъ (письменъ), но чертами и рѣзами читаху и гадаху, погани суще; крестивше же ся римскими и греческими письмены нуждахуся писати Словенску рѣчь безъ устроя (безъ порядка)..... Потомъ же человѣколюбецъ Богъ, строяй вся и не оставляяй человѣча рода безъ разума, но вся къ разуму приводя и спасенію, помиловавъ родъ Словенскъ, посла имъ святаго Константина философа, нарицаемаго Кирилла, мужа праведна и истинна, и сотвори имъ письмена тридесять и осмь, ова убо по чину греческихъ письменъ, ова же по словенстѣй рѣчи". Изъ этихъ словъ черноризца Храбра видно, что и у другихъ славянъ, до изобрѣтенія славянской азбуки св. Кирилломъ, не было настоящей письменности, а употреблялись только какія-то *черты и рѣзы* (ученые называютъ ихъ рунами), которыя, однакожъ, были не способны для выраженія христіанскаго ученія; Славяне, принимавшіе христіанство до изобрѣтенія азбуки, должны были писать славянскую рѣчь греческими и римскими буквами.

Святые Кириллъ (въ свѣтскомъ званіи Константинъ, р. 827 г., умеръ 869) и Меѳодій (ум. 885 г.) были родные братья, дѣти одного Солунскаго патриція, по имени Льва ([1]). Солунь (Ѳессалоники) былъ главнымъ городомъ Македоніи, которая прежде была

([1]) Сочиненія о Кириллѣ и Меѳодіи, какъ славянскихъ апостолахъ и основателяхъ славянской письменности (А. В. Горскаго, арх. Филарета, В. И. Григоровича, М. П. Погодина, Ѳ. И. Буслаева, А. Ѳ. Гильфердинга, А. Е. Викторова и другихъ) помѣщены въ Кирилло-Меѳодіевскомъ сборникѣ, изданномъ М. П. Погодинымъ. Москва 1865 г. Меѳодіевскій юбилейный сборникъ, изданный Импер. Варшавскимъ университетомъ къ 6 апрѣля 1885 года, подъ редакціею орд. проф. А. Будиловича. Варшава. 1885 г.

преимущественно страною славянскою. Меѳодій былъ старшій братъ. Послѣ домашняго воспитанія, онъ поступилъ въ военную службу и былъ нѣсколько лѣтъ правителемъ одной славяно-греческой области, но потомъ постригся въ монашество въ одномъ монастырѣ (Полихроніевомъ), на горѣ Олимпѣ. Младшій братъ, Кириллъ, еще въ дѣтствѣ отличался богатыми способностями и съ такою страстію занимался ученіемъ, что на него обратилъ вниманіе бывшій опекунъ царевича Михаила, логоѳетъ Ѳеоктистъ, и вызвалъ его въ Константинополь для образованія вмѣстѣ съ Михаиломъ. Въ Константинополѣ въ это время былъ значительный кружокъ образованныхъ людей, которые ревностно начали изучать не только отцовъ Церкви, но и греческихъ и римскихъ писателей. Во главѣ этого кружка стоялъ знаменитый Фотій, бывшій потомъ цареградскимъ патріархомъ. Кириллъ сдѣлался его ученикомъ, и подъ его руководствомъ изучалъ словесныя, философскія и математическія науки. Богатыя дарованія, обширное образованіе и покровительство логоѳета Ѳеоктиста при дворѣ открывали Кириллу путь къ блестящимъ почестямъ въ свѣтѣ; но онъ отказался отъ нихъ, принялъ санъ священника и занялъ мѣсто библіотекаря при церкви св. Софіи, но потомъ скрылся въ монастырь, и только по настоянію друзей возвратился въ столицу и принялъ должность учителя философіи и званіе философа, которое и сохранилось за нимъ въ потомствѣ. Первымъ опытомъ собственно апостольскихъ трудовъ Кирилла было его путешествіе (около 851 г.) къ милитенскому эмиру, куда онъ былъ посланъ для состязанія съ магометанами. По возвращеніи изъ этого путешествія, онъ отправился къ брату своему Меѳодію. Меѳодій, наскучивъ міромъ, постригся въ монашество на горѣ Олимпѣ. Здѣсь братья проводили время въ ученіи и духовныхъ подвигахъ. Здѣсь, думаютъ, они и начали переводить священныя книги на славянскій языкъ. Но такая мирная жизнь ихъ не долго продолжалась. Около 858 г. въ Константинополь прибыло посольство изъ земли хазарской, съ просьбою прислать мудраго и книжнаго учителя для борьбы съ іудеями и сарацинами. Царь Михаилъ III и патріархъ Фотій отправили къ хазарамъ Кирилла и Меѳодія. Путь ихъ изъ Константинополя къ хазарскому хану лежалъ чрезъ Корсунь (Херсонесъ на берегу Чернаго моря, близъ нынѣшняго Севастополя). Въ Корсунѣ Кириллъ остановился и изучилъ Еврейское нарѣчіе и открылъ мощи священномученника Климента, папы римскаго. Въ одномъ изъ житій сохранилось еще такое свидѣтельство, будто въ Херсонесѣ Кириллъ познакомился съ однимъ русиномъ и нашелъ переложенныя на русскій языкъ Евангеліе и Псалтирь, написанныя русскими (рушскими) письменами, подъ которыми

одни ученые разумѣютъ глагольскія, а другіе—готскія письмена. Взявъ мощи св. Климента, Кириллъ и Меѳодій отправились къ хазарскому хану. Ханъ принялъ ихъ весьма дружелюбно, и хотя самъ не крестился, но позволилъ креститься свободно всякому, кто захочетъ. Крестивъ, по сказанію одного житія, до 200 человѣкъ и взявъ нѣсколько плѣнныхъ грековъ, отпущенныхъ ханомъ, Кириллъ и Меѳодій возвратились въ отечество. Въ нѣкоторыхъ житіяхъ говорится, что въ 861 г. св. Меѳодій посѣтилъ Болгарію и обратилъ въ христіанство Болгарскаго царя, Бориса; но другія житія объ этомъ не упоминаютъ, а самое крещеніе Бориса, а потомъ и Болгарскаго народа относятъ къ концу 864 или къ началу 865 г. Между тѣмъ еще въ 862 г. св. братья посланы были въ Моравію, по просьбѣ Моравскаго князя, Ростислава.

Дѣятельность въ Моравіи составляетъ самый важный пунктъ въ просвѣтительной дѣятельности Кирилла и Меѳодія. Исторія христіанскаго просвѣщенія Моравіи тѣсно связана съ политическою борьбою славянскихъ племенъ противъ нѣмецкаго владычества и сопровождалась страшною борьбою самихъ просвѣтителей славянскихъ съ нѣмецкимъ латинскимъ духовенствомъ. Въ Моравіи и Панноніи (Моравское и Паннонское княжества находились тамъ, гдѣ теперь Венгрія и Чехія, въ Австріи) начали распространять христіанство латинскіе проповѣдники южной Германіи; но оно принималось здѣсь очень трудно. Проповѣдники совершали богослуженіе на непонятномъ для народа латинскомъ языкѣ. Видя безуспѣшность проповѣди нѣмецкаго духовенства Ростиславъ обратился съ просьбою въ Царьградъ прислать такихъ проповѣдниковъ, которые научили бы народъ вѣрѣ на понятномъ, народномъ языкѣ. Императоръ Михаилъ для этой цѣли обратился къ Кириллу и Меѳодію: „Вы оба солуняне, сказалъ онъ имъ, а солуняне всѣ чисто говорятъ по славянски“. Кириллъ и Меѳодій отправились въ Моравію и принесли туда священныя и богослужебныя книги на славянскомъ языкѣ, начали учить народъ, строить церкви, совершать богослуженіе и заводить училища: христіанство начало быстро распространяться. Такіе успѣхи славянскихъ апостоловъ, естественно, возбудили сильную зависть въ латинскомъ духовенствѣ. Оно обратилось въ Римъ и представило папѣ Николаю I богослуженіе на славянскомъ языкѣ новизною, противною римской церкви. Въ это время произошелъ первый церковный раздоръ между Востокомъ и Западомъ, между папою Николаемъ и патріархомъ Фотіемъ; при такихъ обстоятельствахъ, обвиненіе въ новизнѣ Кирилла и Меѳодія, какъ проповѣдниковъ Восточной церкви, должно было получить въ Римѣ особенную силу. Папа вызвалъ ихъ въ Римъ. Взявъ съ собою мощи св. Кли-

мента, братья отправились".—Но пока Кириллъ и Меѳодій шли къ Риму, папа Николай умеръ. Преемникъ Николая, Адріанъ, узнавъ, что Кириллъ и Меѳодій несутъ въ даръ Риму мощи св. Климента, торжественно встрѣтилъ ихъ за городомъ. Кириллъ представилъ папѣ Евангеліе на славянскомъ языкѣ; въ знакъ одобренія, папа положилъ его на алтарь въ храмѣ св. Петра. Изнуренный трудами, св. Кириллъ заболѣлъ въ Римѣ и 14 февраля 869 г. скончался. — По смерти Кирилла, Адріанъ рукоположилъ Меѳодія въ епископа Моравіи и, отправляя въ Моравію, далъ ему буллу, въ которой богослуженіе на славянскомъ языкѣ призналъ законнымъ. Между тѣмъ обстоятельства въ Моравіи измѣнились. Нѣмцы взволновали славянъ междоусобіями: Ростиславъ былъ изгнанъ своимъ племянникомъ, Святополкомъ. Меѳодій удалился къ Паннонскому князю, Коцелу. Славяне были рады своему епископу; но еще сильнѣе стало преслѣдовать его латинское духовенство. Оно возбудило противъ него нѣмецкаго императора, Людовика и Моравскаго князя, Святополка; Меѳодія послали въ Швабію въ заточеніе, въ которомъ онъ находился два года съ половиной. По просьбѣ моравцевъ, папа Іоаннъ VIII потребовалъ отъ императора освобожденія Меѳодія, и потомъ, по просьбѣ Коцела, поставилъ Меѳодія архіепископомъ въ Моравіи. Но вскорѣ нѣмцы обвинили Меѳодія предъ папою въ ереси, такъ что Меѳодій два раза долженъ былъ отправляться въ Римъ для объясненія. Не смотря на такія гоненія, Меѳодій постоянно заботился о просвѣщеніи славянъ не только въ Моравіи, но и въ другихъ странахъ; около 871 г. онъ крестилъ чешскаго князя Борпвоя, и ввелъ въ Чехіи славянское богослуженіе; проповѣдь его учениковъ коснулась даже Силезіи и Польши. Скончался св. Меѳодій 6 апр. 885 г. въ Велеградѣ. По кончинѣ Меѳодія, латинскій языкъ вытѣснилъ изъ Моравіи славянское богослуженіе. Ученики Кирилла и Меѳодія (Климентъ, Наумъ, Савва, Ангеларъ и Гораздъ), изгнанные изъ Моравіи латинскимъ нѣмецкимъ духовенствомъ, ушли въ разныя страны, преимущественно же въ Болгарію. Болгарія заботливо хранила труды нашихъ просвѣтителей и потомъ передала ихъ нашему отечеству.

Время изобрѣтенія славянской азбуки черноризецъ Храбръ относитъ къ 855 году.

Въ основу славянской азбуки была принята св. Кирилломъ греческая азбука; это, кромѣ свидѣтельства Храбра, доказывается совершеннымъ сходствомъ древнѣйшихъ славянскихъ рукописей (наприм. нашего Остромірова Евангелія, написаннаго въ 1056—57 г.) съ греческими рукописями VIII—XIII в.; для тѣхъ звуковъ славянскаго языка, для которыхъ не было буквъ въ греческомъ алфавитѣ, частію были заимствованы буквы изъ другихъ алфа-

витовъ: еврейскаго, армянскаго и коптскаго, частію же изобрѣтены новыя особенныя буквы (таковы напр. юсы). Всѣхъ буквъ, по сказанію Храбра, изобрѣтено св. Кирилломъ 38; число это въ послѣдствіи въ славянскихъ азбукахъ прибавлялось и сокращалось. Славянская азбука была изобрѣтена вообще для всѣхъ славянскихъ племенъ; но она сохранилась въ употребленіи только у славянъ восточныхъ, сохранившихъ православное славянское богослуженіе, (болгаръ, сербовъ, русскихъ, черногорцевъ, также у румыновъ или валаховъ); западные же славяне, послѣ уничтоженія у нихъ славянскаго богослуженія, приняли латинскую азбуку.

Славянская азбука, по имени изобрѣтателя, св. Кирилла, называется *Кириллицею*. Кромѣ Кириллицы, у нѣкоторыхъ западныхъ славянъ (хорватовъ) извѣстна еще другая азбука—*Глаголита*. Она носитъ названіе *Іеронимовской* азбуки, потому что изобрѣтеніе ея приписывали блаж. Іерониму. Когда и кѣмъ изобрѣтена Глаголита, неизвѣстно: но памятники Глаголиты столько же древни, какъ и памятники Кириллицы. Поэтому одни писатели относятъ происхожденіе ея къ одному вѣку съ Кириллицей; другіе хотятъ считать ее даже старше и древнѣе Кириллицы. Но, при сравненіи Кириллицы и Глаголиты, нельзя не видѣть, что оригиналъ составляетъ Кириллица, а Глаголита есть ея копія. Глаголита сходствуетъ съ Кириллицей и звуками и порядкомъ буквъ и отличается отъ нея только оригинальнымъ, весьма вычурнымъ ихъ начертаніемъ. Основываясь на томъ, что глаголическіе памятники отличаются отъ кирилловскихъ разными словами и формами, принадлежащими нарѣчіямъ западнымъ, особенно нарѣчію при-адріатическихъ хорватовъ и сосѣднихъ имъ словенцовъ, Гильфердингъ полагаетъ, что глагольская азбука составлена была въ приморской Хорватіи.

Такъ какъ, во время основанія славянской письменности, всѣ славянскія нарѣчія были близки между собою, то языкъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ, переведенныхъ св. Кирилломъ и Меѳодіемъ, сдѣлался общеславянскимъ богослужебнымъ языкомъ, и книги священныя и богослужебныя на этомъ языкѣ стали употребляться у восточныхъ и западныхъ славянъ. Къ намъ онѣ перешли изъ Болгаріи, конечно, при первомъ появленіи у насъ христіанства, еще до всеобщаго крещенія Россіи при Владимірѣ, такъ какъ еще до этого времени въ Кіевѣ были христіане.

Книги св. Писанія, книги богослужебныя и нѣкоторыя отеческія сочиненія, принесенныя изъ Болгаріи, положили начало нашей письменности и книжной словесности; церковно-славянскій языкъ этихъ книгъ послужилъ основою книжной русской рѣчи. Древнѣйшіе памятники церковно - славянскаго языка и вмѣстѣ

древнѣйшіе памятники нашей письменности составляютъ *Остромірово Евангеліе*, написанное въ 1056—1057 г. въ Новгородѣ, для новгородскаго посадника Остроміра (въ крещеніи Іосифа), діакономъ Григоріемъ, и сборники Святослава 1073 и 1076 г.

ОБЩІЙ ХАРАКТЕРЪ И НАПРАВЛЕНІЕ ДРЕВНЕ-РУССКОЙ КНИЖНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Обстоятельства, при которыхъ возникло у насъ образованіе и появилась письменность, сообщили всей древней словесности особенный характеръ и направленіе.

Образованіе возникло у насъ изъ христіанской вѣры и въ ней имѣло главный источникъ. Оно сосредоточивалось въ монастыряхъ и въ училищахъ при церквахъ, совершалось лицами духовными и монашествующими, по книгамъ церковнымъ и духовнымъ. Это сообщило какъ древней русской жизни, такъ и древней словесности *религіозно-церковное направленіе*. Не говоря о томъ, что большая часть памятниковъ древней словесности состоитъ изъ сочиненій духовныхъ: словъ, поученій, посланій, житій святыхъ,—даже сочиненія описательныя и историческія, какъ напр. путешествія и лѣтописи, имѣютъ религіозный характеръ. Литературой занимались лица духовныя, а если, по особымъ случаямъ и обстоятельствамъ, становились писателями лица изъ другихъ сословій, княжескаго или боярскаго (напр. Владиміръ Мономахъ, Іоаннъ Грозный, князь Курбскій и др.), то и они писали въ томъ же религіозномъ направленіи, такъ какъ воспитывались также на церковныхъ и духовныхъ книгахъ. Произведеній свѣтской литературы мы встрѣчаемъ чрезвычайно мало; какъ особаго отдѣла, свѣтской науки и литературы въ древней книжной словесности и не было. Научныя и литературныя потребности были мало развиты; имъ удовлетворяли произведенія литературъ иностранныхъ, изъ которыхъ переходили къ намъ нѣкоторыя свѣдѣнія по разнымъ наукамъ и литературѣ.

Христіанскую вѣру мы приняли отъ Грековъ, изъ Византіи; *греческій* или частнѣе *византійскій* характеръ получила и наша словесность. Христіанское ученіе мы усвоивали подъ руководствомъ греческихъ учителей и по сочиненіямъ греческой и византійской литературы. Византійской литературой называется періодъ греческой словесности отъ Юстиніана до паденія Константинополя (526—1453). Эта литература была съ одной стороны продолженіемъ христіанской литературы первыхъ вѣковъ Церкви, съ другой стороны—наслѣдницей древняго греко-римскаго образованія. Въ Византіи изученіе древнихъ греческихъ писателей

вошло въ составъ преподаванія въ школахъ, вмѣстѣ съ изученіемъ св. Писанія и отеческихъ твореній. Подъ вліяніемъ, съ одной стороны, отеческихъ твореній, первыхъ вѣковъ христіанства, съ другой—сочиненій древнихъ греческихъ писателей и сложился характеръ византійскаго образованія и литературы. Отъ христіанскихъ и языческихъ образцовъ были усвоены ученые и литературные пріемы и формы сочиненій. Языкъ и слогъ отличаются искусственностію и витіеватостію: наклонность къ символизму и аллегоріи, употребленіе длинныхъ рѣчей и разговоровъ, постоянныя сравненія, противоположенія, вопросы, восклицанія, обращенія и другія реторическія формы составляютъ отличительныя свойства византійскаго слога. Съ VI в., какъ извѣстно, и отеческая литература начала упадать; съ этого времени уже не появлялись такія оригинальныя произведенія, каковы были произведенія Аѳанасія Александрійскаго, Василія В., Григорія Богослова и Іоанна Златоуста: стали собирать прежнія творенія, дѣлали изъ нихъ извлеченія и составляли сборники. Форма сборника, сдѣлавшаяся господствующею формою византійской письменности, перешла и въ нашу древнюю письменность; мы встрѣчаемъ въ ней также множество сборниковъ съ разными названіями и безъ названій. Древнѣйшимъ, послѣ Остромірова Евангелія, памятникомъ славянской письменности служитъ сборникъ Святослава (1073), который былъ переведенъ съ греческаго сборника еще въ Болгаріи Очень видное мѣсто въ византійской литературѣ занимаютъ произведенія историческія, или лѣтописныя, такъ называемые *хроники* и *хронографы*. Эти хроники и хронографы имѣли большое вліяніе на нашу лѣтописную словесность. Кромѣ богословскихъ и историческихъ сочиненій, въ Византіи было довольно разныхъ повѣстей и сказаній литературнаго характера, полудуховнаго, полусвѣтскаго и чисто свѣтскаго и даже сказочнаго содержанія; особенно сильно распространены были такъ называемыя апокрифическія сказанія. Всѣ эти произведенія переходили къ намъ и имѣли вліяніе на нашу словесность. Наконецъ изъ византійской же словесности, принявшей въ себя элементы греко-римскаго образованія, перешли въ нашу древнюю словесность и нѣкоторыя свѣдѣнія историческія, географическія и физическія, изреченія древнихъ философовъ, ораторовъ и поэтовъ.

Какъ христіанство изъ Греціи, такъ вмѣстѣ съ нимъ и греческое образованіе, стали распространяться въ другихъ странахъ славянскихъ еще задолго до крещенія Россіи. Въ этихъ странахъ прежде всего начала развиваться, подъ вліяніемъ греческаго образованія, и славянская письменность. Средоточіемъ этой греко-славянской письменности сдѣлались Болгарія и Сербія, и особенно Болгарія, которая вѣрнѣе всѣхъ странъ сла-

вянскихъ сохранила славянскую письменность, полученную отъ Кирилла и Меѳодія. Сочиненія болгарскихъ писателей начали переходить къ намъ съ самыхъ первыхъ временъ христіанства, вмѣстѣ съ учеными болгарами, которые, несомнѣнно, были у насъ первыми учителями въ училищахъ и первыми переводчиками книгъ съ греческаго. Впрочемъ, вліяніе болгарской и сербской словесности на нашу словесность не ограничивалось только первыми временами; и въ послѣдующія времена, изъ Болгаріи и Сербіи приходили къ намъ ученые иноки; таковы напр. были въ XIV в. митр. Кипріанъ, въ XV в. Григорій Цамблакъ и Пахомій Логоѳетъ. При постоянныхъ сношеніяхъ съ этими странами, конечно, переходили къ намъ и разныя сочиненія; по крайней мѣрѣ въ старыхъ нашихъ библіотекахъ множество разныхъ рукописей болгарской и сербской редакціи.

Греческое или византійское вліяніе на нашу словесность продолжалось въ теченіе всего древняго періода; но особенно оно сильно было до XVI в., т. е. до паденія Константинополя. Съ конца XVI в., чрезъ Польшу, начало проникать къ намъ западно-европейское образованіе. Оно, впрочемъ, не измѣнило сущности древне-русскаго религіознаго образованія; оно внесло только въ древнюю словесность научные и литературные элементы, пріемы и формы и сообщило ей такъ называемое *схоластическое* направленіе.

ДРЕВНЕ-РУССКАЯ ПЕРЕВОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Списываніе книгъ. Такъ какъ словесность наша возникла подъ вліяніемъ другихъ литературъ, то первыми опытами въ ней естественно, были *списываніе и переводы* произведеній этихъ литературъ. Когда не было книгопечатанія, списываніе книгъ, въ самомъ дѣлѣ, было весьма важнымъ и необходимымъ средствомъ къ распространенію просвѣщенія. Списать книгу, особенно нѣсколько книгъ, значило дать возможность большему числу людей читать книги и слѣд. усилить грамотность. Къ тому же, при древнемъ способѣ писанія на пергаменѣ, крупнымъ почеркомъ устава или полуустава, списываніе было дѣломъ весьма медленнымъ и труднымъ; нужно было много имѣть терпѣнія и много употребить времени, чтобы списать цѣлую, особенно большую рукопись. Очень понятна, поэтому, та наивная радость, которую выражаетъ списатель лѣтописи Нестора, по окончаніи своего, вѣроятно, продолжительнаго труда: „якоже радуется женихъ о невѣстѣ, говоритъ онъ, тако радуется писецъ, видя послѣдній листъ; какъ радуется купецъ, прикупъ сотворивъ, и кормчій во отишье (пристань)

приставъ, и странникъ во отечество свое пришедъ, тако радуется и книжный списатель, дошедъ конца книгамъ" (1). Съ другой стороны, такъ какъ списывались преимущественно книги свящ. Писанія, книги богослужебныя, писанія отеческія и житія святыхъ, то на списываніе ихъ смотрѣли не только какъ на дѣло важное и полезное, но и какъ на дѣло богоугодное, споспѣшествующее спасенію какъ самихъ списателей, такъ и тѣхъ, кто будетъ читать или слушать списанныя душеспасительныя книги. При такомъ взглядѣ на списываніе книгъ, какъ на дѣло важное для просвѣщенія и въ то же время богоугодное, имъ занимались, какъ видно изъ лѣтописей и надписаній на древнихъ рукописяхъ, не только простые грамотные люди, но и князья и княгини, епископы и игумены. Нѣкоторые князья составляли и библіотеки при своихъ домахъ, какъ напр. Ярославъ I, Святославъ Ярославичъ и Константинъ Всеволодовичъ. Епископы также собирали книги и заботились о томъ, чтобы при церквахъ были книги. Новгородскій арх. Геннадій содержалъ у себя постоянныхъ писцовъ, которые, по его порученію, занимались списываніемъ книгъ. Особенно извѣстенъ, какъ собиратель книгъ, митр. Макарій, составившій огромный сборникъ Четьи-Минеи. Но нигдѣ такъ ревностно и такъ постоянно не занимались списываніемъ книгъ, какъ въ монастыряхъ. Иноки списывали книги или по повелѣнію настоятеля, который назначалъ списать извѣстную книгу тому или другому иноку, какъ подвигъ монашескаго послушанія, или по собственному желанію, изъ любви къ книжному дѣлу и для спасенія души, или по порученію лицъ постороннихъ, желавшихъ пріобрѣсти ту или другую книгу. Кромѣ того списываніемъ книгъ, разумѣется, занимались и въ другихъ сословіяхъ грамотные люди. Со введеніемъ въ XVI в. книгопечатанія, списываніе книгъ, естественно, должно было потерять прежнее значеніе; но оно долго существовало и при немъ.

Переводы книгъ. Первые переводы съ греческаго языка на славянскій начались еще въ Болгаріи, откуда переведенныя сочиненія стали переходить въ Россію съ самыхъ первыхъ временъ христіанства. Съ первыхъ же временъ, вѣроятно, начались переводы книгъ съ греческаго и въ Россіи. О Ярославѣ I (1019—1054) лѣтопись говоритъ, что онъ собиралъ книги, велѣлъ не переведенныя переводить съ греческаго на славянскій (2). Первыми переводчиками были, конечно, болгары и греки, постоянно

(1) Лѣт. т. I. стр. 209.
(2) Лѣт. т. I, стр. 65.

приходившіе въ Россію съ греческими митрополитами и епископами. Отъ грековъ и болгаръ изучали греческій языкъ и русскіе. По свидѣтельству лѣтописи, Всеволодъ Ярославичъ (1078—1093) зналъ пять языковъ, между которыми, безъ сомнѣнія, былъ и греческій (1). Кромѣ того, русскіе отправлялись въ Грецію и на Аѳонъ и жили тамъ по нѣскольку лѣтъ, занимаясь списываніемъ и переводомъ книгъ. Въ Греціи монастыри—Студійскій (св. Ѳеодора Студита) и Іоанна Предтечи были постояннымъ пристанищемъ русскихъ путешественниковъ. Послѣ Греціи, другимъ, столь же важнымъ, центромъ просвѣщенія и высшею школою духовнаго подвижничества, какъ для всѣхъ славянъ, такъ и для русскихъ, была гора Аѳонская. На Аѳонъ было перенесено въ разныя времена множество книгъ изъ Константинополя и другихъ мѣстъ; здѣсь всегда было много просвѣщенныхъ иноковъ и высокихъ подвижниковъ изъ грековъ, болгаръ и сербовъ, сюда нарочно отправлялись русскіе иноки, чтобы получить здѣсь аскетическое образованіе.

Посредствомъ переводовъ и списыванія книгъ составлялись у насъ тѣ обширныя библіотеки, которыя даютъ намъ нынѣ возможность судить о грамотности нашихъ предковъ, каковы: кіевософійская, новгородско-софійская, патріаршая (синодальная), библіотека Троицко-сергіевской лавры, московскаго успенскаго собора, московской синодальной типографіи, библіотеки монастырей: бѣлозерскаго, волоколамскаго, соловецкаго и другихъ. Кромѣ того, разумѣется, были и другіе пути, которыми умножалось число книгъ въ Россіи. Такъ въ XIV в. митр. Кипріанъ привезъ много славянскихъ рукописей изъ Греціи и Болгаріи; при Іоаннѣ III мы получили много книгъ отъ грековъ, пріѣхавшихъ вмѣстѣ съ Софьею Палеологъ; при патр. Никонѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ инокъ Арсеній Сухановъ привезъ съ аѳонской горы и изъ другихъ мѣстъ 700 рукописей.

ОБЩІЙ ОБЗОРЪ ПЕРЕВОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ ВЪ ДРЕВНЕМЪ ПЕРІОДѢ.

Переводная словесность была довольно богата и имѣла весьма важное значеніе въ продолженіе всего древняго періода. Подъ руководствомъ ея происходило все образованіе древняго русскаго человѣка; подъ ея вліяніемъ воспитывались и по ея образцамъ

(1) Истор. государ. росс. т. II, стр. 203.

составляли свои собственныя сочиненія наши русскіе писатели. Особенно нѣкоторыя произведенія переводной словесности были, можно сказать, настольными книгами, своего рода учебниками, воспитавшими тотъ складъ понятій и стремленій, который выражается въ древне-русской жизни и словесности. Поэтому и исторія ея необходимо входитъ въ исторію древней словесности.

Книги св. Писанія. Первое мѣсто въ ряду всѣхъ книгъ, употреблявшихся въ древнія времена, занимаютъ книги св. Писанія. Эти книги имѣли не только богослужебное, но и воспитательное и образовательное значеніе. Всего болѣе, конечно, читались тѣ священныя книги, которыя употреблялись въ церкви, при богослуженіи, т. е. *Псалтирь, Евангеліе и Апостолъ* (дѣянія апостольскія и посланія). Чтеніе этихъ книгъ начиналось иногда съ самаго дѣтства, особенно людьми, приготовлявшимися къ должностямъ церковно-служительскимъ, у которыхъ оно входило въ составъ приготовительнаго образованія, особенно псалтирь была настольною книгою у нашихъ предковъ, и многіе изъ нихъ знали ее наизусть. Она употреблялась въ древнія времена и какъ книга богослужебная, и какъ книга учебная, и какъ книга назидательная для домашняго чтенія, и спасительная въ разныхъ особенныхъ случаяхъ жизни. Какъ на явленіе, особенно замѣчательное въ древне-русскомъ образованіи, должно указать на то, что священныя книги употреблялись преимущественно съ толкованіемъ. Изъ толкованій священныхъ книгъ особенно замѣчательны: *толковыя Псалтири* св. Аѳанасія александрійскаго, блаж. Ѳеодорита Кирскаго и Брунона еп. Вюрцбургскаго, толкованіе на четвероевангеліе Ѳеофилакта, арх. Болгарскаго, и толковое, или учительное Евангеліе Каллиста, арх. Константинопольскаго, содержащее въ себѣ поученія на всякую недѣлю изъ евангельскихъ чтеній. Апокалипсисъ употреблялся съ толкованіемъ св. Андрея Кесарійскаго. Древніе учители, при этомъ, имѣли въ виду, конечно, то, что съ толкованіемъ удобнѣе можно понимать текстъ священныхъ книгъ, и при немъ не такъ легко впасть въ заблужденіе, чего особенно можно было опасаться, при слабомъ образованіи древнихъ читателей.

Писанія Отцевъ и учителей церкви. Послѣ книгъ свящ. Писанія всего чаще употреблялись сочиненія отцевъ и учителей церкви. Кромѣ сочиненій св. Златоуста, бывшаго любимымъ отцомъ и учителемъ у нашихъ предковъ, особеннымъ уваженіемъ пользовались огласительныя поученія св. Кирилла іерусалимскаго, постническія правила Василія В., поученія св. Ѳеодора

Студита, слова противъ аріанъ св. Аѳанасія, слова Григорія Богослова, Лѣствица Іоанна Лѣствичника, сочиненія св. Ефрема, Исаака Сирина и Іоанна Дамаскина.

Сочиненія Іоанна Дамаскина въ исторіи отеческой письменности имѣютъ то особенное значеніе, что въ нихъ въ первый разъ встрѣчается систематическое изложеніе истинъ христіанскаго ученія на основаніи трудовъ предшествовавшихъ отцевъ и учителей Церкви. Его богословіе было переведено на славянскій языкъ Іоанномъ экзархомъ Болгарскимъ и въ этомъ переводѣ перешло къ намъ въ Россію. Оно было особенно важно и необходимо для духовнаго образованія нашихъ предковъ. Заключая въ себѣ систематическое изложеніе всѣхъ догматовъ православной Церкви, оно помогало имъ приводить въ порядокъ, уяснять и раскрывать тѣ свѣдѣнія, какія они собирали изъ разныхъ сочиненій, и такимъ образомъ придавало ихъ знаніямъ нѣкоторый научный систематическій характеръ; но особенно великую пользу оно приносило нашимъ древнимъ учителямъ въ той полемикѣ, которую они должны были вести съ разными неправомыслящими. Съ именемъ Іоанна Дамаскина въ рукописяхъ помѣщаются еще *Грамматика и Діалектика*, переводъ которыхъ также приписывали Іоанну экзарху Болгарскому. Но грамматика не встрѣчается между сочиненіями Дамаскина, ни по изданіямъ, ни по рукописямъ греческимъ. *Діалектика, или главы философски*, есть переводъ сочиненія Дамаскина: *Κεφάλαια φιλοσοφικά*. Она составлена подъ вліяніемъ разныхъ философскихъ сочиненій и особенно діалектики Аристотеля и содержитъ разсужденія о разумѣ и мысли, о существенномъ и случайномъ, о родахъ и видахъ, о сходствѣ и различіи, о количествѣ и качествѣ и другихъ предметахъ, которые составляли область діалектическаго ученія древнихъ философовъ.

Сборники отеческихъ сочиненій. Сочиненія отцевъ и учителей Церкви употреблялись въ древнія времена въ двухъ видахъ— въ отдѣльныхъ, болѣе или менѣе полныхъ собраніяхъ, или же разсѣяны были по разнымъ сборникамъ. Трудность, а для многихъ и совершенная невозможность имѣть полныя сочиненія, заставляли въ Греціи, Болгаріи и другихъ странахъ, прибѣгать къ извлеченіямъ, дѣлать выборы и составлять *изборники* и *сборники*. Одни изъ сборниковъ составляютъ нѣчто цѣлое, въ родѣ отдѣльныхъ книгъ, состоящихъ большею частію изъ однихъ и тѣхъ же статей, а часто изъ сочиненій одного и того же писателя, и имѣютъ свои особыя названія; другіе сборники,—и самая большая часть изъ нихъ, не имѣя никакого наз-

ванія, не имѣютъ и никакого опредѣленнаго характера и состоятъ изъ статей самаго разнообразнаго содержанія.

Къ замѣчательнымъ сборникамъ перваго разряда относятся *Златоструй*, *Шестодневъ*, *Златоустъ*, *Маргаритъ*, *Андріатисъ*, *Измарагдъ*, *Златая цѣпь*, *Златая матица*, *Пчела*.—*Златоструй* составленъ въ IX в. болгарскимъ царемъ, Симеономъ. Это сборникъ, состоящій изъ 136 словъ, выбранныхъ изъ разныхъ бесѣдъ Златоуста на книгу Бытія, на посланія ап. Павла и другихъ его твореній. *Шестодневъ* Іоанна экзарха Болгарскаго содержитъ въ себѣ объясненіе первыхъ главъ книги Бытія. Главнымъ пособіемъ при составленіи его служили для экзарха бесѣды Василія В. о шестидневномъ твореніи міра, а потомъ сочиненія Северіана Гевальскаго, Іоанна Дамаскина и другихъ отцовъ и писателей. Кромѣ того, въ немъ приводятся мѣста изъ греческихъ философовъ, Платона и Аристотеля, указывается на Ѳалеса, Парменида, Демокрита, Діогена и др. Подъ именемъ *Златоуста*, какъ отдѣльнаго сборника, разумѣлось прежде собраніе поучительныхъ словъ и бесѣдъ преимущественно св. Златоуста, расположенное по недѣлямъ, начиная съ недѣли Мытаря и Фарисея на всѣ дни великаго поста и потомъ на всѣ недѣли до недѣли всѣхъ святыхъ включительно. *Маргаритъ* (жемчугъ, перло)—другой особый сборникъ словъ Златоуста. Онъ состоитъ изъ шести отдѣловъ, въ которыхъ, съ прибавленіями, 38 словъ. *Измарагдомъ* (изумрудомъ) называется сборникъ разныхъ словъ и поученій, помѣщаемыхъ подъ именами св. Златоуста, Василія В., св. Ефрема, Григорія Двоеслова, Кирилла александрійскаго и др., но многія изъ нихъ не принадлежатъ этимъ писателямъ и, судя по складу и содержанію, могутъ быть приписаны русскимъ сочинителямъ. На этомъ основаніи думаютъ, что и самый сборникъ этотъ — славянскаго происхожденія. Именемъ *Андріатисъ* (отъ греч. ἀνδριάς, статуя) называется въ рукописяхъ собраніе тѣхъ бесѣдъ св. Златоуста, которыя были произнесены имъ въ Антіохіи, во время его пресвитерства, по случаю сверженія антіохійцами императорскихъ статуй. *Златая цѣпь* есть сборникъ разныхъ словъ и нравственныхъ поученій, наставленій о молитвѣ, милостынѣ, послушаніи, нестяжательности и другихъ добродѣтеляхъ, составленный изъ сочиненій разныхъ отцевъ и учителей Церкви. *Златая матица* или жемчугъ есть сборникъ, въ которомъ помѣщаются разныя слова и поученія преимущественно Златоуста и разные отрывки богословскаго, нравственнаго и историческаго содержанія, встрѣчаются статьи о кругахъ—земномъ, лунномъ и солнечномъ, о звѣздахъ и планетахъ. Изъ этого сборника, между прочимъ, предки наши почерпали свои свѣдѣнія о

природѣ. — Основаніемъ сборниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ *Пчелъ*, послужили *Антологіи* Максима Исповѣдника, жившаго въ VII вѣкѣ, и инока Антонія. Онѣ соединялись въ одинъ сборникъ и печатались на греческомъ и латинскомъ языкѣ, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ другихъ сочиненій, имѣющихъ подобный же характеръ. Когда Пчела была переведена на русскій языкъ, опредѣленно сказать нельзя; но уже въ Словѣ Даніила Заточника есть мѣста, буквально сходныя съ Пчелою. Пчелы содержатъ въ себѣ собраніе разныхъ, большею частію краткихъ, изреченій св. Писанія, отцевъ и учителей Церкви и древнихъ свѣтскихъ писателей о разныхъ предметахъ нравственныхъ, а иногда и житейскихъ. Изъ древнихъ писателей и знаменитыхъ людей въ Пчелѣ приводятся изреченія Плутарха, Демокрита, Діогена, Исократа, Менандра, Геродота, Эврипида, Пиѳагора, Димосѳена, Сократа, Ксенофонта, Аристида, Аристотеля, Катона, Эпикура и др. Чтеніе этихъ сборниковъ было весьма полезно для образованія древне-русскаго человѣка; оно придавало его образованію, заключенному въ чисто богословской области, нѣкоторое разнообразіе и сближало нѣсколько съ обыкновенною жизнію. И Пчела, дѣйствительно, была любимымъ чтеніемъ у нашихъ предковъ, какъ показываетъ множество списковъ ея отъ XIV до XVIII в.

Къ разряду сборниковъ, имѣющихъ опредѣленное названіе и опредѣленное содержаніе, еще относятся *Патерики*, *Сказанія или поученія отъ Старчества*, *Синаксари*, *Прологи* и *Торжественники*. Патериками или отечниками назывались сборники, заключавшіе въ себѣ житія святыхъ. Изъ нихъ извѣстны: *Патерикъ скитскій*, заключавшій въ себѣ житія египетскихъ иноковъ, *Патерикъ синайскій*—житія синайскихъ отшельниковъ (на горѣ Синаѣ), *Патерикъ іерусалимскій*—житія іерусалимскихъ отцевъ. Патерики эти переводимы были съ греческаго въ Болгаріи, Сербіи, на Аѳонѣ и у насъ въ Россіи. По образцу ихъ, составлялись русскіе патерики, какъ напр. *Патерикъ кіевопечерскій*. *Синаксари и Прологи* составляютъ два разныя названія одного и того же произведенія. *Синаксарями* (Синаксарь значитъ сборникъ) въ греческой письменности назывались сборники краткихъ житій святыхъ. При переводѣ съ греческаго они получили у насъ названіе *Прологовъ* по первой статьѣ или по предисловію (*Πρόλογος*), которое помѣщено было въ началѣ Сборника. *Торжественниками* называются сборники похвальныхъ словъ на праздники Господскіе и Богородичные и на дни нѣкоторыхъ святыхъ, иногда съ житіями сихъ святыхъ.

Кромѣ этихъ сборниковъ, имѣющихъ особыя названія и болѣе или менѣе опредѣленный составъ, до насъ дошло множество

сборниковъ самаго разнообразнаго содержанія, не имѣющихъ никакого названія и опредѣленнаго характера. Образцомъ для составленія этихъ сборниковъ, по всей вѣроятности, послужили извѣстные „*Сборники Святослава*“.—Первый сборникъ, извѣстный подъ именемъ сборника Святослава, переведенъ съ греческаго сборника въ Болгаріи, для царя Симеона и въ 1073 г. переписанъ, съ нѣкоторыми перемѣнами, для великаго князя Черниговскаго, Святослава Ярославича. Онъ содержитъ отрывки изъ отцовъ Церкви и другихъ писателей о разныхъ предметахъ. Къ сборнику приложены интересные рисунки, изображающіе Святослава съ супругой и сыновьями (памятникъ древнѣйшей книжной живописи). Именемъ того же князя называется еще другой сборникъ, списанный въ 1076 г. Этотъ сборникъ отличается отъ перваго тѣмъ, что всѣ статьи въ немъ религіозно-нравственнаго содержанія. Подобно сборникамъ Святослава, составлялись сборники изъ разныхъ сочиненій; въ составъ ихъ входили и выписки изъ св. Писанія, и слова и поученія отеческія, житія Святыхъ, выписки изъ лѣтописей и хронографовъ и другихъ сочиненій, свѣтскихъ и духовныхъ. На нѣкоторыхъ сборникахъ сохранились имена тѣхъ лицъ, кѣмъ или для кого они составлены, или кому прежде принадлежали; именами этихъ лицъ они и называются въ исторіи: такъ напр. сборникъ Іосифа игумена Волоколамскаго, Кирилловскіе сборники, или сборники, написанные Кирилломъ Бѣлозерскимъ (1337—1427), сборникъ Паисіевскій, сборникъ игумена Досиѳея (соловецкаго), сборникъ митр. Даніила.

Историческія сочиненія. Сказаніе о письменахъ славянскихъ Черноризца Храбра. Рядъ историческихъ сочиненій въ славянской письменности начинается сказаніемъ о началѣ этой письменности болгарскаго писателя, черноризца Храбра. Это сказаніе Храбръ написалъ, какъ видно изъ его словъ, еще при жизни современниковъ и очевидцевъ св. первоучителей славянскихъ. „Прежде убо Словене, говоритъ онъ, не имѣяху письменъ, но чертами и рѣзами читаху и гадаху, погани суще. Крестившежеся римскими и греческими письмены нуждахуся писати словенску рѣчь безъ устроя.... и тако бѣша многа лѣта. Потомъ же человѣколюбецъ Богъ, строяй вся и не оставляяй человѣча рода безъ разума, но вся къ разуму приводя и спасенію, помиловавъ родъ словенскій и посла имъ Константина философа, нарицаемаго Кирилла, мужа праведна и истинна, и сотвори имъ тридесять письменъ и осмь, ова убо по чину греческихъ письменъ, ова же по словенстѣй рѣчи“. Затѣмъ, указавъ, какія буквы заимствованы изъ грече-

скаго алфавита и какія вновь изобрѣтены для славянскихъ звуковъ, Храбръ опровергаетъ возраженія, которыя дѣлали въ его время противъ азбуки св. Кирилла противники славянской письменности, римско-католическіе проповѣдники, которымъ особенно не нравилось богослуженіе на славянскомъ языкѣ и славянская письменность, и въ концѣ сказанія указываетъ на повсюдную извѣстность происхожденія славянской азбуки: „аще вопросиши словенскыя букваря, глаголя: кто вы письмены сотворилъ есть, или кто книгы преложилъ? вси вѣдятъ и отвѣщавъ речетъ (рекутъ): святый Константинъ философъ, нарицаемый Кириллъ, и Меѳодій братъ его, *суть бо еще живи, иже суть видѣли ихъ*..... и въ кое время вѣдятъ и рекутъ, яко во времена Михаила, царя греческа, и Бориса, князя Болгарска, въ лѣто отъ созданія міра ҂ѕтзг.... (т. е. 855 г.).

Палеи. *Палея* составляетъ первый опытъ христіанской исторіи и находится въ тѣсной связи съ экзегетическими сочиненіями и особенно съ *Шестодневами*, объясняющими сказанія Библіи о шестидневномъ твореніи міра. Почти половину Палеи составляетъ объясненіе книги Бытія и особенно первыхъ главъ ея о началѣ міра и первыхъ людяхъ. При изложеніи библейскихъ событій постоянно дѣлаются обращенія къ іудеямъ, а иногда и къ магометанамъ, съ рѣзкими укоризнами и обличеніями; поэтому она въ рукописяхъ и называется „*Бытія толковая на Іудея*“. Кромѣ того, при объясненіи библейскихъ сказаній, помѣщено много разсужденій и замѣчаній о явленіяхъ физическихъ и о силахъ природы человѣческой. Но особенно много помѣщено въ Палеѣ апокрифическихъ сказаній. Время, до котораго доводится въ Палеѣ исторія, неодинаково. Собственно Палею составляетъ изложеніе ветхозавѣтной исторіи по Библіи; въ нѣкоторыхъ спискахъ она оканчивается разсказомъ о смерти Саула, въ другихъ продолжается черезъ всю ветхозавѣтную исторію; въ ней перечислются также цари вавилонскіе, персидскіе, египетскіе и римскіе до Тиверія и даже греческіе императоры до паденія Восточной имперіи; но въ этомъ случаѣ Палея уже переходитъ въ Хронографъ и сливается съ нимъ.

Хроники. Хрониками называются Византійскія лѣтописи, въ которыхъ разсказъ начинается отъ сотворенія міра, излагается сначала ветхозавѣтная библейская исторія, потомъ исторія древнихъ царствъ и наконецъ Византійская исторія. Еще въ Болгаріи въ X вѣкѣ были переведены на славянскій языкъ двѣ хроники—Іоанна Малалы и Георгія Амартола и перешли къ намъ въ Россію. Первый нашъ лѣтописецъ пользовался обѣими хро-

никами; на Георгія Амартола онъ ссылается; видно, что онъ имѣлъ его хронику подъ руками.

Хронографы. Византійскія хроники послужили источниками для *Хронографовъ.* Хронографами называются лѣтописные сборники, подобно хроникамъ, заключающіе въ себѣ сначала краткое изложеніе библейской исторіи, и потомъ всеобщей исторіи до паденія Константинополя и наконецъ славянской и русской исторіи. Списки хронографовъ весьма различны какъ относительно полноты излагаемыхъ событій, такъ и времени, до котораго они доводятся, а также и вставокъ, которыми они наполнены; это показываетъ, что они имѣли нѣсколько редакцій. Во всѣхъ редакціяхъ хронографовъ помѣщается много приложеній, выписокъ изъ разныхъ сочиненій и много цѣлыхъ сочиненій. Поэтому хронографы могли служить для нашихъ предковъ источниками самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній; изъ нихъ они заимствовали историческія и біографическія свѣдѣнія о писателяхъ, царяхъ, князьяхъ, разныхъ народахъ, географическія свѣдѣнія, описанія земель, городовъ, рѣкъ, горъ, свѣдѣнія по естественной исторіи—о звѣряхъ, птицахъ и камняхъ, свѣдѣнія по миѳологіи халдейской, египетской и греческой.

Разныя повѣсти и сказанія. Кромѣ богословскихъ и историческихъ сочиненій, мы встрѣчаемъ въ переводной словесности довольно много сказаній и повѣстей литературнаго характера, полудуховнаго, полусвѣтскаго, а часто и чисто свѣтскаго содержанія. Эти повѣсти и сказанія переходили къ намъ иногда отдѣльно, а иногда въ указанныхъ выше сочиненіяхъ, особенно въ палеяхъ, хроникахъ и хронографахъ. Источникомъ ихъ сначала были Византія, Болгарія и Сербія, а съ XVI—XVII в. западная Европа. Къ повѣстямъ и сказаніямъ, перешедшимъ къ намъ изъ Византіи, большею частію чрезъ Болгарію и Сербію, относятся: *Александрія, Сказаніе о войнѣ Троянской, Исторія Варлаама и Іоасафа царевича, Повѣсть о Синагриппѣ, Девгеніево дѣяніе и Сказаніе объ Индѣйскомъ царствѣ.*

Александрія. Подъ именемъ *Александріи* въ древне-русской словесности была извѣстна Псевдокаллисѳенова повѣсть объ Александрѣ в., которую прежде несправедливо приписывали философу Каллисѳену, умершему раньше Александра (въ 328 г. до Р. Х.). Настоящее имя ея составителя неизвѣстно; по всей вѣроятности, она составилась въ разныя времена, подъ вліяніемъ разныхъ сказаній объ Александрѣ в. Личность этого героя была предметомъ самыхъ разнообразныхъ сказаній, какъ на востокѣ, такъ

и на западѣ; изъ историческаго лица Александръ превратился въ этихъ сказаніяхъ въ лице баснословное. Разсказы о его жизни и подвигахъ представляютъ рядъ непрерывныхъ чудесъ. Онъ побѣждаетъ индійскаго царя, Пора, и беретъ отъ него несмѣтныя сокровища, бесѣдуетъ съ Брахманами (брамипами), которые удивляютъ его своею мудростію, такъ что онъ не рѣшился воевать противъ нихъ. Во время своихъ походовъ, онъ встрѣчаетъ необыкновенныхъ людей и животныхъ: это люди съ собачьими головами и птичьими ногами и туловищемъ, съ глазами и ртомъ на груди, одноногіе, циклопы, великаны, пигмеи. Онъ приходитъ въ страну, гдѣ его войско томится отъ жестокаго зноя, или теряетъ дорогу отъ непроницаемаго мрака и идетъ въ это время по землѣ, совершенно покрытой драгоцѣнными камнями. Разсказывается даже о воздушномъ путешествіи Александра на грифахъ: онъ прислушивается къ говору птицъ, которыхъ распрашиваетъ о ихъ жизни, законахъ и обычаяхъ; опускается въ глубину моря, чтобы извѣдать его внутренность, и рыбы толпами стекаются къ нему. На дальнемъ Востокѣ Александръ доходилъ до рая и видѣлъ страну, гдѣ мучились грѣшники; тамъ же онъ видѣлъ двухъ колоссальныхъ людей и узналъ, что это были первые люди. Наконецъ онъ приходитъ къ солнечному городу (Геліополь), *откуда солнце восходитъ*, и встрѣчаетъ Гога и Магога, царей ужасныхъ нечистыхъ народовъ, и, чтобы избавить отъ нихъ міръ, заключаетъ ихъ въ сѣверныхъ горахъ, откуда они выйдутъ при кончинѣ міра. Встрѣчаетъ царство амазонокъ и посылаетъ имъ, вмѣсто себя, копье, какъ царя; говорящія деревья предсказываютъ ему смерть въ Вавилонѣ. Александрія была весьма распространена у нашихъ предковъ, которымъ она нравилась своими баснословными разсказами. Нѣкоторые разсказы изъ нея, какъ то объ индѣйскомъ царѣ, Порѣ, и о Гогѣ и Магогѣ и дивіихъ людяхъ, вошли въ наши сказки и лубочныя картинки.

Сказаніе о войнѣ троянской. Основаніемъ этого Сказанія были не Иліада и Одиссея Гомера, но позднѣйшія подложныя сочиненія о троянской войнѣ, которыя приписывались Диктису и Дарету, будто бы современникамъ самаго событія. Изъ этихъ сочиненій въ средніе вѣка составлена была исторія троянской войны Гвидономъ де Колумною или Колонною (въ XIII в.). Впрочемъ, сказаніе о войнѣ троянской, заимствованное изъ Диктиса, встрѣчается еще въ хроникѣ Іоанна Малалы. Въ сказаніи описываются причины, произведшія войну троянскую, перечислены участвовавшіе въ ней герои, греческіе и троянскіе, представлена краткая характеристика нѣкоторыхъ изъ нихъ. Сказаніе о Троѣ

часто упоминается въ азбуковникахъ, какъ источникъ разныхъ миѳологическихъ свѣдѣній.

Исторія Варлаама и Іоасафата или Іоасафа царевича. Это повѣсть, въ которой разсказывается о томъ, какъ мудрый пустынникъ Варлаамъ обратилъ въ христіанство индійскаго царевича Іоасафа. Варлаамъ явился къ царевичу подъ видомъ купца, продающаго драгоцѣнный камень, и объяснилъ ему, что камень этотъ изображаетъ царство небесное, котораго всего легче достигнуть уединеніемъ и молитвою.—Какъ на востокѣ, такъ и на западѣ, повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ была весьма распространена и пользовалась высокимъ уваженіемъ. Существенный интересъ этой повѣсти для нашихъ предковъ заключался въ тѣхъ замысловатыхъ и въ тоже время назидательныхъ притчахъ и апологахъ, которыми она наполнена. Такова напр. *притча объ инорогѣ*, въ которой разсказывается, какъ одинъ путникъ, спасаясь бѣгствомъ отъ инорога, котораго онъ встрѣтилъ въ полѣ, попалъ въ пропасть. Падая въ пропасть, онъ ухватился за дерево и повисъ на воздухѣ; посмотрѣвъ внизъ, онъ увидѣлъ, что корень дерева, за которое онъ держался, грызутъ двѣ мыши, черная и бѣлая, а на днѣ пропасти лежитъ страшный змѣй, а изъ стѣны выходятъ четыре головы аспида. Не смотря на такія опасности, путникъ устремился къ меду, каплю котораго онъ увидѣлъ на деревѣ. Смыслъ притчи такой: инорогъ, преслѣдующій человѣка, есть смерть; дерево, которое грызутъ мыши,—время, уходящее съ каждымъ днемъ и ночью, которые изображаютъ собою бѣлая и черная мыши; змѣй—адова утроба; главы аспида—физическія слабости человѣка; капля меду—краткія пріятности жизни, заставляющія человѣка забыть объ ужасахъ смерти ([1]). Подъ вліяніемъ повѣсти въ народѣ составились извѣстные духовные стихи *о пустынѣ и объ Іоасафѣ царевичѣ.*

Сказаніе объ Индійскомъ царствѣ. Сказаніе объ индійскомъ царствѣ изложено въ формѣ посланія Индійскаго царя-пресвитера, Іоанна, къ греческому императору, Мануилу. Представляется, что Мануилъ (Иммануилъ Комненъ 1143—1180) посылалъ посольство къ Іоанну и спрашивалъ его о силѣ и чудесахъ Индійской земли. Іоаннъ отвѣчалъ посольству: „Скажите своему царю

([1]) Замѣтимъ, что эта притча объ инорогѣ изложена Жуковскимъ въ одномъ стихотвореніи, съ нѣмецкаго перевода Рюккерта. Смотр. «Двѣ повѣсти». Сочин. Жуковскаго, изд. 1869. т. IV, стр. 229—233.

Мануилу: если хочешь узнать о силахъ и чудесахъ моего царства, то продай свое царство греческое и купи на это бумаги и пріѣзжай въ мое Индійское царство, съ своими книжниками, и я дамъ тебѣ описать чудеса Индійской земли, но ты не можешь описать мое царство до исхода души". Далѣе слѣдуетъ разсказъ объ Индійской землѣ. Земля Индійская наполнена разными чудовищными людьми, звѣрями и птицами. Въ ней есть люди нѣмые, люди рогатые, люди вышиною 9-ти саженъ (иже суть волотове), люди съ четырьмя и шестью руками, съ песьими головами (кинокефалы), со скотьими ногами (сатиры), съ глазами и ртомъ на груди, или на головѣ на темени въ волосахъ, люди—полиса да полчеловѣка, или политицы да полчеловѣка, есть чудовищные звѣри и птицы напр. саламандра и фениксы и др. Земля Индійская обильна всѣмъ—и золотомъ, и серебромъ, и разными драгоцѣнными камнями. Это баснословное сказаніе составляетъ передѣлку разныхъ сказаній объ Индійской землѣ, которыя въ средніе вѣка перешли въ Европу и помѣщались въ сочиненіяхъ путешественниковъ въ разныхъ сборникахъ и энциклопедіяхъ. Когда Сказаніе объ Индійскомъ царствѣ было переведено и передѣлано въ славянской письменности, опредѣлить трудно; но оно было извѣстно у насъ издавна. Въ произведеніяхъ народной словесности Индія представляется въ такомъ же баснословномъ и фантастическомъ свѣтѣ, какъ и въ сказаніи, страною, наполненною всякими богатствами и чудесами. Идеалъ и типъ богатаго человѣка—богатырь Дюкъ Степановичъ, по былинамъ, происходитъ изъ *Индіи богатой*, въ описаніи богатства Дюка мы встрѣчаемъ черты, взятыя изъ Сказанія объ Индійскомъ царствѣ; да и въ другихъ былинахъ также есть черты, напоминающія это Сказаніе. Затѣмъ Сказаніе объ Индійскомъ царствѣ, вмѣстѣ съ Александріей, было въ древнія времена источникомъ разныхъ разсказовъ о чудовищныхъ людяхъ, звѣряхъ, птицахъ и драгоцѣнныхъ камняхъ для космографій, хронографовъ и азбуковниковъ.

Съ конца XVI в. стали распространяться у насъ чрезъ Польшу нѣкоторыя сочиненія изъ западно-европейскихъ литературъ. Изъ такихъ сочиненій особенно были извѣстны: *Римскія дѣянія*, *Великое зерцало*, рыцарскія повѣсти *о Мелюзинѣ*, *о Петрѣ золотыхъ ключахъ и Бовѣ королевичѣ, повѣсть о семи мудрецахъ*, *апофѳегматы и фацеціи*. *Римскія дѣянія* (Gesta Romanorum)—сборникъ, составленный въ XIII или XIV в. Въ немъ заключаются не только разсказы изъ римскаго или вообще греко-римскаго классическаго міра, но и восточныя сказки, притчи и апологи. Вообще содержаніе сборника самое разнообразное и проникнуто нравственнымъ, поучительнымъ направленіемъ. Въ средніе вѣка онъ былъ въ большомъ употребленіи и служилъ исто-

чникомъ для разныхъ западныхъ повѣстей и сказаній. *Великое зерцало* есть также сборникъ, подобный римскимъ дѣяніямъ. Онъ также состоитъ изъ разныхъ повѣстей и притчей назидательнаго характера; только эти повѣсти и притчи заимствованы не изъ свѣтской повѣствовательной и сказочной литературы, какъ въ римскихъ дѣяніяхъ, но изъ духовно-исторической литературы; самый смыслъ ихъ направленъ къ утвержденію вѣры и духовной жизни, къ удаленію отъ грѣха и возбужденію къ покаянію. Чрезъ Польшу же въ половинѣ XVII в. перешли къ намъ нѣкоторые рыцарскіе романы, напр. исторія о Мелюзинѣ, исторія о князѣ Петрѣ-златыхъ ключахъ и исторія о Бовѣ королевичѣ. Наконецъ къ сочиненіямъ, перешедшимъ къ намъ съ Запада чрезъ Польшу еще относятся: „*Исторія или Повѣсть о семи мудрецахъ*“, „*Апофѳегматы*“, „*Фацеціи*“, и „*Басни Эзопа и Локмана*“. *Повѣсть о семи мудрецахъ* состоитъ изъ 15-ти повѣстей, или притчей. *Апофѳегматы*—сборникъ анекдотовъ о знаменитыхъ людяхъ, особенно греческой и римской исторіи. *Фацеціи*—сборникъ шутокъ, остроумныхъ изреченій и смѣшныхъ анекдотовъ, имѣющихъ сатирическій характеръ.

Апокрифическія сочиненія. Апокрифическими сочиненіями, или Апокрифами ([1]) называются такія сочиненія, которыя составлены въ подражаніе священнымъ библейскимъ книгамъ, о библейскихъ лицахъ и событіяхъ и большею частью отъ имени библейскихъ лицъ; но священныя истины въ этихъ сочиненіяхъ смѣшаны съ разными вымыслами фантазіи. Основная мысль, пред-

---

([1]) Слово «*апокрифъ*» (отъ κρύπτειν, κρυπτός) собственно значитъ *книгу тайную, сокровенную* и заимствовано въ христіанскую литературу отъ языческихъ сочиненій. У всѣхъ древнихъ народовъ были тайныя религіозныя книги, происхожденіе которыхъ приписывалось богамъ, или знаменитымъ мужамъ древности. Въ христіанской церкви слово «апокрифъ» сначала прилагалось къ тѣмъ священнымъ книгамъ, которыя не вошли въ ветхозавѣтный канонъ, потомъ начали прилагать его вообще къ книгамъ малоизвѣстнымъ или сомнительнымъ по происхожденію, наконецъ къ книгамъ прямо подложнымъ, ложнымъ и еретическимъ.—По славянскимъ рукописямъ Апокрифы изданы: г. Пыпинымъ въ «Памятникахъ старинной русск. лит.». Вып. 3-й: «Ложныя и отреченныя книги русской старины»; Тихонравовымъ: «Памятники отреченной русской литературы» т. 1 и 2. 1863; Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой библіотеки. Сбор. 2-го Отд. Акад. Наукъ т. XVII. (*Изд. автора*). Апокрифическія сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой библіотеки. Сборн. 2-го Отд. Ак. Наукъ Спб. 1890. (*Изд. автора*).

метъ или событіе въ нихъ заимствованы изъ книгъ свящ. Писанія: но они распространены и украшены такими вымышленными разсказами и подробностями, о которыхъ ничего не говорится въ священныхъ книгахъ. Такому украшенію, естественно, должны были подвергнуться преимущественно тѣ священныя лица и событія, о которыхъ въ Библіи сказано весьма кратко. Въ книгѣ Бытія ничего не говорится ни о сотвореніи, ни о паденіи ангеловъ: очень понятно, что нѣкоторые апокрифы, и особенно „*Книга Эноха*", пытаются проникнуть въ міръ ангельскій, объяснить паденіе ангеловъ и вообще показать отношеніе ангеловъ къ природѣ и людямъ. Самыя важныя и любопытныя событія, какъ напр. сотвореніе праотцевъ, Адама и Евы, паденіе ихъ и изгнаніе изъ рая, ихъ жизнь по изгнаніи, всеобщій потопъ при праведномъ Ноѣ, столпотвореніе Вавилонское, раздѣленіе языковъ и разсѣяніе народовъ разсказаны въ Библіи весьма кратко. Судьба многихъ знаменитыхъ лицъ въ исторіи, напр. Эноха, взятаго на небо, Мелхиседека, бывшаго прообразомъ Спасителя, извѣстна только въ общихъ чертахъ. Жизнь отца вѣрующихъ, Авраама, бытописателя, законодателя и освободителя Еврейскаго народа, Моисея, знаменитыхъ царей, Давида и Соломона хотя описана въ священныхъ книгахъ сравнительно подробнѣе, но все же еще много возбуждала въ читателяхъ любопытныхъ вопросовъ; самое величіе и слава этихъ лицъ вызывали народную фантазію къ составленію разныхъ разсказовъ о нихъ въ дополненіе къ библейскому разсказу. Отсюда весьма естественно могли возникнуть разныя сказанія объ Адамѣ и Евѣ, Каинѣ, Авелѣ, Сиѳѣ, Энохѣ, Ноѣ, Авраамѣ, Мелхиседекѣ, Моисеѣ, Давидѣ и Соломонѣ. Но если любопытно было для человѣка узнать что-нибудь о первыхъ временахъ міра и первыхъ и древнихъ людяхъ, то еще болѣе и сильнѣе всегда занимала его мысль о будущемъ. Для іудеевъ предметомъ всѣхъ чаяній въ будущемъ было пришествіе Мессіи, о которомъ было предсказано пророками; воображеніе христіанъ, естественно, устремлялось къ послѣднимъ днямъ міра, когда снова пріидетъ Спаситель и произведетъ послѣдній судъ, на которомъ каждому будетъ воздано по дѣламъ его. Поэтому апокрифы часто обращаются и ко временамъ Мессіи и къ послѣднимъ временамъ міра, и при этомъ рисуютъ картины будущей жизни, блаженства праведныхъ и наказанія грѣшныхъ; таковы: *книга Эноха*, *Откровеніе Авраама* и *Восхожденіе Исаіи*, которыя имѣютъ *апокалипсическій* характеръ; нѣкоторые апокрифы и называются *апокалипсисами*.

Такимъ образомъ, Апокрифы естественно возникли изъ стремленія дополнить нѣкоторые пробѣлы или пропуски въ библейскомъ разсказѣ, объяснить нѣкоторыя не довольно понятныя, или

неясныя въ священныхъ книгахъ мѣста, разрѣшить возникавшіе при чтеніи ихъ разные вопросы. То, о чемъ достаточно сказано въ священныхъ книгахъ, апокрифы или совсѣмъ оставляютъ, или передаютъ весьма кратко, но то, о чемъ сказано кратко и недостаточно, или что совсѣмъ опущено, они распространяютъ разными украшеніями и подробностями и дополняютъ вымышленными разсказами. Эти украшенія, добавленія и подробности и составляютъ новое, отличное отъ священныхъ книгъ содержаніе и существенный элементъ въ апокрифическихъ сказаніяхъ. Основою ихъ послужили еще древнія преданія іудейскія, которыя существовали у іудеевъ не только до начала письменности, но и во время самой письменности, сохранились до позднѣйшихъ временъ и потомъ собраны были въ разныя книги, каковы напр. Яшаръ, Талмудъ, Каббала и др. Изъ іудейскихъ книгъ и іудейскихъ преданій апокрифическія сказанія отъ первыхъ временъ христіанства начали переходить въ христіанскія книги. Во времена христіанскія такимъ же путемъ образовались свои апокрифы. Благочестивое чувство и воображеніе христіанъ первыхъ вѣковъ также не удовлетворялись тѣми краткими сказаніями о жизни и дѣлахъ Спасителя, Богоматери и Апостоловъ, какія находятся въ книгахъ Новаго Завѣта; они старались дополнить эти сказанія разными подробностями изъ преданій. А преданій въ первыя времена, когда христіанское просвѣщеніе распространялось не посредствомъ книгъ, но чрезъ устныя наставленія и разсказы, было, конечно, много; они переходили отъ одной области или города къ другимъ областямъ и городамъ. При отсутствіи образованія, въ разсказахъ не всегда могли отличать истину отъ вымысла, а страсть къ чудесному и стремленіе во всемъ видѣть особенный смыслъ готовы были принять всякое невѣроятное сказаніе. Наконецъ нѣкоторые апокрифы обязаны своимъ происхожденіемъ разнымъ еретикамъ, которые составляли ихъ съ тою цѣлію, чтобы защитить или распространить свое ученіе. Такъ составилась большая часть апокрифовъ. Такъ произошли: Евангеліе Никодима, Евангеліе Іакова, Переписка Іисуса Христа съ Авгаремъ, Путешествія Апостоловъ и Евангелистовъ, Плачь Богородицы, Дѣянія апостольскія и Апокалипсисы. Первые вѣка Христіанства были временемъ борьбы его съ язычествомъ и отжившей языческой цивилизаціей древняго міра. Во время этой борьбы явилось множество героевъ вѣры и церкви—мучениковъ, исповѣдниковъ, подвижниковъ и учителей; преданія о ихъ подвигахъ составляютъ обширный отдѣлъ религіозныхъ сказаній. Въ этихъ сказаніяхъ воображеніе также часто къ истиннымъ событіямъ примѣшивало разные вымыслы. Такимъ путемъ образовались апокрифическія сказанія о Святыхъ.

Большая часть такихъ апокрифовъ составились еще въ самыя первыя времена христіанства и вмѣстѣ съ христіанствомъ переходили отъ одного народа къ другому, и распространились повсюду. Къ намъ въ Россію апокрифическія сочиненія перешли изъ Византіи, вмѣстѣ съ другими памятниками церковной письменности, особенно въ палеяхъ и хронографахъ, гдѣ они преимущественно помѣщались. Болгарская и сербская редакція многихъ апокрифовъ показываютъ, что они, подобно другимъ памятникамъ письменности, принесены къ намъ изъ Болгаріи и Сербіи; въ старину они и извѣстны были подъ именемъ *болгарскихъ басней*.

Какъ у іудеевъ, такъ и у христіанъ апокрифы сначала совсѣмъ не имѣли того дурного значенія, какое они получили въ послѣдствіи. Возникнувъ изъ религіозныхъ преданій, подъ вліяніемъ священныхъ книгъ, и заключая въ себѣ интересные и поучительные разсказы, предлагавшіеся отъ лица древнихъ патріарховъ, пророковъ, апостоловъ и святыхъ отцевъ, они читались не только простыми, но и образованными людьми. Осужденію и запрещенію апокрифическія книги стали подвергаться тогда, когда начали злоупотреблять ими разные еретики для распространенія своего ученія, передѣлывать ихъ и составлять изъ нихъ новыя книги. Отсюда возникъ индексъ запрещенныхъ книгъ, или правило, въ которомъ апокрифическія книги перечисляются, запрещаются и подвергаются осужденію, на ряду съ еретическими книгами. Но не всѣ апокрифы, перечисляемые въ Индексахъ, одинаково были распространены въ древней нашей письменности; нѣкоторые изъ нихъ даже совсѣмъ не были извѣстны въ полномъ видѣ (напр. Книга Эноха и Малое Бытіе); другіе были извѣстны уже въ передѣлкахъ, или же въ отрывкахъ. Болѣе другихъ интересны по содержанію и болѣе другихъ имѣли вліянія на складъ религіозныхъ понятій нашихъ предковъ и на произведенія древней словесности слѣдующія апокрифическія сказанія: Сказаніе объ Адамѣ и Евѣ; Сказаніе о древѣ крестномъ; Сказаніе о праведномъ Энохѣ; Сказаніе о потопѣ и праведномъ Ноѣ; Апокрифы объ Авраамѣ; Завѣты 12-ти патріарховъ; Исходъ Моисеевъ и сказаніе о Соломонѣ; Списаніе Афродитіана Персянина о рождествѣ Іисуса Христа; Хожденіе Богородицы по мукамъ; Хожденіе апостола Павла по мукамъ; Вопросы Іоанна Богослова о живыхъ и мертвыхъ; Бесѣда трехъ святителей (Василія в., Григорія Богослова и Іоанна Златоуста); Сказаніе о 12-ти пятницахъ;

Сказанія объ Адамѣ и Евѣ (*Слово о Адамѣ* и *О исповѣданіи Евинѣ*) составляютъ передѣлку греческаго апокрифа, ко-

торый подъ именемъ *Апокалипсиса Моисея* напечатанъ въ Сборникѣ Тишендорфа ([1]). Въ этомъ апокрифѣ изображаются послѣднія минуты жизни Адама, смерть Адама и Евы и ихъ погребеніе. Существенное отличіе славянскаго апокрифа отъ греческаго заключается въ томъ, что въ славянскомъ прибавлены нѣкоторыя подробности о жизни въ раю и по изгнаніи изъ рая и два сказанія—о рукописаніи, данномъ Адамомъ діаволу, и о покаяніи Адама и Евы, которыхъ нѣтъ въ греческомъ текстѣ, и наконецъ измѣненъ разсказъ о хожденіи Сиоа въ рай. Вотъ въ какомъ видѣ изложенъ весь апокрифъ въ славянской передѣлкѣ. Поживъ девятьсотъ и тридесять лѣтъ, говорится здѣсь, Адамъ заболѣлъ (впаде въ болѣзнь чревную) и ужаснулся, потому, что до сихъ поръ не зналъ, что такое болѣзнь. Онъ велѣлъ собраться къ нему всѣмъ своимъ чадамъ, которыя сошлись и стали подлѣ него на три стороны. Сиѳъ сказалъ Адаму: ты вспоминаешъ о благахъ райскихъ, и потому болишъ; я схожу въ рай и принесу (что-нибудь) для утоленія болѣзни; Адамъ, для объясненія своей болѣзни, разсказываетъ о своемъ паденіи въ раю. Въ нѣкоторыхъ редакціяхъ (Исповѣданіе Евы) разсказъ этотъ передается отъ лица Евы, которая своимъ дѣтямъ, собравшимся около умирающаго Адама, разсказываетъ о прежней своей жизни въ раю и по изгнаніи изъ него. Сначала кратко говорится о томъ, какъ Богъ, сотворивъ рай, поручилъ его на храненіе имъ—Адаму восточную и сѣверную страну, а Евѣ—западную и южную, какъ Богъ заповѣдалъ имъ *не ясти* отъ одного древа; какъ діаволъ искусилъ ихъ, и они поѣли и пали. Когда они пали, всѣ деревья въ раю *сложили* съ себя листья; только одна смоковница *не поверже листьевъ*; они сшили изъ нея одежду себѣ. Тогда послышался гласъ архангела, призывающій ангеловъ съ неба. Сошелъ Господь съ ангелами; поставили престолъ посреди рая; начали судить и осудили Адама и Еву, и ангелы изгнали ихъ изъ рая. По изгнаніи, Адамъ и Ева сѣли противъ рая, и приникнувъ къ землѣ, стали плакать и плакали 7 дней (въ другихъ спискахъ 15 дней). Изнемогла душа моя отъ голода, сказала Ева, пойдемъ, поищемъ снѣднаго. Встали они и обошли всю землю и не нашли ничего снѣднаго; возвратились къ эдему и опять начали плакать: „*раю мой, раю, пресвѣтлый раю*, говоритъ Адамъ, *красота неизреченная; меня ради сотворенъ есть, а Евы ради затворенъ есть; милостиве, помилуй мя падшаго*“. Тогда умилосердился Господь и послалъ Ангела Іоиля, который отдѣлилъ имъ седьмую часть рая; они поѣли сначала плода терноваго. Потомъ явился архангелъ Михаилъ, принесъ пшеницы и меду и сталъ наставлять Адама *на дѣла ручная*.—

([1]) Apocalypses apocryphae, Lipsiae, 1866.

Адамъ началъ землю дѣлати; діаволъ пришелъ и говоритъ: небеса и рай суть Божіи, а земля моя; если хочешь быть Божій, иди въ рай; а если хочешь быть моимъ, дѣлай землю, но для этого дай мнѣ *рукописаніе* на себя. Адамъ сказалъ: чья земля, того и я, и *далъ рукописаніе*, ибо онъ зналъ (замѣчаетъ сказаніе), что Богъ сойдетъ на землю, родится отъ Дѣвы и спасетъ его. Діаволъ взялъ рукописаніе Адама и скрылъ его въ Іорданѣ подъ камнемъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Христосъ крестился. Ева сказала Адаму: покаемся, чтобы Богъ избавилъ насъ отъ діавола. Они положили поститься 40 дней. Адамъ велѣлъ Евѣ войти въ рѣку Тигръ и, положивъ одинъ камень подъ ноги, а другой на голову, стоять по шею въ водѣ и не выходить до тѣхъ поръ, пока онъ не придетъ къ ней. А самъ Адамъ пошелъ къ Іордану и, погрузившись въ него, каялся 40 дней; къ нему пришли звѣри и птицы, явилось множество ангеловъ, и всѣ начали молиться за Адама. Между тѣмъ діаволъ пришелъ къ Евѣ и началъ звать ее изъ воды, сказавши, что Богъ уже услышалъ ея молитву; но Ева не отозвалась и не вышла изъ воды, пока не пришелъ Адамъ. Далѣе разсказывается, какъ Адамъ и Ева поселились въ Мадіамѣ, какъ родились Каинъ и Авель, какъ Каинъ убилъ Авеля и какъ потомъ родился Сиѳъ. „Въ то время, какъ Ева говорила объ этомъ, Адамъ позвалъ ее и сказалъ ей, что душа его исходитъ изъ него. Сиѳъ вздумалъ сходить въ рай и принести что-нибудь для успокоенія Адама; Адамъ выразилъ желаніе получить вѣтвь отъ масличнаго дерева. Сиѳъ отправился въ рай вмѣстѣ съ Евой. На пути встрѣтился имъ звѣрь *горгоній* (въ другихъ спискахъ *коутоуръ*) и бросился на Сиѳа; Ева стала укорять звѣря, напоминая ему, какъ она хранила его въ раю, а Сиѳъ *заклялъ* этого звѣря. Пришедши къ раю, они начали плакать; явился ангелъ и спросилъ, за чѣмъ они пришли. Сиѳъ сказалъ, что отецъ его, Адамъ, боленъ и проситъ вѣтвь отъ масличнаго дерева. Для болѣзни отца твоего, отвѣчалъ ангелъ, нѣтъ лѣкарства, потому что приблизилась смерть его, и отломилъ вѣтвь отъ того древа, изъ-за котораго Адамъ былъ изгнанъ изъ рая. (По другому сказанію: ангелъ далъ три вѣтви отъ трехъ деревъ— певга, кедра и кипариса). Когда принесли вѣтвь къ Адаму, онъ узналъ древо и, сдѣлавъ изъ вѣтви вѣнецъ, возложилъ его на голову. Тогда онъ увидѣлъ руку Господню, пріемлющую его душу. Явились съ неба кадильница съ ладономъ и три ангела со свѣщами. Господь повелѣлъ архангелу Михаилу отнести тѣло Адама въ рай, а духъ его пусть пребываетъ на третьемъ небѣ (по другому сказанію: принявъ душу Адама, Господь послалъ архангела Михаила спрятать его тѣло). Когда понесли тѣло Адама,

съ неба послышался гласъ Божій: *земля еси, и въ землю пойдеши.* Послѣ погребенія Адама, Ева начала молиться, чтобы Богъ присоединилъ ее къ Адаму, такъ какъ она сотворена изъ ребра его. Архангелъ Михаилъ научилъ Сиѳа похоронить Еву тамъ, гдѣ тѣло Адама и Авеля. *И ту израсте древо изъ вѣнца Адамова, иже на главѣ Адамовѣ.*"

Сказаніе о древѣ крестномъ. Въ тѣсной связи съ Сказаніемъ объ Адамѣ и Евѣ находится *Сказаніе о древѣ крестномъ* (1). Въ немъ содержится исторія происхожденія древа, или креста, на которомъ былъ распятъ Спаситель. Сказаніе начинается съ того извѣстія, какъ предъ смертію Адама Сиѳъ принесъ изъ рая вѣтвь отъ древа познанія добра и зла; изъ этой вѣтви Адамъ сдѣлалъ вѣнецъ, въ которомъ его и похоронили. Изъ вѣнца, бывшаго на главѣ Адама, выросло великое дерево, которое раздѣлилось на три части и было выше всѣхъ деревьевъ. А райское древо, отъ вѣтви коего произошло это древо, выросло въ раю отъ тѣхъ сѣменъ, которыя бросилъ посреди рая сатанаилъ въ то время, когда Богъ насаждалъ рай. Когда Богъ замѣтилъ это древо, сказалъ сатанаилу: „*ту буду азъ и тѣло мое, и будетъ тебѣ на прогнаніе*" (потому что изъ него выростетъ древо креста). Выросло это древо на три части: одна часть означала Адама, другая Еву, третья посреди—самого Господа. Когда Адамъ и Ева согрѣшили, Адамова часть древа упала въ рѣку Тигръ, которая вынесла ее изъ рая, а Евина часть осталась въ раю до потопа, во время котораго она принесена была къ *Мѣрстѣй рѣцѣ* (къ водамъ Мерры); Господня же часть древа была отдана Адаму (т. е. вѣтвь древа), который изъ нея сдѣлалъ себѣ вѣнецъ. Изъ этихъ трехъ деревъ, происшедшихъ отъ одного древа, сдѣланы были три креста—крестъ Спасителя изъ древа, выросшаго изъ главы Адама, крестъ вѣрнаго разбойника—изъ Адамовой части райскаго древа, и крестъ разбойника невѣрнаго—изъ Евиной части. Какъ всѣ эти три древа очутились въ Іерусалимѣ, это объясняется слѣдующимъ образомъ. „Адамова часть райскаго древа, вынесенная изъ рая Тигромъ, остановилась на пескѣ. Однажды, когда Сиѳъ захотѣлъ *помянуть* отца своего Адама, ангелъ указалъ ему на это дерево и велѣлъ ему разложить огонь на рѣкѣ Нилѣ (?). Разложенный огонь остался неугасимымъ: лютые звѣри стали стеречь его. Когда Лотъ пришелъ къ Аврааму и разсказалъ ему о своихъ грѣхахъ,

---

(1) Напечатано въ Сборн. г. Пыпина лист. 14; въ Сборникѣ Тихонравова: т. I. стр. 305—313.

Авраамъ велѣлъ ему принести огня изъ той рѣки, думая, что онъ тамъ погибнетъ. Но Лотъ, воспользовавшись сномъ звѣрей, хранившихъ огонь, принесъ изъ него три головни. Почудился Авраамъ и велѣлъ Лоту посадить эти головни на одной горѣ и поливать ихъ до тѣхъ поръ, пока они не примутся рости: это будетъ знакомъ, что Богъ простилъ его. Головни начали рости, и выросло изъ нихъ прекрасное дерево. Часть древа райскаго, унесенная потопомъ, остановилась при водахъ Мерры; когда Моисей, странствуя съ евреями въ пустынѣ, нигдѣ не находилъ другой воды, кромѣ горькой, тогда ангелъ указалъ ему на это дерево. Моисей посадилъ его въ рѣкѣ крестообразно, и вода усладилась отъ дерева, которое само разрослось въ прекрасное древо. Когда Соломонъ строилъ храмъ въ Іерусалимѣ, эти три дерева были привезены въ Іерусалимъ. Древо, выросшее изъ головы Адамовой, было вырвано и привезено съ корнемъ, въ которомъ находилась голова Адамова. Сначала ее не замѣтили въ корнѣ, который отрубили отъ дерева и оставили безъ вниманія; но однажды, во время охоты Соломона, одинъ изъ его отроковъ, отставъ отъ свиты, попалъ въ пещеру, и замѣтилъ, что она состоитъ не изъ камня, а изъ кости. Соломонъ приказалъ очистить кость отъ земли и кореньевъ, и узналъ, что это была голова Адамова. Ее принесли въ Іерусалимъ. Соломонъ приказалъ засыпать ее камнями, изъ коихъ образовалась голгоѳа. Когда іудеи предали Іисуса Христа на распятіе съ двумя разбойниками, Пилатъ велѣлъ сдѣлать три креста изъ тѣхъ трехъ деревъ. Крестъ Спасителя былъ водруженъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ находилась глава Адамова; во время распятія Спасителя кровію изъ ранъ и водою изъ прободеннаго ребра крестился Адамъ (т. е. голова его, находившаяся подъ крестомъ) и освободился отъ клятвы ([1]).

Новозавѣтные апокрифы. Изъ новозавѣтныхъ апокрифовъ замѣчательны: *Сказаніе Афродитіана о чудѣ въ персидстѣй земли; Хожденіе Богородицы по мукамъ; Хожденіе апостола Павла по мукамъ; Бесѣда трехъ святителей; Сказаніе о 12-ти пятницахъ.*

Въ Сказаніи Афродитіана. ([2]) разсказывается о паденіи всѣхъ идоловъ въ персидской кумирнѣ во время рожденія Спасителя и излагается исторія поклоненія восточныхъ волхвовъ Спасителю.

Хожденіе Богородицы по мукамъ. Хожденіе Богородицы по мукамъ составляетъ переводъ, съ нѣкоторыми измѣненіями и

([1]) Памятн. стар. русс. лит. ч. III. стр. 14: «О главѣ Адамовой».

([2]) Пам. Отреч. Лит. т. II. стр. 1—4.

вставками, одного греческаго апокрифа, извѣстнаго подъ именемъ „*Откровенія пресв. Богородицы*“ (1). „Молилась Пресв. Богородица на горѣ Елеонской, да снидетъ архангелъ Михаилъ и разскажетъ ей о мукахъ грѣшниковъ. Архангелъ Михаилъ явился въ сопровожденіи 400 ангеловъ: 100 ангеловъ явилось отъ востока, 100 отъ запада, 100 отъ сѣвера и 100 отъ полудня. Сколько мукъ, спрашиваетъ его Богородица, *идѣже мучится родъ христіанскій?* Неизреченны суть муки, отвѣчаетъ архангелъ. Онъ велѣлъ явиться ангеламъ отъ полудня; отверзся адъ, и увидѣли множество мучащихся мужей и женъ, и услышали *вопль многъ*. На вопросъ Богоматери, кто сіи мучащіеся, Михаилъ отвѣчалъ: *сіи суть, иже не вѣроваша во Отца и Сына и Св. Духа, позабыша Бга и вѣроваша юже ны бѣ тварь Богъ на работу сотворилъ, того они все боги прозваша: солнце и мѣсяцъ, землю и воду, и звѣри и гади.... отъ камени ту устроя Трояна, Хорса, Велеса, Перуна.....* Въ другомъ мѣстѣ Богоматерь увидѣла тьму великую, и когда, по ея повелѣнію, была отнята эта тьма, здѣсь оказалось множество народа, мужей и женъ, издававшихъ сильный вопль; архангелъ Михаилъ сказалъ Богоматери: это тѣ, которые не вѣровали въ Отца и Сына и Св. Духа, не хотѣли исповѣдывать имени твоего, что отъ Тебя родился Господь нашъ Іисусъ Христосъ и плоть принялъ. Потомъ Богоматерь обратилась къ полудню. Здѣсь проходила огненная рѣка и въ ней было множество мужей и женъ; одни погружены были въ ней до пояса; другіе—по грудь, иные—до шеи, а иные—до верху. До пояса были погружены тѣ, которые проклинали отца и матерь; по грудь тѣ, которые съ кумами грѣхъ творили; до шеи тѣ, которые ѣли человѣческое мясо; до верха тѣ, которые ложно клялись честнымъ крестомъ, взирая на который сами ангелы трепещутъ. Здѣсь же Богоматерь видѣла мужа, повѣшеннаго за ноги, а тѣло его терзали черви; этотъ мужъ бралъ большіе прилоги (проценты) за свое злато; видѣла жену, повѣшенную за зубы, а изъ устъ ея выходили змѣи и терзали ея тѣло: эта жена ходила по сосѣдямъ, подслушивала, складывала сплетни и производила ссору и вражду. „Лучше бы не родиться человѣку тому“, сказала Богоматерь. Потомъ Богоматерь обратилась на полночь, а затѣмъ пришла на лѣвую сторону отъ востока. И тамъ и здѣсь ангелы показали ей множество грѣшниковъ, мучащихся за разные грѣхи. Осмотрѣвъ всѣ муки ада, она заплакала и сказала архангелу: *молюти-ся, да вниду и азъ, да ся мучу съ христіаны, понеже нареко-*

---

(1) Хожденіе Богородицы по мукамъ напечатано въ Памятн. стар. Русск. лит. ч. 3. стр. 118—124.

шася чада Сына моего. Но архангелъ замѣтилъ, что ей *подобаетъ почивать въ раю.* Она стала просить Михаила подвигнуть воинство седми небесъ и помолиться за грѣшныхъ, дабы Господь помиловалъ ихъ. „Седмижды на день, отвѣчалъ на эту просьбу Михаилъ, и седмижды на ночь, Госпоже, когда возносимъ хвалу ко Владыкѣ, мы молимся и за грѣшныхъ". Тогда Богоматерь стала просить вознести ее на высоту небесную и поставить предъ престоломъ невидимаго Отца: явились херувимы и серафимы и вознесли Благодатную къ престолу Божію. Воздѣвъ руцѣ, она начала молиться: *помилуй, Владыко, грѣшныя, яко видѣхъ я, и не могу терпѣти, да ся мучу и азъ со крестьяны.* Послышался гласъ: какъ могу помиловать ихъ, когда вижу гвозди на рукахъ Сына моего? Я молюсь не за жидовъ, сказала Богоматерь, но за христіанъ. Они братіи моей не помиловали: какъ же я ихъ помилую, былъ отвѣтъ на это. Когда молитвы Богоматери остались безуспѣшными, она созываетъ пророковъ, апостоловъ и евангелистовъ, и проситъ ихъ молиться вмѣстѣ съ нею за грѣшниковъ, и павши ницъ предъ престоломъ Божіимъ, всѣ начали молиться. Видя такую неотступную мольбу Богоматери и Святыхъ, Богъ послалъ своего Единороднаго Сына. Сынъ Божій сказалъ: Я насадилъ рай и создалъ человѣка по образу своему, поставилъ господиномъ рая и далъ животъ вѣчный... а люди учинили преслушаніе и подверглись смерти. Чтобы спасти ихъ, Я сошелъ на землю и воплотился и возшелъ на крестъ... воды просилъ Я у нихъ, а они мнѣ дали желчи съ оцтомъ. Я сошелъ во адъ и попралъ врага, чтобы спасти васъ отъ клятвы, а вы не заботились о покаяніи, только назывались христіанами, а заповѣдей моихъ не соблюдали и потому должны мучиться теперь въ огнѣ неугасимомъ. Но ради милосердія Моего Отца, ради молитвъ Моей Матери, ради Михаила архангела и множества мучениковъ моихъ,—„даю вамъ, мучащимся день и ночь, имѣти покой отъ великаго четверга до святого пентикостія (πεντηκοστήν, пятидесятницы) и прославити Отца и Сына и Св. Духа". И сказали всѣ: „Слава милосердію Твоему"!

Слово о видѣніи св. апостола Павла. Извѣстное мѣсто во второмъ посланіи къ Коринѳянамъ глав. 12, ст. 2—4, гдѣ ап. Павелъ говоритъ, что онъ былъ восхищенъ въ рай, до третьяго неба, подало поводъ къ составленію *„Откровенія или Видѣнія Апостола"*. Въ славянскихъ рукописяхъ это откровеніе помѣщается подъ именемъ *„Слова о видѣніи св. апостола Павла "*(1). Оно составляетъ переводъ греческаго Апокалипсиса св.

(1) Памятн. Отреч. лит. т. 2. стр. 40—58.

апостола Павла. Слово начинается превосходнымъ, въ высшей степени поэтическимъ представленіемъ той мысли, которая заключается въ словахъ апостола: *чаяніе твари откровенія сыновъ Божіихъ чаетъ, суетѣ бо тварь повинуся не волею, но за повинувшаго ю* (Рим. 8, 19—20): вся природа жалуется Богу на беззаконія людей. „Было слово Господне ко мнѣ, скажи людямъ симъ: доколѣ согрѣшаете и прилагаете грѣхи ко грѣхамъ и прогнѣвляете Господа Бога, сотворшаго небо и землю? Вы называетесь чадами Божіими, а творите дѣла діавола. Покайтесь нынѣ и уразумѣйте, что вся тварь повинуется Богу, только одно *человѣчество* согрѣшаетъ. Много разъ великое и свѣтлое солнце молилось Богу и говорило: Господи Боже Вседержителю! доколѣ мнѣ смотрѣть на беззаконія и неправды человѣческія, повели, да сотворю *по моей силѣ на нихъ.* И былъ гласъ къ нему: все это я знаю и видитъ око мое, слышитъ ухо мое; но мое человѣколюбіе ожидаетъ, пока они обратятся и покаются; если же они не придутъ ко мнѣ (т. е. не обратятся), *тогда сужу имъ.* Много разъ луна и звѣзды вопрошали Бога и говорили: Господи Боже вседержителю! Ты далъ намъ *область нощи*: долго ли намъ смотрѣть на блудъ и кровопролитіе, которые творятъ сыны человѣческіе? повели намъ, *и сотворимъ на нихъ по силѣ нашей.* И былъ гласъ къ нимъ: все это я знаю; видитъ око мое и слышитъ ухо мое, но долготерпѣніе мое ожидаетъ, пока они обратятся; если же они не придутъ ко мнѣ, *тогда сужу имъ.* Много разъ воды жаловались на сыновъ человѣческихъ и говорили: Господи Боже вседержителю! сыны человѣческіе осквернили *святое имя твое въ насъ.* И былъ гласъ къ нимъ: я все знаю прежде бытія всего. Но особенно земля постоянно вопіетъ и жалуется Богу на людей: я больше всей твари осуждена; не могу сносить блуда, разбоя, воровства, клятвы, волхвованія и обмана и всѣхъ золъ человѣческихъ: отецъ возстаетъ на сына, а сынъ на отца, и братъ на брата.... повели мнѣ, да не подамъ имъ плодовъ отъ моей крѣпости. И былъ гласъ къ ней: все это я знаю, и никакой грѣхъ не утаится отъ меня; но моя благость ожидаетъ ихъ обращенія; если же они не обратятся, тогда *сужу имъ.* Итакъ, видите, сыны человѣческіе, что вся тварь Богу повинуется; только одно человѣчество согрѣшаетъ. Потому благословите Бога непрестанно каждый день и каждый часъ. Каждый день, по захожденіи солнца, ангелы, приставленные къ людямъ, идутъ къ Богу на поклоненіе и приносятъ ему дѣла людей, которыя они сдѣлали отъ утра до вечера, дѣла добрыя и злыя. Одни ангелы—добрыхъ людей—идутъ къ Богу съ радостію; другіе—ангелы злыхъ людей—идутъ съ плачемъ и рыданіемъ. Также и утромъ, въ первый часъ дня, ангелы приходятъ къ Богу на поклоненіе и при-

носятъ дѣла человѣческія, добрыя и злыя. Когда былъ часъ поклоненія, пришли ангелы, имѣя съ собою *бремена благія* (дѣла добрыя). *И вышелъ духъ имъ во срѣтеніе*, и былъ гласъ къ нимъ: откуда пришли ангелы, носящіе *бремена благія?* Мы пришли, сказали они, отъ тѣхъ, которые, ради святаго Твоего имени, отреклись отъ міра и плачутъ о своихъ грѣхахъ въ пустыняхъ и пропастяхъ земныхъ, алчутъ и жаждутъ, и мы, ангелы ихъ, плачемъ съ ними; если угодно Тебѣ, повели намъ идти и служить имъ. И былъ гласъ къ нимъ: *моя благость и помощь съ ними есть*; и удалились ангелы Божіи. И пришли къ престолу Божію другіе ангелы, которые плакали и рыдали; *и вышелъ духъ къ нимъ во срѣтеніе,* и былъ гласъ Божій къ нимъ: откуда вы пришли ангелы, носящіе *бремена?* Мы пришли, сказали они, отъ тѣхъ, которые призываютъ имя Твое святое, а творятъ дѣла плоти.... нужно ли намъ служить грѣшнымъ людямъ? И было имъ сказано: не переставайте служить имъ до тѣхъ поръ, пока они обратятся и покаются; если же не придутъ ко мнѣ, тогда *сужу имъ.* Видите, сыны человѣческіе, что всѣ дѣла наши ангелы приносятъ къ Богу, добрыя дѣла и злыя! Зная это время, благословите Бога непрестанно"! Послѣ этого слѣдуетъ самое видѣніе апостола Павла. „Я былъ въ духѣ святомъ, говоритъ апостолъ. И сказалъ мнѣ ангелъ: послѣдуй за мною, и я покажу тебѣ мѣста святыхъ и праведныхъ, гдѣ они пребываютъ, и сойдемъ въ бездну, гдѣ тьма и адъ, и я покажу тебѣ, куда уносятся души грѣшниковъ, когда они умираютъ". Проходя съ ангеломъ подъ твердію небесною, апостолъ увидѣлъ страшныхъ и немилостивыхъ ангеловъ: лица ихъ исполнены ярости, зубы выше рта, глаза свѣтятся какъ звѣзды, изъ устъ ихъ выходитъ пламень огненный. Это тѣ, сказалъ ангелъ, которые посылаются за душею невѣрныхъ людей. Посмотрѣвъ на небо, апостолъ увидѣлъ другихъ ангеловъ: лица ихъ свѣтились какъ солнце, чресла препоясаны золотымъ поясомъ, въ рукахъ у нихъ печать Божія и свитокъ, на которомъ написано имя Божіе. Это тѣ, сказалъ ангелъ, которые посылаются за душею людей праведныхъ. Я желалъ бы, сказалъ апостолъ ангелу, видѣть души людей праведныхъ и грѣшныхъ, отходящихъ изъ міра. Посмотри внизъ, на землю, сказалъ ему ангелъ. Я посмотрѣлъ, говоритъ апостолъ, и увидѣлъ весь міръ: надъ всѣмъ міромъ распростерто огненное облако. *„Это беззаконіе, смѣшанное съ молитвою грѣшниковъ*, сказалъ ангелъ. Вздохнувши, апостолъ заплакалъ и опять сказалъ ангелу: я хотѣлъ бы видѣть, какимъ образомъ души праведныхъ и грѣшныхъ людей отходятъ изъ міра. И я увидѣлъ, говоритъ апостолъ, человѣка умирающаго: это праведникъ, сказалъ ему ангелъ. Всѣ его благія дѣла предстали ему въ часъ

смерти; предстали и добрые ангелы. Взявши душу праведнаго, ангелы три раза сказали ей: *познай, душе, свое тѣло*, откуда вышла; въ день воскресенія ты снова должна будешь возвратиться въ свое тѣло. Душа простилась съ тѣломъ и облобызала его. И пришелъ ангелъ, постоянно хранившій душу, и сказалъ ей: мужайся, душе; я радуюсь, что ты, живя на землѣ, сотворила волю Божію, и я возносилъ къ Богу всѣ благія дѣла твои. Также и духъ вышелъ во срѣтеніе души и сказалъ: не смущайся, приходи на мѣсто, котораго ты никогда не видала: я буду твоимъ помощникомъ, ибо я находилъ въ тебѣ покой во все время, когда жилъ въ тебѣ на землѣ. И духъ наставлялъ и укрѣплялъ душу, когда она возносилась на небо. На пути ее останавливали власти; помедли, говорили онѣ, нѣтъ ли чего нашего въ тебѣ; но, не находя ничего, тотчасъ отпускали. Послышался гласъ съ высоты небесныя: вознесите душу, сотворившую волю Божію. И тмы темъ ангеловъ вопіяли единымъ голосомъ: мужайся, душе, и крѣпися. Когда душа предстала предъ Бога, то Михаилъ и все воинство ангеловъ поклонившись сказали душѣ: „*се есть всѣхъ Богъ, иже сотвори тя по образу и подобію*". Впереди души шелъ ея ангелъ и взывалъ къ Богу: „Боже, помяни тварь свою; ея дѣла я приносилъ къ тебѣ *по вся дни*". И духъ также говорилъ: „я духъ, оживлявшій ее и жившій въ ней; сотвори ей по твоему суду". И былъ гласъ Божій: „меня не оскорбила, и я не оскорблю; помиловала (другихъ), и помилована будетъ; да передастся *Михаилу Завѣту*, и да несетъ онъ ее *въ рай пищи*, до дня воскресенія". И послышался гласъ какъ-бы отъ тмы ангеловъ и архангеловъ, и 14 старцевъ, поющихъ и славящихъ Бога и глаголющихъ: „*праведенъ еси Господи и судъ твой истиненъ*". Подобнымъ же образомъ разсказывается, какъ апостолъ видѣлъ исходъ отъ міра души грѣшной. Послѣ этого ангелъ сказалъ апостолу: послѣдуй за мною, и я покажу тебѣ мѣста праведныхъ. Онъ возвелъ его на третье небо и поставилъ предъ вратами. У вратъ были два золотыхъ столпа, а на столпахъ скрижали, которыя всѣ исписаны. Апостолъ спросилъ ангела: что написано на скрижаляхъ? Это написаны имена работающихъ Богу всѣмъ сердцемъ, отвѣчалъ ангелъ. А написаны ли имена *сущихъ въ мірѣ*, спросилъ апостолъ? Не только имена, но и *образъ и подобіе* служащихъ Богу извѣстны ангеламъ, отвѣчалъ ангелъ. Войдя внутрь *мѣста*, апостолъ увидѣлъ Исаію, который облобызалъ его Потомъ, по указанію ангела, апостолъ посмотрѣлъ на землю и увидѣлъ на ней рѣку, текущую медомъ и млекомъ; по берегу рѣки насажены деревья, наполненныя плодами; каждое дерево приносило плоды восемь разъ; свѣтъ той земли былъ *паче серебра*. Когда апостолъ спросилъ, какъ назы-

вается это мѣсто, ангелъ сказалъ: это земля обѣтованная; развѣ ты не слышалъ того, что написано: *блажени кротціи, яко тіи наслѣдятъ землю*". Сюда переносятся души людей праведныхъ по смерти. Послѣдуй за мною, сказалъ ангелъ апостолу, и я введу тебя во градъ Христовъ. Они были на озерѣ *хѣрусійстѣмъ* (т. е. ахеронтскомъ). И взялъ его ангелъ въ корабль златой; ангелы пѣли предъ ними, пока они вошли во градъ Христовъ. Свѣтъ града *паче свѣта міра сего*: онъ окруженъ 12-ю стѣнами; 1000 столповъ внутри каждой стѣны. Отъ западной стороны града течетъ рѣка *медвяная*, съ юга—рѣка *молочная*, съ востока—рѣка *съ виномъ* и *елеемъ*, а съ сѣвера—рѣка *масленая*. Эти четыре рѣки, сказалъ ангелъ, образуются на землѣ; рѣка медвяная называется Фисонъ, рѣка съ виномъ и елеемъ—Тигръ, рѣка съ елеемъ Гіонъ, рѣка съ млекомъ Евфратъ. При медвяной рѣкѣ апостолъ видѣлъ Исаію, Іеремію, Михея и Захарію, которые, привѣтствуя, лобызали его: это путь пророческій, сказалъ ангелъ. У западной стороны града апостолъ увидѣлъ мужей и женъ, сидящихъ и поющихъ: это тѣ, которые всѣмъ сердцемъ веселятся о Богѣ и входятъ во градъ. Посреди града находится высокій алтарь; подлѣ него стоялъ мужъ, лице котораго свѣтилось какъ солнце; въ рукахъ у него были *гусли* и *псалтирь*. Онъ пѣлъ и пѣніемъ своимъ наполнялъ весь градъ: и слушали его всѣ, находящіеся на столпахъ вратъ, и возглашали *аллилуія* такъ громко, что потрясалось основаніе града. Это Давидъ, сказалъ ангелъ, а это врата небеснаго Іерусалима. Когда пріидетъ Христосъ, царь вѣковъ, во славѣ своего царства, тогда самъ Давидъ начнетъ пѣть, а съ нимъ будутъ пѣть и всѣ праведные: *аллилуія*! Послѣдуй за мною, сказалъ ангелъ апостолу, и я покажу тебѣ души невѣрныхъ и грѣшныхъ. И взялъ его ангелъ на западъ солнца: здѣсь онъ увидѣлъ океанъ, обходящій вселенную, *обону страну* мѣсто, гдѣ тьма скорбь и туга, и рѣку, пылающую огнемъ. Здѣсь было множество мужей и женъ, погруженныхъ въ рѣку до колѣнъ, до пояса, до рта, и проч. Далѣе описываются разныя мученія грѣшниковъ; ангелъ объяснилъ апостолу, кто за какіе грѣхи мучится. Отъ этихъ мукъ ангелъ взялъ апостола и поставилъ его надъ *кладяземъ*, который былъ запечатанъ семью печатями. Онъ велѣлъ приставленному здѣсь ангелу открыть *кладязь, да возлюбленникъ Божій Павелъ видитъ, яко дана ему власть видѣти вся муки*. При этомъ ангелъ велѣлъ апостолу немного посторониться, чтобы можно было вынести смрадъ, выходящій изъ кладезя: въ кладязь ввергаются тѣ, которые не исповѣдали, *яко Іисусъ снидетъ во плоти, яко роди Его Дѣва Марія*. Послѣ этого апостолъ увидѣлъ небо отверсто, и Михаила архангела и съ нимъ множество воинства сходящаго съ неба. Всѣ грѣшники начали про-

сить архангела и ангеловъ молиться о нихъ. Михаилъ и ангелы, вмѣстѣ съ апостоломъ Павломъ, падая ницъ, начали взывать: „помилуй, Господи, свое созданіе". Небо заколебалось отъ вопля, какъ дерево отъ вѣтра; потомъ оно отверзлось, и увидѣли Сына Божія, сходящаго съ небесъ. Онъ говорилъ, что грѣшники не заслуживаютъ прощенія, потому что они сами не хотѣли пользоваться тѣми средствами, какія имъ дарованы были для спасенія, *но нынѣ*, сказалъ Онъ, *ради Михаила архангела и ради Павла возлюбленнаго моего „даю вамъ покой сущимъ въ мукѣ въ нощь и въ день святыя недѣли"*. И всѣ возопили и сказали: „благодаримъ тя, Господи Боже, *яко пода намъ на покой дни тѣ*". Послѣ этого ангелъ сказалъ апостолу: послѣдуй за мною, и я введу тебя въ рай. Въ раю *эдемскомъ* апостолъ видѣлъ четыре извѣстныя рѣки—Фисонъ, Гіонъ, Тигръ и Евфратъ, видѣлъ дерево, отъ корня котораго происходили воды, давшія начало этимъ рѣкамъ. На деревѣ этомъ *почивалъ Духъ Божій*; когда *дыхалъ Духъ*, тогда шли воды: это тотъ самый Духъ, который до сотворенія міра носился вверху бездны, а послѣ явленія неба и земли сталъ почивать на деревѣ. Видѣлъ апостолъ въ раю древо познанія добра и зла и древо жизни: видѣлъ пресвятую Богородицу, гуляющую въ сопровожденіи 200 ангеловъ; видѣлъ праотцевъ Авраама, Исаака, Іакова; видѣлъ Ноя и разговаривалъ съ нимъ о потопѣ; видѣлъ пророковъ Илію и Елисея.

Не смотря на то, что всѣ апокрифическія сочиненія наполнены вымышленными разсказами, въ которыхъ священныя истины смѣшаны съ разными заблужденіями и суевѣріями, что чтеніе ихъ постоянно запрещалось въ индексахъ книгъ истинныхъ и ложныхъ,—они были весьма распространены въ древнія времена и имѣли большое вліяніе какъ на русское образованіе, такъ и на русскую письменность. Въ рѣдкомъ памятникѣ древней русской письменности мы не встрѣтимъ какого-нибудь апокрифическаго сказанія или какой-нибудь апокрифической подробности. Такое вліяніе апокрифовъ было весьма естественно. Древне-русская жизнь и древне-русское образованіе имѣло основу религіозную; на такой же основѣ возникли и развились и апокрифическія сказанія. Слѣд. они, какъ нельзя болѣе, приходились по вкусу древнимъ русскимъ читателямъ. А тѣхъ ошибокъ и невѣроятностей, того страннаго смѣшенія вымысла съ истиной, какія насъ поражаютъ въ апокрифахъ, древніе читатели, при своемъ слабомъ образованіи, не могли вполнѣ и сознавать; даже самые образованные изъ нихъ едвали обладали такимъ знаніемъ св. Писанія и исторіи, чтобы критически могли относиться къ апокрифическимъ сочиненіямъ. А между тѣмъ, въ этихъ сочиненіяхъ была привлекательная сторона: они удовлетворяли самому смѣ-

лому любопытству, самой требовательной любознательности; они сообщали свѣдѣнія, какихъ не могла дать ни одна книга. То, что составляетъ непроницаемую тайну для исторіи, апокрифы знаютъ самымъ обстоятельнымъ образомъ: они знаютъ, когда сотворены и пали ангелы, указываютъ день и даже часъ, когда произошло паденіе Адама и Евы, разсказываютъ подробности о первой ихъ жизни по изгнаніи изъ рая, и наконецъ еще большія подробности о смерти Адама (Сказаніе объ Адамѣ и Исповѣданіе Евы); они знаютъ, что чувствовали и говорили, находясь въ аду, Адамъ и другіе патріархи и пророки, предъ пришествіемъ къ нимъ Спасителя (Слово Адама къ Лазарю); они рисуютъ подробныя картины кончины міра, страшнаго суда и будущей жизни, разсказывая о томъ, въ какомъ возрастѣ и видѣ возстанутъ на судъ умершіе, узнаютъ ли на томъ свѣтѣ другъ друга и будутъ ли имѣть общеніе между собою родственники, чѣмъ насыщаются праведные въ раю. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ апокрифахъ встрѣчаются глубоко-трогательныя и въ высшей степени поэтическія картины; таковы напр. въ *Хожденіи Богородицы по мукамъ*, въ *Видѣніи апостола Павла*. Съ этой стороны апокрифы замѣняли для древне-русскаго человѣка произведенія искусства поэтическаго, котораго въ древней словесности не было. Удовлетворяя чувству религіозному, они въ то же время удовлетворяли и чувству поэтическому, и тѣмъ лучше, что удовлетворяли изъ одного и того же религіознаго источника, который признавался единственно законнымъ въ силу изначала установившагося склада русской жизни. Постоянно читаемыя, апокрифическія сказанія имѣли большое вліяніе на складъ религіозныхъ понятій и представленій нашихъ предковъ. Лучшимъ доказательствомъ этого служатъ произведенія религіозной народной поэзіи — такъ называемые *духовные стихи и легенды*.

Такимъ образомъ, переводная словесность древняго періода заключала въ себѣ много разныхъ сочиненій по разнымъ предметамъ знанія. Отсюда не удивительно, что въ этомъ періодѣ, не смотря на то, что до конца XVI в. не было никакого научнаго образованія, мы встрѣчаемъ весьма много такихъ просвѣщенныхъ мужей, которые не только мудро управляли Церковію, поучая народъ вѣрѣ и благочестію, но и являлись опытными совѣтниками въ дѣлахъ государственныхъ, встрѣчаемъ много писателей, сочиненія которыхъ отличаются не только богословскими познаніями, но и свѣдѣніями по нѣкоторымъ свѣтскимъ наукамъ. Эти познанія предки наши пріобрѣтали изъ переводной словесности, чрезъ постоянное чтеніе книгъ. Но такимъ средствомъ къ просвѣщенію не всѣ могли пользоваться съ одинаковымъ успѣхомъ, да и само оно было весьма недостаточно безъ другихъ средствъ. Только пра-

вильное научное образованіе можетъ приготовить къ правильному чтенію и пониманію книгъ, научить обсуживать и усвоять прочитанное съ должною пользою. А безъ образованія и пособій науки, это чтеніе приводитъ обыкновенно не къ знанію ясному и отчетливому, а къ простой *начитанности*, существенныя черты которой составляютъ поверхностность, сбивчивость и смѣшеніе понятій. Отсюда, рядомъ съ просвѣщенными пастырями и учителями, мы встрѣчаемъ въ древнемъ періодѣ всего болѣе грамотныхъ, но необразованныхъ книжниковъ, свѣдѣнія которыхъ, пріобрѣтаемыя чрезъ начитанность, имѣли и всѣ ея свойства, т. е. были несвязнымъ сборомъ разныхъ мнѣній и походили на тѣ разнообразные, но ничѣмъ не связанные между собою сборники, которые они читали и списывали. На ряду съ отеческими сочиненіями и статьями по разнымъ наукамъ и литературѣ, въ этихъ сборникахъ, какъ мы видѣли, помѣщались повѣсти и сказанія, наполненныя разными заблужденіями и суевѣріями; необразованные книжники не могли относиться къ нимъ критически и безъ разбора усвоивали все, что читали. Въ понятіяхъ древняго книжника даже не было строгаго различія между св. Писаніемъ, писаніями отеческими и всякими другими писаніями; *писаніемъ* была для него почти всякая книга, все, что было *написано*; апокрифическое сказаніе пользовалось такимъ же авторитетомъ, какъ слова св. Писанія. Слѣдствіемъ этого было то странное смѣшеніе самыхъ разнообразныхъ понятій, ученія христіанскаго съ самыми нелѣпыми заблужденіями и суевѣріями еще языческой старины, какое мы находимъ не только во всѣхъ народныхъ произведеніяхъ, каковы духовные стихи и легенды, но и во многихъ произведеніяхъ книжной русской словесности древняго періода.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ, ОБРАЗОВАВШІЯСЯ ПОДЪ ВЛІЯНІЕМЪ КНИЖНОЙ СЛОВЕСНОСТИ:

1) Духовные Стихи и 2) Легенды.

1) Духовные Стихи. Духовными Стихами вообще называются пѣсни духовнаго содержанія ([1]). Такіе Стихи мы находимъ

([1]) Первое изданіе «Духовныхъ стиховъ» сдѣлано Кирѣевскимъ въ Чтеніяхъ общ. ист. и древн. 1848 г. № 9. Въ 1860 г. вышелъ Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ Варенцова. Полное изданіе Стиховъ сдѣлано Безсоновымъ, подъ заглавіемъ: «Калѣки перехожіе» 1861—1864. Выпуски 1—6. «Стихи нищей братіи», записанные въ Мезени Никольскимъ. Извѣстія Общ. любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. том. XXX, вып. 2.

у народа въ двухъ видахъ. Одинъ видъ составляютъ такъ называемые *Псальмы* и *Канты*, которые имѣютъ книжное происхожденіе и книжный характеръ: они возникли сначала на Югозападѣ Россіи, въ книжной письменности XVII в. и потомъ перешли въ народное употребленіе и здѣсь получили народный оттѣнокъ. Другой видъ духовныхъ стиховъ составляютъ собственно народные Стихи, которые и сложились въ народѣ, только подъ вліяніемъ книжной словесности. Время происхожденія этихъ Стиховъ, какъ произведеній безвременной народной поэзіи, опредѣленно указать нельзя; нѣкоторые изъ нихъ (напр. Стихъ о Голубиной книгѣ и Стихи о кончинѣ міра) очень древни и принадлежатъ, вѣроятно, еще первымъ вѣкамъ христіанства на Руси, а нѣкоторые составились въ позднѣйшія времена.

Духовные Стихи нынѣ распѣваются *нищими калѣками*. Названіе *калѣки* произошло, вѣроятно, отъ *калига* (короткій сапогъ или высокій башмакъ — обувь странника) и означало въ старину *странника*, путешественника въ Іерусалимъ и вообще по святымъ мѣстамъ. Но въ старину *калики* были совсѣмъ не такіе, какъ нынѣшніе *калѣки*. Вотъ какъ изображаются древніе *калики перехожіе* въ Стихѣ: *Сорокъ каликъ со каликою*.

А изъ пустыни было Ефимьевы,
Изъ монастыря изъ Боголюбова,
Начинали калики наряжатися,
Ко святому граду Іерусалиму,
Сорокъ каликъ ихъ со каликою.

Ставши въ кругъ, они выбрали для себя *атамана*, который положилъ для нихъ такую заповѣдь: „кто украдетъ или солжетъ или другой грѣхъ сдѣлаетъ, оставить того въ чистомъ полѣ и закопать по плеча во сыру землю“. Положивши такой завѣтъ, калики отправились. Когда они стали подходить къ Кіеву, то въ раменьи встрѣтили самого князя Владиміра, который въ это время здѣсь охотился.

Становилися (калики) во единый кругъ,
Клюки- посохи въ землю потыкали,
А и сумочки изповѣсили.
Скричатъ калики зычнымъ голосомъ:
Владиміръ князь стольно-кіевскій!
Дай-ка намъ, каликамъ, милостыню,
Не рублемъ беремъ мы и не полтиною,
Беремъ-то мы цѣлыми тысячами.
Дрогнетъ матушка сыра-земля,
Съ деревъ вершины попадали;
Подъ княземъ конь окорачился,
А богатыри съ коней попадали.

У Владиміра нечѣмъ было надѣлить каликъ, и онъ отослалъ ихъ за милостыней въ Кіевъ, къ супругѣ своей, Апраксѣевнѣ. Пришедши въ Кіевъ, калики также:

Среди двора княженецкаго
Клюки-посохи въ землю потыкали,
А и сумочки изновѣсили,
Подсумочья рыта бархата.
Скричатъ калики зычнымъ голосомъ,
Съ теремовъ верхи повалилися,
А съ горницъ охлопья попадали,
Въ погребахъ питья всколебалися.

Княгиня позвала каликъ въ свою свѣтлую гридню, посадила за столами убранными, гдѣ они пили питья медвяныя, ѣли яства сахарныя ([1]). Калики здѣсь изображаются богатырями: они выбираютъ для себя атамана, милостыню берутъ не рублемъ, не полтиною, а цѣлыми тысячами; отъ крика ихъ дрогнетъ матушка сыра-земля, такъ что даже богатыри Владиміра съ коней попадали. Такими же изображаются калики и въ былинахъ; таковъ напр. въ былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ каличище. Иванище Эти богатырскія черты каликъ указываютъ на связь ихъ съ богатырями и даютъ право предполагать, что многіе калики выходили изъ богатырей. Послѣ разныхъ подвиговъ удальства и буйства, приходя въ сознаніе своей грѣховности, богатырь отправлялся. подобно другимъ благочестивымъ христіанамъ, на богомолье въ Іерусалимъ или другія мѣста, и изъ богатыря становился *каликой*. Примѣръ такого перехода представляетъ новгородская былина о Василіи Буслаевѣ. „*Съ молоду бито много, граблено, подъ старость надо душу спасти*“, говоритъ Василій Буслаевъ и отправляется со всей своей богатырской дружиной въ Іерусалимъ. Выходя изъ богатырей, многіе калики сначала, конечно, удерживали свой прежній, богатырскій характеръ; но потомъ, когда богатыри перевелись, они сравнялись съ обыкновенными странниками, какіе выходили изъ разныхъ сословій и какихъ было всегда много. Странники, конечно, встрѣчали въ Іерусалимѣ старцевъ, которые распѣвали предъ народомъ священныя пѣсни и житія святыхъ, и это обыкновеніе составлять и распѣвать духовныя пѣсни перенесли въ Россію. Такъ, вѣроятно, получили начало духовные стихи. Одни странники ходили въ Іерусалимъ и другія святыя мѣста только въ извѣстное время по обѣту, а другіе ходили или лучше переходили изъ одного мѣста въ другое

([1]) Безсон. Калѣки. вып. I. № 4. стр. 7—20.

постоянно, собирая при этомъ подаянія. Это тѣ, которые по старости лѣтъ, по болѣзни или по какому-нибудь уродству не могли заниматься трудными дѣлами, чтобы доставать себѣ пропитаніе, и находили средство для этого въ подаяніяхъ и милостынѣ. За этими странниками и осталось названіе *калики* и стало означать нищаго слѣпого, хромого или безрукаго—*калѣку* въ настоящемъ смыслѣ. Эти калѣки, распѣвая издавна сложившіеся въ народѣ духовные стихи, передавали ихъ отъ одного поколѣнія другому и сохранили до нашего времени.

Нынѣшніе калѣки, впрочемъ, совсѣмъ не помнятъ древняго богатырскаго времени; свое сословіе какъ убогихъ нищихъ, живущихъ подаяніями милостыни, они производятъ изъ другого источника. Вотъ какъ объясняется начало нищенства въ *Стихѣ о вознесеніи Христовѣ*. Наканунѣ вознесенія Христова, говоритъ стихъ, расплакалась нищая братья:

Гой еси, Христосъ царь небесный!
На кого-то ты насъ оставляешъ?
На кого-то ты насъ покидаешъ?
Кто насъ поить кормить станетъ,
Одѣвати станетъ, обувати,
Отъ темныя ночи охраняти?

Утѣшая нищихъ, Спаситель обѣщалъ оставить имъ гору крутую—золотую:

Дамъ я вамъ, нищимъ убогимъ,
Гору крутую—золотую;
Умѣйте горою владати,
Промежду собою раздѣляти,
Будите вы сыты и довольны,
Обуты и одѣты,
И отъ темныя ночи пріукрыты.

Но Іоаннъ Златоустъ при этомъ замѣтилъ, что нищіе не съумѣютъ владѣть и удержать за собою золотую гору, и потому, вмѣсто нея, посовѣтовалъ дать имъ позволеніе *просить милостыню именемъ Христовымъ*.

Не давай нищимъ гору крутую,
Что крутую гору золотую;
Не умѣть имъ горою владати,
Не умѣть имъ золотыя поверстати,
Промежду собою раздѣляти,
Зазнаютъ гору князья и бояра,
Зазнаютъ гору пастыри и власти,

Зазнаютъ гору торговые гости;
Отоймутъ у нихъ гору крутую,
Отоймутъ у нихъ гору золотую;
По себѣ они гору раздѣлятъ,
По князьямъ золотую разверстаютъ,
Да нищую братью не допустятъ.
Много у нихъ будетъ убійства,
Много у нихъ будетъ кровопролитства,
Да нечѣмъ будетъ нищимъ питатися,
Да нечѣмъ имъ будетъ пріодѣтися,
И отъ темныя ночи пріукрытися.
Дадимъ мы нищимъ убогимъ
Имя твое святое;
Будутъ нищіе по міру ходити,
Тебя—Христа величати,
Въ каждый часъ прославляти;
Будутъ они сыты и довольны,
Обуты будутъ и одѣты,
И отъ темныя ночи пріукрыты.

Спасителю угоденъ былъ этотъ совѣтъ Златоуста, и Онъ сказалъ ему:

Исполать тебѣ, Іоаннъ златоустый!
Умѣлъ ты словечко промолвить
За нищую за братью за убогую;
Да вотъ тебѣ уста золотыя (1).

Основою такого взгляда на нищенство послужило, конечно, евангельское ученіе о милостынѣ, особенно притча о богатомъ и Лазарѣ, гдѣ въ поразительныхъ чертахъ представлена участь немилостиваго богача въ аду (Лук. 16, 19—31), и изображеніе страшнаго суда.

Какъ калѣки ведутъ свое начало отъ временъ богатырей, такъ и распѣваемые ими духовные Стихи имѣютъ нѣкоторую связь съ богатырскими былинами. Особенно нѣкоторые изъ нихъ до того походятъ на богатырскія былины, что кажутся передѣлками какихъ-нибудь старыхъ былинъ; въ нихъ тотъ же общій съ былинами эпическій складъ и тѣ же пріемы въ изложеніи предмета—въ разсказѣ и описаніи; только въ языкѣ этихъ Стиховъ преобладаетъ церковнославянская стихія.

---

(1) Сборн. дух. стиховъ Варенцова, стр. 59—61. Въ другомъ варіантѣ стиха, вмѣсто Златоуста, разговариваетъ со Спасителемъ Іоаннъ Богословъ, и самый стихъ называется стихомъ *объ Іоаннѣ Богословѣ*.

Содержаніе свое Стихи заимствовали изъ свящ. Писанія, церковныхъ пѣсней, церковной исторіи, житій святыхъ: потому основной характеръ Стиховъ—*христіанскій, церковный.* Но такъ какъ на Стихи имѣли вліяніе древнія народныя сказанія и произведенія народной поэзіи, въ которыхъ сохранились остатки старыхъ миѳическихъ вѣрованій, а изъ церковной письменности преимущественно апокрифическія сочиненія, въ которыя также вошли космогоническія сказанія разныхъ народовъ, среди коихъ они распространялись, то очень естественно, что, при церковно-христіанскомъ содержаніи и характерѣ, въ Стихахъ много старой языческой примѣси. Поэтому справедливо поэзію духовныхъ Стиховъ называютъ *двоевѣрною.*

Весьма трудно раздѣлить Стихи на опредѣленные разряды; содержаніе ихъ часто весьма неопредѣленно. Самая общая и постоянная въ нихъ черта—нравственное направленіе, поучительность, которая служитъ конечною цѣлію Стиха, о чемъ бы онъ ни разсказывалъ. Болѣе опредѣленный характеръ имѣютъ *Стихи о началѣ и кончинѣ міра*; всѣ же прочіе, содержаніе которыхъ примыкаетъ къ священной исторіи вообще, или въ частности къ житіямъ святыхъ, можно назвать, хотя неточно, *нравственно - историческими Стихами.*

Стихи о началѣ міра. Къ стихамъ о началѣ міра и первыхъ и главныхъ предметахъ въ мірѣ могутъ быть отнесены: Стихъ о *Голубиной книгѣ, Евангелистая пѣснь* и о *Георгіи храбромъ.*

Стихъ о Голубиной книгѣ имѣетъ космогоническій характеръ: въ немъ рѣшаются вопросы о началѣ міра, происхожденіи и первенствѣ разныхъ предметовъ въ мірѣ. Колоритъ Стиха христіанскій и вопросы рѣшаются и всѣ предметы въ мірѣ оцѣниваются съ точки зрѣнія христіанской: все въ мірѣ производится отъ Христа, царя небеснаго. Обстановка Стиха также христіанская, дѣйствіе происходитъ въ Іерусалимѣ; дѣйствующія лица: пророкъ Давидъ и русскій князь Владиміръ. Но въ то же время видно, что Стихъ составился не подъ вліяніемъ только чистаго церковнаго ученія, но преимущественно подъ вліяніемъ апокрифическихъ сочиненій и народныхъ сказаній; потому, при христіанскомъ содержаніи, въ Стихѣ много старой космогонической примѣси.

Въ большей части списковъ Стиха о происхожденіи книги Голубиной говорится просто:

Восходила туча сильная, грозная,
Выпадала книга Голубиная.

Но въ нѣкоторыхъ спискахъ прибавляются еще такія подробности, что это было „съ зачатья свѣту бѣлаго, въ городѣ Іерусалимѣ, упала книга на горѣ Ѳаворской, ко чудному кресту Леванитову, ко латырю бѣлу камени, ко святой главѣ, ко Адамовой“. Эти подробности взяты изъ другихъ апокрифовъ и народныхъ сказаній ([1]). Потомъ описывается самая книга Голубиная:

Долины книга сороку саженъ,
Поперечины двадцати саженъ.
. . . . . .
На рукахъ держать, не сдержать будетъ,
На налой положить Божій, не уложится.

Подъ Голубиной книгой, вѣроятно, и разумѣлась первоначально вся древняя народная мудрость, вся совокупность народныхъ преданій ([2]), прибавленіе же къ ея названію: „божественная книга Евангеліе“, „въ ней написано слово Господнее“ показываютъ, что во времена христіанскія народъ разумѣлъ подъ нею св. Писаніе или евангеліе, а въ нѣкоторыхъ спискахъ она отождествляется съ Псалтирью. Въ одномъ спискѣ сказано:

Псалтирь книга всѣмъ книгамъ мати.
Почему псалтирь всѣмъ книгамъ мати?
Поминаются праведныхъ родители.

И потомъ эта Псалтирь описывается такъ же, какъ книга Голубиная:

Въ долину книга сорока саженъ,
А въ ширину книга сорока саженъ,
А въ толщину книга десяти саженъ.

Если же подъ книгою разумѣется св. Писаніе, то въ названіи ея голубиною можно видѣть намекъ на то, что она происходитъ отъ Св. Духа, символомъ котораго въ христіанской Церкви служитъ голубь. А можетъ быть, это названіе книги *голубиною* еще

([1]) Выраженіе о *главѣ Адамовой* взято изъ апокрифическаго сказанія о *крестномъ древѣ*, а *камень Латырь* и *крестъ Леванитовъ*, или Леванидовъ (изъ дерева Ливанскаго, съ горы Ливана),—изъ народныхъ сказаній, гдѣ они упоминаются весьма часто.

([2]) Замѣтимъ, что нѣкоторые сближаютъ ее съ апокриф. *Глубиною*, или тѣми *Глубинными книгами*, о которыхъ упоминается въ житіи Авраамія Смоленскаго.

до-христіанское и указываетъ на космогоническое значеніе голубя, которому въ миѳологіи приписывается производительная сила.

Къ Голубиной книгѣ собралось множество народа—царей и князей, поповъ и дьяковъ, людей мелкихъ, христіанъ православныхъ; но никто не смѣетъ подойти къ ней. Наконецъ подходитъ царь Давидъ:

До Божіей книги онъ доступается,
Предъ нимъ книга разгибается,
Все божественное писаніе ему объявляется.

Потомъ подходитъ князь Владиміръ. Онъ проситъ Давида „прочитать книгу Божію“ и объяснить: „отъ чего у насъ начался бѣлый вольный свѣтъ, отъ чего солнце красное, младъ свѣтёлъ мѣсяцъ, звѣзды частыя, ночи темныя, зори утренни, вѣтры буйные, дробенъ дождикъ, отъ чего у насъ умъ-разумъ, отъ чего наши помыслы, отъ чего у насъ міръ-народъ, отъ чего кости крѣпкія, отъ чего тѣлеса наши, отъ чего кровь-руда наша“? Давидъ отказывается прочитать книгу Божію. „Эта книга, говоритъ онъ, не малая, эта книга великая: на рукахъ держать,—не сдержать будетъ; на налой положить Божій,—не уложится. Я по старой по своей по памяти, разскажу вамъ какъ по грамотѣ“. Далѣе слѣдуютъ отвѣты царя Давида:

У насъ бѣлый вольный свѣтъ зачался отъ суда Божія;
Солнце красное отъ лица Божьяго,
Самого Христа, царя небеснаго;
Младъ свѣтелъ мѣсяцъ отъ грудей Божіихъ;
Звѣзды частыя отъ ризъ Божіихъ;
Ночи темныя отъ думъ Божіихъ;
Вѣтры буйные отъ Святаго Духа.
У насъ умъ-разумъ самого Христа,
Самого Христа, царя небеснаго;
Наши помыслы отъ облацъ небесныхъ;
У насъ міръ-народъ отъ Адамія;
Кости крѣпкія отъ камени;
Тѣлеса наши отъ сырой земли;
Кровь-руда наша отъ черна моря.

Въ нѣкоторыхъ спискахъ Стиха ([1]) послѣ словъ: „у насъ міръ-народъ отъ Адамія“ еще прибавляется:

([1]) Безсон. Калѣки №№ 80. 81. вып. 2. стр. 287. 394.

Отъ того у насъ въ землѣ цари пошли—
Отъ святой главы, отъ Адамовой.
Отъ того зачались князья бояры—
Отъ святыхъ мощей отъ Адамовыхъ.
Отъ того крестьяне православные—
Отъ свята колѣна, отъ Адамова.

Подобное сказаніе встрѣчается еще въ легендахъ Индійцевъ, которые объясняютъ происхожденіе разныхъ кастъ также изъ разныхъ членовъ тѣла Брамы.

Послѣ этого Владиміръ спрашиваетъ Давида о первыхъ и главныхъ предметахъ въ мірѣ:

Который царь надъ царями царь?
Который городъ городамъ отецъ?
Коя церковь всѣмъ церквамъ мати?
Коя гора всѣмъ горамъ мати?
Кое древо всѣмъ древамъ мати?
Коя трава всѣмъ травамъ мати?
Которое море всѣмъ морямъ мати?
Коя рыба всѣмъ рыбамъ мати?
Коя птица всѣмъ птицамъ мати?
Который звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ?

Отвѣчая на эти вопросы, царь Давидъ оцѣниваетъ достоинство всѣхъ предметовъ съ точки зрѣнія христіанской: первые предметы во всѣхъ родахъ тѣ, которые имѣютъ значеніе въ исторіи христіанства. Первый царь въ свѣтѣ „надъ царями царь“ *бѣлый* т. е. русскій царь, потому что онъ держитъ вѣру *крещеную богомольную*, стоитъ за вѣру христіанскую. Первый городъ въ мірѣ—Іерусалимъ, потому что „*тутъ у насъ пупъ* (средина) *земли*“; это средневѣковое представленіе объ Іерусалимѣ встрѣчается и въ Бесѣдѣ трехъ святителей и въ *Хожденіи* въ Іерусалимъ игумена Даніила. Первая церковь—*соборъ-церква* посреди града Іерусалима (вѣроятно церковь Воскресенія Христова); въ той церкви стоитъ престолъ божественный; на томъ престолѣ стоитъ гробница бѣла-каменная; въ той гробницѣ почиваютъ ризы самого Христа, царя небеснаго. Іорданъ рѣка—всѣмъ рѣкамъ мати, потому что окрестился въ ней самъ Іисусъ Христосъ. Ѳаворъ гора—всѣмъ горамъ мати, потому что преобразился на ней самъ Іисусъ Христосъ. Кипарисъ древо—всѣмъ древамъ мати: на томъ древѣ кипарисѣ *объявился* намъ животворящій крестъ; на томъ животворящемъ крестѣ распятъ былъ самъ Іисусъ Христосъ. Плакунъ трава—всѣмъ травамъ мати: когда жиды Христа распяли и святую кровь Его пролили, Мать пречистая Богородица

по Іисусѣ Христѣ сильно плакала.... ронила слезы пречистыя на матушку на сыру землю; отъ тѣхъ слезъ пречистыхъ зародилась плакунъ трава. Океанъ-море—всѣмъ морямъ мати: посреди океана выходила церковь соборная-богомольная святаго Климента папы римскаго (1). Китъ рыба — всѣмъ рыбамъ мати, потому что на трехъ рыбахъ земля основана. Китъ рыба потронется, вся земля восколеблется; основана земля Св. Духомъ, а содержится словомъ Божіимъ. Стратимъ птица — всѣмъ птицамъ мати: живетъ стратимъ птица на океанѣ-морѣ; по Божьему повелѣнію стратимъ птица встрепенется, океанъ-море всколыхнется, топитъ она корабли гостинные (купеческіе) съ товарами драгоцѣнными. Индрикъ звѣрь — всѣмъ звѣрямъ отецъ: ходитъ онъ по подземелью, какъ солнышко по поднебесью, пропущаетъ рѣки-кладязи студеные; живетъ онъ во святой горѣ". Въ нѣкоторыхъ спискахъ прибавляется еще сказаніе о камнѣ „*Алатырь*". *Бѣлъ-Латырь* или *Алатырь-камень*—всѣмъ камнямъ отецъ: лежитъ онъ среди моря синяго; идутъ по морю много корабельщиковъ, для того камня останавливаются, берутъ съ него много снадобья, посылаютъ по всему свѣту бѣлому, съ подъ камешка, съ подъ бѣлаго латыря протекли рѣчки по всей землѣ на исцѣленіе, всему міру на пропитаніе; на бѣломъ латырѣ камени бесѣдовалъ да опочивъ держалъ самъ Іисусъ Христосъ, съ двунадесятью апостолами". Баснословныя преданія о китѣ-рыбѣ, стратимѣ птицѣ и звѣрѣ индрикѣ вошли въ стихъ изъ разныхъ средневѣковыхъ сочиненій, и преимущественно изъ такъ называемыхъ Физіологовъ и *Бестіаріевъ*, въ которыхъ разсказывается о разныхъ чудесныхъ животныхъ. Подъ *алатыремъ* или *камнемъ латыремъ*, который весьма часто упоминается въ народныхъ сказаніяхъ, и которому приписывается чудесная сила противъ всякихъ болѣзней, разумѣютъ янтарь. Богатымъ источникомъ янтаря прежде считалось Балтійское море; оно, вѣроятно, и разумѣется въ народныхъ сказаніяхъ подъ *латырь-моремъ*, которое, подобно латырю камню, упоминается въ нихъ весьма часто (2).

Въ концѣ стиха описывается сонъ Владиміра и объясненіе его царемъ Давидомъ. Владиміръ видѣлъ во снѣ... „будто съ восточной и западной стороны сходились и бились между собою

---

(1) Подъ Океаномъ-моремъ здѣсь разумѣется Черное море, а подробность о церкви св. Климента взята изъ церковнаго преданія, по которому св. Климентъ папа Римскій при импер. Траянѣ былъ сосланъ въ Херсонесъ (Корсунь), замученъ здѣсь и брошенъ въ море.

(2) Г. Веселовскій слово алатырь сближаетъ съ словомъ «алтарь» (алатарь-камень) и находитъ въ немъ указаніе на алтарный камень Сіонской церкви. Разыск. въ области дух. стиха. III—V.

какъ-бы два лютые звѣря: одинъ одного звѣрь одолѣть хочетъ". Объясняя этотъ сонъ, Давидъ говоритъ:

Это не два звѣря собиралися,
Не два лютые собѣгалися:
Это кривда съ правдой соходилася:
Промежду собою они билися дрались,
Кривда правду одолѣть хочетъ.
Правда кривду переспорила,
Правда пошла на небеса,
Къ самому Христу, царю небесному;
А кривда пошла у насъ по всей землѣ,
По всей землѣ по свѣтъ-русской,
По всему народу христіанскому.

Основа этого сна взята изъ Бесѣды трехъ святителей, гдѣ правда и кривда изображаются то въ видѣ сокола и совы, то въ видѣ бѣлаго и сѣраго зайца ([1]).

Стихъ о Георгіи храбромъ ([2]), подобно стиху о Голубиной книгѣ, имѣетъ также космогоническій характеръ, но въ немъ говорится уже не о началѣ всего міра, какъ въ Голубиной книгѣ, а только о началѣ устроенія и просвѣщенія русской земли, которое приписывается св. Георгію. Въ стихѣ о Георгіи можно различать двѣ части. Въ первой части описываются происхожденіе и мученія Георгія. Сказаніе о происхожденіи Георгія представляетъ странное, противорѣчащее исторіи, смѣшеніе времени, мѣстъ и лицъ. Св. Георгій жилъ при Діоклитіанѣ и отъ него принялъ мученическую кончину; имя Діоклитіана сохранилось, дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ спискахъ, въ другихъ же его замѣнили царище *Демьянище, Дектіанище, Даріанище* и др. Подъ этими именами, очевидно, изображается языческій царь, или вообще язычество, гнавшее христіанство. Родился Георгій, по сказанію стиха, въ Іерусалимѣ, который оказывается въ Россіи ([3]); отецъ и мать Георгія не названы въ житіи, но фантазія народная матерью его сдѣлала *Софію премудрую,* которая *породила три дочери,* разумѣя подъ ними, вѣроятно, знаменитую мученицу Софію и трехъ ея дщерей—Вѣру, Надежду и Любовь. Но всего страннѣе въ этомъ разсказѣ изображеніе самого Георгія:

([1]) Калѣки Безсонова. вып. 2 № 81. стр. 298.—Подлинныя слова стиха о Голубиной книгѣ мы привели по списку Кирѣевскаго. Чтен. общ. ист. и древн. № IX. Прибавленія къ нему, встрѣчающіяся въ разныхъ варіантахъ, соединены всѣ у Безсонова въ сводномъ спискѣ. вып. 2. № 92.

([2]) У Кирѣевск. № II. У Безсонова. вып. 2 № 105.

([3]) Самый городъ Іерусалимъ въ нѣкоторыхъ спискахъ называется Русалимомъ.

По колѣна ноги въ чистомъ серебрѣ,
По локоть руки въ красномъ золотѣ,
Голова у Егорья вся жемчужная,
По всемъ Егоріѣ часты звѣзды.

Такими же точно словами въ народныхъ сказкахъ описываются разные богатыри и герои, и потому очень можетъ быть, что народъ смѣшалъ Георгія съ какимъ-нибудь древнимъ богатыремъ или божествомъ (можетъ быть съ самимъ Дажъ-богомъ), мѣсто котораго онъ и замѣнилъ въ его представленіи, подобно тому, какъ св. Власій замѣнилъ собою Волоса, св. Илья пророкъ—Перуна, св. Іоаннъ Предтеча—Купалу; во второй части стиха онъ, дѣйствительно, изображается въ видѣ богатыря, разъѣзжающаго по русской землѣ. Но можетъ быть такъ же и то, что такое изображеніе Георгія снято просто съ какой-нибудь церковной иконы Георгія въ серебряной и позолоченной ризѣ, усѣянной звѣздами и украшенной жемчугомъ. За разсказомъ о происхожденіи слѣдуетъ изображеніе мученій Георгія. Кромѣ житія, принятаго церковью, въ которомъ изображаются мученія Георгія, ходили еще апокрифическія сказанія о Георгіи; въ статьѣ о книгахъ отреченныхъ, между другими апокрифами, упомянуто „*Георгіево мученіе.* Подъ вліяніемъ такихъ сказаній, вѣроятно, и составилось въ стихахъ изображеніе мученій Георгія. „На городъ Іерусалимъ напустилъ Господь царище Діоклитіанище, безбожнаго пса бусурманища“. Онъ умертвилъ благовѣрнаго царя Ѳеодора, взялъ въ плѣнъ Георгія и трехъ его братьевъ и трехъ сестеръ, увезъ въ свою землю невѣрную и здѣсь началъ ихъ мучить, говоря имъ:

«Вы покиньте вѣру христіанскую,
Повѣруйте мою латынскую,
Латынскую, басурманскую».

Братья и сестры Георгія, убоявшись мученій, отказались отъ вѣры христіанской; но Георгій остался непоколебимъ. Царь приказалъ мучить его „*муками разноличными*“. Сначала онъ приказалъ его „*во пилы пилить*“.

По Божьему повелѣнію,
По Егоріеву моленію,
Не берутъ пилы жидовскія,
У нихъ зубья позагнулися,
Мучители всѣ утомилися,
Ничего Егорью не вредилося;
Егорьево тѣло соцѣлялося;
Возставалъ Егорій на рѣзвы ноги;
Поетъ стихи херувимскіе,
Превозноситъ всѣ гласы архангельскіе.

Потомъ царь приказываетъ Егорья *„въ топоры рубить“, „въ сапоги ковать гвозди желѣзные“, „въ котелъ садить и въ смолѣ варить“*; *„но ничего Егорью не вредилося“*. Наконецъ царь велѣлъ посадить его въ глубокій погребъ, закрыть досками желѣзными и засыпать песками рудожелтыми. Здѣсь Георгій сидѣлъ 30 лѣтъ. Когда исполнилось 30 лѣтъ, явилась Георгію пресв. Богородица и сказала:

«Ты за это ли претерпѣніе
Ты наслѣдуешъ себѣ царство небесное».

И поднялись вѣтры буйные, разнесли пески рудожелтые, разметали доски желѣзныя,—и Егорій вышелъ на святую Русь и пришелъ въ городъ Іерусалимъ. Здѣсь, въ соборной церкви, онъ нашелъ свою матерь:

Стоитъ его матушка родимая,
Святая Софія премудрая,
На молитвахъ стоитъ Іисусовыхъ.

Разсказавъ матери, что̀ съ нимъ случилось, онъ сталъ просить у нея благословенія—отправиться въ путешествіе по землѣ русской:

«Государыня моя матушка,
Воздай мнѣ благословеніе:
Поѣду я по всей землѣ свято-русской,
Утвердить вѣру христіанскую».

Мать снаряжаетъ въ путь Георгія, какъ настоящаго богатыря:

«Ты поди далече во чисты поля:
Ты возьми коня богатырскаго,
Со двѣнадесять цѣпей желѣзныихъ.
И со збруей богатырскою,
Со вострымъ копьемъ со булатнымъ,
И со книгою, со евангеліемъ».

Далѣе слѣдуетъ самое путешествіе Георгія по землѣ русской, которое можно назвать второю частію стиха. Земля русская представилась Георгію совершенно дѣвственною и дикою, ненаселенною и невоздѣланною: повсюду лѣса дремучіе, горы толкучія, рѣки текучія, звѣри рыскучіе и змѣи огненныя: нельзя ни пройти, ни проѣхать.

Тутъ же Егорій поѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Наѣзжалъ на лѣса дремучіе:
Лѣса съ лѣсами совивалися;

Вѣтви по землѣ разстилалися,
Ни пройти Егорью, ни проѣхати.
Святой Егорій глаголуетъ:
«Вы лѣсы, лѣсы дремучіе!
Встаньте и разшатнитеся,
Разшатнитеся, раскачнитеся:
Порублю изъ васъ церкви соборныя,
Соборныя да богомольныя:
Въ васъ будетъ служба Господняя.
Заростите вы лѣса,
По всей землѣ свѣтло-русской,
По крутымъ горамъ, по высокіимъ.»
По Божьему все велѣнію,
По Егоріеву все моленію,
Разрослись лѣса по всей землѣ,
По всей землѣ свѣтло-русской,
Растутъ лѣса, гдѣ имъ Господь повелѣлъ.

Проѣзжая далѣе, Георгій встрѣтилъ *„рѣки быстрыя текучія“* и велѣлъ имъ размѣститься по всей землѣ русской. Послѣ рѣкъ, онъ наѣхалъ на *„горы толкучія“*:

Гора съ горой столкнулися,
Ни пройтить Егорью, ни проѣхати.

Георгій сказалъ имъ:

«Станьте вы, горы, по старому:
Поставлю на васъ церковь соборную,
Въ васъ будетъ служба Господняя».

За тѣмъ ему встрѣтилось стадо звѣриное:

Наѣзжалъ Егорій на стадо звѣриное,
На сѣрыхъ волковъ на рыскучіихъ,
И пастятъ стадо три пастыря,
Три пастыря, да три дѣвицы,
Егорьевы родныя сестрицы,
На нихъ тѣло, яко еловая кора,
Власъ на нихъ, какъ ковыль трава;
Ни пройти Егорью, ни проѣхати.
Егорій святой проглаголывалъ:
«Вы, волки, волки рыскучіе!
Разойдитеся, разбредитеся,
По два, по три, по единому,
По глухимъ степямъ, по темнымъ лѣсамъ.
А ходите вы повременно,
Пейте вы ѣшьте повелѣнное,
Отъ свята Егорья благословенное»!

Еще встрѣтились Георгію змѣи огненные, которымъ онъ повелѣлъ разсыпаться по сырой землѣ. Наконецъ онъ доѣхалъ до города Кіева. На херсонскихъ вратахъ Кіева сидитъ птица *черногаръ* и въ когтяхъ держитъ *осетра-рыбу*; Георгій велѣлъ ей летѣть на океанъ море. Внутри города онъ нашелъ *палаты бѣлокаменны*, гдѣ жилъ *царище Діоклитіанище*. Описаніе встрѣчи съ нимъ Георгія очень напоминаетъ встрѣчу Ильи муромца съ Соловьемъ разбойникомъ въ былинахъ. Увидѣвъ Георгія, царище, подобно Соловью, кричитъ по звѣриному, визжитъ по змѣиному, такъ что конь Георгія упалъ на сыру землю. Егорій убилъ царище, разрушилъ его жилище, утвердилъ въ Кіевѣ вѣру самому Христу, царю небесному. Потомъ взялъ своихъ сестеръ, привелъ ихъ къ Іорданъ-рѣкѣ и велѣлъ имъ умыться и окреститься: „камышъ-трава съ нихъ свалилася и еловая кора опустилася“. Онъ возвратилъ ихъ своей матери.

Такимъ образомъ, изъ мученика за вѣру, какимъ Георгій изображается въ первой части стиха, онъ превращается во второй части въ учредителя порядка, устроителя и просвѣтителя русской земли. Черты, въ какихъ онъ изображается, очевидно, сняты съ какого-нибудь древняго богатыря, хотя его дѣятельность не имѣетъ вполнѣ богатырскаго характера. Онъ ѣздитъ на богатырскомъ конѣ, съ вострымъ копьемъ богатырскимъ, но ни разу не употребляетъ его въ дѣло. Только уже въ Кіевѣ, лицомъ къ лицу встрѣтившись съ Діоклитіанищемъ, своимъ врагомъ и врагомъ христіанства, онъ пустилъ въ него калену стрѣлу и разрушилъ палицей его палаты, но все путешествіе онъ совершаетъ необыкновенно мирнымъ образомъ. Землю русскую онъ устрояетъ тѣмъ, что распространяетъ вѣру христіанскую, строитъ церкви соборныя и богомольныя, ѣздитъ повсюду съ книгою евангеліемъ. Такимъ именно въ высшей степени мирнымъ способомъ, путемъ распространенія христіанской вѣры, дѣйствительно, и происходило устроеніе и просвѣщеніе земли русской. Въ Георгіи, можно думать, народъ представилъ вообще типъ тѣхъ духовныхъ богатырей, героевъ вѣры и просвѣщенія, которые въ древнія времена повсюду являлись въ одеждѣ инока и мірянина, въ санѣ князя и епископа, посѣщали дикія племена Руси, распространяя между ними вѣру, строя города, церкви, монастыри и пустыни.

Стихи о кончинѣ міра и страшномъ судѣ. Весьма замѣчательный отдѣлъ народной духовной поэзіи составляютъ стихи о кончинѣ міра и страшномъ судѣ. Основою этихъ стиховъ послужило, разумѣется, изображеніе кончины міра и послѣдняго суда въ Евангеліи; но кромѣ евангельскихъ чертъ мы встрѣчаемъ здѣсь много картинъ, созданныхъ народною фантазіей подъ

вліяніемъ разныхъ церковныхъ сочиненій и преимущественно апокрифическихъ сказаній. Всего же сильнѣе, конечно, поражала воображеніе народа извѣстная картина страшнаго суда, которая была принесена къ намъ при самомъ началѣ христіанства; Несторъ разсказываетъ, что этою картиною всего сильнѣе подѣйствовалъ греческій философъ на князя Владиміра, во время проповѣди христіанской вѣры.

Стихи о страшномъ судѣ очень разнообразны: одни начинаются изображеніемъ пришествія антихриста; въ другихъ объ антихристѣ не говорится, но описывается кончина міра и страшный судъ; въ нѣкоторыхъ изображаются главнымъ образомъ мученія, ожидающія грѣшниковъ въ будущей жизни.

Въ нѣкоторыхъ стихахъ ([1]), какъ и въ евангельскомъ изображеніи, прежде всего описывается пришествіе антихриста, а потомъ кончина міра:

Сошлетъ Господи пророчество,
Илію пророка и Онофрія,
И станутъ святые пророчити.
И сойдетъ на землю бездушный богъ,
Бездушный богъ антихристосъ:
Онъ исколетъ святое пророчество,
Отъ той то отъ святой-то крови
Загорится матушка сыра земля:
Съ восхода загорится до запада.
Съ полуденъ загорится да до ночи.
И выгорятъ горы съ раздольями,
И выгорятъ лѣса темные,
И сошлетъ Господи потопіе,
И на три дня на три мѣсяца:
И вымоетъ матушку сыру землю,
Аки харатью бѣлую,
Аки скорлупу яичную.
Аки дѣвицу непорочную,
Аки вдовицу благочестивую.
И сойдетъ Михаилъ архангелъ батюшка,
И утвердитъ престолъ среди земли.
Вострубитъ въ трубоньку золоту:
Вставайте вы, живые и мертвые,
Старые и малые будьте въ тридцать лѣтъ.

Въ другомъ стихѣ ([2]), для царства антихриста назначается опредѣленное время, которое, впрочемъ, пройдетъ совершенно незамѣтно:

([1]) Стихи эти начинаются словами: «Было добро да миновалося»: у Кир. № XIX, у Безсон. вып. 5. стр. 477. ([2]) Кирѣев. № XX.

И будетъ царства его полчетверта года,
Три года Господь обратитъ яко въ три мѣсяца;
Три мѣсяца Господь обратитъ яко въ три часа;
Три часа Господь обратитъ яко окомъ мигнуть.

Земля выгоритъ, по словамъ Стиха, *на тридесять* (въ друг. спискѣ — *на шестьдесятъ*) *лактей*. Эта подробность, равно какъ и выше указанная о томъ, что при кончинѣ міра всѣ умершіе воскреснутъ въ одномъ возрастѣ — въ тридцать лѣтъ, вошли въ Стихъ изъ „*Вопросовъ Іоанна Богослова*".

Сошествіе Спасителя судить живыхъ и мертвыхъ и самый судъ въ Стихахъ (1) изображаются въ слѣдующихъ чертахъ:

Тогда сойдутъ съ небесъ ангелы Божіи
И снесутъ они крестъ пресвятый Его,
И поставятъ на мѣсто на лобное,
Гдѣ Господь претерпѣлъ вольное распятіе.
Потомъ снесутъ престолъ Господень съ неба на землю
Тогда съ неба сойдетъ страшный судія,
Самъ Іисусъ Христосъ,
На свѣтоносномъ на облацѣ,
И сядетъ Господь на престолѣ своемъ,
Да и будетъ судить живыхъ и мертвыихъ.

Судъ описывается такъ, какъ изображается въ Евангеліи: праведные стоятъ по правую, а грѣшные по лѣвую сторону престола Божія. Выслушавъ приговоръ Судіи, праведные идутъ „во прекрасный рай" и „поютъ при этомъ пѣсни херувимскія". Осуждая грѣшныхъ на мученія, Господь говоритъ имъ то же самое, что въ „*Хожденіи Богородицы по мукамъ*" сказано отъ лица Божія въ отвѣтъ на просьбу Богоматери о помилованіи мучащихся въ аду:

Даны вамъ были книги божественныя.
И все было въ книгахъ написано,
Въ чемъ грѣхъ, въ чемъ и спасеніе,
Чѣмъ въ рай взойти, чѣмъ душу спасти.

И за тѣмъ въ Стихѣ указываются какъ добродѣтели, коими можно достигнуть спасенія, такъ и грѣхи, за которые грѣшники будутъ мучиться:

---

(1) Стихи собственно о страшномъ судѣ начинаются словами: «Живали мы грѣшные на вольномъ свѣту»: у Кирѣев. № XVI; у Безсон. Калѣки вып. 3. №№ 503—516.

Души спасти—постомъ и молитвою;
Въ рай войти—святою милостынею.
Къ Божьей церкви вы не хаживали,
Писанья Божьяго не слушивали,
Со слезами Богу не маливались,
Великаго говѣнья не гавливали,
Земныхъ поклоновъ не справливали,
Себѣ вольнаго причастія не спріемливали,
Не имѣли вы ни середы, ни пятницы
Постомъ и молитвою,
Ни святаго воскресенья трехденнаго,
Никакого годоваго господняго праздника.

Осужденные просятъ помолиться о нихъ Господу сначала Михаила архангела, потомъ пресв. Богородицу, наконецъ пророковъ и святыхъ. Это прошеніе грѣшниковъ напоминаетъ то мѣсто въ „*Хожденіи Богородицы по мукамъ*“, гдѣ описывается, какъ Богоматерь, осмотрѣвъ всѣ муки ада, вмѣстѣ съ ангелами и архангелами и всѣми святыми, проситъ Бога о помилованіи грѣшниковъ ([1]). Точно также и въ одномъ Стихѣ ([2]) Богоматерь на страшномъ судѣ представляется ходатайствующею за грѣшниковъ; но Спаситель сказалъ ей, что Онъ можетъ исполнить ея просьбу только подъ тѣмъ условіемъ, если Она согласится видѣть во второй разъ Его распятіе за грѣшниковъ:

Аминь, аминь глаголю тебѣ:
Развѣ ты хочешь видѣть меня
Во вторые Бога на распятіи?

Потерявъ всякую надежду на помилованіе, грѣшники, павши на сырую землю, начинаютъ прощаться „съ прекраснымъ раемъ“, коего они лишаются, со Спасителемъ, Богоматерью и всѣми святыми. Прощаніе это весьма трогательно:

Прости наше восхожденіе, прекрасенъ рай!
Простите наши райскія пищи,
Райскія пищи мы лишаемся,
На вѣчную муку отсылаемся!
Прости ты наша заступница,
Госпожа Матерь пресвятая Богородица!
Прости нашъ страшный судія, нашъ Іисусъ Христосъ!
Прости нашъ Іоаннъ предтеча!
Прости нашъ Михаилъ архангелъ святой!

([1]) Памят. отреч. лит. т. 2. стр. 29. ([2]) У Кирѣев. № XXI.

Прости нашъ Гавріилъ архангелъ святой!
Простите всѣ ангелы, архангелы!
Уже намъ грѣшнымъ вашей славы не слышати.
. . . . . .
Простите святые всѣ праведные!
Простите пророки и апостолы!
Вы пошли въ радости неисповѣдимыя,
Во царствіе во небесное;
А мы пошли грѣшные
Въ муки, плачь неутѣшный.
Прости знаменіе, животворящій крестъ!
Крестнаго знаменія лишаемся,
И въ адъ, и въ муку въ тартарары отсылаемся
Во вѣки съ бѣсами мучиться (1).

Послѣ этого грѣшники пойдутъ на мученія въ огненную рѣку, по словамъ одного Стиха (2), связанные рука объ руку:

Еретникъ съ еретникомъ, клеветникъ съ клеветникомъ,
Двуязычникъ съ двуязычникомъ, ненавистникъ съ ненавистникомъ. и пр.

Когда же грѣшники войдутъ въ огненную рѣку,

Велитъ Господь брега (рѣки) вмѣстѣ содвинути,
И велитъ Господь перстіемъ засыпати,
Чтобы не слыхать отъ грѣшныхъ голосу,
Ни стонанія, ни рыданія,
Ни ручнаго восплесканія.

Стихи о мученіяхъ грѣшниковъ и блаженствѣ праведныхъ. Особый отдѣлъ составляютъ Стихи, въ которыхъ изображаются мученія грѣшниковъ въ будущей жизни и при этомъ указываются грѣхи, за которые они будутъ мучиться (3). Мученія описываются подробно и почти тѣ же самыя, какія указываются въ сказаніи о мытарствахъ. Но награды людямъ праведнымъ въ будущей жизни описываются слишкомъ кратко и чертами слишкомъ блѣдными и неопредѣленными. Праведные будутъ жить въ раю прекрасномъ, гдѣ на деревьяхъ сидятъ птицы райскія и поютъ пѣсни царскія, такъ что все вольное житіе человѣку показалось бы за одинъ часъ, за минуту.

Кромѣ указанныхъ Стиховъ о кончинѣ міра и страшномъ

---

(1) У Кирѣев. № XVI. (2) У Кирѣев. № XXI.

(3) Эти стихи начинаются словами: «Воскреснетъ Богъ и вознесется рука Его»: у Безсон. вып. 5. № № 494—495.

судѣ, есть еще много другихъ, которые примыкаютъ къ нимъ по своему содержанію ([1]). Изъ нихъ особенно замѣчательны „*Плачь земли*“ и „*Прощаніе души съ тѣломъ*“. Въ стихѣ „*Плачь земли*“ изображается та же жалоба земли Богу на беззаконія людей, которая въ такихъ поэтическихъ картинахъ представлена въ „*Словѣ о видѣніи ап. Павла*“ ([2]). Въ Стихѣ собственно одна картина: жалоба высказывается отъ лица всей земли въ совокупности, а не отдѣльно отъ солнца, моря, луны и проч., какъ въ „*Словѣ о видѣніи ап. Павла*“. Другая особенность въ Стихѣ та, что Богъ, выслушавъ жалобу земли, проситъ ее потерпѣть, пока грѣшники покаются. Вотъ самый Плачь земли:

Растужилась, расплакалась матушка сыра земля
Предъ Господомъ Богомъ:
Тяжолъ-то мнѣ, тяжолъ, Господи, вольный свѣтъ,
Тяжелѣ много грѣшниковъ, болѣ беззакониковъ!
Речетъ же самъ Господь сырой землѣ:
Потерпи же ты, матушка, сыра земля!
Потерпи же ты нѣсколько времечка, сыра земля!
Не придутъ ли рабы грѣшные къ самому Богу
Съ чистымъ покаяніемъ?
Ежели придутъ, прибавлю я имъ свѣту вольнаго,
Царство небесное;
Ежели не придутъ ко мнѣ, къ Богу,
Убавлю я имъ свѣту вольнаго,
Прибавлю я имъ муки вѣчныя.
Поморю я ихъ гладомъ голоднымъ ([3])

Мысль Стиха: „*Прощаніе души съ тѣломъ*“ взята также изъ „*Слова о видѣніи апостола Павла*“, гдѣ ангелъ, между прочимъ, показываетъ апостолу, какъ отходятъ отъ міра души праведныхъ и грѣшныхъ людей: „по повелѣнію ангела, душа, вышедши изъ тѣла, смотритъ (разсматриваетъ) на тѣло, чтобы узнать его въ будущее воскресеніе, когда она должна снова соединиться съ нимъ“. Это прощаніе изображается въ стихѣ въ слѣдующей картинѣ:

Солнушко на закатъ пошло,
Красное закатилося.

([1]) Сборн. Кирѣев. въ Чтен. общ. ист. и древн. № XXII—XXIV. XXVII XXVIII. XXX. XXXVIII. XXXIX.

([2]) Памят. отреч. русск. лит. т. 2. стр. 40—41.

([3]) У Кирѣев. № XXX.

Душа съ тѣломъ разставалася.
Отошедши она тѣлу поклонилася:
Ты прощай, ты прощай, тѣло бѣлое!
Ты пойдешь тѣло бѣлое во сыру землю;
Ты сырой землѣ на распутьице,
Ты сырымъ червямъ на растóченье,
Я, душа, пойду къ самому Христу,
Къ самому Христу, къ судьѣ праведному,
Отъ Христа пойду въ муку вѣчную.

На вопросъ тѣла, почему она *угадываетъ*, что пойдетъ въ муку вѣчную, душа указываетъ на грѣхи, за которые она считаетъ себя достойною вѣчной муки:

Потому я, тѣло бѣлое, себя угадываю,
Что какъ жили мы были на вольномъ свѣту,
Мы на вольномъ свѣту, на прошедшемъ вѣку,
Не имѣли мы ни сéреды, ни пятницы,
Ни великаго поста понедѣльничку,
Ни трехдённаго воскресеньица;
Мы по сéредамъ, по пятницамъ, платье золовали,
Платье золовали мы, льны прядовали,
Изъ чужихъ мы коровъ молоко выдаивали,
Мы изъ хлѣба спорынью вынимывали;
Не ходили ни къ обѣдни, ни къ заутрени;
Мы не слушали звона колокольнаго,
Мы не слушали пѣнья Божьяго церковнаго.
. . . . . .
Золотые я вѣнцы душа разлучивала (1).

Къ этимъ грѣхамъ, достойнымъ вѣчной муки, въ другихъ Стихахъ прибавляется еще то, что „по сватьбамъ душа много хаживала, сватьбы звѣрьями оборачивала“, и то, что „заблудящимъ дороги не показывала, мертвыхъ во гробахъ не проваживала“ (2).

Стихи нравственно-историческіе. *Нравственно-историческими* можно назвать вообще всѣ тѣ Стихи, содержаніе которыхъ примыкаетъ къ священной исторіи вообще, или въ частности къ житіямъ святыхъ. Къ ветхозавѣтной исторіи относятся только два стиха: „*Плачъ Адама*“ и „*объ Іосифѣ прекрасномъ*“.

---

(1) У Кирѣев. № XXIV.
(2) Стихъ о вѣчной мукѣ у Кирѣев. № XXV.

Стихъ объ Іосифѣ Прекрасномъ. Библейская исторія объ Іосифѣ, проданномъ братьями въ Египетъ, послужила сюжетомъ для стиха *„объ Іосифѣ прекрасномъ“*. Согласно съ Библіей, въ Стихѣ послѣдовательно излагаются всѣ пункты этой трогательной исторіи: продажа Іосифа въ Египетъ, жизнь въ Египтѣ у царедворца Пентефрія, невинное заключеніе въ темницу, переходъ изъ темницы на первое мѣсто въ государствѣ и полное интересныхъ приключеній свиданіе съ братьями и отцемъ. При этомъ съ особенною силою выставляется на видъ отеческая любовь въ Іаковѣ и сыновняя—въ Іосифѣ, которая изображена въ слѣдующихъ двухъ картинахъ. Когда купцы, говоритъ стихъ, которымъ былъ проданъ Іосифъ, проѣзжали мимо того мѣста, гдѣ была похоронена мать его, Рахиль, Іосифъ попросилъ ихъ пустить его на могилу матери:

«Богатые вы купчане!
Отпустите, ослобоните,
На матушкину могилку,
Горючихъ я слезъ наточуся,
Съ родимою матушкою прощуся» (1).

Далѣе слѣдуетъ плачь Іосифа на могилѣ матери, который излагается иногда въ отдѣльномъ стихѣ. Эта картина составилась на основаніи древне-іудейскаго преданія, помѣщеннаго и въ Четь-Минеяхъ св. Димитрія Ростовскаго (31 марта). Другая картина очень оригинальна и вѣроятно русскаго происхожденія. Ожидая свиданія съ отцемъ, Іосифъ приказалъ утвердить въ землѣ столбъ и обить его бархатомъ; когда слѣпого уже Іакова привели къ этому столбу, Іосифъ сталъ за столбъ, и привѣтствуя отца, поклонился ему въ ноги, а Іаковъ, думая обнять сына, прижалъ къ себѣ столбъ такъ сильно, что изъ него *„съ обѣихъ сторонъ сокъ выступилъ“*. Когда Іосифъ объяснилъ ему, что онъ вмѣсто него обнялъ столбъ, онъ сказалъ:

«Спасибо, любезное мое чадо,
Что ты не шелъ теперь ко мнѣ въ руки:
Зажалъ бы съ тоски тебя до смерти» (2).

Стихи о богатомъ и Лазарѣ. Евангельская притча о богатомъ и Лазарѣ дала содержаніе извѣстнымъ стихамъ о богатомъ и Лазарѣ. Народъ не ограничился простымъ переложеніемъ притчи, но почти каждую черту ея усилилъ и распространилъ раз-

(1) У Кирѣевск. № VIII. Калѣки. в. 1. № 38.
(2) У Безсон. Калѣки, вып. 1. №. 37, стр. 171.

ными выдуманными подробностями, а нѣкоторыя черты и измѣнилъ, сообразно съ своими понятіями. Такъ богатаго и Лазаря, братьевъ по Христѣ, какъ ближнихъ, онъ представилъ родными кровными братьями и тому и другому далъ одно имя Лазаря.

Жили то были два братца,
Два братца родныхъ, да два Лазаря.
Что одна ихъ матушка породила,
Не однимъ ихъ Господь счастьемъ надѣлилъ.

При этомъ жестокосердіе немилостиваго богача становится еще рѣзче и поразительнѣе. Въ Евангеліи о смерти богатаго и Лазаря сказано просто: „умеръ нищій и отнесенъ былъ ангелами на лоно Авраамово; умеръ и богачъ, и похоронили его“; въ Стихахъ эти слова распространены и усилены слѣдующими подробностями. Посылали за душой бѣднаго Лазаря, Господь говоритъ ангеламъ:

«Выньте его душеньку и честно и хвально,
И честно и хвально, и въ сахарны уста,
Положите его душеньку на пелены,
Поднимите душеньку на небеса,
Положите душеньку въ пресвѣтлый рай».

А о душѣ Богатаго сказано:

«Выньте его душеньку сквозь лѣвое ребро,
Положите душеньку на острое копье.
Поднимите душеньку вверхъ высоко
И бросьте его душеньку въ таръ-тарары» (1).

Разговоръ между богатымъ и Лазаремъ за гробомъ также усиленъ и распространенъ; упрекая въ жестокосердіи богатаго, Лазарь говоритъ ему то же, что будетъ сказано Спасителемъ всѣмъ грѣшникамъ на страшномъ судѣ.

Въ изображеніи земной жизни богатаго отразились нѣкоторыя черты народныхъ нравовъ и понятій. Богатый говоритъ Лазарю:

«Есть у меня братья получше тебя,
Князья да бояре—тѣ братья мои,
Попы тѣ церковны—хлѣбъ соль съ ними една у меня».
По двору богатый похаживаетъ.
За нимъ выходила *свышняя* раба (2),

(1) Калѣки. вып. 1. № 21. (2) Т. е. съ верху изъ горницы, горничная.

Въ руцѣхъ выносила медъ и вино;
«Выпей, мой богатый, зелена вина,
Закушай, богатый, сладкіе меды» (1).

Стихи о Лазарѣ всего чаще поются нищими калѣками; ихъ любитъ особенно слушать нашъ простой народъ. Нищіе видятъ въ Лазарѣ для себя примѣръ при собираніи милостыни, а народъ находитъ въ судьбѣ его изображеніе своей собственной судьбы.

Изъ стиховъ, разсказывающихъ о святыхъ, замѣчательны стихи *объ Алексѣѣ, человѣкѣ Божіемъ, Іоасафѣ царевичѣ и Борисѣ и Глѣбѣ.*

Стихъ о св. Алексіѣ, человѣкѣ Божіемъ. Житіе св. Алексѣя, человѣка Божія, не могло не поражать народнаго воображенія тѣмъ высокимъ идеаломъ самоотверженія, какой въ немъ представляется. Имя князя и соединенное съ нимъ высокое положеніе въ обществѣ, богатство и роскошь, окружавшіе его съ колыбели, любовь родителей и родныхъ и прекрасная любящая супруга, съ которою только что заключенъ союзъ на всю жизнь,— все это отвергнуто св. Алексѣемъ для Бога и спасенія души, все это съ радостію, въ самой цвѣтущей порѣ молодости, промѣнено на имя и жизнь нищаго калѣки, въ рубищѣ переходящаго съ мѣста на мѣсто, подъ дождемъ и вѣтромъ на паперти храма выпрашивающаго милостыню, и наконецъ находящаго пріютъ въ убогой кельѣ. Неудивительно, что народъ переложилъ это житіе св. Алексѣя въ стихи, которые сдѣлались его любимыми стихами. Вотъ болѣе интересныя мѣста изъ этого Стиха:

Во славномъ во городѣ, во Рымѣ,
При царѣ было при Онорiѣ,
Жилъ человѣкъ благочестивый,
Великій Ефимьянъ князь;
Супруга его Аглаида.
Жили они многія лѣта.
У нихъ не было дѣтища ни единаго.

Они начали молиться Богу:

«Создай ты намъ, Господи, чадо,
Единое чадо молоденца!
При младости намъ на погляденье,
При старости намъ на сбереженье,
При смертномъ часу на поминъ душъ».
Услышалъ Господь Богъ ихъ молитву;
Создалъ имъ Господь дѣтище единое.
. . . . . .

(1) Калѣки. вып. 1. № 27.

Не хотѣлось Алексѣю жениться;
Хотѣлось ему Богу молиться,
За младыя лѣта потрудиться.
Здѣсь его отецъ не послушалъ;
А онъ своему отцу не поспорилъ.

Послѣ брака Алексѣй говоритъ своей супругѣ:

«Ой же ты, обручная княгиня!
Ты станешь ли со мной за едино Богу молиться?
Промежъ насъ будетъ святой Духъ».
Княгиня ему умолчала,
Никакого отвѣту не сказала

Снявъ съ себя шелковый поясъ и златой перстень съ руки, онъ сказалъ ей:

«Храни сіи вещи сердцевыя:
. . . . . .
Вотъ тебѣ мой шёлковый поясъ,
Со правой руки золотъ перстень.
Молися ты Господу, трудися,
За Алексѣя Божьяго человѣка».
А и пошелъ во иншую землю.

Пришедши во иную землю, *„во Одесъ градъ“* (1), Алексѣй сталъ на церковной паперти съ нищими и началъ молиться:

«Создай ты мнѣ, Господи, власъ долгій.
Чтобы отецъ, мать меня не познали»!
Молился Алексѣй Богу, трудился;
Красота въ лицѣ его потребишася,
Очи его погубишася;
Сталъ Алексѣй, какъ убогій (2).

Стихъ объ Іоасафѣ царевичѣ. Еще высшій идеалъ самоотверженія представляется въ Стихѣ *„объ Іоасафѣ царевичѣ“*. Здѣсь уже не сынъ богатаго князя оставляетъ домъ родительскій, но сынъ царя оставляетъ царскій дворецъ и престолъ и для спасенія души удаляется въ пустыню. Стихъ этотъ составился

---

(1) Т. е. въ городъ Эдесъ въ Месопотаміи. Смотр. житіе св. Алексѣя. Четьи-минеи 17 марта. (2) Стихъ объ Алексѣѣ, человѣкѣ Божіемъ у Кир. № VII; у Безсон. вып. 1 № 29.

подъ вліяніемъ исторіи Варлаама и Іоасафа царевича, въ которой разсказывается, „какъ мудрый отшельникъ Варлаамъ обратилъ въ христіанскую вѣру индійскаго царевича Іоасафа. Варлаамъ явился къ царевичу подъ видомъ купца, продающаго драгоцѣнный камень, и объяснилъ Іоасафу, что камень этотъ изображаетъ царство небесное, котораго всего легче достигнуть уединеніемъ и молитвою". Въ стихѣ, въ формѣ разговора Іоасафа царевича съ пустыней, изображается состояніе души царевича, когда онъ приходитъ въ пустыню и рѣшается начать уединенную жизнь отшельника. Пустыня олицетворяется и называется прекрасною матерью. Царевичъ проситъ ее принять его къ себѣ, какъ сына; но она не совѣтуетъ ему оставлять міръ и царство, и говоритъ:

«Не жить тебѣ во пустынѣ,
Не молясь во мнѣ, Богу молиться,
Не трудясь во мнѣ, Господу трудиться:
Нѣтъ во мнѣ царскаго ѣства,
И нѣтъ во мнѣ царскаго пойла;
Ѣсть-воскушать—гнилая колода:
Испивать—болотная водица» (1).

Когда царевичъ обѣщаетъ терпѣть лишенія въ пищѣ и питіи, пустыня указываетъ ему на его молодость и на свойственныя молодости мечты и стремленія къ жизни веселой и разнообразной, которыя можетъ пробудить въ его душѣ первая весна, когда все въ природѣ оживится и будетъ вызывать къ жизни:

«Не жить тебѣ во пустынѣ:
Придетъ мать-весна красна.
Лузья-болоты разольются,
Древа листами одѣнутся,
И запоютъ птицы райскія
Архангельскими голосами,—
А ты изъ пустыни вонъ изыдешь,
Меня, мать прекрасную, покинешь» (2).

Отвѣчая на это, Іоасафъ говоритъ:

«Во зеленой во дубравѣ
Есть частыя древа,
Со мной будутъ думы думати;

---

(1) Калѣки. вып. 1. № 50. стр. 215.
(2) Калѣки. вып. 1 № 50. стр. 216.

На древахъ есть мелкіе листья,
Со мной станутъ говорити;
Прилетятъ птицы райскія,
Станутъ распѣвати,
Меня будутъ потѣшати» (¹).

Изъ житій русскихъ святыхъ или изъ русской исторіи замѣчательны только два Стиха: *„о Борисѣ и Глѣбѣ“* и *„о Дмитровской субботѣ“*.

Стихъ о свв. Борисѣ и Глѣбѣ. Память свв. Бориса и Глѣба, какъ первыхъ мучениковъ нашей Церкви, глубоко почиталась, и житія ихъ, написанныя черноризцемъ Іаковомъ и пр. Несторомъ, составляли предметъ любимаго чтенія у народа. Народъ сложилъ о нихъ особый Стихъ; существенное отличіе его отъ житій заключается въ томъ, что житія представляютъ въ Борисѣ и Глѣбѣ примѣръ братской любви, а въ Стихѣ главною чертою выставляется въ нихъ сыновняя любовь къ отцу, вслѣдствіе которой они не послушали даже совѣта матери, предостерегавшей ихъ отъ Святополка, поѣхали на поминки отца и погибли.

Стихъ о Дмитровской субботѣ. Весьма замѣчательный Стихъ *„о Дмитровской субботѣ“*. Дмитріевская суббота установлена для поминовенія воиновъ, павшихъ во время знаменитой куликовской битвы; дмитріевской она называется потому, что поминовеніе совершается въ субботу, предъ днемъ памяти св. Димитрія Солунскаго, 26 октября. Въ Стихѣ происхожденіе дмитріевской субботы объясняется такимъ образомъ. „Наканунѣ дмитріевской субботы, князь Димитрій Іоанновичъ, съ княгиней Евдокіей и князьями и боярами, слушалъ обѣдню въ Успенскомъ соборѣ, которую служилъ митр. Кипріанъ. Предъ *Достойной* вдругъ князю представилось видѣніе.

Не горятъ свѣчи предъ иконами,
Не сіяютъ камни на златыхъ окладахъ.
Не слышитъ онъ пѣнія святаго,
А видитъ онъ чистое поле,
То ли чистое поле Куликово.

Все поле покрыто тѣлами христіанъ и татаръ: „христіане-то какъ свѣчки теплятся, а татары какъ смола черна“; по полю ходитъ пресв. Богородица, а за нею апостолы, архангелы и ангелы: они

(¹) Калѣки. вып. 1. № 52 стр. 221.

отпѣваютъ мощи православныхъ христіанъ, на которыхъ въ это время вѣнцы сходятъ съ небесъ; кадитъ на нихъ сама Богородица. Обошедши поле, она спросила: „а гдѣжъ да князь Димитрій“? Апостолъ Петръ сказалъ: „онъ теперь въ Успенскомъ соборѣ съ княгиней Евдокіей слушаетъ молебенъ“. Богородица сказала:

«Не въ своемъ Димитрій князь мѣстѣ:
Предводить ему лики мучениковъ,
А его княгинѣ въ моемъ стадѣ».

При этихъ словахъ видѣніе пропало, свѣчи опять загорѣли, камни на окладахъ иконъ снова засіяли. Князь Димитрій понялъ это видѣніе какъ знаменіе, что близокъ часъ его смерти, а княгинѣ быть послѣ него въ черницахъ, и на память его онъ „*уставилъ Дмитровскую субботу*“ (1).

2) **Народныя легенды**. Другую форму религіозной народной поэзіи составляютъ *легенды* (2), прозаическіе разсказы духовно-нравственнаго содержанія. Подобно стихамъ, легенды составились также подъ вліяніемъ разныхъ сочиненій духовной письменности и апокрифическихъ сказаній, но только онѣ еще болѣе уклонились отъ этихъ сочиненій въ изображеніи своихъ предметовъ; священное содержаніе въ нихъ гораздо болѣе, чѣмъ въ стихахъ, искажается разными измѣненіями и прибавленіями. Поэтому легенды далеко не имѣютъ того важнаго и серьезнаго тона, какимъ отличаются большею частію духовные стихи, а скорѣе походятъ на религіозныя сказки, въ которыхъ отъ священнаго преданія часто остается одно только названіе лица или событія, а все прочее составляетъ чистый вымыслъ народной фантазіи. Многія легенды представляютъ просто передѣлку священнаго разсказа на народные нравы, или прямо изображаютъ эти нравы съ религіозно-нравственной точки зрѣнія и съ поучительною цѣлію.

Изъ лицъ ветхозавѣтныхъ легенды разсказываютъ о Ноѣ и Соломонѣ. Въ легендѣ о Ноѣ, кромѣ нѣкоторыхъ другихъ подробностей, встрѣчается тотъ же разсказъ,—какъ діаволъ препятствовалъ Ною строить ковчегъ, какъ хитростью вошелъ въ него вмѣстѣ съ женой Ноя и какъ хотѣлъ потопить ковчегъ, во время потопа,—который находится въ апокрифическомъ сказаніи о Ноѣ. Легенда о Соломонѣ изображаетъ мудрость Соломона,

---

(1) Калѣки вып. 3. стр. 673—675. № 156.

(2) Народныя легенды изданы Аѳанасьевымъ въ 1859 г. Критическая статья о нихъ А. Пыпина въ Современ. 1860 г. том. LXXX. Другой сборникъ народныхъ легендъ сдѣланъ г. Драгомановымъ: «Малорусскія народныя преданія и разсказы». Кіевъ. 1876.

разсказывая, какъ онъ спасся изъ ада тѣмъ, что хотѣлъ построить въ немъ монастырь. Изъ новозавѣтной исторіи особенно замѣчательны легенды „*О хожденіи Іисуса Христа и апостоловъ*“. Между апокрифическими сказаніями есть „*Обходы или путешествія апостольскія*“. Въ нихъ, между прочимъ, разсказывается, какъ апостолы, странствуя по землѣ, однажды вспахали и засѣяли ниву одного пахаря въ то время, какъ онъ ходилъ въ городъ для того, чтобъ принести имъ хлѣба, котораго они у него просили. Легенды о хожденіи Спасителя составились по образцу этихъ путешествій. Въ нихъ Спаситель одинъ, или вмѣстѣ съ апостолами, изображается странствующимъ по землѣ, чтобы учить людей вѣрѣ и добродѣтели, помогать бѣднымъ и праведнымъ и наказывать злыхъ и жестокосердыхъ. Таковы наприм. „*Чудесная молотьба*“, „*Христовъ братецъ*“ и „*Бѣдная вдова*“. Странствовалъ, говоритъ легенда „*о бѣдной вдовѣ*“, Христосъ со двѣнадцатью апостолами. Шли они разъ какъ простые люди, и признать было нельзя, что это Христосъ и апостолы. Пришли въ одну деревню и стали проситься на ночлегъ къ богатому мужику. Богатый мужикъ не пустилъ ихъ, а послалъ къ бѣдной вдовѣ: „она нищихъ пускаетъ, сказалъ онъ, ступайте къ ней“. Бѣдная вдова, дѣйствительно, пустила ихъ и раздѣлила съ ними послѣднюю краюху хлѣба и послѣднюю горсть муки, изъ которой на другой день напекла для нихъ блиновъ. Переночевавъ у вдовы, Христосъ и апостолы отправились въ путь и встрѣтили на дорогѣ волка, который, обратившись къ Спасителю, сталъ просить у Него ѣды. Спаситель сказалъ ему: „пойди къ бѣдной вдовѣ, съѣшь у нея корову съ теленкомъ“. Апостолы замѣтили было, что эта вдова приняла ихъ ласково и накормила: но Спаситель сказалъ: „такъ тому быть должно“. Волкъ побѣжалъ, съѣлъ у вдовы корову, а вдова, узнавши объ этомъ, сказала только: „Богъ далъ, Богъ и взялъ; Его святая воля“. Потомъ они встрѣтили на дорогѣ бочку съ деньгами; Спаситель велѣлъ ей катиться къ богатому мужику на дворъ. Апостолы опять замѣтили, что лучше бы отдать ее бѣдной вдовѣ, а у богатаго и такъ всего много; но Спаситель по прежнему отвѣчалъ: „такъ тому быть должно“. Богатый спряталъ деньги, но не остался доволенъ и подумалъ: „хоть бы еще столько же послалъ Господь“. Въ полдень, когда стало очень жарко, апостолы захотѣли пить. Спаситель указалъ имъ въ одной сторонѣ колодезь; но, пришедши къ этому колодезю, апостолы увидѣли въ немъ всякую срамоту — жабъ, змѣй и лягушекъ, и, разумѣется, не стали пить и возвратившись разсказали объ этомъ Спасителю. Спаситель ничего имъ не отвѣчалъ. Спустя не много, апостолы опять запросили пить; Спаситель указалъ имъ колодезь въ другой сторонѣ. Пришли апосто-

лы къ колодезю и видятъ: растутъ около него деревья чудесныя, поютъ птицы райскія, а вода чистая, студеная и сладкая. Когда, напившись воды, апостолы воротились, Спаситель спросилъ ихъ: „что такъ долго не приходили“? „Мы только напились, отвѣчали апостолы, да пробыли тамъ всего три минуточки“. „Не три минуточки вы тамъ пробыли, а цѣлыхъ три года, сказалъ Спаситель. Каково въ первомъ колодцѣ, таково худо будетъ на томъ свѣтѣ богатому мужику, а каково у другаго колодезя, таково хорошо будетъ на томъ свѣтѣ бѣдной вдовѣ“ (1). Легенда пытается иногда объяснить странные и непонятные на простой взглядъ случаи въ судьбѣ людей счастливыхъ и несчастныхъ, и указываетъ на высшіе пути Промысла Божія, который все въ мірѣ и жизни направляетъ къ добрымъ цѣлямъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательна легенда *„объ ангелѣ“*. У одной женщины, говорится въ ней, родилось двое дѣтей. Богъ посылаетъ ангела вынуть изъ нея душу; но ангелу жалко стало двухъ малыхъ младенцевъ, и онъ не вынулъ души.... „У той бабы, Господи, сказалъ онъ, есть два малыхъ младенца; чѣмъ они станутъ питаться“? Богъ взялъ жезлъ, ударилъ въ камень и разбилъ его на двое и велѣлъ ему посмотрѣть въ трещину. „Что видишь тамъ“? спросилъ Господь. „Вижу двухъ червяковъ“. „Кто питаетъ этихъ червяковъ, тотъ пропиталъ бы и двухъ малыхъ младенцевъ“ (2).

Кромѣ Спасителя и апостоловъ, въ легендахъ представляются странствующими на землѣ и святые, наприм. Илья пророкъ, Николай чудотворецъ, св. Касьянъ, св. *Пятница* (т. е. св. Параскева). Святые покровительствуютъ и награждаютъ тѣхъ, кто ихъ почитаетъ. Особенно часто выводится Николай чудотворецъ, который изображается милостивымъ и помогающимъ бѣднымъ и несчастнымъ.

Духовные стихи и легенды составляютъ весьма важный въ историческомъ отношеніи памятникъ религіозно-нравственныхъ понятій народа, которыя сложились въ немъ издавна и сохраняются еще до сихъ поръ. Они показываютъ, въ какихъ формахъ нашъ народъ усвоилъ христіанское ученіе, какой и подъ вліяніемъ какихъ образцовъ составился въ немъ взглядъ на вѣру и благочестіе, какія, по его понятію, самыя важныя добродѣтели, и какіе самые тяжкіе грѣхи и пороки; какія къ инстиннымъ религіознымъ представленіямъ онъ примѣшалъ суевѣрія; какъ измѣнилъ и исказилъ нѣкоторыя событія священной исторіи и разсказы изъ житій святыхъ.

---

(1) Аѳан. стр. 5—8. (2) Тамъ же, стр. 88—90.

СОБСТВЕННО-РУССКАЯ КНИЖНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Произведенія переводной словесности, служа источникомъ образованія для нашихъ предковъ, доставляли имъ въ то же время богатый матеріалъ и для собственной ихъ литературной дѣятельности и вообще были образцами для ихъ сочиненій. Въ частности же, характеръ сочиненій нашихъ писателей, ближайшимъ образомъ, долженъ былъ опредѣляться потребностями русской жизни и особенно Церкви Русской, органомъ которой преимущественно и была древняя словесность. Насущною потребностію русской Церкви въ первыя времена было утвержденіе русскихъ христіанъ въ вѣрѣ и благочестіи христіанскомъ; для этого пастыри наши писали *слова, поученія и посланія*, которыя составляютъ преобладающую форму въ древней словесности. Утверждая русскихъ христіанъ въ вѣрѣ и благочестіи, они въ то же время должны были ратовать противъ прежняго язычества и защищать ихъ отъ разныхъ иновѣрныхъ вліяній. Принявши христіанскую вѣру, предки наши долго не могли отстать отъ прежнихъ языческихъ нравовъ и обычаевъ: къ христіанскимъ понятіямъ примѣшивали языческія суевѣрія, въ христіанскіе праздники продолжали совершать языческіе обряды и игры, даже христіанскихъ святыхъ наивно смѣшивали въ своихъ представленіяхъ съ именами старыхъ языческихъ божествъ, и такимъ образомъ являлись, по выраженію древнихъ пастырей, *двоевѣрными*. Полемика съ этимъ *двоевѣріемъ* въ русской жизни составляетъ весьма рѣзко выдающуюся черту во всей древней словесности, отъ поученій пр. Ѳеодосія печерскаго до Духовнаго Регламента включительно. Изъ иновѣрныхъ вліяній всего сильнѣе было вліяніе латинства. Борьбу съ латинствомъ Россія, можно сказать, наслѣдовала отъ Греціи, вмѣстѣ съ христіанствомъ. Вопросы о заблужденіяхъ латинской церкви были самыми живыми вопросами въ Греціи, въ эпоху принятія нашими предками христіанства и вмѣстѣ съ нимъ, естественно, должны были перейти въ Россію и выразиться въ русской словесности, тѣмъ болѣе, что первые митрополиты и епископы были изъ грековъ и съ самыхъ же первыхъ временъ открылись покушенія латинянъ распространить свое ученіе въ Россіи. Эти покушенія продолжались потомъ въ теченіе всего древняго періода. Со второй половины XIV в. начали появляться въ Россіи разныя ереси: въ XIV в. ересь Стригольниковъ, въ XV в. ересь Жидовствующихъ, въ XVI в. ереси Бакшина и Косого; въ XVII в. явился расколъ. Всѣ эти обстоятельства способствовали особенному развитію *полемическаго* направленія въ древней словесности. Руководствомъ въ нравственной христіанской жизни съ самыхъ первыхъ временъ сдѣлались образцы древ-

нихъ подвижниковъ вѣры и благочестія, переданные нашимъ предкамъ въ разныхъ патерикахъ; подъ вліяніемъ этихъ образцовъ скоро и въ Русской Церкви стали являться люди строгой вѣры и благочестія; изображеніе ихъ жизни и подвиговъ составило особый отдѣлъ въ древней словесности—отдѣлъ *житій святыхъ*. Кромѣ того, съ одной стороны вліяніе византійскихъ хроникъ, а съ другой—весьма естественная потребность сохранить въ памяти потомства замѣчательныя событія въ Церкви и государствѣ, дали начало *лѣтописнымъ и историческимъ* сочиненіямъ, которыя появились въ нашей словесности очень рано и занимаютъ въ ней очень видное мѣсто. Наконецъ, странствованія русскихъ людей по разнымъ странамъ и особенно благочестивый обычай путешествовать по святымъ мѣстамъ, общій всѣмъ народамъ въ средніе вѣка, произвели въ древней словесности особую форму *хожденій*, или путешествій. Таковы главныя формы произведеній древней словесности. Къ нимъ причисляютъ еще произведенія письменности законодательной, церковной и гражданской, которыя, составляя весьма важный источникъ для исторіи Церкви и государства, содержатъ въ себѣ и много данныхъ для исторіи языка, нравовъ и обычаевъ и духовнаго развитія народа. Поэтическія произведенія древняго періода принадлежатъ къ области устной народной словесности; въ книжной же словесности, кромѣ Слова о полку Игоревѣ, собственно поэтическихъ произведеній мы почти не встрѣчаемъ.—Центромъ образованія и литературной дѣятельности отъ начала письменности до половины XIII в. были на Югѣ Кіевъ, а на Сѣверѣ—Новгородъ. Съ XVI в., съ возвышеніемъ Москвы и съ перенесеніемъ въ нее столицы Русскаго государства, образованіе и письменность сосредоточиваются главнымъ образомъ въ Москвѣ и Новгородѣ. Съ конца XVI в., впрочемъ, въ Кіевѣ снова возникаетъ просвѣщеніе; здѣсь, подъ вліяніемъ западной науки, проникшей чрезъ Польшу, развивается особая, такъ называемая *схоластическая* словесность, которая потомъ въ XVII в. переходитъ въ Москву и самой московской словесности сообщаетъ свой схоластическій характеръ и направленіе.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ СЛОВЕСНОСТИ XI—XIII В.

Къ XI в. относятся: *поученіе Новг. арх. Луки Жидяты, слово Кіевскаго митр. Иларіона, полемическія посланія митр. Леонтія, Георгія и Іоанна II, сочиненія пр. Ѳеодосія Печерскаго, черноризца Іакова и пр. Нестора.* Начало и устроеніе Русскаго государства, распространеніе и утвержденіе въ Русской землѣ Христіанской вѣры и подвиги первыхъ подвижниковъ въ этихъ

великихъ событіяхъ служатъ главными предметами сочиненій писателей перваго вѣка нашей словесности. Дѣла древнихъ князей, не вошедшія въ народную словесность, изображаются въ лѣтописи; особенно св. Ольга и св. Владиміръ, какъ просвѣтители Россіи, постоянно прославляются въ произведеніяхъ книжной словесности. Славитъ Владиміра и его бабку митр. Иларіонъ въ своемъ Словѣ; съ одушевленіемъ изображаетъ дѣла ихъ пр. Несторъ; черноризецъ Іаковъ пишетъ житіе Владиміра и прославляетъ его и св. Ольгу похвалами. Послѣ Владиміра и Ольги, предметомъ прославленія служатъ св. князья, Борисъ и Глѣбъ; погибшіе, какъ жертва вражды, они сдѣлались образцами братолюбія. Церковь любила выставлять ихъ свѣтлый образъ и послѣ, въ періодъ княжескихъ междоусобій, когда нужно было проповѣдывать миролюбіе и братскую любовь. Вмѣстѣ съ Христіанскою вѣрою, начала распространяться и иноческая жизнь; Кіево-печерскій монастырь становится образцомъ не только для другихъ монастырей, но и для всей христіанской общины, для всѣхъ христіанъ. Устроеніе этой обители и подвиги первыхъ ея строителей, Антонія и Ѳеодосія, сдѣлались также предметомъ сочиненій. Сочиненія русскихъ митрополитовъ изъ грековъ направлены къ тому, чтобы защитить молодую Русскую Церковь отъ вліянія латинства; основная мысль этихъ сочиненій—о православіи Восточной Церкви и о заблужденіяхъ Церкви Западной.

Поученіе Новг. арх. Луки Жидяты (1035—1059). Это поученіе важно для насъ, какъ самое первое по времени оригинальное произведеніе духовной словесности. Оно написано не на одну какую-нибудь опредѣленную тему, а заключаетъ въ себѣ краткое наставленіе вообще во всѣхъ истинахъ вѣры и благочестія. „Прежде всего, говоритъ Лука, вѣруйте въ Бога, въ Троицѣ славимаго, во Отца, и Сына, и Св. Духа, какъ научили апостолы и утвердили св. Отцы: Вѣрую во единаго Бога.... до конца (т. е. до конца символа вѣры). Вѣруйте также въ воскресеніе и жизнь вѣчную и муку вѣчную (уготованную) грѣшникамъ. Не лѣнитесь ходить въ церковь и на заутреню, и на обѣдню, и на вечерню; и въ клѣти своей, отходя ко сну, прежде помолись Богу, и тогда ложись на постель. Въ церкви стойте со страхомъ Божіимъ, не говоря ни о чемъ и не думая, но всею мыслію моли Бога, да отпуститъ Богъ тебѣ грѣхи“. За тѣмъ излагаются христіанскія обязанности къ ближнимъ, дѣлаются наставленія въ разныхъ добродѣтеляхъ и предостереженія отъ разныхъ заблужденій и пороковъ. „Любовь имѣйте, говоритъ онъ, со всякимъ человѣкомъ, а особенно съ братіею, и да не будетъ у тебя одно на сердцѣ, а другое на устахъ. Не рой подъ братомъ ямы, да

не вринетъ тебя Богъ еще въ худшую. Прощайте братъ брату и всякому человѣку, не воздавайте зломъ за зло.... Не производи ссоры, да не наречешься сыномъ діавола, но примиряй, да будешь сыномъ Богу.... Чтите стараго человѣка и родителей своихъ: не клянитеся именемъ Божіимъ и никого не заклинайте и не проклинайте. Бога бойтеся, князя чтите.... чтите отъ всего сердца іерея Божія, чтите и слуги церковныя. Не убій, не укради, не лги и не свидѣтельствуй ложно". Есть въ поученіи и указанія на современные недостатки русской жизни: напр. „мзды не емлите, не отдавайте въ лихву.... не хорошо говорить срамныя слова, не пей безвременно, но въ мѣру и не до пьянства.... не ядите сквернаго, святые дни чтите". Весьма вѣроятно, что это поученіе сказано или написано арх. Лукою, не по случаю какого-нибудь опредѣленнаго церковнаго праздника, а при самомъ вступленіи его на свою паству, когда всего приличнѣе было преподать народу такое общее наставленіе во всѣхъ христіанскихъ добродѣтеляхъ ([1]).

Сочиненія св. Иларіона, митр. Кіевскаго. Иларіонъ родомъ былъ русскій. По желанію Ярослава, онъ въ 1051 г., соборомъ русскихъ епископовъ, былъ поставленъ митрополитомъ Кіева и всей земли Русской. Отъ митр. Иларіона сохранились до насъ: 1) слово о законѣ и благодати, къ которому присоединены: похвала князю Владиміру, просвѣтившему Россію святымъ крещеніемъ, и молитва къ Богу отъ лица новопросвѣщенной Россіи; 2) Изложеніе или исповѣданіе вѣры и 3) поученіе о пользѣ душевной ([2]).

Въ словѣ о законѣ и благодати Иларіонъ весьма подробно раскрываетъ взаимное отношеніе закона и благодати, подъ символическими образами сперва Агари и Сарры, а потомъ Ефрема и Манассіи, и доказываетъ превосходство предъ закономъ, имѣвшимъ временную силу, Евангелія, имѣющаго вѣчное и всемірное значеніе. Потомъ, сказавъ объ отлученіи іудеевъ, не принявшихъ Іисуса Христа, Иларіонъ говоритъ о распространеніи Евангелія между всѣми народами, по всѣмъ странамъ и наконецъ въ странѣ Русской. „Вѣра благодатная распространилась по всей землѣ, дошла и до нашего народа русскаго.... Вотъ уже и мы, со всѣми христіанами, славимъ святую Троицу, а Іудея молчитъ. Уже не идолослужителями именуемся мы, а христіанами.... Уже не капища строимъ, но созидаемъ церкви Христовы; не закала-

---

([1]) Поученіе Луки Жидяты напечатано въ Русск. Достоп. т. I.

([2]) Сочиненія Иларіона напечатаны въ Прибавл. къ Твор. св., отц. 1844 г.

емъ другъ друга въ жертву бѣсамъ, но Христосъ за насъ закалается и раздробляется въ жертву Богу и Отцу. Уже не кровь жертвъ вкушаемъ и погибаемъ, но вкушаемъ пречистую кровь Христову, и спасаемся.... Пуста была земля наша и изсохла; зной идолослуженія изсушилъ ее, но внезапно потекъ источникъ Евангелія и напоилъ всю землю нашу"... И продолжая сравнивать прежнюю языческую Русь съ христіанскою, Иларіонъ, въ чувствѣ радости, взываетъ къ Богу словами пророка: *пойте Богу нашему, пойте.... воцарися Богъ надъ языки* (Псал. 46, 7—9). Послѣ этого начинается похвала св. Владиміру, просвѣтившему Россію святымъ крещеніемъ. „Какъ восхвалимъ тебя, говоритъ Иларіонъ, досточтимый и славный отецъ нашъ, мужественный между владыками земными, Василій?... Какую воздадимъ благодарность за то, что чрезъ тебя познали мы Господа и избавились заблужденія идольскаго, что, по твоему повелѣнію, по всей землѣ нашей, славится Христосъ?" Иларіонъ называетъ Владиміра подражателемъ великаго Константина, равнымъ ему умомъ, равнымъ любовію ко Христу и почитаніемъ служителей Его.

Слово митр. Иларіона имѣетъ важное значеніе и вообще какъ памятникъ историческій, заключающій въ себѣ данныя для исторіи христіанства того времени, и въ особенности какъ памятникъ духовнаго ораторства или проповѣдничества. Объясняя, какимъ образомъ Владиміръ пришелъ къ мысли о своемъ крещеніи и крещеніи земли своей, Иларіонъ говоритъ: „онъ всегда слышалъ о православной христолюбивой и сильной вѣрою землѣ греческой, какъ чтутъ тамъ единаго Бога въ Троицѣ и покланяются; какъ творятся тамъ силы, чудеса и знаменія; какъ церкви тамъ полны людей... Слыша все сіе, возгорѣлся онъ духомъ и возжелалъ сердцемъ — быть христіаниномъ и обратить всю землю свою въ христіанство". Потомъ, разсказывая о крещеніи Россіи, онъ говоритъ о Владимірѣ: „онъ повелѣлъ всему народу своему креститься во имя Отца и Сына и Святаго Духа.... И ни одинъ человѣкъ не противился его благочестивому повелѣнію; крестились, если кто и не по любви, то по страху къ повелѣвшему; поелику благовѣріе въ немъ соединено было со властію. Такимъ образомъ, вся земля наша въ одно время стала славить Христа съ Отцемъ и Святымъ Духомъ... Тогда мракъ идольскій началъ отъ насъ удаляться и появилась заря благовѣрія. Тогда тьма служенія бѣсовскаго исчезла, и освѣтило нашу землю солнце Евангелія". Все слово и особенно первая часть его, гдѣ раскрывается отношеніе закона къ Евангелію и излагается сущность и всемірное значеніе христіанства, показываетъ, что Иларіонъ, подобно другимъ христіанскимъ учителямъ, обладалъ глубокимъ знаніемъ св. Писанія. Но всего болѣе замѣ-

чательны въ словѣ черты современности и народности, которыя такъ пріятно встрѣтить въ самыя первыя времена русской проповѣди и которыя, къ сожалѣнію, не утвердились въ ней и не получили развитія. Въ словѣ Иларіонъ съ любовію и одушевленіемъ говоритъ о Россіи, утѣшаясь ея величіемъ не только какъ страны, просвѣщенной христіанствомъ, но и какъ страны родной, слава которой дорога для него и по прежнимъ преданіямъ, по тѣмъ дѣламъ, которыя совершали въ ней еще прежніе языческіе князья: „славитъ похвалами, говоритъ онъ, римская страна Петра и Павла, чрезъ которыхъ увѣровала во Іисуса Христа, Сына Божія: Асія, Ефесъ и Патмосъ—Іоанна Богослова; Индія—Ѳому; Египетъ—Марка; каждая страна, городъ и народъ чтутъ и славятъ своихъ наставниковъ, которые научили ихъ православной вѣрѣ. „*Прославимъ и мы, по силѣ нашей, хотя малыми похвалами, нашего учителя и наставника великаго кагана земли нашей, Владиміра, внука древняго Игоря, сына славнаго Святослава, которые, господствуя въ свое время, прославились мужествомъ и храбростію во многихъ странахъ и по своимъ побѣдамъ и силѣ воспоминаются и прославляются до нынѣ. Ибо они господствовали не въ бѣдной и неизвѣстной странѣ, но въ Русской, которая извѣстна во всѣхъ концахъ земли*“. Прославляя далѣе благовѣріе и благочестіе Владиміра, Иларіонъ указываетъ на созданный имъ Десятинный храмъ, въ которомъ покоилось честное тѣло его и въ которомъ, вѣроятно, и произносилось слово. Онъ обращается наконецъ къ самому гробу Владиміра и проситъ Владиміра встать и посмотрѣть на плоды той вѣры, которую онъ насадилъ въ Россіи. Здѣсь слово принимаетъ уже характеръ чисто современнаго описанія; проповѣдникъ говоритъ о совершающихся дѣлахъ, указываетъ на живыя лица, можетъ быть, находившіяся въ самомъ храмѣ—на князя Ярослава—Георгія, его супругу и дѣтей. „Встань, говоритъ онъ, отъ гроба твоего, *честная глава!* Ты не умеръ, но спишь до общаго всѣмъ возстанія. Встань!.... Отряси сонъ, возведи очи и посмотри, какъ Господь, сподобивъ тебя почестей, не оставилъ тебя безъ памяти и на землѣ, въ сынѣ твоемъ. Встань, посмотри на сына своего, Георгія, посмотри на кровнаго своего, посмотри на того, котораго извелъ Господь отъ чреслъ твоихъ, посмотри на украшающаго престолъ земли твоей,—и возрадуйся, возвеселись! Посмотри и на благовѣрную сноху твою, Ирину, посмотри и на внуковъ и правнуковъ твоихъ, какъ они живутъ, какъ Господь хранитъ ихъ; какъ содержатъ они благовѣріе, тобою преданное, какъ часто посѣщаютъ святые храмы, какъ славятъ Христа, какъ покланяются Его имени. Посмотри и на городъ, сіяющій величіемъ, посмотри на процвѣтающія церкви, посмотри на возрастающее христіанство; посмотри

на городъ, освящаемый и блистающій иконами святыхъ, благоухающій ѳиміамомъ и оглашаемый хвалами святыми и божественными пѣснопѣніями! И видѣвъ все сіе, возрадуйся, возвеселись и восхвали благаго Бога, строящаго все сіе"! За похвалою Владиміру слѣдуетъ молитва, въ которой Иларіонъ, отъ лица всей Россіи, взываетъ къ Богу: „Помяни, какъ благій, и насъ убогихъ твоихъ, *яко имя Тебѣ человѣколюбецъ*! Хотя и не имѣемъ мы добрыхъ дѣлъ, но спаси насъ, по великой твоей милости! *Мы бо людіе Твои и овцы пажити Твоея*; мы—стадо, которое недавно ты началъ пасти, исторгши изъ пагубнаго идолослуженія. Пастырю добрый, положившій душу свою за овцы! Не оставь насъ, хотя мы и доселѣ блуждаемъ; не отвергни насъ, хотя мы и доселѣ согрѣшаемъ предъ тобою, какъ рабы новокупленные, ни въ чемъ неумѣющіе угождать господину своему. Не возгнушайся, хотя и мало еще стадо, но скажи намъ: *не бойся малое стадо, яко благоизволи Отецъ вашъ дати вамъ царство* (Лук. 12, 32).... Эта молитва Иларіона, какъ выраженіе чувствованій новопросвѣщеннаго и какъ бы начавшаго новое бытіе народа, долго читалась въ новый годъ и во вновь просвѣщенныхъ святымъ крещеніемъ странахъ. Такъ, св. Гурію, при отправленіи его въ Казань, поручено было читать ее въ новопросвѣщенной странѣ казанской.

Сочиненія пр. Ѳеодосія Печерскаго. Пр. Ѳеодосій былъ игуменомъ основаннаго пр. Антоніемъ знаменитаго кіевопечерскаго монастыря (1062—1074); онъ далъ этому монастырю твердое устройство, введя въ него уставъ цареградской обители св. Ѳеодора Студита. Строгое благочестіе Антонія и его сподвижниковъ привлекало въ кіевопечерскій монастырь множество людей изъ всѣхъ сословій, такъ что онъ вскорѣ сдѣлался центромъ не только духовнаго подвижничества, но и вообще христіанскаго просвѣщенія, которое распространялось изъ него по всей Россіи; въ немъ воспиталось множество духовныхъ дѣятелей, которые потомъ были начальниками другихъ монастырей или занимали епископскія каѳедры. Дѣятельность пр. Ѳеодосія также не ограничивалась стѣнами монастыря. Несторъ, составившій его житіе, говоритъ, что онъ нерѣдко поучалъ не только братію, но и народъ и писалъ посланія къ современнымъ князьямъ—Изяславу и Святославу. До насъ дошли слѣдующія сочиненія Ѳеодосія; 1) два поученія къ народу, 2) десять поученій къ кіевопечерскимъ инокамъ, 3) два посланія къ в. к. Изяславу и 4) двѣ молитвы ([1]).

([1]) Всѣ эти сочиненія пр. Ѳеодосія изданы преосв. Макаріемъ въ уч. Зап. Ак. Н. 1856 г. кн. II. вып. II. стр. 193—224 и въ Ист. Русск. Церкви. т. 2.

Поученія пр. Ѳеодосія къ народу: о казняхъ Божіихъ и противъ пьянства. Начало поученія *о казняхъ Божіихъ* вставлено Несторомъ въ лѣтопись. Поученіе это заимствовано и передѣлано изъ одного Слова Златоструя. Оно начинается объясненіемъ причинъ разныхъ общественныхъ бѣдствій, постигающихъ народъ, каковы напр. нашествіе непріятелей, голодъ, засуха и проч. „Наводитъ Богъ, по своему гнѣву, говоритъ Ѳеодосій, какую-либо казнь, или поганыхъ, когда мы не обращаемся къ Нему, а междоусобная брань бываетъ отъ соблазна діавола и отъ злыхъ людей. Когда согрѣшитъ какая-нибудь страна, Богъ наказываетъ смертію, или гладомъ, или наведеніемъ поганыхъ, или бездождіемъ, или иными различными казнями". Между грѣхами, наводящими эти казни Божіи на народъ, Ѳеодосій указываетъ прежде всего на грѣхи *двоевѣрія*, по которому народъ, не смотря на то, что исповѣдывалъ христіанскую вѣру, держался нѣкоторыхъ старыхъ языческихъ суевѣрій. „Не поязычески ли мы поступаемъ? говоритъ онъ. Если кто встрѣтитъ чернеца, или черницу, или свинью, или коня лысаго, то возвращается назадъ: развѣ это не поязычески? Другіе вѣрятъ чиханію, которое бываетъ на здравіе головѣ; но всѣмъ этимъ прельщаетъ діаволъ, равно какъ и другими обычаями, и разными искушеніями, удаляющими отъ Бога: волхвованіемъ, чародѣяніемъ, блудомъ, запоемъ, *рѣзоиманіемъ*, *прикладами* (ростомъ или лихвою), воровствомъ, лжею, завистію, клеветою, *зубами* (дракою), скоморохами, гуслями, сопѣлями и всякими играми и дѣлами непотребными". Потомъ Ѳеодосій указываетъ на нѣкоторые грѣхи въ особенности, какъ-то: на неблагочинное стояніе въ церкви, сопровождающееся смѣхомъ и разговорами, на нехристіанское празднованіе праздниковъ, когда любили устраивать пиры и предавались на нихъ всякимъ излишествамъ и невоздержности, и наконецъ на пьянство, противъ котораго, въ концѣ слова, онъ возстаетъ съ особенною силою. Другое поученіе пр. Ѳеодосія къ народу направлено также противъ пьянства, или противъ обычая пѣть, во время пира за столомъ, множество *тропарей* и за каждымъ пить особую чашу, обычая, которымъ хотѣли прикрыть неумѣренность въ питіи или пьянство. „А тропарей, говоритъ здѣсь Ѳеодосій, не пѣть за чашами въ пиру больше трехъ: одинъ въ началѣ обѣда, во славу Христа Бога нашего, другой въ концѣ—во славу Дѣвы Маріи, третій—за здравіе государя; а больше не велимъ". Яркими красками рисуетъ онъ гибельныя слѣдствія, которыми сопровождаются неумѣренность въ питіи, и снова возстаетъ противъ пьянства и говоритъ, что оно дѣлаетъ человѣка хуже бѣснующагося: „бѣсный страждетъ невольно и удостоится жизни вѣчной, а пьяница страдаетъ по своей волѣ и подвергнется вѣчной мукѣ. Если къ бѣсному придетъ

іерей и сотворитъ молитву, то прогонитъ бѣса; но если бы къ пьяному сошлися іереи со всей земли и сотворили надъ нимъ молитву, то не прогнали бы отъ него бѣса самовольнаго пьянства".

Поученія къ кіевопечерскимъ инокамъ. Изъ десяти поученій пр. Θеодосія къ кіевопечерскимъ инокамъ только пять сохранились вполнѣ, а остальныя въ отрывкахъ. Идеаломъ иноческой жизни для Θеодосія былъ уставъ св. Θеодора Студита, сочиненія котораго вообще имѣли большое вліяніе на христіанское образованіе Θеодосія и сообщили его поученіямъ свойственный имъ тонъ и характеръ. Θеодосій говоритъ въ своихъ поученіяхъ о постѣ, нестяжательности и подвижничествѣ, о любви къ Богу и ближнимъ, о терпѣніи и смиреніи, о хожденіи къ службѣ Божіей.

Сочиненія пр. Нестора. Пр. Несторъ родился въ 1056 г. Скончался около 1114 г. Образованіемъ Несторъ былъ обязанъ своей любознательности и чтенію книгъ, которому онъ предавался съ любовію. Чрезъ это чтеніе книгъ онъ пріобрѣлъ тѣ богословскія и историческія свѣдѣнія, какія мы встрѣчаемъ въ его сочиненіяхъ. Его сочиненія: *Житіе Бориса и Глѣба, житіе пр. Θеодосія и Русская лѣтопись.*

Житіе Бориса и Глѣба, полагаютъ, было первымъ опытомъ лѣтописной дѣятельности Нестора, когда онъ былъ еще недовольно богатъ историческими свѣдѣніями; въ этомъ житіи есть извѣстія, не согласныя съ его собственною лѣтописью. Лучшее мѣсто въ житіи составляетъ его начало, гдѣ Несторъ говоритъ о распространеніи Христіанской вѣры въ Русской землѣ при св. Владимірѣ. Хорошо также описаніе характера и взаимныхъ отношеній Бориса и Глѣба, которые представляются образцами братской любви.

Житіе пр. Θеодосія отличается особенною полнотою и стройностію въ описаніи жизни Θеодосія и отчетливымъ изображеніемъ его подвижническаго характера. Несторъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на каждомъ замѣчательномъ событіи въ жизни Θеодосія. Поэтому житіе Θеодосія, при своей глубокой назидательности, становится весьма важнымъ и въ историческомъ отношеніи. Описаніе домашней жизни Θеодосія рисуетъ предъ нами состояніе древне-русской жизни вообще и въ частности жизни семейной, подъ вліяніемъ новыхъ христіанскихъ началъ. Описаніе жизни въ кіевопечерской обители заключаетъ много свѣдѣній о самой обители, о лицахъ, жившихъ въ ней и

приходившихъ въ нее, изображаетъ ея общественное и образовательное значеніе для того времени, ея нравственное вліяніе на народъ.

Лѣтопись Нестора. Первымъ русскимъ лѣтописцемъ Татищевъ признавалъ новгор. епископа *Іоакима*, умершаго въ 1030 г. Въ своей россійской исторіи онъ напечаталъ отрывокъ изъ такъ называемой *Іоакимовской лѣтописи*, найденный имъ въ рукописи XVIII в. Извѣстно, что начальная новгородская лѣтопись (до 1016 г.) до насъ не дошла; можетъ быть, это и была Іоакимовская лѣтопись, и отъ нея и уцѣлѣлъ найденный Татищевымъ отрывокъ. Но во всякомъ случаѣ первая изъ сохранившихся до насъ лѣтописей съ самыхъ древнихъ временъ приписывается Нестору.

Подлинникъ лѣтописи Нестора до насъ не дошелъ, да и самое имя Нестора изъ всѣхъ извѣстныхъ нынѣ списковъ сохранилось только на одномъ спискѣ, *Хлѣбниковскомъ* (XV—XVI в.). Древнѣйшее свидѣтельство, на основаніи котораго Несторъ признается составителемъ первой нашей лѣтописи, находится въ Кіевопечерскомъ патерикѣ, въ посланіи черноризца Поликарпа къ игумену Акиндину, гдѣ Несторъ упоминается какъ лѣтописецъ.

Изъ сохранившихся до насъ списковъ лѣтописи Нестора самый древній списокъ *Лаврентьевскій*, составленный инокомъ Лаврентіемъ въ 1377 г. для Суздальскаго князя Димитрія Константиновича ([1]). Но и въ этомъ спискѣ лѣтопись Нестора представляется не въ томъ видѣ, въ какомъ она могла выдти изъ подъ пера перваго лѣтописца. Какъ составленіе, такъ и переписываніе лѣтописей происходило въ древнія времена обыкновенно такимъ образомъ, что составитель лѣтописи переписывалъ сначала то, что до него было написано, и потомъ уже продолжалъ самъ писать; при этомъ какъ составители, такъ и переписчики дѣлали въ переписываемой лѣтописи разныя вставки и дополненія изъ другихъ источниковъ. Поэтому лѣтопись Нестора и въ самомъ древнемъ, Лаврентьевскомъ, спискѣ дошла до насъ не отдѣльно, а въ связи съ лѣтописями другихъ лѣтописцевъ, которые ее продолжали, и дошла съ разными вставками продолжателей. Списки лѣтописей, позднѣйшіе Лаврентьевскаго, заключаютъ въ себѣ еще болѣе вставокъ и дополненій, такъ что лѣтопись въ нихъ имѣетъ уже характеръ лѣтописнаго сборника или

([1]) Лаврентьевскій списокъ лѣтописи въ 1-мъ томѣ Полн. Собр. Русск. Лѣт. 1846 г. Новое изданіе этого списка Археогр. комм. Спб. 1872. Извѣстные списки лѣтописи Нестора, кромѣ Лаврентьевскаго: Ипатіевскій, Радзивиловскій, Софійскій, Воскресенскій и Никоновскій.

свода. Но во всѣхъ спискахъ всѣ древнія событія до 1110 г. включительно, очевидно, переписаны или заимствованы изъ одной лѣтописи. Это описаніе и принимается за ближайшій текстъ лѣтописи Нестора. За 1110 г. слѣдуетъ лѣтопись продолжателей Нестора, и съ этого времени списки лѣтописей уже существенно разнятся между собою. Подъ 1110 г. въ Лаврентьевскомъ спискѣ находится слѣдующая замѣтка: „*игуменъ Селивестръ святаго Михаила написахъ* (т. е. списалъ, переписалъ) *книгы сѝ лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога милость пріяти, при князи Володимерѣ, княжащю ему Кыевѣ, а мнѣ въ то время игуменящю у святаго Михаила въ 6624*“ (1116 г.). Этотъ Сильвестръ, игуменъ кіевскаго монастыря св. Михаила, и былъ первымъ продолжателемъ лѣтописи Нестора. Продолжая лѣтопись, онъ переписалъ ее и при этомъ, вѣроятно, внесъ въ нее нѣкоторыя дополненія и вставки и такимъ образомъ первый придалъ ей ту редакцію, или тотъ видъ, въ какомъ она и стала переписываться другими переписчиками и продолжателями лѣтописей ([1]).

Лѣтопись Нестора имѣетъ такое заглавіе: „*Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуду есть пошла Русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити, и откуду русская земля стала есть*“. Но, по обычаю греческихъ лѣтописцевъ, Несторъ начинаетъ эту повѣсть не отъ начала Русской земли, а отъ временъ библейскихъ, съ раздѣленія земли между сыновьями Ноя, послѣ потопа. Сказавъ о потомствѣ Ноя, онъ говоритъ о раздѣленіи народовъ, послѣ столпотворенія вавилонскаго, замѣчая, что *языкъ словѣнескъ* произошелъ *отъ племени Афетова* (Іафета). Потомъ разсказываетъ о поселеніи Славянъ на Дунаѣ и о томъ, какъ сталъ называться каждый *языкъ* (народъ) славянскій, смотря по мѣсту, на которомъ поселился. „Словени же сѣдоша около озера Ильмеря (Ильменя) прозвашася своимъ именемъ, и сдѣлаша градъ, и нарекоша и Новгородъ. Тако разидеся словеньскій языкъ“. Потомъ, разсказывая о пути *Варягъ въ Греки*, по Черному морю, которое потому называлось русскимъ моремъ (*Понетьское* (*Понтъ*) *море... еже море словеть русское*), онъ говоритъ о проповѣди апостола Андрея, на берегахъ Чернаго моря, въ Синопѣ и Корсунѣ, передавая преданіе, какъ апостолъ по Днѣпру дошелъ до горъ кіевскихъ, и, водрузивъ на нихъ крестъ, въ знаменіе того,

---

([1]) Въ спискѣ лѣтописи, сдѣланномъ Сильвестромъ, Костомаровъ видитъ даже самостоятельный трудъ Сильвестра, особый сводъ разныхъ лѣтописей и сказаній, въ который лѣтопись Нестора (собственно лѣтопись кіевопечерскаго монастыря) вошла только какъ незначительная часть, и потому первая лѣтопись *должна называться*, говоритъ онъ, *Сильвестровою, а не Несторовою* (Лекціи по Русск. ист. ч. I. стр. 30).

что и на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія, и градъ великъ имать быти", пошелъ по Днѣпру и достигъ до Новгорода. При этомъ передается разсказъ объ обычаяхъ, замѣченныхъ будто бы апостоломъ у Славянъ новгородскихъ. Далѣе изображаются нравы и обычаи полянъ, древлянъ, вятичей и кривичей. Разсказъ о славянскихъ племенахъ вообще продолжается до 852 г. Съ 852 г. начинается собственно лѣтопись Русской земли. Съ этого времени, впереди событій выставляются года, которые прежде не выставлялись, лѣтосчисленіе начинается отъ сотворенія міра и начало года считается съ марта мѣсяца. Указавъ кратко на хронологію отъ сотворенія міра или отъ Адама, Несторъ продолжаетъ лѣтопись и подъ 862 г. помѣщаетъ сказаніе о призваніи Варягорусскихъ князей, о пришествіи и утвержденіи ихъ въ Руси. Съ этихъ поръ идетъ постоянный разсказъ о русскихъ князьяхъ Рюрикѣ, Олегѣ, Игорѣ, Ольгѣ, Святославѣ, Владимірѣ, и чѣмъ дальше, тѣмъ становится подробнѣе, особенно о временахъ христіанскихъ при Владимірѣ и послѣ Владиміра. При этомъ встрѣчаются вводныя сказанія и вставки, показывающія, что лѣтописецъ пользовался разными, какъ греческими, такъ славянскими и русскими сочиненіями. Изъ греческихъ сочиненій источниками для лѣтописи послужили Палеи и Хроники и особенно Хроника Георгія Амартола и апокрифическое Слово Меѳодія Патарскаго. При разсказѣ объ Уграхъ помѣщено сказаніе о крещеніи Моравовъ и Болгаръ, объ изобрѣтеніи славянской азбуки и переводѣ на славянскій языкъ св. Писанія св. Кирилломъ и Меѳодіемъ, заимствованное *изъ Паннонскихъ житій* Кирилла и Меѳодія. При разсказѣ о походахъ въ Грецію Олега и Игоря помѣщены договоры этихъ князей съ греками. Подъ 1067 г., при разсказѣ о нашествіи половцевъ, помѣщено поученіе пр. Ѳеодосія Печерскаго *„о казняхъ Божіихъ"*; подъ 1074 г. при разсказѣ о кончинѣ Ѳеодосія, другое его поученіе *„о постѣ"*. Подъ 1096 г. вставлено поученіе Владиміра Мономаха. Нѣкоторыя изъ этихъ вставокъ могли быть сдѣланы переписчиками или продолжателями лѣтописи Нестора.—Кромѣ письменныхъ источниковъ, Несторъ, несомнѣнно, пользовался и устными сказаніями и народными преданіями. Подъ 1106 г. онъ говоритъ: „въ сеже лѣто преставился *Янъ*, старецъ добрый, живъ лѣтъ девяносто, въ старости маститѣ, у него же и азъ многа словеса слышахъ, еже и писахъ въ лѣтописаніи семъ".

Литературное значеніе лѣтописи Нестора. Чувство религіозное и чувство патріотическое составляютъ основные мотивы, которые проходятъ по всѣмъ разсказамъ лѣтописи. Какъ благочестивый христіанинъ, воспитанный на чтеніи священныхъ книгъ,

Несторъ всѣ событія въ мірѣ и явленія въ природѣ разсматриваетъ съ точки зрѣнія религіозной и объясняетъ ихъ непосредственнымъ участіемъ божественнаго Промысла. Осуждая Святополка за то, что онъ одинъ хотѣлъ завладѣть всею Русью, онъ говоритъ: „помыслилъ такъ въ своемъ высокоуміи, не зная, что Богъ даетъ власть, кому хочетъ; ибо Вышній поставляетъ царя или князя.... Всѣ бѣдствія въ народѣ: междоусобія, войны, засуха, голодъ, моръ суть назазанія Божіи за грѣхи: „за грѣхи на каждую землю Богъ наводитъ голодъ, или моръ, или засуху, или иную казнь“ (¹). Явленіе кометы, солнечное затмѣніе или другое какое-нибудь особенное явленіе природы суть знаменія гнѣва Божія и предвѣстники того или другого бѣдствія. Весьма часто по поводу разсказываемыхъ событій встрѣчаются въ лѣтописи благочестивыя размышленія и сообщаютъ ей поучительный характеръ. Въ нихъ внушаются благочестивыя христіанскія чувства: вѣра въ промыслъ Божій, миръ, любовь, братолюбіе, почтеніе къ родителямъ и старшимъ, вѣрность крестному цѣлованію, раскаяніе во грѣхахъ, любовь къ родной русской землѣ и забота о ея цѣлости и защита отъ враговъ; при этомъ приводятся часто обширныя выписки изъ св. Писанія и примѣры изъ исторіи другихъ народовъ. При такомъ характерѣ лѣтопись, естественно, должна была имѣть высокое образовательное значеніе. Сужденія лѣтописца о дѣлахъ людей и народовъ отличаются правдивостію и безпристрастіемъ. Христіанскій взглядъ и религіозное чувство нисколько не препятствуютъ ему видѣть доброе и у народовъ не христіанскихъ. Разсказывая о Полянахъ, онъ одобряетъ ихъ вѣрность отеческимъ обычаямъ, кротость ихъ нравовъ, цѣломудріе въ быту семейномъ, брачные уставы и обряды. Подробно и съ живымъ сочувствіемъ изображаетъ Несторъ первоначальныя языческія времена Руси и дѣла древнихъ языческихъ князей. При этомъ онъ передаетъ тѣ поэтическія сказанія о нихъ, которыя сложились, вѣроятно, въ кругу княжеской Варяжской дружины, и составляютъ драгоцѣнный остатокъ не дошедшаго до насъ дружиннаго эпоса. Таковы сказанія объ Аскольдѣ и Дирѣ, о славномъ походѣ Олега подъ Константинополь, о его чудесной кончинѣ, по предсказанію кудесника, объ оригинальномъ мщеніи Ольги надъ Древлянами за смерть Игоря, о подвигахъ Святослава. Въ этихъ сказаніяхъ весь древній періодъ нашей исторіи представляется въ настоящемъ героическомъ свѣтѣ; особенно истиннымъ героемъ изображается въ нихъ Свято-

---

(¹) Лѣт. т. I. стр. 64.

славъ, который проводилъ жизнь свою на ратномъ полѣ, „*легко ходя аки пардусъ*“, „возъ по собѣ не возяше, ни котьла, ни мясъ варя, но потонку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли, или говядину, на углехъ испекъ ядяше, ни шатра имяше, но подъкладъ постлавъ и сѣдло въ головахъ... Посылаше къ странамъ, глаголя: хочю на вы ити“; который, сражаясь при Переяславцѣ съ многочисленнымъ войскомъ грековъ, говорилъ своей испугавшейся дружинѣ: „уже намъ нѣкамо ся дѣти, волею и неволею стати противу: да не посрамимъ землѣ рускіѣ, но ляжемъ костьми, мертвыи бо срама не имамъ, ащели побѣгнемъ, срамъ имамъ, ни имамъ убѣжати; но станемъ крѣпцѣ, азъ же предъ вами поиду, аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою“ (1). Но передавая съ участіемъ обо всемъ, въ чемъ выражается сила и слава Россіи, Несторъ, разумѣется, съ особеннымъ одушевленіемъ разсказываетъ о временахъ христіанскихъ. Крещеніе св. Ольги, крещеніе св. Владиміра и наконецъ всего народа Русскаго составляютъ въ лѣтописи самыя подробныя и самыя лучшія картины. Въ нихъ есть высокія лирическія мѣста, исполненныя глубокаго христіанскаго и патріотическаго одушевленія. Изображая путешествіе Ольги въ Царьградъ, для принятія крещенія, онъ сравниваетъ ее съ царицею Савскою, которая приходила къ Соломону послушать его мудрости: „такъ и сія блаженная Ольга искала доброй мудрости Божіей, но та искала мудрости человѣческой, а сія Божіей“. Разсказывая о кончинѣ св. Ольги, онъ говоритъ: „и плакалъ о ней сынъ ея, и внуки ея и всѣ люди, плачемъ великимъ... Она была предтечею въ христіанской землѣ, какъ денница передъ солнцемъ и какъ заря передъ свѣтомъ; она сіяла, какъ луна въ ночи, посреди невѣрныхъ людей свѣтилась, какъ бисеръ... Она первая вошла въ царство небесное *отъ Руси*; ее хвалятъ Русскіе сыны, какъ начальницу; она по смерти молитъ Бога за Русь“ (2). Изобразивъ картину крещенія Руси, онъ взываетъ: „благословенъ Господь Іисусъ Христосъ, который возлюбилъ новыхъ людей, Русскую землю, просвѣтилъ ее святымъ крещеніемъ! Коликая радость! не одинъ, не два спасаются... радость бываетъ на небеси о единомъ грѣшникѣ кающемся: но вотъ не одинъ, не два, но безчисленное множество обратились къ Богу и просвѣтились святымъ крещеніемъ (3)“. Описывая кончину св. Владиміра, онъ называетъ его новымъ Константиномъ и говоритъ: „достойно удивленія, сколько добра сдѣлалъ онъ Русской землѣ... Еслибы онъ не крестилъ насъ, то мы теперь оставались бы въ прелести діавола, какъ погибли

---

(1) Лѣт. т. I. стр. 27, 29—30. (2) Лѣт. т. I. стр. 29. (3) Тамже, стр. 51.

наши прародители. ([1]). Къ подобнымъ же изображеніямъ относятся и тѣ мѣста, въ которыхъ Несторъ разсказываетъ объ основаніи Кіево-печерскаго монастыря и первыхъ его подвижникахъ, преп. Антоніи и Ѳеодосіи, о братской любви и мученической кончинѣ св. Бориса и Глѣба, о просвѣтительной дѣятельности Ярослава, который заводилъ училища, собиралъ и переводилъ книги и самъ любилъ читать ихъ днемъ и ночью. „Подобно тому, говоритъ онъ, какъ кто-нибудь вспашетъ землю, а другой засѣетъ, а иные пожинаютъ и ѣдятъ не скудную пищу, такъ сдѣлалъ и онъ (Ярославъ). Ибо отецъ его, Владиміръ, вспахалъ и умягчилъ т. е. просвѣтилъ землю Русскую крещеніемъ, а онъ засѣялъ книжными словесами сердца вѣрныхъ людей, мы же пожинаемъ, воспринимая книжное ученіе. Велика бываетъ польза отъ ученія книжнаго; книгами бо кажеми (наказуемы, наставляемы) и учимы есмы пути покаянію, и мудрость бо обрѣтаемъ и воздержаніе отъ словесъ книжныхъ: се бо суть рѣки, напаяющи вселенную; се суть исходища мудрости, книгамъ бо есть неизчетная глубина; сими бо въ печали утѣшаемы есмы; сіи суть узда воздержанію“ ([2]). Но любовь къ отечеству и къ славнымъ дѣламъ предковъ не заслоняетъ отъ лѣтописца слабыхъ сторонъ и недостатковъ въ ихъ характерѣ и жизни, о которыхъ онъ говоритъ съ полною откровенностію. Сюда относятся, между прочимъ, разсказы о жизни Владиміра до принятія имъ христіанства, о хитрости Ольги и жестокихъ поступкахъ ея съ Древлянами, разсказы о томъ, какъ предки наши никакимъ образомъ сами не могли установить въ своей землѣ порядка и должны были послать за море и сказать князьямъ чужимъ: „*вся земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ; да поидете княжить и володѣти нами*“; какъ Владиміръ предъ магометанскими послами сознавался въ природномъ русскомъ недостаткѣ: „*Руси есть веселье пити, не можемъ безъ того быти*“.

Изложеніе лѣтописи Нестора отличается эпическимъ характеромъ. Разсказъ, подобно эпосу, идетъ медленно и спокойно, захватывая на пути все, что представляется важнымъ и интереснымъ, и часто заходитъ въ сторону: часто, какъ мы замѣтили, встрѣчаются вводные разсказы и отступленія; приводятся иногда довольно большія выписки изъ св. Писанія и собственныя благочестивыя размышленія лѣтописца. Языкъ лѣтописи церковно-славянскій или древне-болгарскій; но въ немъ встрѣчается много слѣдовъ и древняго народнаго, южно-русскаго языка, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ приводятся народныя преданія и собственныя слова

([1]) Тамже, стр. 57. ([2]) Лѣт. т. I. стр. 65.—66.

или разговоры дѣйствующихъ лицъ. Такія выраженія, напр. каковы: иде въ Греки; посла по Варяги; да поиди за князь нашъ, за Малъ; яшася по дань; за маломъ бо бѣ не дошелъ до Царьграда", должны быть отнесены къ чисто русскимъ выраженіямъ. Наконецъ въ лѣтописи приводится и нѣсколько народныхъ пословицъ, таковы: „аще ли ся въвадитъ волкъ въ овцѣ, та выноситъ все стадо"; „толи не будетъ межю нами мира, оли камень начнетъ плавати, а хмѣль начнетъ тонути"; „погибоша аки Обре"; „бѣда аки въ Роднѣ".

Лѣтописная дѣятельность послѣ Нестора. Лѣтопись Нестора обыкновенно начинается начальною русскою лѣтописью; но разныя дополненія и вставки, вошедшія въ нее, показываютъ, что кромѣ ея существовали въ разныхъ мѣстахъ и другія лѣтописи. Были лѣтописи кіевскія, волынскія, суздальскія; но эти лѣтописи не дошли до насъ въ первоначальномъ видѣ; мы находимъ ихъ уже въ связи съ другими лѣтописями и въ видѣ продолженія общей Русской лѣтописи въ разныхъ лѣтописныхъ сборникахъ.

Лѣтопись Нестора оканчивается 1110 г. Продолженіе ея, по Лаврентьевскому списку, до 1200 г. составляетъ *Кіевскую* лѣтопись. Съ 1201 г. идетъ лѣтопись *Волынская* и доходитъ до 1292 г., Съ 1292 г. идетъ лѣтопись *Суздальская*. Въ суздальскую лѣтопись вошли извѣстія изъ лѣтописей Владимірскихъ, Ростовскихъ, Переяславскихъ и Тверскихъ, которыя, въ подлинномъ своемъ видѣ, до насъ также не сохранились. *Новогородскія* и *псковскія* лѣтописи составляютъ особый отдѣлъ лѣтописей.

Общій характеръ всѣхъ лѣтописей одинаковъ съ первою лѣтописью. На всѣ описываемыя событія лѣтописцы смотрятъ съ религіозной точки зрѣнія и описываютъ ихъ съ цѣлью нравственнаго назиданія. Но, при единствѣ общаго религіознаго характера и нравственнаго направленія, въ лѣтописяхъ есть и большое различіе. Лѣтопись Нестора и первыхъ ея продолжателей обнимаетъ событія всей тогдашней Руси и, по словамъ Соловьева, можетъ быть названа *всероссійскою* лѣтописью. Такой характеръ лѣтописи вытекалъ изъ единства самой Руси до раздѣленія ея на удѣлы; съ раздробленіемъ же на удѣлы исчезаетъ и единство въ лѣтописяхъ. Лѣтописи получаютъ другой характеръ и становятся *мѣстными*: въ нихъ описываются событія той или другой мѣстности, того или другого княжества, выражается сочувствіе къ тому или другому князю, къ извѣстнымъ дѣламъ и событіямъ. Но со времени соединенія всѣхъ княжествъ въ одно Московское государство, соединяются вмѣстѣ и всѣ лѣтописи: являются лѣтописные сборники, каковы напр. въ XVI в. Софій-

скій Временникъ, въ XVII в. лѣтопись Никоновская и Воскресенская лѣтопись. На нихъ отражается политическое господство Москвы, какъ преобладаніемъ московскихъ событій, такъ и характеромъ изложенія. Мѣстная лѣтопись московская превращается въ лѣтопись общегосударственную, всероссійскую.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ СЛОВЕСНОСТИ XII в.

Къ XII в. относятся сочиненія епископа Туровскаго Кирилла, хожденіе въ Іерусалимъ игумена Даніила, поученіе Владиміра Мономаха, Слово о полку Игоревѣ и Слово Даніила Заточника.

Сочиненія св. Кирилла, епископа Туровскаго (1171—1182). Представителемъ духовнаго просвѣщенія изъ русскихъ пастырей въ XII в. является св. Кириллъ, еп. Туровскій Отъ него до насъ сохранились только 12 словъ и поученій на воскресные и праздничные дни, три сочиненія объ иноческой жизни, молитвы на всю седмицу и покаянный канонъ.

Слова и поученія Кирилла замѣчательны вообще, какъ памятникъ духовнаго ораторства и особенно какъ лучшій образецъ того вліянія, какое имѣла на нашу церковную словесность греческая отеческая и византійская словесность; можно сказать, ни на комъ изъ древнихъ нашихъ писателей такъ рѣзко не отразилось это вліяніе, какъ на Кириллѣ Туровскомъ Неизвѣстно, почему современники Кирилла называли его *вторымъ златословеснымъ витіею* и слѣд. видѣли въ немъ *русскаго Златоуста*,— потому ли, что они въ его сочиненіяхъ находили сходство съ сочиненіями Златоуста, или просто потому, что Кириллъ въ то время былъ самымъ лучшимъ духовнымъ ораторомъ и отличался необыкновеннымъ краснорѣчіемъ; но нѣтъ сомнѣнія, что сочиненія Златоуста, имѣли особенное вліяніе и на образованіе св. Кирилла, хотя въ то же время, надобно сказать, въ поученіяхъ его, при сходствѣ въ содержаніи съ нѣкоторыми словами Златоуста, недостаетъ тѣхъ именно свойствъ, которыя составляютъ отличительный характеръ Златоуста, недостаетъ практическаго нравственнаго направленія, общедоступности и современности. Но столько же, если еще не болѣе, имѣли вліяніе на Кирилла и сочиненія другихъ отцовъ и писателей греческой церкви, напр. Григорія Богослова, св. Прокла, арх. Константинопольскаго и св. Епифанія Кипрскаго. Многія поученія Кирилла состоятъ изъ изложенія евангельскаго чтенія, съ различными дополненіями и объясненіями, заимствованными изъ книгъ Ветхаго Завѣта, особенно пророческихъ и Псалмовъ. Тексты Писанія,

впрочемъ, весьма рѣдко приводятся буквально и точно; обыкновенно нѣсколько текстовъ сводятся въ одно изреченіе и связываются собственными словами Кирилла. Послѣ св. Писанія Кириллъ часто пользуется церковными службами и пѣснопѣніями и ихъ словами и образами излагаетъ свои мысли. Тамъ же, гдѣ не находитъ для своихъ мыслей образа въ Писаніи или церковныхъ пѣсняхъ, онъ обращается къ видимой природѣ и у нея заимствуетъ нужные образы.

Составленныя такимъ способомъ—изъ соединенія и сопоставленія разныхъ изреченій и образовъ св. Писанія, писаній отеческихъ, церковныхъ пѣснопѣній и картинъ природы, проповѣди Кирилла можно уподобить *мозаическимъ картинамъ* византійскаго стиля. Въ то же время онѣ отличаются всѣми свойствами греческихъ церковныхъ образцовъ, подъ вліяніемъ коихъ онѣ составились. Образная форма рѣчи, употребленіе разговоровъ и рѣчей, сравненія, противоположенія, вопросы, восклицанія, обращенія и олицетворенія составляютъ отличительный характеръ слога большей части греческихъ церковныхъ писателей. Этими же свойствами отличаются и сочиненія, особенно проповѣди Кирилла. Кириллъ все старается представить въ формѣ образа, сравненія или противоположенія, символа и аллегоріи. Объясняемое событіе не разсказывается, а большею частію передается въ формѣ настоящаго дѣйствія; причемъ изображаемыя лица излагаютъ свои мысли и чувства въ формѣ рѣчей и разговоровъ. Такъ, въ словѣ въ новую недѣлю по Пасхѣ представляется разговоръ Іисуса Христа съ апостоломъ Ѳомою. Въ словѣ въ недѣлю о разслабленномъ находится также обширный разговоръ Іисуса Христа съ разслабленнымъ. „Если Ты, Владыко,—говоритъ разслабленный,—вопросилъ меня о здравіи, то выслушай кротко мой отвѣтъ, чтобы я могъ повѣдать Тебѣ болѣзнь мою. Тридцать восемь лѣтъ я лежу на этомъ одрѣ, пригвожденный къ нему недугомъ; грѣхи разслабили всѣ члены моего тѣла, а душа моя уязвлена страстями. Молюсь Богу, но не внимаетъ мнѣ, потому что беззаконія мои превзошли главу мою. Все свое имѣніе я роздалъ врачамъ, но не могъ получить отъ нихъ помощи, ибо нѣтъ зелія, могущаго отмѣнить казнь Божію. Знающіе меня гнушаются мною,—смрадъ мой лишилъ меня всякой утѣхи,—ближніе мои стыдятся меня, всѣ люди *клянутся* мной (приводятъ въ примѣръ), а утѣшающаго не нахожу. Назову ли себя мертвымъ? но чрево мое требуетъ пищи, а языкъ изсыхаетъ отъ жажды. Живымъ ли себя представлю (помыслю)? но не только встать съ одра, но даже двинуться не могу. Ноги мои не ходятъ, а руки не только не дѣлаютъ, но даже осязать себя ими я не могу. Я непогребенный мертвецъ, и этотъ одръ—гробъ

мой; я мертвый между живыми и живый между мертвыми; ибо какъ живый я питаюсь, а какъ мертвый ничего не дѣлаю. Я мучусь, какъ въ аду, отъ оскорбленій поносящихъ меня; предметомъ смѣха я служу для юношей, и притчею наказанія для старцевъ; всѣ надо мною глумятся, а я вдвойнѣ стражду; внутри терзаетъ меня болѣзнь, а внѣ я стражду отъ досажденія поносящихъ меня... Голодъ еще сильнѣе недуга удручаетъ меня, ибо если я и найду себѣ пищу, то руками не могу вложить ее въ уста.... У меня нѣтъ имѣнія, чтобы наградить человѣка, пекущагося обо мнѣ; я *злѣ* расточилъ данное мнѣ въ раю богатство; змій эдемскій похитилъ одежду чистоты, и я лежу здѣсь, лишенный Божія покрова; не имѣю человѣка, который, не гнушаясь, послужилъ бы мнѣ . . . . Не имѣю, Господи, человѣка, который ввергъ бы меня въ купель"... Слыша все сіе изъ устъ разслабленнаго, благій нашъ врачъ, Господь Іисусъ Христосъ, отвѣчалъ ему: „что говоришь ты: не имѣю человѣка? Ради тебя я сдѣлался человѣкомъ, щедрый и милостивый не нарушилъ своего обѣта о вочеловѣченіи. Ты слышалъ пророка, глаголющаго: отроча родися Сынъ Вышняго и дадеся намъ, и Онъ болѣзни и недуги наши понесетъ. Ради тебя Я, оставивъ скипетръ горняго царства, служу нисшимъ; ибо Я пришелъ не для того, чтобы Мнѣ служили, но чтобы послужить другимъ. Будучи безплотнымъ, ради тебя Я облекся плотію, чтобы исцѣлить душевные и тѣлесные недуги всѣхъ. Будучи невидимъ для ангельскихъ силъ. Я явился всѣмъ людямъ; ибо не хочу оставить образъ мой въ тлѣніи, но хочу спасти и въ разумъ истинный привести; а ты говоришь: не имѣю человѣка: Я содѣлался человѣкомъ, да человѣка сотворю Богомъ" (1).... Особенно часто встрѣчаются въ поученіяхъ Кирилла противоположеніе, символъ и аллегорія. Такъ, въ началѣ слова на Пасху, онъ говоритъ: „предъ вчерашнимъ днемъ Іисусъ Христосъ, какъ человѣкъ, былъ распятъ, а какъ Богъ, помрачилъ солнце и луну въ кровь преложилъ, и тьма сдѣлалась по всей земли; какъ человѣкъ возопивъ, испустилъ духъ, но какъ Богъ поколебалъ землю, и камни распались; какъ человѣкъ былъ прободенъ въ ребра, но какъ Богъ раздралъ завѣсу перваго закона; какъ агнецъ источилъ кровь съ водою, на мѣсто крови агнцевъ, закалавшихся прежде на жертву, но собою принесъ жертву Богу Отцу за спасеніе міра; какъ человѣкъ былъ положенъ во гробѣ, но какъ Богъ освятилъ алтарь языческой церкви" (2). Подобное же противоположеніе находится

---

(1) Памятн. слов. XII в. стр. 45—48.
(2) Памятн. слов. XII в. стр. 10—11.

и въ концѣ этого слова. Явленія природы вещественной у Кирилла часто служатъ символами явленій міра духовнаго. Такъ въ словѣ въ новую недѣлю по Пасхѣ обновленіе природы весною представляется символомъ обновленія природы человѣческой вѣрою Христовой, и всякое явленіе въ природѣ служитъ образомъ того или другого событія въ царствѣ благодати. Небеса—апостолы, солнце—Христосъ; луна, исчезающая при солнцѣ,—ветхій законъ, уступающій Евангелію; зима, которую смѣнила весна,—время невѣрія, грѣха и смерти и проч.([1]). Тоже мы встрѣчаемъ и въ поученіяхъ Кирилла. Многіе отцы и писатели Церкви любили отыскивать аллегорическій или иносказательный смыслъ въ св. Писаніи. Въ словѣ въ недѣлю цвѣтоносную, приводя пророчество Захаріи о входѣ въ Іерусалимъ: Радуйся зѣло дщи Сіоня. Се бо царь твой грядетъ кротокъ, всѣдъ на жребца юна (Зах. 9. 9), онъ говоритъ, что дщери вышняго Іерусалима суть души святыхъ, а жребя—увѣровавшіе во Христа *люди отъ языкъ* (язычники). Ризы, которыя постилали Спасителю по пути, суть христіанскія добродѣтели; а добрый и правый путь для міра, правителей и всѣхъ вельможъ есть Христосъ; ломающіе отъ дерева вѣтви—простые люди и грѣшники, которые сокрушеніемъ сердца и умиленіемъ души уравниваютъ свой путь къ Богу. Предшествующіе Спасителю суть пророки и апостолы, а послѣдующіе—святители и мученики ([2]).—Символическій и аллегорическій способъ представленія является преобладающимъ въ поученіяхъ св. Кирилла; каждой мысли, каждому событію, даже каждой частности и подробности въ событіи онъ старается придать особенное, иносказательное значеніе.

Въ этихъ свойствахъ таланта Кирилла заключается и основаніе какъ совершенствъ, такъ и недостатковъ его поученій. Какъ образныя представленія, какъ изображенія, они отличаются особенною картинностію, живостію и одушевленіемъ; они представляютъ высокій образецъ духовнаго краснорѣчія, хотя формы этого краснорѣчія чисто греческія. Но наклонность проповѣдника къ реторическимъ украшеніямъ и стремленіе давать всему аллегорическое иносказательное значеніе дѣлаютъ ихъ искусственными и витіеватыми и трудными для пониманія. Трудно допустить, чтобы такія проповѣди были понятны большинству тогдашняго Русскаго народа, который не имѣлъ никакого образованія. Особенно недостаетъ въ проповѣдяхъ Кирилла практическаго нравственнаго направленія, которое должно составлять существенную принадлежность проповѣди. Нельзя сказать, чтобы въ нихъ не

([1]) Памятн. слов. XII в. стр. 20—22. ([2]) Тамъ же, стр. 4—5.

было никакихъ наставленій; наставленія помѣщаются въ концѣ почти каждой проповѣди; но они опять выражаются не просто, а въ образахъ, символахъ и аллегоріяхъ и потому становятся также не совсѣмъ понятными для большинства слушателей.

Лучшими словами Кирилла считаются слова въ новую недѣлю по Пасхѣ, въ недѣлю о разслабленномъ и на Вознесеніе Господне. Приведенныхъ выше извлеченій изъ первыхъ двухъ словъ считаемъ достаточнымъ для того, чтобы имѣть о нихъ понятіе; слово же на Вознесеніе Господне представляемъ въ переводѣ почти все, съ незначительными опущеніями.—Въ началѣ этого слова проповѣдникъ взываетъ къ пророку Захаріи и проситъ его дать *начатокъ* слову, ибо ты, говоритъ онъ, не притчею, но ясно показалъ намъ, говоря: се Богъ нашъ грядетъ во славѣ, отъ брани ополченія своего, и вси святіи Его съ нимъ; и станутъ нозѣ Его на горѣ Елеонстѣй прямо Іерусалиму на востокъ (14, 3. 4). Желаемъ и прочее отъ тебя узнать, а о брани, бывшей на общаго врага, діавола, мы знаемъ отъ Исаіи, видѣвшаго серафимовъ. Затѣмъ, сказавъ о побѣдѣ Іисуса Христа надъ адомъ и изведеніи изъ него праведныхъ душъ, Кириллъ приглашаетъ своихъ слушателей, взойти мысленно на гору Елеонскую. „Вознесемся нынѣ, братіе, говоритъ онъ, умомъ на гору Елеонскую, чтобы мысленно узнать всѣ преславныя дѣла, на ней совершившіяся. На ту гору пришелъ нынѣ самъ Христосъ Богъ нашъ и собрались чины всѣхъ Святыхъ: соборы праотцевъ, множество патріарховъ, полки пророческіе, лики апостольскіе и толпы вѣрныхъ, съ семидесятью учениками Христовыми. Тамъ нынѣ ангельскія силы и архангельскія воинства: одни на крыльяхъ вѣтряныхъ приносятъ облака для взятія отъ земли Христа Бога нашего, другія готовятъ престолъ Херувимскій. Богъ Отецъ ждетъ Того, Кого отъ вѣка имѣлъ въ лонѣ съ Собою, а Духъ Св. повелѣваетъ всѣмъ ангеламъ Его: возмите врата небесныя, да внидетъ царь славы: Небеса веселятся, украшая свои свѣтила, да благословятся отъ своего Творца, возносящагося съ плотію на облакахъ (сквозь тѣ врата); земля радуется, видя на себѣ Бога, явственно ходящаго, вся тварь красуется, будучи просвѣщаема отъ горы Елеонской, на которой, по повелѣнію Отца, ангелы соединились со святыми апостолами, ожидая пришествія Сына“. Далѣе изображается пѣснопѣніе во славу вознесенія Господня. Къ этому пѣснопѣнію призываютъ всѣхъ ангелы, говоря: воскликните Богу вся земля, пойте же имени Его (Псал. 68, 2). Пѣснь начинаютъ патріархи: се Богъ нашъ возносится, совокупивъ обоя воедино, земная съ небесными. Преподобные возглашаютъ: вознесися на небеса, Боже, и по всей земли слава Твоя (Псал. 56, 6). Праведники велегласно вопіютъ: вознесися судяй

земли, да и мы во свѣтѣ лица Твоего, Господи, пойдемъ. А Давидъ, какъ старѣйшина ликовъ, уясняя пѣсненные гласы, взываетъ: вси языцы восплещите руками, воскликните Богу гласомъ радости, да взыдетъ Богъ въ воскликновеніи и Господь во гласѣ трубнѣ (Псал. 46, 2. 6). Гласъ всѣхъ оканчиваетъ Павелъ, говоря: кто взыдетъ на небеса Христа свести? или кто снидетъ въ бездну Христа возвести? (Рим. 10, 6. 7). Но той есть сшедый и паки возшедый превыше всѣхъ небесъ (Еф. 4, 10). Здѣсь же была и языческая церковь, уневѣщенная Христу; видя Его, возносящагося на небеса, она скорбитъ и, стоная сердцемъ, съ Соломономъ вопіетъ: уязвена есмь азъ любовію Твоею, женише небесный, и какъ бы провожая возлюбленнаго, говоритъ: да цѣлуетъ мя отъ лобзанія устъ его. Съ нею и апостольскій ликъ, взирая на своего учителя и Господа, какъ чада церковныя, жалостно взывали: Владыко! не остави сирыми насъ, коихъ Ты благоволилъ возлюбить, какъ милосердый, но пошли, какъ обѣщалъ намъ, пресв. Твоего Духа. Утѣшая ихъ, Іисусъ отвѣчалъ имъ: сѣдите въ Іерусалимѣ. Азъ бо восхожу ко Отцу моему и Богу вашему, и послю, яко обѣщахъ вамъ, иного Утѣшителя, Духа моего и Отча". Потомъ слѣдуетъ картина самаго вознесенія Спасителя на небо. „Благословивъ учениковъ, Спаситель началъ возноситься на небо.... свѣтлое облако подняло Его отъ очей ихъ; Онъ возсѣлъ на херувимовъ и полетѣлъ на крыльяхъ вѣтряныхъ, имѣя съ собою души человѣческія, которыя Онъ вознесъ на небеса въ даръ своему Отцу и поселилъ въ горнемъ градѣ. Впереди текли ангельскія силы, со страхомъ и радостію, желая отверзти врата небесныя, но вышніе вратники возбраняли, вопія: это врата Господни; чрезъ нихъ никто изъ земныхъ не проходитъ. Мы дивимся, видя нынѣ человѣка, сѣдящаго на херувимскомъ престолѣ и прежде серафимовъ хотящаго пройти чрезъ сіи врата. Ангелы повѣдали силу и власть Сына Божія. Тогда самъ Христосъ возгласилъ: отверзите Мнѣ врата правды, и, вшедъ въ нихъ, возвѣщу Отцу моему, что сдѣлалъ Я на землѣ и какъ пострадалъ. Узнавши гласъ Господа, всѣ силы небесныя пали ницъ и поклонились, говоря: если мы не видѣли Тебя, Владыко, сходящаго (на землю), то поклоняемся восходящему въ славѣ. Духъ Св. исходитъ во срѣтеніе, вводя равнаго Себѣ Сына Божія и воздавая Ему почесть, говоритъ: да поклонятся Ему вси ангели Божіи. Самъ Богъ Отецъ возгласилъ къ грядущему во плоти: Сынъ мой еси Ты, сѣди одесную Мене: се престолъ твой, Боже, въ вѣкъ вѣка! Твоя суть небеса и Твоя есть земля. И Отецъ, посадивъ Сына на престолѣ, вѣнчалъ Его своею десницею, а серафимы при этомъ воспѣвали: положилъ еси на главѣ Его вѣнецъ отъ камени драгаго, славою и честію вѣнчалъ еси Его,

славу и велелѣпоту возложилъ еси на Него. Потомъ совершаетъ помазаніе существа Божія, какъ говоритъ Давидъ: сего ради помаза Тя, Боже, Богъ твой елеемъ радости паче причастникъ Твоихъ" (1). Никто не будетъ отвергать, что это слово представляетъ возвышенную картину, нарисованную смѣлою, широкою кистію; но въ то же время всякій долженъ согласиться что оно принадлежитъ болѣе къ области высокой духовной поэзіи, чѣмъ къ области настоящей церковной проповѣди. Какъ въ этой проповѣди, такъ и въ большей части другихъ проповѣдей, Кириллъ является не столько народнымъ учителемъ-проповѣдникомъ, сколько духовнымъ ораторомъ и поэтомъ.

Хожденіе въ Іерусалимъ игумена Даніила. Обычай путешествовать по святымъ мѣстамъ произошелъ изъ религіозныхъ побужденій нашихъ предковъ, которые смотрѣли на путешествія, какъ на самый важный способъ богоугожденія. Болѣе грамотные путешественники составляли записки о своемъ путешествіи, подъ именемъ *хожденій, странниковъ, паломниковъ*. Первымъ между ними по времени было *Хожденіе игумена Даніила* (2).

Игуменъ Даніилъ въ своемъ Хожденіи называетъ себя игуменомъ Русской земли, но какой области или какого монастыря, не указываетъ. Основываясь на томъ, что, описывая Іорданъ, онъ сравниваетъ его *съ Сосновой рѣкой*, думаютъ, что онъ родился или жилъ въ Черниговской области, гдѣ есть рѣка Сосновая. Онъ называется *паломникомъ*, по общему обыкновенію называть паломниками всѣхъ богомольцевъ, которые, возвращаясь изъ Іерусалима, приносили съ собою *пальмовыя вѣтви*, отъ заутрени вербнаго воскресенія и стояли съ ними въ этотъ праздникъ у себя дома. Время путешествія Даніила относится къ началу XII в. Путешествуя по религіознымъ побужденіямъ, Даніилъ и слѣдилъ во время путешествія только за тѣмъ, что имѣло интересъ религіозный. Описавъ видъ города, или какого-нибудь мѣста, онъ перечисляетъ, какія въ немъ находятся церкви или монастыри, какія въ нихъ есть мощи, чудотворныя иконы или другія святыни. Сначала онъ описываетъ путь отъ Царьграда до Іерусалима, потомъ святыя мѣста, находящіяся въ самомъ Іерусалимѣ, и наконецъ разсказываетъ о своемъ путешествіи къ Іордану, Іерихону, въ Виѳлеемъ, къ горѣ Ѳаворской. Съ особеннымъ вниманіемъ Даніилъ описываетъ Іерусалимъ, рѣку Іорданъ, церковь воскресенія Хрис-

---

(1) Памятн. слов. XII в. стр. 65—73.

(2) Оно напечатано Сахаровымъ въ «Путешествіяхъ Русскихъ людей» ч. 1. и въ Сказ. Рус. Н. т. 2. Путешествіе игумена Даніила по святой землѣ. А. С. Норова. Спб. 1864. г.

това и гробъ Господень. Вотъ какое впечатлѣніе произвелъ на него въ первый разъ Іерусалимъ: „Святый градъ Іерусалимъ, говоритъ онъ, лежитъ въ долинѣ; около него высокія каменныя горы, такъ что надобно близко подойти къ городу, чтобы видѣть его. Сначала видѣнъ домъ Давидовъ, а потомъ вскорѣ можно видѣть Елеонскую гору, Святая Святыхъ и наконецъ весь городъ. Въ верстѣ отъ Іерусалима есть ровная гора; на той горѣ люди (поклонники) слѣзаютъ съ коней и всѣ христіане пѣшіе идутъ и покланяются св. воскресенію (храму). Великая радость бываетъ тогда всякому христіанину, увидѣвшему святый градъ Іерусалимъ; и никто не можетъ не прослезиться, увидѣвши землю желанную и мѣста святыя, гдѣ Христосъ Богъ походилъ, ради нашего спасенія. И идутъ пѣшіе съ великою радостію ко святому граду Іерусалиму". Разсказывая объ Іорданѣ, Даніилъ говоритъ: „Іорданъ рѣка течетъ быстро..... вода его мутна, но весьма сладка, такъ что нельзя насытиться пьющему ту святую воду". Даніилъ самъ измѣрилъ Іорданъ, переходилъ на другую его сторону и долго ходилъ по берегу его *любовно*. Три раза онъ былъ на Іорданѣ и, между прочимъ, одинъ разъ въ праздникъ *водокрещенія*, и тогда со „всею дружиною моею, говоритъ онъ, я видѣлъ благодать Божію, сходившую на воду іорданскую. Безчисленное множество народа приходитъ тогда къ водѣ со свѣчами, и всю ночь бываетъ изрядное пѣніе, при безчисленномъ множествѣ свѣчь. Въ полночь бываетъ водокрещеніе (освященіе воды). Тогда всѣ люди бросаются въ воду Іордана, какъ бы крещаясь въ Іорданской рѣкѣ, какъ Христосъ въ полунощи крестился отъ Іоанна". Съ особенною подробностію Даніилъ разсказываетъ о гробѣ Господнемъ и о пасхальной заутрени, въ церкви воскресенія Христова, при самомъ гробѣ, и при этомъ помѣщаетъ сказаніе *„о схожденіи свѣта ко гробу Господню"*. „Видѣлъ я, говоритъ онъ, своими грѣшными очами, по истинѣ, какъ сходитъ свѣтъ святый къ животворящему гробу Господа нашего, Іисуса Христа. Многіе странники несправедливо разсказываютъ о схожденіи святаго свѣта. Одни говорятъ, что Духъ Св., въ видѣ голубя, сходитъ ко гробу Господню, а другіе говорятъ, что молнія сходитъ съ небеси и отъ нея зажигаются лампады надъ гробомъ Господнимъ. Это несправедливо; ничего тогда не видно—ни голубя, ни молніи, но невидимо сходитъ съ неба благодать Божія, и зажигаются лампады надъ гробомъ Господнимъ". Въ великую пятницу Даніилъ ходилъ поклониться гробу Господню и поставилъ на немъ *„лампаду съ елеемъ отъ всей русской земли"*; а въ головахъ, говоритъ онъ, стояла лампада греческая, а на персяхъ святаго гроба Господня лампада всѣхъ монастырей, а на срединѣ русская лампада, которую поставилъ я грѣшный.

Описывая святыя мѣста, Даніилъ въ то же время разсказываетъ и тѣ преданія, какія онъ слышалъ въ томъ или другомъ мѣстѣ. Такъ, описывая церковь воскресенія Христова и мѣсто распятія Спасителя, онъ говоритъ: „и тутъ былъ водруженъ крестъ Христовъ. Внизу же подъ тѣмъ камнемъ лежитъ глава Адама перваго. Во время распятія Господня, когда Господь нашъ, Іисусъ Христосъ, на крестѣ предалъ духъ свой, и разодралась церковная завѣса и распались камни, тогда и тотъ камень надъ главой Адамовой разсѣлся и чрезъ ту разсѣлину сошла вода изъ ребръ Іисусъ Христовыхъ на главу Адамову и омыла грѣхи рода человѣческаго. Разсѣлина эта на томъ камнѣ видна и до сего дня“. Говоря объ Елеонской горѣ, онъ прибавляетъ: „тутъ есть церковь... а внизу подъ алтаремъ есть пещера великая; въ той пещерѣ Христосъ научилъ учениковъ своихъ пѣть: Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ... Это мѣсто такъ и называется: „*Отче нашъ*“. Упоминая объ одной пещерѣ на Ѳаворской горѣ, онъ говоритъ: „Въ этой пещерѣ жилъ святый Мелхиседекъ... Онъ первый началъ служить литургію *хлѣбомъ и виномъ, а не опрѣснокомъ*... Разсказывая о морѣ Тиверіадскомъ, онъ замѣчаетъ, что въ немъ много рыбы: „и есть въ немъ одна чудная рыба, которую любилъ самъ Христосъ; та рыба слаще всякой рыбы, видомъ походитъ на рыбу карпъ (яко коропъ); и ѣли мы, грѣшные, ту рыбу не однажды, но много разъ“. Подобныхъ разсказовъ очень много въ путешествіи Даніила, и при чтеніи ихъ понятно становится, отъ чего въ древней Руси ходило много въ народѣ разныхъ апокрифическихъ сказаній, Кромѣ такихъ разсказовъ, есть и другія замѣтки въ путешествіи о странахъ, чрезъ которыя проходилъ Даніилъ. Эти замѣтки, впрочемъ, касаются не жизни, нравовъ и обычаевъ людей этихъ странъ, которыя своими рѣзкими особенностями, сравнительно съ нравами и обычаями русской земли, должны были бы, кажется, обратить на себя особенное вниманіе нашего путешественника, но произведеній природы, особенно царства растительнаго. И здѣсь онъ также преимущественно останавливается на предметахъ, имѣющихъ церковное употребленіе; такъ напр. при разсказѣ объ островѣ Кипрѣ онъ говоритъ о происхожденіи ладана.

Даніилъ былъ не только человѣкъ религіозный, но и глубокій патріотъ. Проходя по святымъ мѣстамъ, онъ повсюду усердно молился не за себя только, но и за всѣхъ русскихъ людей. На гробѣ Господнемъ онъ поставилъ лампаду за всю землю русскую; въ послѣсловіи же къ своему путешествію онъ замѣчаетъ: „Богъ тому свидѣтель и св. гробъ Господень, что во всѣхъ сихъ святыхъ мѣстахъ я не забылъ именъ князей русскихъ, и княгинь ихъ, и дѣтей ихъ, ни епископовъ, ни игуменовъ, ни бояръ, ни дѣтей моихъ духовныхъ, но вездѣ поминалъ ихъ. И за то благодарю

благаго Бога, что Онъ сподобилъ меня худаго записать имена князей русскихъ въ лаврѣ св. Саввы, гдѣ и нынѣ они поминаются на ектеніи.... (слѣдуютъ имена князей). Во всѣхъ мѣстахъ я отслужилъ 90 литургій за князей, и за бояръ, и за дѣтей моихъ духовныхъ, и за всѣхъ христіанъ, живыхъ и мертвыхъ". Во многихъ мѣстахъ путешествіе Даніила проникнуто глубокимъ религіознымъ одушевленіемъ, источникомъ котораго было искреннее религіозное вѣрованіе. Въ древнія времена, когда путешествія по святымъ мѣстамъ считались однимъ изъ способовъ богоугожденія, оно, естественно, должно было сдѣлаться любимымъ чтеніемъ грамотныхъ людей. И дѣйствительно, ни одно произведеніе древней словесности не дошло до насъ въ такомъ множествѣ списковъ. Позднѣйшіе путешественники въ Іерусалимъ подражали Даніилу, при описаніи своихъ путешествій (напр. іеродіаконъ Зосима въ XV в., Трифонъ Коробейниковъ и Юрій Грековъ въ XVI в.).

Кромѣ путешествія игумена Даніила замѣчательно Путешествіе въ Царьградъ Новгородскаго архіепископа Антонія (въ мірѣ Добрыни Андрейковича), въ концѣ XII в. Оно очень кратко и все состоитъ изъ разсказовъ о тѣхъ святыняхъ, которыя онъ видѣлъ во св. Софіи и другихъ церквахъ и монастыряхъ.

Поученіе Владиміра Мономаха ([1]). Начало такихъ сочиненій, какъ Поученіе или Завѣщаніе Владиміра Мономаха, коренится въ древнѣйшемъ обычаѣ временъ патріархальныхъ, когда отцы и дѣды и вообще старшіе въ родѣ, въ старости или приближаясь къ смерти, дѣлали наставленія своимъ дѣтямъ и внукамъ, какъ они должны жить, сообщая имъ при этомъ все, что они видѣли и испытали въ своей жизни, и когда подобныя наставленія, при отсутствіи книгъ и книжнаго образованія, служили для всѣхъ главнымъ руководствомъ въ жизни, какъ плодъ многолѣтней опытности предковъ. Замѣчательное, какъ рѣдкій образчикъ литературной дѣятельности людей свѣтскихъ, поученіе Мономаха весьма важно въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ христіанское просвѣщеніе изъ среды духовенства проникало и въ другія сословія; какія въ лучшихъ людяхъ оно воспитывало понятія, чувства и

([1]) Владиміръ (Всеволодовичъ) Мономахъ (единоборецъ), названый такъ въ честь своего дѣда по матери, греческаго императора, Константина Мономаха,— сначала князь Черниговскій, потомъ былъ 12 лѣтъ (1113—1125) великимъ княземъ въ Кіевѣ. Его поученіе дѣтямъ найдено въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи, гдѣ оно вставлено подъ 1096 г. вмѣстѣ съ его посланіемъ къ князю Олегу Святославичу, написаннымъ въ этомъ году. Поученіе дѣтямъ написано позже—въ 1099 г.

стремленія, и какъ вообще, подъ вліяніемъ христіанскаго ученія и условій народнаго быта, слагался тотъ идеалъ древне-русской жизни, который полнѣе и яснѣе выразился въ послѣдствіи *въ Домостроѣ*. Между поученіемъ Владиміра Мономаха и Домостроемъ Сильвестра находится самая тѣсная связь; въ Домостроѣ мы встрѣчаемъ много такихъ же точно наставленій, какія заключаются и въ поученіи Мономаха. Въ частности въ поученіи Мономаха весьма хорошо отразилась и личность этого замѣчательнаго князя, глубоко набожнаго и въ то же время въ высшей степени дѣятельнаго, вездѣ поспѣвавшаго — ходить на войну противъ непріятелей и дома *думать со дружиною*, ѣздить на охоту и смотрѣть за церковною службою и за домашнимъ хозяйствомъ.

Владиміръ Мономахъ написалъ свое поученіе, какъ онъ самъ выражается, *„на далечи пути, на саняхъ сѣдя“* т. е. во время зимняго путешествія въ 1099 г., когда на Волгѣ встрѣтили его послы отъ братьевъ, съ приглашеніемъ идти войною противъ Ростиславичей. Глубоко сокрушаясь о междоусобіи князей, онъ вздумалъ написать поученіе своимъ дѣтямъ, чтобы дѣти его, или кто другой, приняли его въ сердце и устремились на всѣ добрыя дѣла. Мономахъ былъ воспитанъ на св. Писаніи и писаніяхъ отеческихъ, какъ воспитывались тогда всѣ грамотные люди. Книгу Псалтирь онъ бралъ съ собою даже въ дорогу. Отказавшись отъ участія въ войнѣ противъ Ростиславичей и сокрушаясь о княжескихъ междоусобіяхъ, онъ для утѣшенія раскрылъ книгу Псалтирь, и вотъ что, говоритъ, мнѣ встрѣтилось: вскую печалуеши, душе, вскую смущаеши мя и т. д. приводитъ почти весь псаломъ (41). Весьма замѣчательны размышленія Мономаха о природѣ, удивленіе ея красотамъ и премудрому устройству въ разныхъ тваряхъ. „Велій еси, Господи, чудна дѣла твоя, говоритъ онъ... Кто не похвалитъ, не прославитъ силы твоей и твоихъ великихъ чудесъ и добротъ, устроенныхъ на семъ свѣтѣ: какъ небо устроено, какъ солнце, луна, звѣзды и тьма и свѣтъ и земля на водахъ положена твоимъ Промысломъ“. Вслѣдствіе воспитанія на св. Писаніи и писаніяхъ отеческихъ и дѣятельной жизни посреди природы и людей, въ Мономахѣ образовался тотъ прямой и свѣтлый взглядъ христіанина, какимъ проникнуто все его поученіе. Правда, согласно съ характеромъ своего времени, когда форму монашеской жизни считали образцовою формою жизни христіанской, и Мономахъ предписываетъ нѣкоторые монастырскіе обычаи; напр. ночью велитъ вставать на молитву и класть по три земныхъ поклона, потому что этими поклонами, говоритъ онъ, очищается то, въ чемъ согрѣшаемъ днемъ; путешествующему на конѣ, когда онъ ничѣмъ не занятъ, велитъ постоянно произно-

сить: Господи помилуй; но въ то же время онъ учитъ, что милость Божія заслуживается *не одиночествомъ, не черничествомъ, не голодомъ,* какъ иные терпятъ, но дѣлами милости, правды и любви. Онъ постоянно возбуждаетъ къ дѣятельности, и внушаемое имъ благочестіе имѣетъ не созерцательный, а практическій характеръ. Любовь и милость онъ поставляетъ основными началами дѣятельности. „Всего паче убогихъ не забывайте, говоритъ онъ, но елико могуще по силѣ кормите и придавайте сиротѣ, и вдовицу оправдите сами, а не вдавайте сильнымъ погубити человѣка". По чувству любви христіанской онъ не велитъ никого предавать смертной казни: „*ни права, ни крива* (виноватаго) *не убивайте, аще будетъ повиненъ смерти* (хотя бы онъ заслуживалъ смерти), *а души не погубляйте никакой христіанской*". Онъ убѣждаетъ посѣщать больныхъ, провожать на кладбище покойниковъ, не проходить мимо ни одного человѣка, не сказавъ ему привѣтливаго слова. Во время путешествія по своимъ землямъ, онъ велитъ дѣтямъ строго смотрѣть *за отроками* (за свитою) и не позволять имъ безчинствовать „*ни въ селахъ, ни въ житѣхъ, да не начнутъ васъ клясти*", прибавляетъ онъ. Особенно онъ внушаетъ гостепріимство, бывшее отличительною чертою нашихъ предковъ: „куда ни пойдете и гдѣ ни остановитесь, напойте и накормите *унеина* (¹), всего же больше чтите гостя, откуда бы онъ ни пришелъ къ вамъ и каковъ бы ни былъ, простъ, или добръ, *или солъ* (простой, или знатный, или посолъ),—„ти бо, прибавляетъ онъ, мимоходячи, прославятъ человѣка либо добрымъ, либо злымъ".—Вѣчно дѣятельный, онъ и дѣтямъ предписываетъ заниматься постоянно дѣломъ, за всѣмъ смотрѣть и всему учиться: „*егоже умѣючи, того не забывайте добраго, а егоже не умѣючи, а тому ся учите: якоже бо отецъ мой, дома сѣдя, изумѣяше 5 языкъ, въ томъ бо честь естъ отъ иньхъ земель*". Всего сильнѣе Мономахъ возстаетъ противъ лѣности: „*лѣность бо всему мати,* говоритъ онъ, *еже умѣетъ, то забудетъ, а его же не умѣетъ, а тому ся не учитъ*". И потому почти къ каждому наставленію онъ присоединяетъ просьбу *не лѣниться*: „*Бога дѣля* (ради) *не лѣнитеся*"... „*Того не забывайте, не лѣнитеся*"... Послѣ этихъ общихъ наставленій, Мономахъ говоритъ о томъ, какъ надобно проводить день, указывая при этомъ на примѣръ своего отца: „да не застанетъ васъ солнце на постели, тако бо отецъ мой дѣяшеть (дѣлалъ) блаженный и всѣ добріи мужи совершенніи". По наставленію Мономаха, надобно вставать на разсвѣтѣ, и совершивъ утреннюю молитву и воздавъ хвалу Богу за дневной свѣтъ,

---

(¹) Унеинъ—просящій, алчущій.

по восхожденіи солнца, садиться *думать* (совѣщаться) *съ дружиною,* потомъ *люди оправливати* (производить судъ), потомъ *на ловъ* (на охоту) *ѣхати* и (послѣ обѣда) лечь *спать*; „*спанье отъ Бога присуждено полудне, отъ чина бо почиваетъ и звѣрьи птица и человѣци*".—Наконецъ, чтобы сильнѣе возбудить дѣтей къ постоянной дѣятельности, Мономахъ разсказываетъ о своихъ походахъ и ловахъ въ продолженіе 13-ти лѣтъ и о своихъ домашнихъ занятіяхъ. Большихъ походовъ Мономахъ совершилъ 83, а меньшихъ онъ и не припомнитъ. Когда не было войны со врагами, онъ отправлялся на охоту бороться со звѣрями и при этомъ подвергался сильнымъ опасностямъ. А находясь дома, онъ смотрѣлъ за домашнимъ порядкомъ и не только смотрѣлъ, но и самъ дѣлалъ то, что нужно было дѣлать другимъ: ловчій нарядъ самъ держалъ, самъ смотрѣлъ за конюшней, за соколами, за ястребами, но въ то же время *худаго смерда* (простолюдина) *и убогой вдовицы не давалъ сильнымъ обидѣть,* и за церковнымъ нарядомъ и службами самъ надзиралъ. Разсказывая обо всемъ этомъ, Мономахъ не хвалится, а прославляетъ Бога, который сотворилъ его такимъ не лѣнивымъ и потребнымъ на всѣ дѣла человѣческія. Указывая на промыслъ Божій, много разъ спасавшій его отъ смерти, во время войны и охоты, онъ учитъ дѣтей не бояться смерти: „никтоже васъ не можетъ вредитися и убити понеже не будетъ отъ Бога повелѣно; а иже отъ Бога будетъ смерть, то ни отецъ, ни мати, ни братья не могутъ отъяти... *Божіе блюденье лѣпше есть человѣческаго*". Поученіе заключается словами о братолюбіи, которое особенно нужно было въ это время княжескихъ междоусобій.

Слово о полку Игоревѣ. При религіозно-церковномъ направленіи въ древней книжной словесности, конечно, не могла развиться свѣтская поэзія. Правда, въ лѣтописи Нестора, сохранились нѣкоторыя поэтическія преданія о древнихъ князьяхъ, которыя можно считать остаткомъ древняго дружиннаго эпоса; въ Волынской лѣтописи есть также указаніе на то, что въ древнія времена былъ обычай воспѣвать подвиги князей и были пѣвцы; авторъ Слова о полку Игоревѣ вспоминаетъ о пѣвцѣ Боянѣ, который былъ его предшественникомъ и образцомъ въ прославленіи княжескихъ подвиговъ; но, къ сожалѣнію, Слово о полку Игоревѣ составляетъ единственный, дошедшій до насъ въ письменности, памятникъ этой княжеской поэзіи ([1]).

([1]) Слово о полку Игоревѣ было открыто въ 1795 г. въ одной древней рукописи (конца XIV или начала XV в., какъ предполагали первые его издате-

Въ Словѣ о полку Игоревѣ ([1]) изображается походъ Новгородъ-сѣверскаго князя, Игоря Святославича, противъ Половцевъ въ 1185 г. До нашествія Татаръ, Половцы были главными врагами Россіи, съ которыми она должна была вести постоянную борьбу. Предметъ Слова, взятый изъ исторіи этой борьбы, могъ быть интересенъ уже самъ по себѣ; но онъ получилъ еще особенное значеніе отъ того, что борьбу съ Половцами авторъ связалъ въ немъ, какъ она дѣйствительно была тѣсно связана, съ тогдашнимъ внутреннимъ состояніемъ Россіи, раздираемой княжескими междоусобіями. Пользуясь раздоромъ князей, Половцы смѣло производили набѣги, жгли и раззоряли города и села; да и сами князья, сражаясь другъ съ другомъ, часто призывали ихъ къ себѣ на помощь.

Въ походѣ участвовали: Новгородъ - сѣверскій (Новгородъ-сѣверскъ—въ черниг. губерніи) князь, Игорь Святославичъ, сынъ Святослава Ольговича, князя Черниговскаго; братъ его, Всеволодъ Святославичъ, князь Курскій и Трубчевскій (Трубчевскъ — нынѣ въ орловской губ.); ихъ племянникъ, Святославъ Ольговичъ, Рыльскій (Рыльскъ—въ курской губерніи) и сынъ Игоря, Владиміръ Путивльскій (Путивль—также въ курской губ.). Изображаемыя событія, подвиги и битвы князей, происходятъ на берегахъ Дона и близъ устья рѣки Каялы, впадающей въ Азовское море (нынѣ Кагальникъ—въ землѣ войска донского). Весь походъ или всѣ событія, составляющія предметъ Слова, описаны въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1185 г.

Сравнивая Слово съ описаніемъ этой лѣтописи, мы находимъ въ нихъ совершенное сходство не только въ цѣломъ разсказѣ, но и въ главныхъ его подробностяхъ; единственный вымыслъ въ Словѣ, о которомъ не упоминаютъ лѣтописи, есть

ли. или конца XVI в., какъ предполагаетъ Тихонравовъ въ своемъ изданіи Слова) въ библіотекѣ графа Мусина Пушкина. Въ 1800 г. оно было издано по этой рукописи. Въ 1812 г. рукопись Слова, вмѣстѣ съ другими рукописями библіотеки Пушкина, сгорѣла. Такимъ образомъ погибъ и единственный дошедшій до насъ списокъ Слова; только копія съ него, снятая для Екатерины II, найдена въ ея бумагахъ и напечатана Пекарскимъ въ V т. Зап. Ак. Н. 1864 г. Изъ прежнихъ изданій Слова лучшее сдѣлано Дубенскимъ (въ Русск. Дост. ч. 3. 1844 г.), а изъ новыхъ лучшее принадлежитъ Тихонравову (М. 1866 г.), который сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія, противъ прежнихъ изданій, въ правописаніи и раздѣленіи словъ и разстановкѣ знаковъ препинанія, и присоединилъ указатель важнѣйшихъ словъ и грамматическихъ формъ рѣчи въ Словѣ.

([1]) Имя автора Слова неизвѣстно. Основываясь на разныхъ мѣстахъ Слова, можно предполагать только, что онъ былъ человѣкъ свѣтскій и современникъ изображаемаго событія.

плачь Ярославны, подъ которымъ разумѣется вторая супруга Игоря (Евфросинія), дочь Ярослава Владиміровича, Галицкаго. Во время похода Игоря, она находилась въ Путивлѣ, удѣльномъ городѣ сына Игоря, Владиміра. Кромѣ того, въ Словѣ упоминается еще супруга Всеволода, Ольга Глѣбовна. Такимъ образомъ, предметъ Слова о полку Игоревѣ—историческій и изображается, въ главныхъ чертахъ, согласно съ лѣтописями. Но въ то же время, въ немъ весьма ясно отразились и элементы древнихъ миѳическихъ вѣрованій языческаго періода нашей исторіи и нѣкоторыя героическія преданія о славныхъ дѣлахъ и князьяхъ стараго времени. При описаніи современныхъ событій, авторъ часто уносится своимъ воображеніемъ къ самымъ отдаленнымъ временамъ, къ какимъ-то *вѣкамъ Трояновымъ*, воспоминаетъ стараго Владиміра, стараго Ярослава, храбраго Мстислава и другихъ князей. Руководительною нитью при этихъ воспоминаніяхъ служатъ для него *старыя словеса и замышленія пѣвца Бояна*. Воспоминаніемъ о Боянѣ онъ начинаетъ свое Слово, называетъ его соловьемъ стараго времени, Велесовымъ внукомъ, вѣщимъ Бояномъ. Пѣснопѣнія Бояна изображаются въ волшебномъ свѣтѣ: „если кому онъ хотѣлъ пѣснь творить, то растекался мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками: свои вѣщіе персты онъ возлагалъ на живыя струны, и онѣ сами князьямъ славу рокотали. Онъ скачетъ соловьемъ по мысленному древу, летаетъ умомъ подъ облаками, свиваетъ славу, какъ вѣнецъ, около своего времени, и рыщетъ по тропѣ Трояновой чрезъ поля на горы“. Авторъ Слова не говоритъ, кто такой былъ Боянъ; но видно, что это былъ пѣвецъ знаменитый, который, по его словамъ, воспѣвалъ стараго Ярослава, храбраго Мстислава, краснаго Романа, Олега Святославича, Святослава Ярославича и Всеслава Полоцкаго; эпохою этихъ князей опредѣляется и время жизни и пѣснопѣній Бояна—вторая половина XI и начало XII вѣка. Отъ лица Бояна приводятся въ Словѣ двѣ слѣдующія припѣвки, имѣющія характеръ притчи или пословицы: „*ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божія не минути*“, и „*тяжко ти головы* (головѣ) *кромѣ* (безъ) *плечу, зло ти тѣлу кромѣ головы*“.—Миѳическіе элементы въ Словѣ выразились въ указаніяхъ на языческія божества и языческія вѣрованія. Вѣтры называются въ Словѣ внуками Стрибога: „*се вѣтры Стрибожи внуцы вѣютъ съ моря стрѣлами на полкы Игоревы*“. Русскій народъ называется внукомъ Дажьбога т. е. солнца: „*при Олегѣ Гориславичѣ погибашеть жизнь Дажь-божа внука*“. Боянъ называется внукомъ *Велеса*. Всеславъ, князь Полоцкій, изображается *оборотнемъ-волшебникомъ*, который днемъ людей судилъ, а въ ночь волкомъ рыскалъ „*великому*

Хорсу волкомъ путь прерыскаше" (т. е. перебѣгалъ, упреждалъ солнце). Къ миѳическимъ же преданіямъ относятъ и лице *Трояна*, о которомъ авторъ Слова упоминаетъ, когда говоритъ о самыхъ отдаленныхъ временахъ, до коихъ доходятъ его воспоминанія, употребляя такія выраженія: „*рища въ тропу Трояню*", „*были вѣщи (вѣка) Трояни*", „*вступила* (обида) *на землю Трояню*". Впрочемъ эти выраженія нѣкоторые объясняютъ древними преданіями о римскомъ императорѣ Траянѣ, которыя долго сохранялись въ Дакіи, гдѣ этотъ императоръ воевалъ, и чрезъ южныхъ славянъ могли перейти и въ Русь.

Въ самомъ началѣ Слова авторъ объявляетъ, что онъ намѣренъ разсказать повѣсть о походѣ князя Игоря „*по былинамъ сего времени* (по событіямъ современнымъ), *а не по замышленію Боянову*"; при этомъ онъ воспоминаетъ о пѣвцѣ Боянѣ и характеризуетъ его пѣснопѣнія. *Не лѣпо ли ны бяшеть* (не лучше ли намъ), *братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстій о полку Игоревѣ, Игоря Святъславича? Начатижеся той пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню. Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашется* (растекался) *мыслію по древу* (1), *сѣрымъ волкомъ по земли, шизымъ* (сизымъ) *орломъ подъ облакы*"... Это составляетъ какъ бы вступленіе Слова, въ концѣ котораго авторъ говоритъ: „*Почнемъ же* (начнемъ же), *братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря, иже истягну* (препоясалъ или ознаменовалъ) *умъ крѣпостію своею и поостри* (изострилъ) *сердца своего мужествомъ, наполнився ратнаго духа, наведе свои храбрые полки на землю половецкую, за землю русскую*".—Самое Слово можно раздѣлить на три части. Въ первой части описывается походъ, битвы съ Половцами и плѣнъ князей (2). Не смотря на то, что авторъ обѣщалъ начать свою повѣсть отъ стараго Владиміра и довести ее до Игоря, онъ однакожъ ничего не говоритъ ни о Владимірѣ, ни о другихъ князьяхъ (3), а прямо начинаетъ

---

(1) Это мѣсто считаютъ испорченнымъ. Вмѣсто *мыслію по древу*, одни, согласно съ требованіями параллелизма, хотятъ читать *мышію* (мышью) *по древу*, другіе—*славію по древу* на томъ основаніи, что ниже о томъ же Боянѣ сказано: *скача славію* (*соловьемъ*) *по мыслену древу*.

(2) Изд. Дубенскаго. Русск. Дост. ч. 3. стр. 1—113. (3) На этомъ основаніи Соловьевъ видитъ здѣсь въ Словѣ о полку Игоревѣ пропускъ (Истор. Россіи т. III. стр. 110—111). Но, можетъ быть, подъ обѣщаніемъ *начать повѣсть отъ стараго Владиміра*, разумѣется—обращеніе къ прошедшимъ временамъ и то воспоминаніе о Владимірѣ и прежнихъ князьяхъ, которое, дѣйствительно, проходитъ чрезъ все Слово. См. Тихонравова примѣч. къ Слову о полку Игоревѣ, стр. 50: Подъ *старымъ Владиміромъ* одни разумѣютъ Владиміра св., другіе (Соловьевъ)—Владиміра Мономаха.

описывать походъ Игоря и притомъ съ того времени, какъ Игорь, выступивъ въ походъ, увидѣлъ солнечное затмѣніе и все свое воинство покрытымъ тьмою. „Братіе и дружино, говоритъ при этомъ Игорь своему войску, луцежъ (лучше) потяту (побиту) быти, неже полонену быти, а всядемъ, братіе, на свои борзыя комони (на своихъ борзыхъ коней), да позримъ синяго Дону. Хощу бо, рече, копіе преломити конецъ (въ концѣ) поля половецкаго съ вами, Русици; хощу главу свою приложити (положить), а любо (либо) испити шеломомъ Дону (напиться шлемомъ изъ Дону)". Игорь отправляется съ своимъ войскомъ, останавливается въ Путивлѣ и ждетъ брата своего, Всеволода. Когда прибылъ Всеволодъ, съ своимъ войскомъ, князья отправляются въ походъ. Обращаясь къ Игорю, Всеволодъ говоритъ: „Одинъ братъ, одинъ свѣтъ ты, свѣтлый Игорь. Оба мы Святославича. Сѣдлай, братъ, своихъ борзыхъ коней, а мои готовы, осѣдланы у Курска; а мои то Куряне—опытные наѣздники, подъ трубами (военными) повиты, подъ шеломами (шлемами) взлелѣяны, концемъ копья вскормлены. Пути имъ вѣдомы, овраги имъ знакомы; луки у нихъ напряжены, тулы отворены, сабли изощрены, сами скачутъ, какъ сѣрые волки въ полѣ, ища себѣ чести, а князю славы". Затѣмъ описывается самый походъ, встрѣча и первая битва съ Половцами. „Тогда вступилъ Игорь князь въ златое стремя и поѣхалъ по чисту полю. Солнце ему тьмою путь заступало; ночь, стонущи ему грозою, птицъ будила, свистъ звѣриный *въ стазби, Дивъ* (1) *кличетъ* вверху дерева, велитъ послушати (даетъ вѣсть) земли незнаемой... А половцы не готовыми (не торенными) дорогами бѣжали къ Дону великому, кричатъ телѣги ихъ въ полунощи, какъ лебеди распущенные. Игорь къ Дону воиновъ ведетъ. Уже птицы стерегутъ бѣду, также волки по оврагамъ грозу накликаютъ; орлы клектомъ на кости звѣрей зовутъ; лисицы *брешутъ* на червленые щиты . . . сыны Русскіе червлеными щитами великія поля загородили, ища себѣ чести, а князю славы". Произошла первая битва *въ пятокъ*, въ которой Половцы были разбиты. Но на другой день „*кровавыя* (красныя) *зори* свѣтъ повѣдаютъ. Черныя тучи идутъ съ моря и хотятъ прикрыть *четыре солнца* (2); а въ нихъ трепещутъ синія молніи; быть грому великому, идти дождю стрѣлами съ Дону великаго. Вѣтры, Стрибоговы внуки, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрые

---

(1) *Дивъ* значитъ—дивовище, чудовище. Подъ нимъ разумѣется здѣсь по объясненію однихъ—зловѣщая птица *филинъ*, по объясненію другихъ—птица *удодъ*.

(2) Подъ четырьмя солнцами разумѣются четыре князя.

полки Игоревы. Земля стучитъ; рѣки мутно текутъ; пыль поля покрываетъ. Половцы идутъ и отъ Дону и отъ моря и со всѣхъ сторонъ обступили полки русскіе". — Затѣмъ описывается вторая битва съ Половцами, въ которой Русскіе потерпѣли совершенное пораженіе. Князья сражаются храбро, особенно Всеволодъ, котораго авторъ Слова, по силѣ и мужеству, сравниваетъ съ *ярымъ Туромъ*: „*Ярый Туръ Всеволодъ!*... ты прыщешъ на воиновъ стрѣлами, гремишъ объ шлемы мечами булатными. Гдѣ Туръ проскакалъ, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая (сверкая), тамъ лежатъ поганыя головы половецкія".—Но Половцы одолѣваютъ Русскихъ. При описаніи страшной битвы, мысль пѣвца уносится къ княжескимъ междоусобіямъ, отъ которыхъ началось горе Русской земли. „Олегъ (Святославичъ), говоритъ онъ, *мечемъ крамолу ковалъ и стрѣлы по земли сѣялъ*.... при Олегѣ Гориславичѣ сѣялись и расли усобицы (междоусобія), погибала жизнь *Дажь-божья внука*; въ княжескихъ крамолахъ вѣкъ человѣческій сокращался. Тогда по Русской землѣ рѣдко ратаи (земледѣльцы) кричали; но часто вороны каркали, дѣля между собою трупы, да галки свою рѣчь говорили, собираясь летѣть на добычу".—И потомъ, обращаясь къ описанію битвы, онъ говоритъ: „Съ ранняго утра до вечера, съ вечера до свѣта летаютъ стрѣлы каленыя, гремятъ сабли о шеломы, трещатъ копья *харалужныя* (булатныя) въ полѣ *незнаемомъ*, посреди земли половецкой. Черна земля подъ копытами, костями она была засѣяна, а кровію полита; *тугою взыдоша по русской земли*".— Наконецъ, описывая совершенное пораженіе Русскихъ, онъ такъ выражаетъ свою скорбь: „Никнетъ трава отъ жалости, и дерево съ печали къ землѣ приклонилось. Уже, братіе, не веселая година настала; уже пустыня силу покрыла. Встала *обида въ силахъ Дажь-божья внука*, вступила дѣвою *на землю Троянову*, всплескала лебедиными крылами, на синемъ морѣ". И снова мысль пѣвца обращается къ княжескимъ междоусобіямъ, которыя онъ считаетъ причиною слабости Русскихъ и силы враговъ ихъ, Половцевъ. „Не стало въ князьяхъ единомыслія на поганыхъ. Ибо стали говорить братъ брату: *это мое и то мое же*; и стали князья ставить малое въ великое, и сами на себя крамолу ковать, а поганые со всѣхъ сторонъ приходили съ побѣдами на землю русскую".

Во второй части Слова о полку Игоревѣ описываются: сонъ Кіевскаго князя, Святослава, и объясненіе его боярами: плачъ Святослава о плѣненныхъ князьяхъ и воззваніе его къ современнымъ князьямъ, съ просьбою ополчиться на Половцевъ; и наконецъ плачъ супруги Игоря, Ярославны ([1]). Наканунѣ того

([1]) Русск. Дост. ч. 3 стр. 113—211.

дня, какъ узнали въ Кіевѣ о пораженіи Русскихъ Половцами, князь Святославъ видѣлъ сонъ: „его съ вечера одѣвали *черною паполомой* (покрываломъ) на кровати тесовой: черпали ему *синее вино съ трудомъ* (съ горемъ) *смѣшанное*; сыпали ему изъ пустыхъ колчановъ поганыхъ Половцевъ *жемчугъ на лоно*; а доски въ златоверхомъ теремѣ показались ему *безъ князя* (безъ верха) и съ вечера всю ночь каркали вороны“.... Объясняя этотъ сонъ, бояре разсказали князю о несчастіи, постигшемъ Русское войско и Русскихъ князей: „два сокола (князья—Игорь и Всеволодъ) слетѣли съ отцовскаго золотаго трона, поискать града Тмутороканя, или напиться шлемомъ изъ Дона. Уже крылья этихъ соколовъ подсѣкли саблями поганыхъ, и самихъ ихъ оковали желѣзными путами“. Святославъ плачетъ и обращается съ воззваніемъ ко всѣмъ князьямъ Русскимъ, чтобы они вступились *за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы*. Разсказывая объ этомъ, авторъ вспоминаетъ о томъ, какъ сильна была Русская земля, при старыхъ князьяхъ, и какъ ослабили ее княжескія междоусобія до того, что она сдѣлалась легкою добычею враговъ... „О стонати, говоритъ онъ, Русской землѣ, помянувши первую годину и первыхъ князей“... Наконецъ описывается плачъ Ярославны, супруги Игоря, на стѣнахъ города Путивля. „Ярославнинъ гласъ слышенъ: одинокою кукушкою (*зегзицею*) она рано кличетъ. Полечу, говоритъ она, кукушкою по Дунаю; омочу бобровый рукавъ въ Каялѣ рѣкѣ, оботру князю (Игорю) кровавыя его раны на могучемъ его тѣлѣ. Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ, на городской стѣнѣ, говоря: о вѣтеръ, вѣтрило! Зачѣмъ, господине, насильно вѣешъ? Зачѣмъ мчишъ на своихъ легкихъ крыльяхъ ханскія стрѣлки на воиновъ *моея лады* (моего милаго)? Развѣ мало (тѣсно) тебѣ было вѣять вверху подъ облаками, лелѣя корабли на синемъ морѣ? Зачѣмъ, господине, мое веселіе по ковылю развѣялъ? Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ, на городской стѣнѣ, говоря: о Днѣпръ Словутичъ (славный)! ты пробилъ каменныя горы сквозь землю половецкую; ты лелѣялъ на себѣ ладьи Святославовы до полка Кобякова: взлелѣй, господине, *мою ладу* (моего милаго) ко мнѣ, чтобы мнѣ не слать моихъ слезъ на море рано. Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ, на городской стѣнѣ, говоря: свѣтлое, пресвѣтлое солнце! Для всѣхъ ты тепло и красно (ясно): зачѣмъ, господине, ты простерло свои горячіе лучи на воиновъ *лады* (милаго)? въ полѣ безводномъ засухою у нихъ луки согнуло, тугою у нихъ колчаны замкнуло“ ([1]).—Въ третьей части Слова описывается возвра-

---

([1]) Русск. Дост. ч. 3. стр. 211—221.

щеніе Игоря изъ плѣна. Игорь убѣжалъ изъ земли половецкой; половецкіе князья, Гзакъ и Кончакъ, преслѣдуютъ его; но „Богъ путь ему кажетъ на землю Русскую, *къ отню злату столу* (къ отеческому золотому престолу)“, и сама природа покровительствуетъ его бѣгству и содѣйствуетъ его избавленію: „тогда вороны не каркали, галки умолкли, сороки не стрекотали, *по лозамъ* (вѣтвямъ) только прыгали: дятлы *тектомъ* (стукомъ) путь къ рѣкѣ указываютъ; соловьи веселыми пѣснями разсвѣтъ возвѣщаютъ“. Возвращеніе Игоря производитъ повсюду радость и веселіе: „дѣвицы поютъ на Дунаѣ, несутся голоса по морю до Кіева. . . . Страны рады, города веселы, воспѣвая пѣснь старымъ князьямъ, а потомъ молодымъ“. Пѣвецъ и самъ заключаетъ свою повѣсть хвалою князьямъ и дружинѣ: „воспоемъ и мы, говоритъ онъ: слава Игорю Святославичу, Буй-Туру Всеволоду, Владиміру Игоревичу! Да здравствуютъ князья и дружина, поборающіе за христіанъ на поганые полки! Князьямъ слава, а дружинѣ— аминь“!

Въ содержаніи Слова о полку Игоревѣ нѣтъ творческаго вымысла: лица и событія описываются дѣйствительныя и описываются согласно съ лѣтописями того времени. Вся поэзія Слова заключается въ глубокомъ чувствѣ, которымъ оно проникнуто, отъ начала до конца, и въ прекрасныхъ картинахъ, въ какихъ изображаются описываемыя событія. Въ основаніи Слова лежитъ чувство любви къ Русской землѣ, которое, согласно съ изображаемымъ событіемъ и тогдашнимъ состояніемъ Руси, получило характеръ глубокой грусти и скорби. На походъ противъ Половцевъ, кончившійся пораженіемъ войска и плѣномъ князей, авторъ смотритъ, какъ на естественное слѣдствіе бѣдственнаго состоянія Руси, раздираемой княжескими междоусобіями. Мысль о междоусобіяхъ, чувство скорби объ этомъ современномъ бѣдствіи выражаются и въ описаніи пораженія Русскихъ и плѣна князей, и въ воззваніи къ современнымъ князьямъ отомстить врагамъ за обиду Русской земли, и въ воспоминаніяхъ о прежнемъ времени и прежнихъ князьяхъ. Часто, посреди разсказа или описанія, авторъ останавливается, вспоминаетъ о бѣдствіяхъ Русской земли и выражаетъ глубокое сѣтованіе: эпическая повѣсть переходитъ въ лирическую думу. Эти лирическія мѣста, или отступленія, выражающія основную мысль повѣсти и въ то же время характеризующія благородную личность автора, какъ человѣка, глубоко любящаго свою родную землю, составляютъ лучшія мѣста въ Словѣ. Они оживляютъ все Слово и возбуждаютъ особенное участіе въ читателѣ къ описываемымъ въ немъ лицамъ и событіямъ. Плачъ Ярославны также чисто лирическаго характера, и по глубинѣ чувства, по простотѣ и въ

то же время красотѣ его выраженія составляетъ прекрасную поэтическую пѣснь.—Образы и картины въ Словѣ заимствованы изъ окружающей природы и при всей простотѣ часто весьма живописны и показываютъ въ пѣвцѣ истиннаго народнаго поэта. Любимая его форма при разсказѣ и описаніи—форма сравненія и уподобленія. Князь Всеволодъ, по силѣ и неукротимости, называется *буимъ, ярымъ туромъ: буй-туръ, яръ-туръ Всеволодъ.* Игорь и Всеволодъ, попавшіе въ плѣнъ къ Половцамъ, называются *соколами*, слетѣвшими съ отцовскаго золотого престола и опутанными желѣзными путами. Сердца этихъ героевъ изъ крѣпкой стали выкованы *и въ буести* (доблести, храбрости) закалены. Въ другомъ мѣстѣ, всѣ четыре князя, застигнутые войскомъ Половцевъ, сравниваются съ четырьмя солнцами, закрытыми черными тучами, въ коихъ блещутъ синія молніи. Тоскующая по мужѣ Ярославна сравнивается съ одинокою кукушкою, которая въ народной поэзіи вообще служитъ символомъ грусти и скорби. Такъ же какъ въ народной поэзіи, сравненія въ Словѣ иногда имѣютъ отрицательный характеръ: Боянъ не десять соколовъ выпускалъ на стадо лебедей, но свои вѣщіе персты возлагалъ на живыя струны, и онѣ сами князьямъ славу рокотали. Подобное же отрицательное сравненіе встрѣчается и въ описаніи погони Половцевъ за Игоремъ: „не сороки застрекотали; по слѣдамъ Игоря ѣдетъ Гзакъ съ Кончакомъ“... Изъ сравненій и уподобленій въ Словѣ составляются часто цѣлыя картины, весьма живописныя. Таковы напр.: картина войска, представленнаго въ образѣ тучи съ громомъ, изъ которой дождь идетъ стрѣлами; картина битвы, въ которой воины, какъ снопы на гумнѣ, стелются головами: „*на немизѣ* снопы стелютъ головами, молотятъ цѣпами харалужными (булатными), на току животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла“; другая картина битвы въ образѣ кроваваго пира, съ кровавымъ виномъ: „тамъ (на рѣкѣ Каялѣ) кроваваго вина не достало: тамъ пиръ покончили храбрые сыны Русскіе: сватовъ напоили, а сами полегли за землю Русскую“; картина междоусобій—въ образѣ земли, засѣянной стрѣлами: „Олегъ мечемъ крамолу ковалъ и стрѣлы по землѣ сѣялъ... при Олегѣ Гориславичѣ сѣялись и росли усобицы“... картина быстраго бѣгства Игоря изъ земли половецкой: „а Игорь князь поскакалъ горностаемъ къ тростнику и бѣлымъ гоголемъ на воду, кинулся на борзаго коня, и соскочилъ съ него быстрымъ волкомъ, и пустился къ лугу Донца, и полетѣлъ соколомъ, въ туманѣ избивая гусей и лебедей къ завтраку, обѣду и ужину“. Другая, столько же обыкновенная въ Словѣ, форма рѣчи—форма одушевленія и олицетворенія. Природа въ Словѣ представляется въ самой тѣсной связи съ человѣкомъ: она сочувствуетъ его счастію и несчастію,

горю и радостямъ. Когда Игорь выступаетъ въ походъ, затмѣніе солнца предвѣщаетъ ему несчастіе: „солнце тьмою путь ему заступало; ночь, стоная грозой, будитъ птицъ, звѣри ревутъ; зловѣщая птица, *Дивъ*, кличетъ вверху дерева“. Передъ первой битвой Русскихъ съ Половцами, въ которой должно было много погибнуть людей, „волки воютъ по оврагамъ, орлы клектомъ на кости звѣрей зовутъ“. Когда войско Русское было совершенно разбито при Каялѣ, и князья попали въ плѣнъ, природа представляется сочувствующею этому несчастію: „никнетъ трава отъ жалости и дерево съ печали къ землѣ приклонилось. Уже не веселая настала година; уже пустыня силу покрыла“. Когда же Игорь убѣжалъ изъ плѣна, природа радуется и какъ бы помогаетъ его бѣгству: „тогда вороны не каркали; галки умолкли, сороки не стрекотали“. Дѣйствующія лица въ Словѣ, какъ въ народныхъ пѣсняхъ, обращаются къ разнымъ предметамъ природы. Ярославна высказываетъ свое горе въ жалобѣ солнцу, вѣтру, Днѣпру. Князь Игорь разговариваетъ съ рѣкою Донцемъ: „о Донецъ! не мало тебѣ величія, что ты лелѣялъ (соблюдалъ) князя на волнахъ, постилалъ ему зеленую траву на своихъ серебряныхъ берегахъ, одѣвалъ его теплыми туманами подъ сѣнію зеленаго дерева, стерегъ его, какъ гоголь на водѣ, какъ чайки на струяхъ, какъ чернеди (водяныя утки) на вѣтрахъ“. Наконецъ въ Словѣ много эпитетовъ и выраженій, свойственныхъ народной поэзіи, напр.: сине-море, красное солнце, сизый орелъ, сѣрый волкъ, поле чистое.... Все это—указанные выше образы и картины и формы и обороты рѣчи—сближаетъ Слово съ народною поэзіею. Языкъ Слова близко подходитъ къ малороссійскому нарѣчію.

Слово Даніила Заточника (1). Кто былъ Даніилъ Заточникъ, не извѣстно. Изъ Слова видно, что онъ находился въ заточеніи на озерѣ *Лачь* (въ Олонецкой губерніи), но за какую вину, не говорится. Находясь въ заточеніи, онъ написалъ Слово къ какому-то князю (2), съ тою цѣлію, чтобы вымолить у него свободу.— Заточникъ—типическое лице древняго русскаго книжника, воспитаннаго на чтеніи книгъ и преимущественно разныхъ сборниковъ. „Я, княже господине, говоритъ онъ, не за море ходилъ

---

(1) Напечатано въ Памятн. слов. XII в. и въ Сказ. Р. Н. т. I. (2) Даніилъ называетъ князя сыномъ великаго князя Владиміра, а въ заглавіи одного списка князь называется Ярославомъ Владиміровичемъ. Предполагаютъ, что это былъ Ярославъ, сынъ Владиміра Мстиславича, внука Владиміра Мономаха, княжившій въ Новгородѣ съ 1182 до 1199 г.

и не отъ философовъ научился, но какъ пчела, припадающая по разнымъ цвѣтамъ и совокупляющая медовый сотъ, по многимъ книгамъ *собиралъ сладость словесную и разумъ*". Все Слово, дѣйствительно, представляетъ рядъ собранныхъ изъ разныхъ книгъ размышленій изреченій, между которыми есть и мѣста изъ Писанія, особенно изъ премудрости Соломона и Сираха, и народныя притчи и пословицы, и изреченія изъ разныхъ сборниковъ и между прочимъ изъ *Пчелы*. Размышленія Заточника касаются разныхъ предметовъ: щедрости и скупости, богатства и бѣдности, мудрости и глупости; между этими размышленіями нѣтъ непосредственной связи; они связываются между собою только тою цѣлію, для которой они собраны авторомъ, цѣлію обратить вниманіе князя на свое положеніе. Это положеніе человѣка опальнаго и свойственныя этому положенію чувства, естественно, должны были общему типу древняго книжника, въ какомъ является предъ нами Заточникъ, сообщить и частныя черты его личнаго характера. Какъ человѣкъ опальный, онъ опасается раздражить князя, и потому высказываетъ свои чувства не прямо, а въ разныхъ стороннихъ размышленіяхъ и картинахъ. Онъ, повидимому, шутитъ и смѣется надъ своимъ положеніемъ, какъ будто хочетъ повеселить князя разными смѣшными изображеніями; но сквозь его смѣхъ и шутки слышится въ то же время горькая жалоба на жизнь и глубокая скорбь человѣка страдающаго, которая часто выражается въ разныхъ сатирическихъ выходкахъ противъ разныхъ пороковъ и недостатковъ въ жизни. Это сообщило его слову характеръ тѣхъ произведеній, которыя обыкновенно называютъ юмористическими.

Изображая свое бѣдственное положеніе, какъ человѣка опальнаго, Заточникъ сравниваетъ себя съ поблекшею травою, растущею въ такой тѣни, что на нее ни солнце не сіяетъ, ни дождь нейдетъ, и съ деревомъ при пути, которое прохожіе посѣкаютъ и бросаютъ въ огонь. Потомъ жалуется на свою бѣдность и при этомъ проводитъ такую параллель между богатымъ и бѣднымъ: „Богатый человѣкъ повсюду извѣстенъ и въ чужой землѣ имѣетъ друзей, а бѣдный и между своими *не видимо ходитъ*. Заговоритъ богатый, всѣ замолчатъ и слова его превознесутъ до облаковъ; заговоритъ бѣдный, всѣ на него закричатъ и *заградятъ ему уста*: чье платье богато, у того и рѣчь хороша. *Княже мой, господине мой! избави мя отъ нищеты сея, яко серну отъ тенета, яко птицу отъ клятцы (отъ силокъ)*". Изобразивъ свое бѣдственное состояніе, Даніилъ проситъ князя, чтобы онъ, веселясь многими брашнами и пія сладкое вино и покоясь на мягкой постели, подъ собольими одѣялами, вспомнилъ, что онъ, Даніилъ, въ это время ѣстъ сухой хлѣбъ, пьетъ

теплую воду и умираетъ отъ холода. Потомъ слѣдуетъ нѣсколько параллелей между щедрымъ и скупымъ княземъ, мудрымъ и безумнымъ мужемъ, хорошими и дурными совѣтниками князя и доброю и злою женою. Вотъ параллель между щедрымъ и скупымъ княземъ: „Князь щедрый—отецъ всѣмъ. Кто служитъ доброму господину, дослужится свободы, а кто служитъ злому господину, дослужится большей работы. Князь щедрый, какъ рѣка безъ береговъ, протекающая по дубравѣ, напояющая не только людей, но и скотовъ и звѣрей, а князь скупой, какъ рѣка, имѣющая высокій каменный берегъ; нельзя ни напиться, ни коня напоить“. При этомъ употреблены очень рѣзкія выраженія *о тіунѣ* и чиновникахъ князя: „не имѣй двора около княжескаго двора, не держи села около княжескаго села; ибо *тіунъ* князя, какъ огонь, *трепетицею накладенъ* (на зажженной тряпицѣ), а *рядовичи* (чиновники) его, какъ искры. Если убережешься отъ огня, то не можешь уберечь своей одежды отъ искры“. Затѣмъ слѣдуетъ параллель между умнымъ и глупымъ: „станешь посылать умнаго, не много говори ему; а пошлешь глупаго, и самъ не лѣнись идти вслѣдъ за нимъ... Лучше слушать споръ умныхъ, нежели наставленіе глупыхъ... Не сѣй на бороздахъ жита, а мудрости на сердцѣ безумныхъ: *безумныхъ не орютъ, ни сѣютъ, ни въ житницы собираютъ, а сами ся рожаютъ* (родятся). Какъ въ худой мѣхъ воду лить, такъ и глупаго учить; мертваго не разсмѣшить, а безумнаго не научить“. Далѣе замѣчательно изображеніе добрыхъ и дурныхъ совѣтниковъ князя: „княже мой, господине! не море топитъ корабли, а вѣтры, и не огонь разжигаетъ желѣзо, но *надыманіе* мѣховъ; такъ и князь не самъ впадаетъ во многія вещи злыя, но *думцы* (совѣтники) *вводятъ. Съ добрымъ думцею князь высокаго стола додумается* (*достигнетъ большаго владѣнія*), *а съ лихимъ* (*дурнымъ*) *думцею думаетъ, и малаго стола лишенъ будетъ*“. Отсюда до конца Слова продолжается самая рѣзкая сатира на злыхъ женъ: „лучше вола ввести въ домъ, нежели взять за себя злую жену; волъ не *молвитъ* и не мыслитъ зла, а злая жена біема бѣсится, а кротима высится, въ богатствѣ гордится, а въ убожествѣ (бѣдности) другихъ осуждаетъ. Что есть злая жена? мірской мятежъ, ослѣпленіе ума, начальница всякой злобы.... поборница грѣха, засада спасенія. Добрая жена вѣнецъ мужу своему и безпечаліе, а злая жена печаль лютая и погибель дому. Червь дерево точитъ, а злая жена домъ мужа своего расточаетъ. Лучше въ худой ладьѣ по водѣ плыть, нежели злой женѣ тайны повѣдать. Лучше долотить камень и варить желѣзо, нежели злую жену учить: желѣзо уваришь, а злой жены не научишь; ибо злая жена ни ученія не слушаетъ, ни Бога не боится, ни людей не стыдится, но все

укоряетъ и все осуждаетъ... У одного человѣка умерла злая жена, а онъ, по смерти ея, началъ дѣтей продавать; люди сказали ему: зачѣмъ продаешь дѣтей? Онъ отвѣчалъ: если они уродились въ мать, то, выросши, меня продадутъ". Такой мрачный типъ злой жены списанъ Заточникомъ, конечно, не съ русской женщины тогдашняго, хотя не образованнаго, но еще молодого русскаго общества, а съ разныхъ восточныхъ сказаній (повѣсти о Соломонѣ) и съ греческихъ поученій о женахъ, въ которыхъ изображается испорченная византійская женщина, и которыя начали распространяться въ нашей письменности, съ самаго ея начала.

Слово Даніила Заточника пользовалось большою извѣстностію въ древнія времена. Въ XIII в. оно было даже передѣлано. Эта передѣлка помѣщена въ одномъ спискѣ Пчелы XV в., подъ заглавіемъ: *Даніила Заточника моленіе къ своему князю, Ярославу Всеволодовичу*". Изъ моленія не видно, былъ ли авторъ, подобно Даніилу, въ заточеніи или просто былъ въ немилости у князя и приноровилъ къ своему положенію слово Даніила Заточника: равнымъ образомъ нельзя сказать, точно ли онъ также носилъ имя Даніила, или Моленіе названо Даніиловымъ только потому, что оно составляетъ подражаніе Слову Даніила. Все главное содержаніе Моленія взято изъ Слова Даніила Заточника, на котораго авторъ и ссылается въ одномъ мѣстѣ. Но кромѣ мѣстъ заимствованныхъ есть и мѣста оригинальныя, принадлежащія самому передѣлывателю. Между ними особенно замѣчательно слѣдующее мѣсто о рабскомъ состояніи: „княже, господине мой, былъ я въ великой нуждѣ; подъ работнымъ ярмомъ пострадалъ, испыталъ все это зло. Лучше было бы мнѣ видѣть свои ноги въ лыкахъ, да въ дому твоемъ, чѣмъ въ красныхъ сапогахъ, да на боярскомъ дворѣ... часто работный хлѣбъ у меня, какъ полынь въ устахъ, а питье свое растворяю плачемъ. Доброму господину служа, дослужишься свободы, а злому мужу служа, дослужишься большаго рабства. Не холопъ въ холопахъ, кто у холопа работаетъ". Основываясь на этомъ сильномъ негодованіи противъ холопскаго состоянія, думаютъ, что авторъ самъ находился въ такомъ же состояніи при дворѣ какого-нибудь боярина.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ СЛОВЕСНОСТИ XIII В.

Между образованными лицами первой половины XIII в. т. е. до начала монгольскаго ига (1243), по лѣтописямъ извѣстны: Кириллъ I митр. Кіевскій (1223—1233), Кириллъ, еп. Ро-

стовскій (1231—1262), Симеонъ еп Тверскій († 1289), Авраамій, игуменъ Смоленскій († 1221), Симонъ, еп. Владимірскій (1214—1226) и Печерскій инокъ Поликарпъ; но о сочиненіяхъ этихъ лицъ, кромѣ Симона и Поликарпа, нельзя сказать ничего опредѣленнаго.

Посланія св. Симона, еп. Владимірскаго и инока Поликарпа. Какъ Симонъ, такъ и Поликарпъ были воспитанниками Кіевопечерской обители. Десять лѣтъ (1215—1226) Симонъ былъ епископомъ Владимірскимъ и заслужилъ названіе пастыря *книжнаго и учительнаго.* Отъ него дошло до насъ посланіе къ Поликарпу. Поликарпъ былъ инокъ молодой и даровитый, но честолюбивый. Ему тяжело казалось жить въ Кіевопечерскомъ монастырѣ, и онъ два раза уходилъ изъ него въ другіе монастыри; онъ не хотѣлъ подчиняться архим. Акиндину. Желая уврачевать честолюбіе Поликарпа, Симонъ написалъ къ нему посланіе, въ которомъ убѣждаетъ его смиренно подвизаться въ Печерской обители. Для этого онъ сначала объясняетъ характеръ истинной иноческой жизни и высокое значеніе Печерской обители, а потомъ представляетъ и примѣры подвижничества изъ жизни святыхъ этой обители. Поликарпъ остался жить въ монастырѣ простымъ инокомъ и не только помирился съ Акиндиномъ, но даже, по его порученію, занялся описаніемъ жизни тѣхъ Печерскихъ отцевъ, о которыхъ не успѣлъ написать Симонъ. Это описаніе и составляетъ содержаніе посланія Поликарпа къ Акиндину. Въ немъ Поликарпъ, на основаніи того, что слышалъ отъ Симона и другихъ людей, излагаетъ 12 поучительныхъ разсказовъ о 13 Печерскихъ подвижникахъ.

Посланія Симона и Поликарпа, заключающія описаніе жизни кіевопечерскихъ святыхъ, послужили основаніемъ для Печерскаго Патерика который былъ первымъ сборникомъ житій русскихъ святыхъ. Къ посланіямъ Симона и Поликарпа въ послѣдствіи присоединено въ патерикѣ нѣсколько другихъ сказаній: сказаніе о началѣ печерскаго монастыря и о преп. Антоніи изъ лѣтописи Нестора, житіе пр. Ѳеодосія, составленное Несторомъ, сказанія о первыхъ временахъ Русской Церкви, о крещеніи славянъ вообще и о переводѣ св. Писанія на славянскій языкъ и др.

Въ первой половинѣ XIII в. (въ 1243 г.) Россія подверглась татарскому игу, которое продолжалось болѣе двухъ сотъ лѣтъ. Татарское иго было страшнымъ несчастіемъ для Россіи. Кромѣ внѣшнихъ бѣдствій—опустошенія селъ, городовъ и цѣлыхъ областей, раззоренія народа тяжелыми данями и постоянными поборами, оно отозвалось разными гибельными послѣдстві-

ями и во внутренней жизни народа. Оно остановило развитіе государственной жизни, еще не успѣвшей сложиться и окрѣпнуть. Князья должны были всѣ заботы употреблять только на защиту своихъ областей отъ татарскихъ хановъ и ихъ баскаковъ. Какъ они, такъ и епископы должны были ѣздить въ Орду, кланяться ханамъ и терпѣть разныя униженія. Это рабство унизило духъ народный и развило грубый деспотизмъ въ высшихъ и рабскую покорность въ низшихъ сословіяхъ. Но особенно татарское иго надолго задержало христіанское просвѣщеніе Россіи, усилило невѣжество и укоренило грубыя суевѣрія и пороки. Въ то время, когда нужно было заботиться о сохраненіи жизни и имущества, трудно было заводить училища и думать о просвѣщеніи; во время татарскихъ нашествій гибли памятники и прежней письменности. Пастыри церкви старались, по возможности, ослабить эти бѣдствія татарскаго ига, одни—исправляя разныя нестроенія въ церковной жизни, возникшія вслѣдствіе тяжелыхъ обстоятельствъ, другіе—самыми бѣдствіями поучая и возбуждая народъ къ нравственному исправленію. Въ ряду послѣднихъ замѣчателенъ Серапіонъ, епископъ Владимірскій.

Поученія св. Серапіона, еп. Владимірскаго. Серапіонъ былъ игуменомъ Кіево-печерскаго монастыря; въ 1274 г. былъ поставленъ въ епископа Владимірскаго, а въ слѣдующемъ 1275 г. скончался. Намъ извѣстны пока только пять поученій Серапіона, которыя были написаны имъ, вѣроятно, во время епископства во Владимірѣ ([1]).

Почти сорокъ лѣтъ уже прошло послѣ того, какъ иго татарскаго владычества отяготѣло надъ Россіею (1237—1274). Нашествіе татаръ сопровождали: раззореніе городовъ, убійства и грабежи, пожары и опустошенія всякаго рода; за нимъ слѣдовали: тяжкіе налоги, притѣсненія и порабощенія. При такихъ обстоятельствахъ проповѣдывалъ Серапіонъ, и очень естественно, что его проповѣдь получила печальный тонъ. Съ глубокимъ чувствомъ скорби, во всѣхъ своихъ поученіяхъ, онъ указываетъ на бѣдственное состояніе страдавшей Руси, усматривая въ немъ наказаніе за грѣхи. „Сколько разъ, говоритъ онъ въ первомъ поученіи, мы видѣли солнце затмившимся, луну померкшею, видѣли перемѣны въ звѣздахъ!.... Земля, отъ начала утвержденная

([1]) Четыре поученія Серапіона напечатаны въ Прибавл. къ Твор. св. от. 1843; пятое слово — въ Поѣздкѣ въ Кирил. бѣл. монастырь Шевырева ч. II, стр. 36. Въ Правосл. Собес. 1858 г. напечатаны еще два поученія подъ именемъ Серапіона, еп. Владимірскаго, но приписываются ему по одной догадкѣ.

и неподвижная, нынѣ движется, по повелѣнію Божію, колеблется отъ грѣховъ нашихъ, не можетъ носить нашихъ беззаконій. Мы не послушали евангелія, не послушали апостоловъ, не послушали пророковъ, не послушали великихъ свѣтилъ т. е. Василія, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго и другихъ святыхъ святителей.... Вотъ и наказываетъ насъ за сіе Богъ знаменіями, землетрясеніемъ, бывшимъ по Его повелѣнію. Не говоритъ устами, но наказываетъ на дѣлѣ.... нынѣ потрясаетъ и колеблетъ землю, хочетъ стрясти съ земли беззаконія и грѣхи многіе, какъ листья съ дерева..... Но что потомъ было у насъ? не гладъ ли? не моръ ли неоднократный? не частыя ли войны? Однакожъ, мы не покаялись, пока пришелъ на насъ, по Божію попущенію, народъ немилостивый, опустошилъ нашу землю, плѣнилъ города наши, раззорилъ святыя церкви, избилъ отцевъ и братій нашихъ, поругался надъ нашими матерями и сестрами". Послѣ этого Серапіонъ убѣждаетъ слушателей обратиться къ Богу съ покаяніемъ и отстать отъ своихъ грѣховъ.

Второе поученіе также проникнуто чувствомъ глубокой скорби о бѣдствіяхъ и грѣхахъ народа. „Не такъ скорбитъ мать, видя дѣтей своихъ больными, какъ скорблю я, грѣшный отецъ вашъ, видя васъ болящихъ дѣлами беззаконными. Многократно бесѣдовалъ я съ вами, но не вижу въ васъ никакой перемѣны... Всегда сѣю я на нивѣ сердецъ вашихъ сѣмя божественное, но никогда не вижу, чтобы оно прозябло и принесло плодъ..... Чего мы не навлекли на себя? Какихъ не понесли мы наказаній отъ Бога? Не была ли плѣнена земля наша? Не были ли взяты города наши? Не въ короткое ли время отцы и братья наши пали мертвы на землѣ? Не отведены ли въ плѣнъ жены и дѣти? А мы, оставшіеся, не порабощены ли были горькимъ рабствомъ отъ иноплеменниковъ? Вотъ уже сорокъ почти лѣтъ продолжается томленіе и мука, и тяжкіе налоги не прекращаются, также голодъ и моръ скота нашего. Мы и хлѣба не можемъ ѣсть въ сладость. Отъ воздыханія и печали сохнутъ кости наши. Что же довело насъ до этого? Наши беззаконія и наши грѣхи, наше непослушаніе, наша нераскаянность".—И Серапіонъ снова убѣждаетъ слушателей къ покаянію и исправленію.

Въ третьемъ поученіи Серапіона содержится превосходная картина татарскаго нашествія. „Мы ни въ чемъ, говоритъ Серапіонъ, не оказывались лучшими. Тогда Господь навелъ на насъ народъ немилостивый, народъ лютый, народъ, не щадящій ни юной красоты, ни немощи старцевъ, ни младости дѣтей; ибо мы подвигли на себя ярость Бога нашего.... Разрушены Божіи церкви, осквернены священные сосуды, попрана святыня, святители сдѣлались добычею меча; тѣла преподобныхъ иноковъ брошены

въ пищу птицамъ: кровь отцевъ и братьевъ нашихъ, какъ *вода многа*, напоила землю. Исчезла крѣпость нашихъ князей, военачальниковъ; храбрые наши бѣжали, исполненные страха; а еще болѣе братьевъ и чадъ нашихъ отведено въ плѣнъ. Поля наши поросли травою, и величіе наше смирилось, красота наша погибла, богатство наше досталось въ удѣлъ другимъ, труды наши достались невѣрнымъ. Земля наша стала достояніемъ иноплеменниковъ, мы сдѣлались предметомъ поношенія для сосѣдей нашихъ, посмѣяніемъ для враговъ нашихъ. Ибо свели мы на себя гнѣвъ Господа, какъ дождь на небеси, подвигли на себя ярость Его, отвратили отъ себя великую Его милость, и довели себя до того, что на насъ смотрятъ съ сожалѣніемъ. Нѣтъ наказанія, которое бы не постигло насъ".

Четвертое поученіе было сказано Серапіономъ по особенному случаю. Необразованный и суевѣрный народъ вообразилъ, что голодъ, нѣсколько лѣтъ постигавшій его, происходитъ отъ наговоровъ волшебниковъ и волшебницъ, и началъ сожигать или бросать ихъ въ воду, чтобы испытать, виновны они, или нѣтъ, предположивъ, что если они станутъ тонуть, то невинны, а если поплывутъ, то волшебники. Всею силою своего слова возсталъ просвѣщенный пастырь противъ такого грубаго суевѣрія и своеволія народа „Я думалъ, говоритъ онъ, вы уже утвердились и съ радостію принимаете божественное писаніе... Между тѣмъ вы еще держитесь языческихъ обычаевъ, вѣрите волхвованію и сожигаете невинныхъ людей, и дѣлаете виновными въ убійствѣ все общество и весь городъ... Изъ какихъ книгъ или какого писанія узнали вы, что отъ волхвованія бываетъ голодъ на землѣ, и опять—волхвованіемъ умножается хлѣбъ? Если сему вѣрите, то почему сожигаете волхвовъ? Вы молитесь и почитайте ихъ, приносите имъ дары, если они благоустрояютъ міръ, пускаютъ дождь, наводятъ теплую погоду, повелѣваютъ землѣ приносить плоды. Вотъ нынѣ, по три года, не родится хлѣбъ, не только на Руси, но и въ землѣ латинской: волхвы ли это сдѣлали? Не Богъ ли устрояетъ свою тварь, какъ хочетъ, наказывая насъ за грѣхи? Я знаю изъ божественнаго Писанія, что чародѣи и чародѣйцы дѣйствуютъ чрезъ бѣсовъ на людей.... но только на тѣхъ, которые имъ вѣруютъ: потому что бѣсы дѣйствуютъ только по попущенію Божію, а Богъ попущаетъ имъ дѣйствовать только на тѣхъ, которые боятся ихъ Но кто твердо вѣруетъ въ Бога, надъ тѣмъ чародѣи не имѣютъ силы. Скорблю я о вашемъ безуміи. Умоляю васъ, оставьте дѣла языческія.... Божественныя правила повелѣваютъ осуждать человѣка, по свидѣтельству многихъ. А вы поставляете въ свидѣтели воду, и говорите: если станетъ тонуть, то невинна; а если поплыветъ, то

волшебница. Не можетъ ли діаволъ, видя ваше маловѣріе, поддержать человѣка на водѣ, чтобы онъ не потонулъ, и тѣмъ вовлечь васъ въ душегубство? Потому что вы, оставивъ свидѣтельство богоподобнаго человѣка, обратились къ бездушному веществу—къ водѣ, и, принявъ такое свидѣтельство, прогнѣвляете Бога".

Въ пятомъ поученіи *„о маловѣріи"* Серапіонъ возстаетъ противъ другого суевѣрія народа. Народъ запрещалъ погребать удавленниковъ и утопленниковъ, и выгребалъ ихъ, приписывая имъ несчастія, постигавшія землю. „Это ли ваше покаяніе? говоритъ Серапіонъ. Тѣмъ ли Бога умилостивите, чтобы утопшаго, или удавленника выгрести? Тѣмъ ли Божію казнь хотите утишить? Лучше, братія, перестанемъ отъ зла: отступимъ отъ всѣхъ злыхъ дѣлъ: разбоя, грабительства, пьянства, прелюбодѣйства, скупости, лихвы, обиды, воровства, лжи, клеветы, рѣзонманія. Я грѣшный всегда учу васъ, дѣти: велю вамъ каяться, вы же не перестали отъ злыхъ дѣлъ. А если какая на насъ казнь отъ Бога придетъ, то мы еще болѣе Его прогнѣвляемъ, дѣлая извѣты: того ради ведро, сего ради дождь, того ради жито не родится,—и бываете строители Божіей твари, а о безуміи своемъ не скорбите". Обличаемое здѣсь суевѣріе, по которому перемѣны въ воздухѣ и вредныя явленія въ природѣ приписывались погребенію утопленниковъ и удавленниковъ, существовало въ народѣ и послѣ Серапіона. Въ XVI в. писалъ противъ него Максимъ Грекъ.

Всѣ поученія Серапіона отличаются особенною простотою и задушевностію и глубокою любовію къ поучаемымъ.

ОБЩІЙ ХАРАКТЕРЪ ОБРАЗОВАНІЯ И СЛОВЕСНОСТИ ВЪ XIV—XVI В.

До нашествія татаръ книжное образованіе сосредоточивалось главнымъ образомъ въ Кіевѣ и Новгородѣ; послѣ же опустошенія Кіева и кіевской Руси, оно стало появляться на Сѣверовостокѣ въ разныхъ областяхъ. Кромѣ Новгорода и Пскова, слѣды книжной дѣятельности мы встрѣчаемъ во Владимірѣ, Ростовѣ, Муромѣ, Ярославлѣ, Твери и Рязани. Но съ тѣхъ поръ, какъ Русская митрополія была перенесена изъ Владиміра въ Москву, Москва становится главнымъ центромъ сначала государственной жизни, а потомъ и книжнаго просвѣщенія. Значеніе Москвы особенно усилилось послѣ паденія Константинополя, когда она въ глазахъ русскихъ людей стала столицею православія на мѣсто древняго Царьграда. Историческія обстоятельства XIV—XV в. особенно способствовали развитію иноческой жизни

и умноженію монастырей, такъ что въ XIV в. ихъ насчитывается до 80-ти, а въ XV в. до 70-ти. Бѣдствія татарскаго ига, раздоры князей, моровая язва, разныя другія нестроенія въ общественной и частной жизни и наконецъ мысль о близкой кончинѣ міра, сдѣлавшаяся съ начала XV в. господствующею мыслію, побуждала многихъ людей удаляться въ монастыри, которые постоянно умножались; ихъ строили князья и бояре, епископы и частные люди. Мы видѣли, что монастырь съ самаго начала у насъ сдѣлался образцомъ христіанской общины, и монашеская жизнь противополагалась жизни мірской. Бывшій идеаломъ христіанской жизни и въ прежнее время, монастырь теперь сдѣлался необходимымъ убѣжищемъ отъ всякихъ физическихъ бѣдствій и нравственныхъ страданій, пріютомъ для бѣдныхъ и несчастныхъ всякаго рода. Во время голода монастыри кормили народъ, который сходился къ нимъ толпами; въ то же время они питали его и духовно. Приходившіе въ монастырь міряне слышали здѣсь разсказы о жизни святыхъ и благочестивыя наставленія подвижниковъ, и, слушая ихъ, сами проникались иноческимъ духомъ, усвоивали себѣ монашескіе взгляды на міръ и переносили въ жизнь даже нѣкоторые монастырскіе обычаи и правила. Такимъ путемъ, между прочимъ, образовался тотъ аскетическій характеръ, какимъ еще до сихъ поръ отличаются религіозныя понятія нашего народа. Вмѣстѣ съ тѣмъ монастыри сдѣлались орудіемъ для заселенія и христіанскаго просвѣщенія пустынныхъ до того времени мѣстностей. Скитъ отшельника, поселившагося въ дикомъ и уединенномъ мѣстѣ, скоро превращался въ многолюдную пустынь или монастырь, который привлекалъ къ себѣ множество людей; изъ этого монастыря потомъ выходили иноки для основанія другихъ монастырей въ другія отдаленныя мѣста. Наконецъ монастыри же и пустыни сдѣлались прибѣжищемъ для грамотности и книжнаго просвѣщенія. Здѣсь занимались списываніемъ книгъ, продолжали вести лѣтописи, списывали житія святыхъ, отеческія писанія и составляли разные сборники. Изъ всѣхъ обителей особенно возвысилась обитель пр. Сергія Радонежскаго, которая для сѣверо-восточной Руси въ московскій періодъ имѣла такое же важное значеніе, какое для южной Руси имѣла обитель Кіевопечерская. Послѣ нея славились обители: Бѣлозерская, основанная въ 1390 г. пр. Кирилломъ Бѣлозерскимъ; Сорская, основанная пр. Ниломъ Сорскимъ; монастырь Волоколамскій пр. Іосифа Волоцкаго и монастырь Соловецкій пр. Зосимы и Савватія. Въ этихъ монастыряхъ сохранились для насъ обширныя библіотеки по древней письменности; въ этихъ и другихъ монастыряхъ воспитывались и всѣ замѣчательные дѣятели въ исторіи письменности этого времени. Конечно, образованіе мона-

стырское было очень не высоко и состояло большею частію въ умѣньи читать и списывать книги; но внѣ монастырей мало было и такого образованія, даже въ кругу высшихъ сословій. Училищъ не было. Правда, въ житіяхъ и лѣтописяхъ о нѣкоторыхъ лицахъ попадаются такія замѣтки: „вданъ бываетъ родителема книгамъ учитися“; „времени же приспѣвшу, вданъ бываетъ отъ родитель своихъ на ученіе божественнымъ книгамъ“; но такія замѣтки не могутъ доказывать существованія училищъ, а указываютъ, конечно, на домашнихъ учителей или тѣхъ мастеровъ, о которыхъ говорится въ извѣстномъ посланіи новг. арх. Геннадія и Стоглавѣ: „мы-де учимся у своихъ отцовъ или мастеровъ; а индѣ-де намъ учиться негдѣ: сколько отцы наши и мастеры умѣютъ, потому и насъ учатъ“. Посланіе Геннадія и Стоглавъ показываютъ, что и въ духовенствѣ просвѣщеніе было въ крайнемъ упадкѣ. Это, разумѣется, должно было имѣть самыя вредныя послѣдствія для религіознаго состоянія народа. Необразованные или мало образованные священники, естественно, не могли учить народъ; они совершали для него богослуженіе и исправляли требы, но не могли объяснять ихъ смысла и значенія. Питаемыя одними непонимаемыми обрядами, вѣра и благочестіе народа неизбѣжно должны были получить тотъ чисто наружный обрядовый характеръ, при которомъ уживались въ народѣ самыя грубыя суевѣрія и пороки и который въ XVI в. вызвалъ сильныя обличенія со стороны просвѣщеннаго Максима Грека, а въ XVII в. самымъ ощутительнымъ образомъ выразился въ расколѣ. Всѣ произведенія словесности XIV—XVI в., какъ и предъидущихъ вѣковъ, имѣютъ поучительный характеръ; но примѣровъ настоящей церковной проповѣди мы встрѣчаемъ очень мало. Преобладающую форму словесности этого времени составляютъ такъ называемыя посланія. Въ формѣ посланія выражалось все: церковное правило для руководства духовенства, наставленіе въ истинахъ вѣры и дѣятельности народу, опроверженіе еретическихъ заблужденій и совѣты по разнымъ случаямъ князьямъ и боярамъ. За посланіями слѣдуютъ лѣтописи, разныя повѣсти и сказанія, путешествія и житія святыхъ. Умноженіе монастырей произвело множество описаній житій святыхъ и сказаній объ основаніи монастырей и пустынь. Наконецъ съ XIV в. начали появляться разныя ереси, каковы были въ XIV в. ересь Стригольниковъ, въ XV в. ересь Жидовствующихъ, въ XVI в. ереси Бакшина и Косаго. Противъ этихъ ересей явились въ литературѣ полемическія сочиненія.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ СЛОВЕСНОСТИ XIV В.

Въ исторіи книжнаго просвѣщенія и словесности XIV в. извѣстны: митр. *св. Петръ, Алексій и Кипріанъ и пр. Кириллъ, игуменъ Бѣлозерскій.*

Сочиненія митр. Кипріана (1376—1406). Съ именемъ митр. Кипріана (родомъ серба) обыкновенно соединяется мысль о вліяніи на нашу словесность Сербской письменности. Кипріанъ, дѣйствительно, перенесъ въ Россію много рукописей изъ Сербіи, которая тогда (1389 г.) потеряла свою самостоятельность и подверглась турецкому игу. Кромѣ того, живя въ Константинополѣ, въ обители Студійской, онъ занимался переводомъ и списываніемъ книгъ. Лѣтописи представляютъ Кипріана *вельми книжнымъ и учительнымъ*, что доказываютъ и его сочиненія: разныя посланія, житіе св. Петра и прощальная грамота. Посланія написаны къ разнымъ лицамъ и по разнымъ случаямъ; они касаются разныхъ вопросовъ относительно устройства Церкви и духовенства и рѣшаютъ разныя недоумѣнія и вопросы того времени, каковы, между прочимъ, вопросы о кончинѣ міра и монастырскихъ имѣніяхъ.

Посланіе пр. Кирилла Бѣлозерскаго. Пр. Кириллъ, основатель и игуменъ Бѣлозерской обители, былъ весьма просвѣщенный человѣкъ. Любознательность его не ограничивалась только духовными книгами; въ одной изъ книгъ (книга правилъ), писанныхъ его собственною рукою, мы встрѣчаемъ выписки изъ физики Галена о происхожденіи грома и молніи, о падающихъ звѣздахъ, объ устройствѣ земли, о землетрясеніяхъ, о четырехъ стихіяхъ и о моряхъ. Любовь Кирилла къ книжному просвѣщенію стала священнымъ преданіемъ для иноковъ его обители, а написанныя имъ книги послужили основою богатой библіотеки этой обители. Изъ оригинальныхъ сочиненій Кирилла извѣстны три посланія, написанныя къ сыновьямъ Димитрія Донского (Василію, Андрею и Димитрію). Они служатъ памятникомъ того нравственнаго вліянія, какое древніе наши просвѣщенные иноки изъ монастырей простирали на князей и народъ, подавая разные совѣты и наставленія, какъ вообще для жизни, такъ особенно въ какихъ-нибудь важныхъ случаяхъ.

Путешествія XIV в. Отъ XIV в. дошли до насъ путешествія въ Царьградъ и Іерусалимъ новгородца Стефана, смоленскаго діакона Игнатія и дьяка Александра. Новгородскій инокъ Стефанъ въ 1350 г. ходилъ въ Царьградъ поклониться святымъ

мѣстамъ. Подобно игумену Даніилу, онъ описываетъ въ своемъ путешествіи ([1]) священныя мѣста, соборъ св. Софіи и разныя святыни, которыя онъ видѣлъ. При этомъ сообщаетъ также и тѣ преданія, которыя онъ слышалъ. Онъ всему удивляется и всему вѣритъ, что разсказывали ему провожатые. На столпѣ Константиновомъ онъ видѣлъ сѣкиру Ноеву; въ олтарѣ одной церкви ему показывали чашу изъ бѣлаго камня, въ которой Спаситель претворилъ воду въ вино. Самое замѣчательное мѣсто въ путешествіи составляетъ разсказъ Стефана о нечаянной встрѣчѣ его въ Царьградѣ съ двумя земляками новгородцами, Иваномъ и Добрилой, которыхъ на родинѣ считали уже давно погибшими. Оказалось, что эти новгородцы жили въ цареградскомъ студійскомъ монастырѣ и занимались списываніемъ книгъ для Россіи. Изъ этого монастыря, замѣчаетъ Стефанъ, много книгъ посылали на Русь.

Историческія сказанія или повѣсти. Бѣдствія татарскаго ига, рѣзко отразившіяся въ народныхъ былинахъ и пѣсняхъ, гдѣ татары служатъ вообще образомъ страшной, вражеской силы, сдѣлались предметомъ и произведеній книжной словесности. — Еще съ XIII в., въ книжной словесности начинается рядъ полуисторическихъ, полупоэтическихъ повѣстей или сказаній, предметомъ которыхъ служитъ описаніе замѣчательныхъ историческихъ лицъ и событій. Таковы напр.: „*Повѣсть о житіи и храбрости Александра Невскаго*“, изображающая побѣду Александра надъ шведами; „*Сказаніе о благовѣрномъ князѣ Довмонтѣ*“, гдѣ описывается борьба Новгорода и Пскова съ ливонскими нѣмцами и литвою; „*Рукописаніе Магнуса короля Свѣйскаго*“, изображающая также борьбу Новгорода съ шведами, при шведскомъ королѣ, Магнусѣ Эрихсонѣ. Но главнымъ центромъ этихъ сказаній служатъ событія татарскаго ига, борьба съ татарами и особенно знаменитая Куликовская битва. Къ этимъ сказаніямъ относятся: „*Сказаніе о нашествіи Батыя на Русскую землю*“; „*Убіеніе князя Михаила Черниговскаго и боярина его Ѳеодора въ ордѣ отъ царя Батыя*“; „*Убіеніе князя Михаила Тверскаго въ ордѣ отъ царя Озбяка (Узбека)*“; „*О взятіи и раззореніи Москвы Тохтамышемъ*“; *Повѣсть о спасеніи Москвы отъ Тамерлана*“; „*Повѣсть о побоищѣ Витовта съ царемъ Темиръ-Кутлуемъ*“; „*Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ*“; „*Задонщина, или Слово о великомъ князѣ, Димитріи Ивановичѣ и братѣ его, князѣ Владиміръ Андреевичѣ*“; „*Слово о житіи и преставленіи Димитрія Донскаго*“.

([1]) Напечат. въ Сказ. Сах. том. II.

Эти повѣсти или сказанія называются *украшенными*, потому что историческое событіе въ нихъ обстановлено вымышленными подробностями и передается реторически-украшеннымъ языкомъ, *умильными*, потому что трогательное ихъ содержаніе возбуждаетъ чувство жалости и умиленія. Они составляютъ особый родъ эпоса историческаго, отличнаго отъ настоящихъ эпическихъ произведеній, каковы народныя былины и Слово о полку Игоревѣ. Какъ произведенія книжной словесности, они проникнуты тѣмъ направленіемъ и являются съ тѣми чертами, какими отличается вообще книжная духовная словесность. Событіе въ былинѣ представляется подвигомъ силы и мужества богатыря; въ сказаніи событіе освѣщается религіознымъ свѣтомъ: подвигъ совершается съ помощію небесной силы. Идеалъ героя въ сказаніи также отличенъ отъ идеала богатыря въ былинѣ. Въ богатырѣ былинъ всего рѣзче выражается физическая сила: еще въ дѣтствѣ кого схватитъ богатырь за ногу, у того нога прочь, кого за голову, у того голова долой. Въ героѣ сказанія съ малыхъ лѣтъ развивается сила духовная, которая потомъ и доставляетъ ему побѣду надъ врагами. Богатыри былинъ постоянно похваляются своею силою и храбростію; герой сказанія отличается глубокимъ смиреніемъ: въ сказаніи о Мамаевомъ побоищѣ Димитрій Донской самое нашествіе Мамая на Россію считаетъ наказаніемъ Божіимъ за свои грѣхи. Въ другихъ сказаніяхъ прославляется благочестіе, цѣломудріе и воздержаніе героевъ: это тѣ самыя качества, которыя прославляются и въ произведеніяхъ книжной духовной словесности. Образцами при изображеніи героя сказанія служили лица священной исторіи. Лице Александра Невскаго, по словамъ повѣсти, было *яко Іосифа прекраснаго, сила его—вторая часть отъ силъ Самсона, а мудрость ему Богъ далъ Соломонову*. Иногда, впрочемъ, брали образы и изъ гражданской—греческой и римской исторіи. Такъ, тотъ же князь Александръ Невскій сравнивается съ Александромъ Македонскимъ, *подобникомъ Ахиллеса*, и императоромъ Веспасіаномъ; Димитрій Донской уподобляется греческому царю, Константину и русскому князю, Владиміру. При такомъ складѣ, въ сказаніяхъ страдаетъ историческая истина; частныя черты историческихъ дѣятелей пропадаютъ въ тѣхъ общихъ образцахъ, съ которыми они сравниваются или сопоставляются; но въ нихъ за то ярко отражается общій складъ и идеальное настроеніе эпохи, указываются тѣ идеалы, которые занимали умъ, чувство и воображеніе современниковъ.

Изъ всѣхъ сказаній заслуживаетъ вниманія; „*Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ*“, которое въ одномъ спискѣ (1) приписы-

(1) Напечатано въ сказ. Р. Н. Сахар. т. I.

вается рязанскому іерею Софронію, а въ лѣтописи и въ Задонщинѣ авторъ его называется рязанцемъ Софоніемъ. Софроній или Софонія имѣлъ подъ руками Слово о полку Игоревѣ и во многомъ подражалъ ему при составленіи своего сказанія. — Сказаніе начинается обращеніемъ къ какому-то Урану: „Се повѣдай, Уранъ, како случися на Дону православнымъ христіаномъ съ безбожными татары“.... Далѣе слѣдуетъ разсказъ о томъ, какъ „Божіимъ попущеніемъ, отъ наученія діавола, Мамай задумалъ плѣнить русскую землю и раззорить христіанскую вѣру“. Собравъ всѣ свои силы, онъ переправился черезъ Волгу и сказалъ своимъ улусникамъ: „да ни единъ изъ васъ пашетъ хлѣба, будьте готовы на русскую землю, на хлѣбы“. Узнавъ объ этомъ движеніи Мамая, врагъ московскаго князя Димитрія, Олегъ, князь Рязанскій, написалъ *ярлыкъ* къ Мамаю, въ которомъ предлагалъ ему свою помощь: онъ расположилъ сдѣлать то же самое и литовскаго князя, Ольгерда. Но Мамай гордо принялъ пословъ Олега и Ольгерда и велѣлъ сказать имъ, что чужая помощь ему не нужна, что онъ, если бы захотѣлъ, одинъ своею силою могъ бы завоевать и древній Іерусалимъ. Въ противоположность этой гордости и самонадѣянности Мамая, въ Димитріи Сказаніе восхваляетъ кротость и смиреніе, при которыхъ онъ самое нашествіе Мамая на русскую землю считаетъ наказаніемъ Божіимъ за свои грѣхи. Отправивъ посла въ Боровскъ, къ брату своему, Владиміру Андревичу, Димитрій самъ пошелъ къ митроп. Кипріану. Кипріанъ посовѣтовалъ Димитрію утолить гнѣвъ Мамая золотомъ; но посланный съ дарами на пути узналъ о переходѣ на сторону Мамая Ольгерда и возвратился назадъ. Тогда Кипріанъ благословилъ Димитрія на битву съ Мамаемъ. Далѣе описывается сборъ князей въ Москву и приготовленіе войска; описаніе это походитъ на описаніе сбора Игоря въ походъ въ Словѣ о полку Игоревѣ. Приготовившись къ походу, Димитрій отправляется въ Троицкую пустынь, къ великому подвижнику Сергію, который, благословивъ его, далъ ему въ оруженосцы двухъ иноковъ, Пересвѣта и Ослябу. Потомъ, помолившись у гроба св. Петра и поклонившись, въ михайловскомъ соборѣ, гробамъ православныхъ князей, своихъ предковъ, онъ выступаетъ въ походъ. Описаніе выступленія въ походъ и изображеніе войска Димитрія составлены по подражанію Слову о П. И.: „князь же великій, Димитрій Ивановичъ, вступи въ златокованное стремя и сѣде на своего любовнаго коня.... а солнце со восхода свѣтитъ въ путь его и вѣтрецъ тихъ и теплъ по нихъ вѣетъ.... Братія моя милая, говоритъ Димитрій князю Владиміру Андреевичу и другимъ князьямъ, не пощадимъ живота своего за вѣру христіанскую и за святыя церкви, за землю Русскую! Гос-

подпе князь Димитрій Ивановичъ, отвѣчаетъ ему Владиміръ Андреевичъ, воеводы у насъ вельми крѣпки, а русскіе удальцы свѣдоми (искусны), имѣютъ подъ собою борзы кони, а доспѣхи имѣютъ вельми тверды... щиты червленные, копья злаченыя, сабли булатныя, а дороги имъ вельми свѣдомы (извѣстны), березн (берега) имъ по Оцѣ (по Окѣ) изготовлены, хотятъ головы своя сложити за вѣру христіанскую и за твою обиду государя великаго князя". Затѣмъ слѣдуетъ прощальный плачъ супруги Димитрія, княгини Евдокіи, который составленъ авторомъ, очевидно, также по подражанію плача Ярославны въ Словѣ о П. И., хотя онъ нисколько не походитъ на него ни по чувству, ни по выраженію. Вздохнувъ печально и ударивъ въ грудь руками, княгиня говоритъ: „Господи Боже великій! призри на мя смиренную, сподоби мя еще государя своего видѣти.... Дай же, Господи, ему помощь отъ крѣпкія руки твоея, да побѣдитъ противныя своя.... Не сотвори, Господи, якоже за мало лѣтъ брань была на рѣцѣ на Калкѣ христіаномъ съ татары отъ злаго Батыя. Отъ таковыя же бѣды нынѣ, Господи, спаси и помилуй! Не дай же, Господи, нынѣ погибнути оставшему христіанству.... Азъ же унылая имѣю двѣ отрасли, князя Василья да Юрья, но еще и тѣ мали суть.... Возврати имъ, Господи, отца ихъ по здорову!".... Затѣмъ, изображая походъ, авторъ, опять подражая Слову о П. И., говоритъ: „русскіи сынове успѣшно грядутъ, аки медвяны чаши пити и стеблевинны (винограду) ясти. Но не медвяны чаши пити, ни стеблевинны ясти грядутъ: хотятъ укупити чти (чести) и славнаго имяни во вѣки земли Русской, великому князю Димитрію Ивановичу похвалу и многимъ государемъ". Переѣхавъ черезъ Донъ, Димитрій началъ готовиться къ битвѣ. Описаніе разныхъ предзнаменованій предъ битвой опять напоминаетъ Слово о П. И.: „за многіе же дни пріидоша на то мѣсто мнози волцы, по вся нощи воютъ непрестанно: гроза бо велика есть слышати, храбрымъ полкомъ сердца утверждаетъ, и мнози вороны собрашася, необычно неумолкающе граютъ, галицы же своею рѣчью говорятъ, и мнози орли отъ Усть-Дону приспѣша, лисицы на кости брешутъ, ждучи дни грознаго, Богомъ изволеннаго, въ онь же имать пастися множество трупа человѣческаго и кровопролитія, аки морскимъ водамъ". Вечеромъ, на канунѣ битвы, Димитрій осмотрѣлъ всѣ полки и выѣхалъ на одно высокое мѣсто, съ котораго представилась ему чудная картина всего войска, готоваго къ битвѣ: образъ Спасителя, изображенный на знамени, свѣтился, какъ солнце; знамена вѣяли, какъ облака, тихо трепещущія; хоругви какъ живыя колыхались; доспѣхи русскіе, какъ воды во всѣ вѣтры колеблются; шеломы ихъ на главахъ ихъ золотомъ украшены, какъ утренняя заря въ ведряное время. Это лучшая

картина во всемъ Сказаніи. Димитрій сошелъ съ коня, палъ на колѣни противъ знамени, на которомъ сіялъ образъ Спасителя, и началъ молиться: „о Владыко, Господи Вседержителю, воззри смотрѣливымъ окомъ на люди своя, иже твоею рукою сотворени суть, и внуши, Господи, гласъ молитвы моея; обрати, Господи, лице свое на нечестивыхъ съ яростію, иже злая творятъ рабомъ твоимъ".—Ночью князь Димитрій и воевода Волынскій выѣхали на Куликово поле брать примѣты. Волынскій сошелъ съ коня, припалъ къ землѣ на правое ухо, пролежалъ долгій часъ, всталъ и опять поникъ. „Одна примѣта, сказалъ онъ князю, тебѣ на пользу, а другая скорбная; я слышалъ, какъ земля плакалась на двѣ стороны: одна плакала какъ жена о дѣтяхъ *еллинскимъ языкомъ*, а другая какъ дѣвица, играющая въ свирѣль. Будетъ побѣда на поганыхъ, но и христіанъ падетъ множество". Да будетъ воля Господня, сказалъ князь. Далѣе описывается самая битва. При описаніи битвы многіе образы и самыя выраженія опять взяты изъ Слова о П. И: „Треснуша копья харалужныя (стальныя), звенятъ доспѣхи злаченые, стучатъ щиты червленые, гремятъ мечи булатные и блистаются сабли".... По окончаніи битвы Димитрія нашли израненнымъ подъ срубленной березой. Когда разсказали ему о побѣдѣ, онъ всталъ и воскликнулъ: „сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь", и сѣвъ на коня, поѣхалъ осматривать поле ратнаго побоища. Разсказомъ о погребеніи павшихъ воиновъ заключается Сказаніе. Въ нѣкоторыхъ спискахъ его еще прибавляется описаніе возращенія Димитрія въ Москву, какъ побѣдителя; при этомъ княгиня Евдокія встрѣчаетъ его у Фроловскихъ воротъ, и онъ приноситъ благодарственныя молитвы во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ молился, собираясь въ походъ.

Въ Сказаніи, какъ показываетъ его содержаніе, есть весьма трогательныя положенія, которыя могли бы вести къ прекраснымъ поэтическимъ картинамъ; но всѣ эти положенія изображены въ Сказаніи довольно сухо; кромѣ смиренной молитвы авторъ не даетъ дѣйствующимъ лицамъ другой мысли и другого чувства; въ самомъ Димитріи изъ-за набожнаго и глубоко вѣрующаго князя нисколько не видно человѣка и героя великаго событія. Неудачныя подражанія Слову о П. И. не только въ пріемахъ, но и въ выраженіяхъ, тяжелый слогъ и испорченный языкъ производятъ непріятное впечатлѣніе. Не смотря на то, встарину Сказаніе пользовалось большимъ уваженіемъ, что доказывается множествомъ его списковъ, дошедшихъ до насъ съ разными прибавленіями.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ СЛОВЕСНОСТИ XV В.

Совершенный упадокъ просвѣщенія въ духовенствѣ, жизнь духовенства и особенно положеніе монастырей, въ которые, вмѣстѣ съ ихъ умноженіемъ, вошло много недостатковъ, ереси Стригольниковъ и Жидовствующихъ, въ развитіи которыхъ исторія усматриваетъ тѣсную связь съ разными недостатками въ духовенствѣ и монашествѣ, составляли главные вопросы, около которыхъ преимущественно сосредоточивалась дѣятельность образованныхъ пастырей и учителей XV в. Главными между ними были: Московскій митр. Фотій, Новгородскій арх. Геннадій, игуменъ Волоколамскаго монастыря пр. Іосифъ и пр. Нилъ Сорскій.

Св. Геннадій, архіеп. Новгородскій (1485—1504) прославился заботливостію о просвѣщеніи, собраніемъ перваго списка Библіи и энергическою борьбою съ ересью Жидовствующихъ. Просвѣщеніе стояло въ XV в. на такой низкой степени, что мало было даже просто грамотныхъ людей и некого было ставить на высшія церковыя должности. Геннадій обратился съ просьбою къ тогдашнему митр. Симону, чтобы онъ походатайствовалъ предъ Іоанномъ III о заведеніи по крайней мѣрѣ самыхъ первоначальныхъ школъ грамотности для образованія духовенства. „Приведутъ ко мнѣ мужика,—писалъ онъ въ своемъ посланіи къ Симону,—и я ему велю Апостолъ дати чести, а онъ и ступить не умѣетъ; я ему велю Псалтирь дати, а онъ и по тому едва бредетъ: и я его *отреку* (откажу), а они извѣтъ творятъ: „*земля, господине, такова, не можемъ добыти, ктобы гораздъ грамотѣ*“, ино всю землю *излаялъ*, что нѣтъ человѣка на землѣ, кого бы избрати на поповство. Да мнѣ челомъ бьютъ: „пожалуй, господине, вели учити“; и я прикажу учить ихъ эктеніи, а онъ и къ слову не можетъ пристать; ты говоришь ему то, а онъ говоритъ иное. Я велю имъ учить азбуку, а они поучатся мало азбукѣ, да просятся прочь и не хотятъ ее учить.... а хотя и учатся, то не отъ усердія и живутъ долго; а на меня брань бываетъ отъ ихъ нерадѣнія, *а моей силы нѣтъ, что ми ихъ не учивъ ставити*. И я для того бью челомъ государю, чтобы велѣлъ училища учинити, да его разумомъ и грозою, а твоимъ благословеніемъ, то дѣло исправится; а ты бы, господинъ отецъ нашъ, государямъ нашимъ, а своимъ дѣтямъ, великимъ князьямъ, *печаловался*, чтобы велѣли, училища учинити; а мой совѣтъ учить въ училищахъ *первое азбука граница истолкована совсѣмъ да и подтительныя слова, да Псалтиря съ слѣдованіемъ накрѣпко*; а какъ то изучатъ, могутъ послѣ того проучивая и конархати и чести всякія книги. А то мужики невѣжи

учатъ робятъ да рѣчь ему испортитъ, да первое изучатъ ему вечерню, а за это *мастеру* принести каши да гривну денегъ, за заутреню также да и больше того, а за часы особо, да поминки (подарки) кромѣ того, что рядилъ отъ него. А какъ отойдетъ отъ мастера, то ничего не умѣетъ, только по книгѣ бредетъ, а церковнаго устава ничего не знаетъ. А какъ государь укажетъ изучить Псалтырь съ слѣдованіемъ да и все то, что выше писано, и укажетъ, что брать *отъ того*, то учащимся будетъ легко, и не посмѣютъ отказываться. Да чтобы и поповъ ставленныхъ велѣлъ учить, *занеже то нерадѣніе въ землю вошло*. И какъ услышатъ то учащіеся, то съ усердіемъ примутъ ученіе".

Ересь Жидовствующихъ появилась сначала въ Новгородѣ. Названіе *Жидовствующихъ* еретики получили какъ потому, что основателемъ ереси былъ жидъ *Схарія*, прибывшій изъ Литвы или Кіева въ Новгородъ въ 1471 г., такъ и потому, что всего рѣзче въ ней поражалъ современниковъ элементъ жидовства. Жидовствующіе отвергали таинство пресв. Троицы, учили, что тотъ, кого свящ. книги называютъ Сыномъ Божіимъ, еще не родился, и когда родится, то назовется Сыномъ Божіимъ не по существу, а по благодати, подобно Моисею, Давиду и прочимъ пророкамъ; учили, что такъ какъ обѣщанный Мессія еще не пришелъ, то надобно во всей точности соблюдать законъ Моисеевъ. Но еще сильнѣе выражается въ ереси другой элементъ—*раціоналистическій*: Жидовствующіе порицали Св. церковь, отвергали таинства, возставали противъ ученія отеческаго и даже апостольскаго, противъ почитанія святыхъ, крестовъ, иконъ, мощей и другихъ священныхъ предметовъ; отвергали посты и монашество. Все это показываетъ, что ересь Жидовствующихъ заключала въ себѣ смѣсь разныхъ заблужденій, взятыхъ изъ разныхъ ересей. Кромѣ того, Жидовствующіе особенно уважали астрологію и математическія науки; у нихъ былъ *Шестокрылъ* (астрономическія таблицы), по которому они предсказывали разныя небесныя явленія; самъ Схарія былъ наученъ *„всякому изобрѣтенію, чернокнижію, чародѣйству, звѣздозаконію и астрологіи"*.

Когда узналъ Геннадій о распространеніи ереси въ Новгородѣ, немедленно сдѣлалъ *розыскъ* или слѣдствіе, въ которомъ, объясняя вредъ ереси, просилъ немедленно принять противъ нея мѣры и требовалъ казни еретиковъ. Высказывая это требованіе, въ посланіи къ митр. Зосимѣ, онъ ссылается на примѣръ испанскаго короля Фердинанда католика, который ввелъ инквизицію, о чемъ ему разсказывалъ цесарскій посолъ, при проѣздѣ чрезъ Новгородъ. Значитъ, мысль о казни еретиковъ явилась у Ген-

надія не самостоятельно, а подъ вліяніемъ Запада; такой мысли въ нашемъ церковномъ ученіи, дѣйствительно, до того времени не было. На борьбу съ жидовствующими Геннадіи вызвалъ игумена Волоколамскаго монастыря, Іосифа Волоцкаго.

Сочиненія пр. Іосифа Волоцкаго (1). Пр. Іосифъ (въ мірѣ Иванъ Санинъ род. 1440, ум. 1515 г.) представляетъ образецъ древняго строгаго инока и древняго русскаго богослова. Съ великою ревностью онъ возсталъ противъ ереси, убѣдилъ в. князя принять строгія мѣры противъ еретиковъ и своими стараніями достигъ того, что въ 1504 г. въ Москвѣ снова созванъ былъ соборъ, на которомъ еретики были осуждены, и нѣкоторые преданы сожженію, а другіе посланы въ заточеніе по разнымъ монастырямъ.

Содержаніе и значеніе Просвѣтителя. Во время борьбы съ ересью Жидовствующихъ Іосифъ написалъ нѣсколько *посланій* къ разнымъ лицамъ, которыя потомъ вошли въ составъ его обширнаго сочиненія, извѣстнаго подъ именемъ *Просвѣтителя*(1). Просвѣтитель содержитъ въ себѣ исторію ереси Жидовствующихъ и опроверженіе ея ученія. Онъ состоитъ изъ предисловія, гдѣ излагается исторія ереси (впрочемъ только до перваго собора противъ нея въ 1490 г., окончаніе ея излагается въ 15-мъ словѣ) и 16-ти словъ, въ которыхъ весьма подробно опровергаются ея заблужденія. Сначала въ предисловіи излагается исторія ереси Жидовствующихъ. „Въ великой землѣ Русской, говоритъ Іосифъ, съ тѣхъ поръ, какъ посѣтилъ ее Востокъ свыше и свѣтомъ богоразумія озарилъ самодержца и владыку ея, блаженнаго Владиміра, въ продолженіи 470 лѣтъ, никто не видалъ ни еретика, ни отступника. Но діаволъ, для превращенія и смущенія правой вѣры, посѣявшій во всей вселенной сѣмена зловѣрія, опуталъ своими кознями и землю Русскую“. Потомъ онъ разсказываетъ о началѣ распространенія ереси въ Новгородѣ и Москвѣ, излагаетъ ученіе еретиковъ и говоритъ о соборѣ въ 1490 г., на которомъ еретики были осуждены. На этомъ останавливается исторія ереси и оканчивается предисловіе. Затѣмъ слѣдуетъ опроверженіе ереси въ 16-ти словахъ. Изъ нихъ особенно интересны 8, 9, 10, 11, 13, 14, 15 и 16 слова.

Въ 8, 9 и 10 словахъ разсматривается ученіе Жидовствующихъ о кончинѣ міра и второмъ пришествіи Спасителя. Мысль

---

(1) Просвѣтитель изданъ въ Прав. Собес. 1855 г.

о кончинѣ міра была въ средніе вѣка общею мыслію во всей Европѣ, откуда она перешла и къ намъ въ Россію. Основываясь на двухъ мѣстахъ Апокалипсиса (20, 4. 6), на Западѣ ждали кончины міра въ X в., по окончаніи тысячи лѣтъ отъ Р. Х. Потомъ стали ждать ее съ концомъ 6-й и 7-й тысячи отъ сотворенія міра. Въ одной русской пасхаліи противъ 1492 г. было написано: „*здѣ страхъ, здѣ скорбь! Аки въ распятіи Христовѣ сей кругъ бысть, сіе лѣто и на конецъ явися, въ неже чаемъ и всемірное твое пришествіе*". Послѣднимъ годомъ считался именно 1492 годъ, а послѣднимъ мѣсяцемъ мартъ. Этою мыслію Жидовствующіе воспользовались для своихъ возраженій. Когда прошелъ 1492-й годъ, они начали смѣяться надъ ученіемъ Церкви о второмъ пришествіи Спасителя и порицать тѣ писанія, на которыхъ основывалось ученіе о кончинѣ міра, и особенно писанія св. Ефрема Сирина. Іосифъ подробно разбираетъ мнѣнія о кончинѣ міра. Онъ говоритъ, что какъ вообще не слѣдуетъ пытать о томъ, что отъ насъ сокрыто, такъ въ особенности о кончинѣ міра, которая намъ неизвѣстна; потомъ разбираетъ мѣста отеческихъ писаній, на основаніи которыхъ составилось ложное ожиданіе кончины міра, по окончаніи седьмой тысячи. Въ 11-мъ словѣ, которое больше всѣхъ другихъ словъ, и состоитъ изъ четырехъ отдѣльныхъ главъ, опровергаются возраженія Жидовствующихъ противъ монашества. По той мѣрѣ, какъ монастыри умножались и усиливались, въ нихъ входило много недостатковъ; бѣдные и простые люди часто искали въ монастырѣ только пріюта и смотрѣли на монашескую жизнь, какъ на средство къ прокормленію, богатые и знатные часто укрывались въ немъ отъ преслѣдованія власти, или поступали прямо по повелѣнію самой власти и естественно вносили въ монастырь многія привычки, нажитыя въ мірѣ, въ богатой и праздной жизни. Недостатки монашеской жизни послужили для еретиковъ поводомъ къ отрицанію самого монашества. Постригшись въ иноки съ молодыхъ лѣтъ и самъ будучи строгимъ инокомъ, Іосифъ явился ревностнымъ защитникомъ монашества. Въ 11-мъ словѣ онъ собралъ все, что могло доказывать его достоинство и преимущество, какъ высшей формы христіанской жизни. Слова 13, 14, 15 и 16 написаны Іосифомъ послѣ второго собора на еретиковъ, когда осужденные еретики стали распространять мнѣніе, что не должно осуждать ни еретика, ни отступника, приводя евангельскія слова: не осуждайте, да не осуждени будете. Это мнѣніе и особенно мнѣніе, что не слѣдуетъ подвергать еретиковъ казни, высказывалось и православными; его раздѣлялъ и Іоаннъ III; но особенно сильно возставали противъ казни еретиковъ Вологодскіе старцы. Это были иноки Вологод-

скихъ монастырей и Кирилло-бѣлозерскаго монастыря. Старцы эти составляли особую партію, которая отличалась нѣкоторымъ свободомысліемъ и на многіе предметы смотрѣла иначе, чѣмъ Іосифъ и его послѣдователи. Самымъ рѣзкимъ представителемъ этой партіи и въ то же время самымъ сильнымъ противникомъ Іосифа былъ инокъ-князь Вассіанъ Патрикѣевъ, по прозванію Косой, имѣвшій свою пустыню на Бѣлоозерѣ и считавшійся ученикомъ пр. Нила Сорскаго. Сторонникъ Елены, онъ во время паденія ея партіи былъ насильно постриженъ въ монахи и потому естественно сдѣлался врагомъ Іосифа, стоявшаго на сторонѣ партіи, его низвергнувшей. Особенно рѣзко Вассіанъ и Вологодскіе старцы расходились съ Іосифомъ въ двухъ современныхъ вопросахъ: о казни еретиковъ и о монастырскихъ имѣніяхъ. Опровергая мнѣніе Жидовствующихъ и ихъ сторонниковъ о казни еретиковъ, Іосифъ высказываетъ въ упомянутыхъ словахъ, что должно не только осуждать, но и проклинать еретиковъ, что иноки должны стараться объ искорененіи еретиковъ, а власть свѣтская должна подвергать ихъ наказаніямъ. Такъ какъ Жидовствующіе указывали на слова Спасителя: не осуждайте, да не осуждени будете, и на слова Златоуста, что не должно ненавидѣть или убивать ни невѣрнаго, ни еретика, то Іосифъ объясняетъ, какъ надобно понимать эти слова и говоритъ: „когда невѣрные и еретики не прельщаютъ православныхъ, тогда не должно дѣлать имъ зло, но если они стараются увлечь и совратить православныхъ, тогда должно *истинно ненавидѣти ихъ, или осуждати, но и проклинати и язвити и симъ руку свою освятити*“. Положеніе христіанъ и особенно пастырей и учителей въ этомъ случаѣ онъ сравниваетъ съ положеніемъ пастуховъ, которые оставляютъ звѣря въ покоѣ, когда онъ не вредитъ стаду, но когда замѣтятъ нападеніе волковъ, то немедленно вооружаются и убиваютъ ихъ.

Во всѣхъ словахъ, вмѣстѣ съ опроверженіемъ еретическихъ мнѣній, Іосифъ излагаетъ и положительное ученіе Церкви о спорномъ пунктѣ, иногда въ такой полнотѣ, какъ будто это составляетъ главную цѣль его сочиненія; кромѣ того, онъ часто дѣлаетъ отступленія отъ главнаго предмета, останавливается на мысляхъ, соприкосновенныхъ съ нимъ, и излагаетъ ихъ весьма подробно. Такимъ образомъ въ Просвѣтитель вошло множество разсужденій о разныхъ предметахъ вѣры и дѣятельности христіанской. Понятно, что въ то время, когда Церковь, тревожимая еретиками, нуждалась въ оружіи противъ нихъ, сочиненіе Іосифа получило особенное значеніе и заслужило названіе *Просвѣтителя*. Въ исторіи же литературы Просвѣтитель имѣетъ значеніе, какъ первое такое обширное русское богословское сочиненіе, въ которомъ разсматриваются почти всѣ истины христіанской вѣры и дѣятельности.

Путешествія въ XV в.: іеродіакона Зосимы по св. мѣстамъ; іеромонаха Симеона въ Италію; Аѳанасія Никитина въ Индію. *Зосима* былъ іеродіаконъ Троицкой лавры. Путешествіе по святымъ мѣстамъ онъ началъ съ Кіева, откуда отправился въ Царьградъ, изъ Царьграда на Аѳонскую гору и наконецъ въ Іерусалимъ, гдѣ онъ пробылъ цѣлое лѣто и посѣтилъ всѣ святыя мѣста. При описаніи путешествія, онъ пользовался *хожденіемъ* игумена Даніила и *странникомъ* Стефана. *Суздальскій іеромонахъ Симеонъ* былъ одинъ изъ спутниковъ митр. Исидора, во время его путешествія на Флорентинскій соборъ. Въ своихъ запискахъ онъ описываетъ разные иноземные города, нѣмецкіе и итальянскіе, которые ему привелось видѣть: Дерптъ, Любекъ, Люнебургъ, Аугсбургъ, Нюренбергъ, Феррару, Флоренцію, Венецію. Весьма интересны взгляды путешественника, или лучше, тѣ впечатлѣнія, какія производили на него европейскіе города и разныя въ нихъ достопримѣчательности. Въ Любекѣ поразили Симеона и его спутниковъ воды, проведенныя въ городъ, текущія трубами по всѣмъ улицамъ, а въ Люнебургѣ—фонтаны, имѣвшіе форму статуй: „истекаютъ изъ тѣхъ людей изъ всѣхъ воды сладки и студены: у инаго изъ устъ, а у инаго изъ ока, а у инаго изъ локтя, а у инаго изъ ноздрію“. Въ Феррарѣ вниманіе Симеона остановили часы въ колокольнѣ, устроенные съ такимъ чуднымъ механизмомъ, что при каждомъ ударѣ, во время боя этихъ часовъ, выходилъ изъ столба ангелъ и трубилъ въ трубу. Въ Венеціи, кромѣ того, показалось замѣчательнымъ то, что по всѣмъ улицамъ вода, и ѣздятъ по улицамъ въ баркахъ. Изъ особенностей природы европейскихъ странъ Симеона поразили Тирольскія горы: „дивны горы тѣ и толикой высоты суть, яко облаки въ полъ ихъ ходятъ, и облаки отъ нихъ ся взимаютъ. Снѣзи же лежатъ на нихъ отъ сотворенія горъ тѣхъ“.

Путешествіе Аѳанасія Никитина въ Индію. Аѳанасій Никитинъ былъ тверской купецъ. Съ цѣлію выгодно продать русскіе товары въ Персіи, онъ присоединился къ русскому посольству, отправлявшемуся въ 1466 г. къ шемахинскому владѣтелю и чрезъ Персію пробрался въ Индію. Въ Индіи онъ пробылъ три года и въ 1472 г. возвращался на родину, но на дорогѣ умеръ въ Смоленскѣ. Путешествіе Никитина ([1]) интересно, между прочимъ и потому, что Никитинъ былъ въ Индіи еще прежде открытія морского пути въ восточную Индію португальцемъ Васко да-Гамою

([1]) Подробное изслѣдованіе и обозрѣніе *хожденія* напечатано И. И. Срезневскимъ въ Уч. Зап. Ак. Н. кн. II. вып. 2. 1856 г.

въ 1497 г. Никитинъ сообщаетъ много интересныхъ свѣдѣній. Какъ русскій человѣкъ, для котораго всего важнѣе была вѣра, онъ и въ Индіи обратилъ особенное вниманіе на вѣру индійцевъ. „Всѣхъ вѣръ въ Индіи, говоритъ онъ, 84 (подъ вѣрами, вѣроятно, разумѣются многочисленныя касты индійскія), и всѣ вѣруютъ въ Бута (Будду); а вѣра съ вѣрою ни пьетъ, ни ѣстъ, ни женятся между собою". Онъ посѣтилъ священный городъ Перватъ, былъ въ индійскихъ храмахъ, видѣлъ индійскихъ идоловъ и описалъ ихъ. Описывая главные торговые города Индіи и пристани индійскаго моря, онъ разсказываетъ о нравахъ и обычаяхъ народа. Наконецъ, въ запискахъ рѣзко отразилась и личность самого Никитина, какъ русскаго православнаго христіанина и патріота. Съ чрезвычайною скорбію онъ говоритъ о томъ, какъ трудно въ такой далекой странѣ соблюсти чистоту вѣры и исполнить всѣ ея обряды. „Вотъ уже прошли, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, четыре великія говѣйна (четыре великихъ поста) и четыре великіе дни (четыре пасхи), а я не знаю, ни что великій день, ни что постъ, не знаю ни рождества Христова, ни другихъ праздниковъ, ни среды, ни пятницы. Книги мы взяли съ собою изъ Руси, но теперь уже ихъ нѣтъ; когда меня ограбили, то отняли и книги, и я промежду иновѣрцевъ только молю Бога, чтобы онъ сохранилъ меня". Не зная точно времени, онъ соблюдалъ посты и праздники приблизительно, по соображенію.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ СЛОВЕСНОСТИ XVI В.

Въ произведеніяхъ словесности XVI в. выражается съ одной стороны стремленіе къ критическому разбору недостатковъ русской жизни, вмѣстѣ съ заботою о ихъ исправленіи, а съ другой— стремленіе подвести итогъ подъ выработанныя издавна начала, правила и обычаи. Строгій разборъ всѣхъ недостатковъ религіозной, умственной и нравственной жизни сдѣлалъ *Максимъ Грекъ* въ своихъ сочиненіяхъ. Такой же разборъ религіозно-церковной жизни произведенъ отцами *Стоглаваго собора*, какъ показываютъ записки этого собора. Стоглавъ жалуется на упадокъ древнихъ уставовъ и преданій и стремится возстановить ихъ. При упадкѣ жизни, вслѣдствіе ея уклоненія отъ древнихъ правилъ, весьма естественно также было стремленіе собрать эти правила въ одинъ кодексъ, подвести итогъ къ сложившимся издавна обычаямъ. Такой кодексъ древнихъ правилъ, издавна сложившихся обычаевъ въ частной домашней жизни, представляетъ въ себѣ *Домострой*. Въ области литературной такое же значеніе итога или свода имѣетъ сборникъ митр. Макарія — *Великія Четьи-Минеи*,

въ которомъ собраны были почти всѣ книги, находившіяся въ употребленіи у нашихъ предковъ, и въ которомъ слѣд. подведенъ итогъ къ богатствамъ древней письменности. Главное богатство въ ней составляли житія святыхъ, которыя до сихъ поръ разсѣяны были по разнымъ мѣстамъ; Москва, собравшая всѣ областныя силы русскаго государства, становится центромъ и всѣхъ мѣстныхъ святыхъ, собирая сказанія объ нихъ въ одинъ сборникъ. Вмѣстѣ съ собираніемъ всѣхъ областей въ одно Московское государство, утверждалось единодержавіе и выработывался типъ самодержавнаго царя Московскаго; въ XVI в. этотъ типъ сложился окончательно. Какъ собираніе областей въ одно государство, такъ и утвержденіе единодержавія сопровождались сильною борьбою между князьями и боярами, коренившеюся еще въ старинныхъ родовыхъ отношеніяхъ князя и дружины; внутреннія основанія этой борьбы, начавшейся издавна и окончившейся при Грозномъ, весьма рѣзко выразились *въ сочиненіяхъ Грознаго и князя А. Курбскаго.* Таковы главныя литературныя явленія XVI в. Вслѣдъ за ересью Жидовствующихъ явились имѣвшія тѣсную связь съ нею ереси *Бакшина и Косаго* и вызвали въ литературѣ замѣчательное полемическое сочиненіе—*Показаніе истины* инока Зиновія. Кромѣ того, встрѣчается еще нѣсколько сочиненій въ описательномъ и историческомъ родѣ.

Сочиненія Максима Грека (1). Максимъ Грекъ былъ призванъ въ Россію для разбора великокняжеской библіотеки и для перевода книгъ на славянскій языкъ, въ которыхъ нужда особенно почувствовалась при борьбѣ съ жидовствующими; но по особеннымъ обстоятельствамъ его дѣятельность приняла самые широкіе размѣры. Онъ явился не только переводчикомъ книгъ, но и распространителемъ просвѣщенія и здраваго пониманія вѣры и благочестія, не только исправителемъ книгъ, но и исправителемъ нравовъ современнаго русскаго общества.

Максимъ былъ албанскій грекъ (род. въ городѣ Артѣ въ Албаніи около 1480 г.), но въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ отправился для образованія въ Италію. Направленіе въ образованіи было филологическое; преимущественно изучали греческую и римскую литературу. Максимъ сначала жилъ во Флоренціи, а потомъ въ Венеціи. Во Флоренціи онъ былъ знакомъ съ Савонаролою; въ Венеціи онъ слушалъ знаменитаго ученаго Іоанна Ласкариса и былъ въ короткихъ сношеніяхъ съ типографомъ, переводчикомъ

(1) Сочиненія Максима Грека изданы въ Праз. Собесѣдникѣ за 1859, 1860, 1861 и 1862 г.

и издателемъ книгъ, Альдомъ Мануччи. Здѣсь онъ познакомился съ произведеніями греческой и римской литературы. Неразумное увлеченіе древнею языческою литературою привело Италію къ самымъ вреднымъ послѣдствіямъ: въ наукѣ къ противорелигіозности, а въ жизни къ совершенной распущенности нравовъ. Вмѣсто св. Писанія и отцовъ церкви, руководителями и высшими авторитетами при всѣхъ разсужденіяхъ сдѣлались Платонъ и Аристотель. Вмѣстѣ съ языческими заблужденіями, во всей Европѣ въ XV—XVI в. была распространена вѣра въ астрологію, въ зависимость судьбы и дѣлъ человѣка отъ теченія звѣздъ и планетъ. Слѣдуя астрологіи, начали вѣрить, будто все въ мірѣ и судьба человѣческая управляется движеніемъ и вліяніемъ звѣздъ, стали отвергать будущую жизнь и смѣяться надъ религіей. Увлеченіе языческими идеями встрѣтило во Флоренціи сильнаго обличителя въ лицѣ Іеронима Савонаролы (род. 1452 ум. 1498 г.), который за свои обличенія былъ обвиненъ въ разныхъ церковныхъ и гражданскихъ преступленіяхъ и въ 1498 г., по распоряженію папы Александра VI, какъ еретикъ, былъ сожженъ на кострѣ. Максимъ зналъ Савонаролу, слушалъ его проповѣди, удивлялся его твердости въ вѣрѣ. Личность Савонаролы произвела глубокое впечатлѣніе на Максима и конечно имѣла большое вліяніе на образованіе его характера: и въ Максимѣ мы видимъ ту же ревность по вѣрѣ и ту же смѣлость въ обличеніи пороковъ, какимъ онъ удивлялся въ Савонаролѣ. Около 1507 г. Максимъ отправился на Аѳонскую гору и оставался тамъ до того времени, когда пришло изъ Россіи на Аѳонъ приглашеніе книжнаго переводчика.

Прибытіе въ Россію (въ 1518 г.) такого образованнаго человѣка, какъ Максимъ Грекъ, было, какъ нельзя болѣе, необходимо. Въ XVI в. со всею силою начали обнаруживаться гибельные плоды того невѣжества, въ которомъ такъ долго оставался Русскій народъ: въ священныя и богослужебныя книги вкрались грубыя ошибки, извращавшія чистоту истинной вѣры; несущественные церковные обряды были возведены на степень догматической важности, и вообще все благочестіе получило чисто внѣшній, обрядовый характеръ; ложныя апокрифическія сказанія читались наравнѣ съ книгами св. Писанія; во всѣхъ сословіяхъ страшно усилились суевѣрія и упадокъ нравственности. Кромѣ того, ересь Жидовствующихъ, хотя и была осуждена соборомъ 1504 г., но находила еще довольно приверженцевъ; проживавшіе въ Россіи иностранцы распространяли противоцерковныя идеи, астрологическіе календари и вѣру въ звѣздочетство. Наконецъ, всегдашнія стремленія Латинской церкви подчинить себѣ нашу Церковь въ это время еще усилились. Жившій тогда въ Москвѣ ученый латиня-

нинъ, Николай Нѣмчинъ, писалъ и распространялъ разныя сочиненія въ пользу своей церкви. Такое положеніе Россіи, естественно, должно было вызвать Максима къ самой разнообразной дѣятельности: нужно было переводить и исправлять книги, объяснять истинный смыслъ вѣры и значеніе церковныхъ обрядовъ, обличать суевѣрія и пороки, бороться противъ латинства и другихъ иноземныхъ вліяній. Такъ какъ Максимъ въ это время еще не зналъ славянскаго языка, то ему даны были въ пособіе при переводѣ съ латинскаго помощники. Псалтирь была переведена чрезъ полтора года, и Максимъ хотѣлъ возвратиться на Аѳонъ; но князь Василій Іоанновичъ и митрополитъ Варлаамъ упросили его заняться исправленіемъ богослужебныхъ книгъ. Онъ началъ исправлять Тріодь, а потомъ и другія книги. Многочисленныя и грубыя ошибки, которыя онъ при этомъ встрѣтилъ въ книгахъ, онъ высказывалъ, по прямотѣ своего характера, прямо и рѣзко. Это возбудило ропотъ въ приверженцахъ буквы. Къ тому же, при несовершенномъ знаніи славянскаго языка, онъ и самъ допустилъ нѣкоторыя ошибки, при исправленіи книгъ. Исправляя книги, Макимъ въ то же время возставалъ противъ разныхъ недостатковъ религіозной и нравственной жизни русскаго народа и подвергалъ ихъ въ своихъ сочиненіяхъ самому строгому осужденію. Сочиненія эти, естественно, производили противъ него раздраженіе во многихъ и вмѣстѣ съ исправленіемъ книгъ и нѣкоторыми другими обстоятельствами были причиною того, что онъ подвергался разнымъ обвиненіямъ и преслѣдованіямъ и болѣе 25 лѣтъ содержался въ тяжеломъ монастырскомъ заключеніи. Скончался Максимъ въ 1556 г. въ Сергіевой Лаврѣ.

Сочиненія Максима по поводу перевода и исправленія книгъ. Для оправданія отъ обвиненій въ порчѣ священныхъ книгъ и ереси и отъ другихъ обвиненій, Максимъ написалъ нѣсколько сочиненій. Опровергая обвиненія въ порчѣ священныхъ книгъ, Максимъ указываетъ причины неисправности книгъ и объясняетъ дѣло книжнаго исправленія вообще. Ошибки въ старыхъ книгахъ онъ производитъ отъ неискусства древнихъ переводчиковъ, невѣжества переписчиковъ и неразумія исправителей. Не только переводъ, но и исправленіе книгъ, по его словамъ, требуютъ знанія языковъ, знакомства съ грамматикой, риторикой, піитикой и даже философіей. Неудивительно, говоритъ онъ, что русскіе книжники не замѣчаютъ въ книгахъ ошибокъ: „не навыкнуша бо по сущему тайны священныя философіи богословцевъ, *по чернилу бо точію преходятъ... сего ради и множайшими согрѣшаютъ*“.

Догматико-полемическія сочиненія Максима. Сочиненія эти направлены противъ заблужденій язычества, іудейства, магометанства, католичества и протестантскаго раціонализма.

Сочиненія противъ латинянъ. Всего болѣе Максимъ писалъ противъ заблужденій латинской церкви. При Максимѣ въ Москвѣ жилъ ученый латинянинъ, *Николай Нѣмчинъ.* Онъ написалъ посланіе о соединеніи церквей, доказывая, что вѣра у грековъ и латинянъ одна и та же. Одинъ образованный бояринъ того времени, Ѳеодоръ Карповъ былъ въ сношеніяхъ съ Николаемъ Нѣмчиномъ. Да и самъ Николай Нѣмчинъ писалъ къ Максиму посланіе. Въ отвѣтъ Николаю Нѣмчину и вообще противъ латинства Максимъ написалъ нѣсколько посланій и словъ, въ которыхъ онъ опровергалъ заблужденія латинской церкви, указывая преимущественно на то, что она измѣнила догматъ объ исхожденіи Св. Духа, прибавивъ въ символѣ вѣры слова: *и отъ Сына.*

Сочиненія противъ астрологическаго ученія. Зная, какое вредное вліяніе производило на жизнь астрологическое ученіе на Западѣ, Максимъ сильно возсталъ противъ него, когда замѣтилъ слѣды его и въ Россіи. Онъ указываетъ на то, что астрологическое ученіе противно ученію о всеблагомъ промыслѣ Божіемъ и свободной волѣ человѣка, что оно ведетъ къ безразличію въ нравственныхъ достоинствахъ человѣка, освобождаетъ людей отъ отвѣтственности за ихъ дѣла, въ случаѣ несчастій приводитъ человѣка къ отчаянію.

Къ разряду полемическихъ сочиненій Максима относятся также *сочиненія противъ народныхъ суевѣрій, ложныхъ апокрифическихъ сказаній и неправильнаго пониманія нѣкоторыхъ церковныхъ молитвъ и обрядовъ.* Изъ апокрифическихъ сказаній Максимъ обратилъ вниманіе на сказанія: Афродитіана о чудѣ въ персидской землѣ во время рожденія Спасителя, объ Іудѣ предателѣ, о рукописаніи грѣховнѣмъ и о свѣтлой недѣли и на западный сборникъ апокрифическаго характера—*Люцидарій.*

Нравоучительныя сочиненія Максима. Самый важный отдѣлъ составляютъ *нравоучительныя сочиненія* Максима. Въ нихъ онъ подвергаетъ самому строгому разбору и осужденію всѣ недостатки религіозно-нравственной жизни русскаго народа во всѣхъ его сословіяхъ: 1) неправосудіе и мздоимство судей и начальниковъ и происходившіе отсюда грабежи, разбои и всякаго рода насилія, 2) фарисейское лицемѣріе, при отсутствіи истиннаго христіанскаго благочестія, и 3) слабыя стороны въ жизни духовенства и монашества.—1) На неправосудіе и мздоимство Максимъ жалуется почти въ каждомъ сочиненіи. Въ одномъ словѣ рисуется страшно разстроенное состояніе Россіи во время малолѣтства Грознаго подъ управленіемъ бояръ. Россія изображается здѣсь въ

видѣ жены, сидящей на распутіи, облеченной въ черную одежду, какая вдовамъ свойственна, стонущей и безутѣшно плачущей; со всѣхъ сторонъ ее окружаютъ звѣри—львы, медвѣди, волки и лисицы. На вопросъ путника, кто она такая и зачѣмъ тутъ сидитъ, жена проситъ его оставить ее въ покоѣ и пройти мимо ея съ молчаніемъ: „мои несчастія, говоритъ она, *не токмо не удобь сказаема суть, но и отнюдь неисцѣльна отъ человѣковъ*". Уступая однакожъ просьбѣ путника, она говоритъ: „я одна изъ благородныхъ и славныхъ дщерей царя и содѣтеля Владыки; имя мое *Василія* (царство)... Меня, дщерь царя и содѣтеля всѣхъ, стараются *подручить себѣ* всѣ славолюбцы и сластолюбцы; весьма мало у меня истинныхъ рачителей, которые бы, достойно Отца моего и моего царскаго имени, заботились о дѣлахъ людей, живущихъ на землѣ; большая же часть, одолѣваемые сребролюбіемъ и лихоимствомъ, лютѣйшимъ образомъ морятъ подвластныхъ всякими истязаніями". Указавъ на угрозы въ словѣ Божіемъ противъ неправедно начальствующихъ, она говоритъ: „пренебрегая все это, *сущіи во властѣхъ* беззаконно и противно пируютъ нынѣ съ гуслями, сурнами, тимпанами, смѣхотвореніемъ, сквернословіемъ и буесловіемъ... Нѣтъ у меня, говоритъ жена, поборающихъ по мнѣ, въ ревности Божіей; нѣтъ іерея Вышняго, великаго Самуила, съ дерзновеніемъ ополчившагося противъ преступника Саула; нѣтъ Наѳана, мудрою притчею исцѣлившаго царя Давида и спасшаго его отъ лютаго паденія; нѣтъ ревнителей, подобныхъ Иліи и Елисею". Обличая неправосудіе и мздоимство, Максимъ въ то же время объяснялъ въ своихъ сочиненіяхъ обязанности судей и правителей.—2) Неправосудіе, мздоимство и разнаго рода насилія и несправедливости тѣмъ болѣе возмущали душу Максима, что они прикрывались наружнымъ, чисто фарисейскимъ благочестіемъ. Дѣлая разнаго рода несправедливости, многіе успокоивали свою совѣсть строеніемъ и украшеніемъ храмовъ, многочисленными поклонами, молитвами и постами, нисколько не заботясь о нравственномъ исправленіи и не оставляя своихъ беззаконныхъ дѣлъ. На это ложное, чисто внѣшнее пониманіе вѣры и благочестія, при которомъ уживались въ русской жизни самыя неправедныя дѣла, Максимъ постоянно нападаетъ въ своихъ нравоучительныхъ сочиненіяхъ: „Поелику вы хвалитесь и думаете почитать Меня муромъ и доброшумными колоколами, то послушайте внятно и прилежно моего поученія и утвердите его въ сердцахъ вашихъ: не для доброшумныхъ колоколовъ, пѣснопѣній и многоцѣннаго мура Я сошелъ на землю и принялъ вашъ образъ... вся подсолнечная моя и исполненіе ея... прекрасными пѣніями и хваленіями предивными непрестанно прославляетъ Меня вокругъ престола безчисленное множество без-

плотныхъ пѣвцовъ... но ради вашего спасенія, которое для Меня всего дороже, Я претерпѣлъ съ любовію всѣ страданія.. Для того Я и повелѣлъ написать въ книгахъ мои спасительныя заповѣди и наставленія, чтобы вы могли знать, какъ угождать Мнѣ. Вы же *книгу моихъ словесъ* снаружи и внутри обильно украшаете серебромъ и золотомъ, а силы заповѣдей моихъ, въ ней написанныхъ, не принимаете, и не только не исполняете, но и поступаете противно имъ... Установленные Мною праздники въ славу и честь мою, а вамъ во святыню и для исправленія добраго житія, вы дѣлаете предлогомъ пьянства и безчинія, безобразно безчинствуя въ нихъ" (1).—3) Печальное состояніе вѣры и нравственности въ народѣ весьма много зависѣло отъ духовенства, которое, въ большинствѣ своихъ членовъ, ни по образованію, ни по жизни, не могло быть хорошимъ руководителемъ въ дѣлахъ вѣры и благочестія. Максимъ въ своихъ сочиненіяхъ постоянно говоритъ о томъ, что пастыри не учатъ народъ, и въ своей жизни ничѣмъ не отличаются отъ своихъ пасомыхъ. „Нѣтъ ни одного, говоритъ онъ въ одномъ сочиненіи, кто бы училъ прилежно, наказывалъ безчинныхъ, утѣшалъ малодушныхъ, защищалъ немощныхъ, обличалъ противящихся слову благочестія, угрожалъ безстуднымъ, обращалъ заблудшихъ отъ истины и честнаго житія христіанскаго. Но съ особенною силою и рѣзкостію Максимъ изображаетъ въ своихъ сочиненіяхъ слабыя стороны въ монашествѣ. Въ монастырскихъ имѣніяхъ онъ видѣлъ причину ослабленія монашеской жизни. Владѣніе ими онъ считалъ противнымъ основной идеѣ монашества.

Такимъ образомъ Максимъ касался въ своихъ сочиненіяхъ почти всѣхъ главныхъ предметовъ вѣры и дѣятельности. Онъ хотѣлъ оградить православное ученіе въ Россіи отъ иновѣрныхъ заблужденій и объяснить истинный духъ вѣры, подавленный въ русской жизни обрядовою стороною, истинное пониманіе благочестія, затемненное невѣжествомъ, суевѣріемъ и грубыми пороками. Нѣтъ сомнѣнія, что его просвѣтительная дѣятельность не осталась безплодною, хотя она возбудила противъ него преслѣдованіе. Его обличительный голосъ былъ строгъ и рѣзокъ, но въ лучшихъ людяхъ онъ находилъ сочувствіе.

Стоглавъ. *Стоглавомъ* называются Записки о дѣяніяхъ московскаго собора 1551 г., которыя состоятъ *изъ ста главъ* (2). Сначала въ Стоглавѣ излагается исторія собора—какъ царь Іоаннъ Грозный, по совѣту съ митр. Макаріемъ, повелѣлъ собрать соборъ архіереевъ со всей русской земли. Затѣмъ слѣдуютъ рѣчи царя,

(1) Соч. Максима Грека т. 2. стр. 260—270.

(2) Стоглавъ напечатанъ въ Прав. Собес. 1862 г.

которыя онъ говорилъ отцамъ собора и въ которыхъ просилъ отцевъ утвердить *древнія преданія христіанской истинной нашей вѣры;* за ними помѣщены 37 вопросовъ, предложенныхъ на разсмотрѣніе собора, и наконецъ отвѣты на нихъ или самыя постановленія собора. Въ рѣчи своей Грозный говоритъ, что *„прежніе обычаи поизшатались и въ самовластіи учинено по своимъ волямъ и прежніе законы порушены“*. Въ вопросныхъ пунктахъ онъ указываетъ на тѣ же недостатки, на какіе указывалъ Максимъ Грекъ и другіе учители, а именно: на отступленіе отъ церковныхъ уставовъ, при совершеніи церковныхъ службъ и обрядовъ, неправильное писаніе иконъ, порчу священныхъ книгъ, которыя писцы пишутъ съ неправильныхъ переводовъ (опись къ описи прибываетъ), небрежное ученіе грамотѣ и отсутствіе училищъ, грубые нравственные пороки и суевѣрія въ народѣ.

Начало книгопечатанія. Для устраненія порчи церковныхъ книгъ, на Стоглавомъ соборѣ было положено дозирать, чтобы писцы писали съ добрыхъ переводовъ; но эта мѣра, какъ мы замѣтили, была неисполнима и не могла прекратить зла. Поэтому Грозный и митр. Макарій въ 1553 г. для печатанія церковныхъ книгъ рѣшились завести типографію. Чрезъ десять лѣтъ послѣ этого былъ построенъ въ Москвѣ типографскій домъ и подъ надзоромъ Датчанина Миссенгейма началось печатаніе. Печатными мастерами были: діаконъ Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Тимоѳеевъ Мстиславецъ. Сначала они напечатали Апостолъ въ 1563—1564 г., а потомъ въ 1565 г. Часовникъ. Но невѣжественные и суевѣрные люди возстали противъ этого великаго и столь необходимаго дѣла, какъ противъ ереси; типографскій домъ, говорятъ, былъ сожженъ, а Ѳедоровъ и Тимоѳеевъ, обвиненные въ ереси, должны были спасаться бѣгствомъ и ушли въ Литву и здѣсь занялись печатаніемъ книгъ. Сначала они трудились въ Заблудовѣ, у гетмана Хоткевича; потомъ Ѳедоровъ печаталъ въ Львовѣ, а Тимоѳеевъ въ Вильнѣ; наконецъ Ѳедоровъ перешелъ въ Острогъ, къ князю Константину Острожскому, стараніями котораго въ 1581 г. была напечатана первая славянская Библія, извѣстная подъ именемъ *Острожской.* Между тѣмъ и въ Москвѣ послѣ Ѳедорова и Тимоѳеева книгопечатаніе возобновилось; въ 1568 г. однимъ изъ учениковъ ихъ, Андроникомъ Невѣжею, была напечатана Псалтырь.

Домострой. При упадкѣ жизни, вслѣдствіе ея уклоненій отъ древнихъ правилъ и уставовъ, весьма естественно было стремленіе собрать эти правила въ одинъ кодексъ, подвести итогъ подъ сложившіеся издавна обычаи. Такой кодексъ древнихъ пра-

вилъ и преданій, издавна сложившихся обычаевъ въ частной домашней жизни, представляетъ въ себѣ *Домострой*, приписываемый знаменитому современнику Іоанна Грознаго, священнику Сильвестру ([1]). Впрочемъ, по послѣднимъ изслѣдованіямъ, безспорно Сильвестру въ Домостроѣ можетъ быть приписана только одна послѣдняя LXIV глава: „Посланіе и наказаніе отъ отца къ сыну"; только она въ большей части списковъ надписывается его именемъ и заключаетъ въ себѣ особое завѣщаніе къ сыну, отдѣльное отъ прочихъ главъ. Всѣ прочія главы Домостроя образовались въ разныя времена и приведены въ порядокъ еще прежде Сильвестра; Сильвестру же принадлежитъ только составленіе новаго, болѣе краткаго, извода Домостроя. Въ Домостроѣ выражается не частный взглядъ одного человѣка и даже не воззрѣнія и правила только одной эпохи XVI в. Въ немъ излагаются обычаи, образовавшіеся издавна, въ теченіе всей древне-русской жизни, преподаются наставленія, составившіяся подъ вліяніемъ всей древне-русской письменности. Тѣсная связь Домостроя и особенно первыхъ его 25 главъ съ памятниками древней письменности несомнѣнна. Не только основной взглядъ и мысли, которыя высказываются въ этихъ правилахъ, но даже самыя выраженія, въ какихъ они передаются, постоянно указываютъ на священныя и богослужебныя книги, житія святыхъ и разныя отеческія сочиненія, которыя отъ самыхъ первыхъ временъ были источникомъ образованія нашихъ предковъ. Наставленія о почитаніи родителей (гл. XVII), о воспитаніи дѣтей (гл. XVIII), изображеніе доброй и умной жены хозяйки (гл. XX) заимствованы изъ книгъ св. Писанія—Притчей, Премудрости Соломона и Премудрости Іисуса, сына Сирахова. Наставленія о хожденіи

([1]) Сильвестръ былъ Новгородскимъ священникомъ и вызванъ былъ изъ Новгорода въ Москву митр. Макаріемъ въ 1547 г. Въ Москвѣ, въ качествѣ совѣтника Іоанна Грознаго, въ должности священника въ придворномъ Благовѣщенскомъ храмѣ, онъ находился 6 лѣтъ. Въ 1553 г., потерявъ расположеніе Іоанна, онъ удалился въ Кирилловъ монастырь и здѣсь постригся въ иноки, съ именемъ Спиридона. Въ 1560 г. Грозный заточилъ его въ Соловецкій монастырь, гдѣ онъ и скончался. Памятникомъ образованія и любви къ книжному дѣлу Сильвестра, кромѣ Домостроя, служатъ три посланія, написанныя имъ—одно къ Іоанну Грозному и два къ Казанскому воеводѣ, князю Шуйскому-Горбатову, и много рукописей съ его именемъ, сохранившихся въ библіотекахъ Кириллова и Соловецкаго монастырей. Домострой напечатанъ въ Врем. Общ. ист. и древн. 1849 г., кн. I. Другое изданіе Домостроя сдѣлано Яковлевымъ по рукописямъ Имп. Публ. библіотеки 1867 и 1887. Третье изданіе въ Чтен. Общ. Ист. и древн. 1881 кн. 2.

въ церковь и поведеніи во время церковной службы, о домашней молитвѣ, о почитаніи отца духовнаго, о содержаніи слугъ, о воздержаніи отъ лихоимства и вообще неправеднаго стяжанія, о трезвости и поведеніи во время стола, весьма сходны, иногда въ самыхъ выраженіяхъ, съ разными сборниками отеческихъ сочиненій. Начало многихъ благочестивыхъ обычаевъ Домостроя лежитъ еще въ первыхъ вѣкахъ русской жизни. Правила напр. о томъ, чтобы, при отходѣ ко сну, полагать по три поклона въ землю, чтобы въ полночь вставать на молитву, чтобы утромъ, вставъ съ постели, отпѣть заутреню и часы, а въ недѣлю и праздникъ—молебенъ празднуемымъ святымъ, предписывалъ еще Владиміръ Мономахъ въ своемъ поученіи; правила эти въ Домостроѣ и выражены почти словами этого поученія. Обычаи дѣлать разныя пожертвованія въ церкви и монастыри, посѣщать тюрьмы и больницы и подавать въ этихъ мѣстахъ милостыни, въ важныхъ и трудныхъ дѣлахъ обращаться за совѣтомъ и благословеніемъ къ святительскому и иноческому и вообще духовному чину, во время болѣзни служить молебны, святить воду съ крестовъ и иконъ, давать обѣты и совершать путешествія по святымъ мѣстамъ ведутъ свое начало также отъ древнихъ временъ. То же надобно сказать и о тѣхъ правилахъ практической мудрости, бережливости, умнаго веденія хозяйства и управленія домомъ, которыя излагаются въ послѣднихъ главахъ Домостроя. Они составились постепенно, составляютъ достояніе мудрости вѣковъ предыдущихъ и вошли въ Домострой, вѣроятно, изъ домашнихъ записей и семейныхъ памятей.

Домострой не имѣетъ системы. Правда онъ раздѣленъ на главы, изъ коихъ каждая имѣетъ особое названіе; но часто въ одной и той же главѣ излагаются разныя наставленія, и одно и то же правило повторяется иногда въ нѣсколькихъ главахъ. Можно сказать только, что въ первыхъ XV главахъ излагаются преимущественно правила относительно вѣры и благочестія; въ слѣдующихъ за ними XVI—XXVI главахъ—семейныя правила, взаимныя обязанности мужа, жены, дѣтей и домочадцевъ; въ остальныхъ же XXVI—LXIII главахъ съ дополненіями, правила экономіи, управленія домомъ и вообще хозяйствомъ. Характеръ Домостроя чисто практическій; *праведное житіе* онъ представляетъ не въ общихъ чертахъ, но опредѣленно указываетъ, въ какихъ добродѣтеляхъ оно должно выражаться. Въ изложеніи побужденій къ праведному житію, онъ также не ограничивается одними высшими, чисто духовными, побужденіями, но присоединяетъ къ нимъ еще практическія побужденія, указываетъ на общественное мнѣніе—*на похвалу отъ людей* въ случаѣ праведнаго

житія, *и посмѣхъ и поношеніе* въ случаѣ *неправеднаго,* и кромѣ того вреда, какой причиняетъ порокъ душѣ, удаляя ее отъ Бога, указываетъ и на тѣ вредныя слѣдствія, какими сопровождается въ обыкновенномъ быту неправедная и безпорядочная жизнь. Такъ воспитывать дѣтей въ страхѣ Божіемъ онъ убѣждаетъ родителей тѣмъ, что дурныя „ненаказанныя (невоспитанныя) дѣти отъ Бога грѣхъ, а отъ людей укоръ и посмѣхъ, а дому тщета, а себѣ скорбь и убытокъ“, Еще рѣзче этотъ практическій или лучше сказать, житейскій характеръ обнаруживается въ тѣхъ наставленіяхъ Домостроя, которыя касаются обращенія съ людьми, различныхъ житейскихъ случаевъ и отношеній. Здѣсь видимъ уже не просто приложеніе правила, закона къ жизни, но иногда полное приспособленіе ихъ къ обстоятельствамъ, къ требованіямъ людей и времени. Отношенія ко всѣмъ людямъ въ Домостроѣ подчиняются слѣдующему общему правилу: „со всѣми надобно вести себя такъ, чтобы не только не навлечь на себя ненависти, вражды, обиды и разныхъ непріятностей, но и заслужить у всѣхъ расположеніе и доброе мнѣніе о себѣ“. Достигнуть этого очевидно можно было, между прочимъ, всегдашнею уклончивостію и даже угодливостію другимъ. И многія наставленія Домостроя направлены именно къ тому, чтобы научить, какъ ужиться съ разными людьми въ жизни и при этомъ по возможности сохранять правду, не ссорясь однакожъ съ неправедными людьми и не вредя ни своимъ добрымъ къ нимъ отношеніямъ, ни другимъ своимъ интересамъ. Такой принципъ далеко не согласный съ идеей вышей правды, образовала, разумѣется, сама жизнь древняя съ укоренившимися въ ней неправедными обычаями, которыя заставляли человѣка, служа правдѣ, угождать въ то же время и неправдѣ, и такимъ образомъ служить двумъ разнымъ господамъ.

Въ первыхъ XV главахъ Домостроя излагаются правила вѣры и благочестія. Жизнь, сообразная съ этими правилами, называется *праведнымъ житіемъ*, а люди, живущіе такимъ житіемъ— *людьми богобоязнивыми.* Вотъ идеалъ праведнаго житія людей богобоязнивыхъ. Каждый человѣкъ, какъ истинный христіанинъ, долженъ исполнять всѣ обязанности, предписываемыя Церковію, и во всемъ, по возможности, усвоять себѣ ея духъ. Въ самомъ домѣ его должно быть подобіе церкви: стѣны комнатъ надобно устанавливать иконами, на подобіе церковнаго иконостаса. Здѣсь, въ присутствіи семьи, своей домашней церкви, онъ долженъ возжигать свѣчи, воскурять ѳиміамъ, совершать утреню и вечерню молитвы, читать и пѣть часы, вечерню и молебны. „Въ дому своемъ, всякому христіанину, во всякой храминѣ, святые и чест-

ные образы, написанные на иконахъ, по существу ставити на стѣнахъ, устроивъ благолѣпно, со всякимъ украшеніемъ и со свѣтильники, въ нихъ же свѣщи предъ святыми образы возжигаются, на всякомъ славословіи Божіи, и по пѣніи погашаютъ; завѣсою закрываются, всякія ради чистоты, и отъ пыли всегда чистымъ крылышкомъ ометати и мягкою губою вытирати ихъ.... и храмъ тотъ чистъ держати всегда.... на славословіи и святомъ пѣніи и молитвѣ свѣчи вжигати и кадити благовоннымъ ладономъ и ѳиміамомъ; а образы святые поставляются, иже въ началѣ по чину" (гл. VIII). „По вся дни въ вечерѣ мужъ съ женою и съ дѣтьми и домочадцы, кто умѣетъ грамотѣ, отпѣти вечерню, павечерницу, полунощницу, съ молчаніемъ и со вниманіемъ, съ молитвою и поклоны. А въ полунощи всегда тайно вставъ, со слезами прилежно всегда Богу молитися, елико вмѣстимо, о своемъ согрѣшеніи.... А утрѣ вставъ, Богу молитися, и отпѣти заутреню и часы, а въ недѣлю и праздникъ молебенъ. А гдѣ некому пѣти, ино молитися довольно вечере и утре".... (гл. XII). Но домашней молитвой не должно ограничиваться, а нужно, какъ можно чаще, ходить въ церковь и приносить съ собою, по возможности, свѣчи, ладанъ, просфоры и прочія вещи, нужныя для богослуженія (глав. IX). Высшею формою христіанской жизни въ древнія времена считалась жизнь иноческая; самый уставъ иноческой жизни, не смотря на отличныя отъ нея условія жизни мірскихъ людей, во многихъ отношеніяхъ былъ обязателенъ для сихъ послѣднихъ. Въ Домостроѣ часто встрѣчаются наставленія мужу, женѣ и всѣмъ въ домѣ, не забывать правила келейнаго; распредѣленія разныхъ родовъ пищи и питія, въ разныя времена праздниковъ и постовъ, составлены примѣнительно къ монастырскимъ уставамъ. Многія правила и обычаи, предписываемые въ Домостроѣ всѣмъ, заимствованы изъ монашеской жизни. Послѣ молитвы, обязанностей къ Богу и Церкви, главными добродѣтелями въ древнія времена почитались постъ и благотворительность, или милостыня въ разныхъ видахъ (сюда относятся пожертвованія въ церкви и монастыри и проч.). Эти добродѣтели, постоянно внушаемыя въ разныхъ церковныхъ поученіяхъ, внушаются и въ Домостроѣ. Люди странные, нищіе, безпомощные въ Домостроѣ считаются даже въ числѣ членовъ семейства (гл. VII). Онъ совѣтуетъ всякому домохозяину приготовлять всѣхъ припасовъ домашнихъ гораздо болѣе, чѣмъ сколько требуется для дома, съ тою цѣлью, чтобы было на что содержать странныхъ и пришельцевъ и кормить нищихъ. Господа должны давать денегъ слугамъ, чтобы и они имѣли возможность подавать отъ себя милостыню.

Послѣ наставленій относительно вѣры и благочестія, въ Домостроѣ замѣчательны обязанности человѣка, какъ члена семейства: глав. XVI—XXVI. Главное лицо въ семействѣ, разумѣется, мужъ, отецъ, господинъ дома, въ которомъ все должно дѣлаться по его волѣ, съ его совѣта и разрѣшенія. Не только слуги, домочадцы и разные ремесленные люди, сама жена, каждый день, послѣ утренней молитвы, должна совѣтоваться съ нимъ о разныхъ нуждахъ, семейныхъ дѣлахъ и домохозяйствѣ, „и все творить по его наказанію". Съ его совѣта и разрѣшенія она также должна ходить въ церковь, выходить въ гости, къ роднымъ и знакомымъ и принимать гостей къ себѣ. Поддерживалась эта власть наказаніемъ, подъ которымъ разумѣлось поученіе на добро, вразумленіе словомъ (выговоръ) и наказаніе въ собственномъ смыслѣ. „И увидитъ мужъ, что не порядливо у жены и слугъ, ино умѣлъ бы свою жену наказывати всякимъ разсужденіемъ и учити. Аще жена по тому наказанію и наученію не живетъ, ино достоитъ мужу жену свою наказывати и пользовати страхомъ наединѣ, и понаказавъ пожаловати и примолвити, и любовію наказывати и разсуждати, а мужу на жену не гнѣватися, ни женѣ на мужа: всегда жити въ любви и чистосердечіи. А только (если) велика вина и кручиновато дѣло и за великое и страшное ослушаніе и небреженіе, ино плеткою вѣжливенько побить, за руки держа, по винѣ смотря, да поучивъ примолвити, а гнѣвъ бы не былъ, а люди бы того не вѣдали и не слыхали" (глав. XXXVIII). Какъ мужу, отцу, господину дома, принадлежитъ власть надъ семействомъ и надо всѣмъ въ домѣ, такъ женѣ—хозяйкѣ должна принадлежать распорядительность по дому и хозяйству. Нравственный идеалъ жены въ Домостроѣ изображается въ тѣхъ же чертахъ, въ какихъ онъ изображается въ книгахъ премудрости Соломона и Іисуса, сына Сирахова: „хвалится жена добрая, молчаливая, трудолюбивая и послушная; такая жена вѣнецъ мужу своему, дороже камени многоцѣннаго; она удѣлъ боящихся Господа" (глав. XX). Собственныя требованія Домостроя отъ жены относятся къ занятіямъ хозяйственнымъ, область которыхъ онъ назначаетъ для нея исключительною дѣятельностію: ея дѣло заниматься хозяйствомъ. Для этого она должна вставать прежде всѣхъ въ домѣ: „а николиже бы государыню (госпожу) слуги не будили, а государыня бы сама слугъ будила" (глав. XXIX). Проснувшись рано, она всѣмъ людямъ въ домѣ должна дать работу и указать порядокъ на весь день; а чтобы работа шла успѣшнѣе, должна не только смотрѣть за другими, но и сама знать, какъ всякое дѣло дѣлать, чтобы могла указать другимъ. Другихъ требованій отъ жены Домострой не предъяв-

ляетъ. Было, разумѣется, одно важное дѣло, которое слѣдовало поручить женщинѣ, воспитаніе дѣтей; но воспитаніе въ тѣ времена не отличалось много *отъ питанія* и было такъ не сложно, что для него не требовалось ни особаго времени, ни особой заботы; оно и состояло только въ ученіи страху Божію, вѣжеству и рукодѣлію; сыновей учили письму и разнымъ промысламъ. Методъ, какому Домострой совѣтуетъ слѣдовать при воспитаніи дѣтей, основанъ на тѣхъ же началахъ, на которыхъ основана была власть отца, господина въ семействѣ т. е. на страхѣ и наказаніи (гл. XVII). Воспитаніе оканчивалось бракомъ. При этомъ особенныя были заботы о дочеряхъ, состоявшія въ приготовленіи приданаго. Домострой на этотъ случай преподаетъ слѣдующія любопытныя наставленія: „а у кого дочь родится, ино разсудны люди, отъ всякаго приплода на дочерь откладываютъ, на ея имя, или животинку ростятъ съ приплодомъ; а у (отъ) полотенъ и у ширинокъ (платковъ) и у убрусовъ (полотенъ) и рубашекъ, по вся годы ей въ пришенной (особый) сундукъ кладутъ: и платье и саженье и монисто и святость (образа) и суды оловянные и мѣдяные и деревянные, прибавливати по немножку всегда, а не вдругъ: себѣ не въ досаду, а всево будетъ полно. Ино дочери растутъ, а страху Божію и вѣжеству учатся, а приданое съ ними вдругъ прибываетъ, и какъ замужъ сговорятъ, ино все готово.... А по судьбамъ Божіимъ только та дочь преставится, ино ее надѣлкомъ поминаютъ: по ея души сорокоустъ и милостыню изъ того даютъ“ (гл. XVI). Это приготовленіе приданаго было главною, а у многихъ исключительною цѣлію при воспитаніи дочерей. Кромѣ дѣтей и родственниковъ, къ семейству встарину принадлежали и слуги, подъ названіемъ домочадцевъ. Домострой предписываетъ заботиться о нихъ, какъ о своихъ чадахъ и присныхъ, и слѣдить не только за исправностью ихъ въ работѣ, но и за ихъ религіознымъ и нравственнымъ поведеніемъ.

Въ XXVI — LXIII главахъ излагаются наставленія относительно управленія домомъ и хозяйствомъ, правила экономіи и бережливости, *„благоразсудливаго и порядливаго житія“*. Основное правило, которое здѣсь предписывается, состоитъ въ томъ, что каждому человѣку должно жить сообразно съ своимъ достаткомъ. Чтобы каждому жить по своимъ средствамъ и ни въ чемъ не нуждаться, нужно, во-первыхъ, всѣ хозяйственные припасы покупать въ свое время и покупать не помелочамъ, а массой; а во-вторыхъ, купленные или заготовленные дома припасы сберегать, чтобы они не испортились, или не были раскрадены. Въ послѣднихъ главахъ помѣщены наставленія, какъ приготовлять обѣды

и пиры для гостей. При этомъ, весьма подробно перечисляютъ разныя кушанья, постныя и скоромныя, которыя слѣдуетъ подавать на столъ въ то или другое время года. Особое также приложеніе встрѣчается въ нѣкоторыхъ спискахъ Домостроя, подъ названіемъ: „нарядъ гостинный и нарядъ свадебный", гдѣ излагаются наставленія, какъ принимать гостей молодымъ.

Такимъ образомъ, въ Домостроѣ самыми подробными правилами опредѣленъ каждый шагъ въ жизни человѣка, начиная съ важнѣйшихъ обязанностей религіозныхъ и оканчивая самымъ мелочнымъ хозяйственнымъ занятіемъ. Правила эти, слагавшіяся издавна, въ Домостроѣ приведены были въ одинъ кодексъ, который, заключивъ русскую жизнь въ строго опредѣленныя формы, сдѣлался для нея неизмѣннымъ руководствомъ не только до реформы Петра В., но пережилъ и реформу и даже до сихъ поръ еще сохраняется въ жизни многихъ людей.

Посланіе и наказаніе отъ отца къ сыну, составляющее LXIV главу Домостроя и содержащее въ себѣ завѣщаніе Сильвестра своему сыну Анфиму, называютъ *малымъ Домостроемъ*, потому что оно представляетъ извлеченіе или сокращеніе наставленій большаго Домостроя. Завѣщаніе это, между прочимъ, очень хорошо характеризуетъ личность самого Сильвестра. Подобно Мономаху, который въ своемъ поученіи разсказываетъ своимъ дѣтямъ о своей жизни и своихъ подвигахъ, и Сильвестръ въ подкрѣпленіе своихъ наставленій указываетъ здѣсь своему сыну на свою собственную жизнь. „Ты видѣлъ, сынъ мой, говоритъ онъ, какъ я жилъ въ этомъ житіи, во благословеніи и страхѣ Божіемъ, въ простотѣ сердца и церковномъ прилежаніи, всегда пользуясь божественнымъ писаніемъ; какъ, Божіею милостію, я отъ всѣхъ былъ почитаемъ и всѣми любимъ, какъ всякому я старался угодить въ потребныхъ случаяхъ и рукодѣліемъ и службою, и покорностію, а не гордынею, ни прекословіемъ. Не осуждалъ я никого, не осмѣивалъ, не укорялъ и ни съ кѣмъ не бранился; приходила отъ кого обида, терпѣлъ ради Бога и на себя вину полагалъ, и чрезъ то враги дѣлались друзьями.... Не пропускалъ я никогда церковнаго пѣнія отъ юности моей и до сего времени, развѣ только по немощи. Никогда не презрѣлъ ни нищаго, ни страннаго, ни печальнаго, развѣ только по невѣдѣнію; заключенныхъ въ темницы и больныхъ посѣщалъ, плѣнниковъ и должниковъ, по силѣ, выкупалъ, голодныхъ по силѣ кормилъ. Рабовъ своихъ всѣхъ освободилъ и надѣлилъ, и иныхъ выкупалъ изъ рабства и на свободу отпускалъ. И всѣ тѣ рабы наши свободны и добрыми домами живутъ, какъ видишъ, и молятъ за насъ Бога, и всегда доброхотствуютъ намъ, а кто изъ

нихъ забылъ насъ, да проститъ его Богъ.... Видѣлъ ты, чадо, какъ многихъ сиротъ, рабовъ и убогихъ, мужескаго пола и женскаго, и въ Новгородѣ и здѣсь въ Москвѣ, я вспоилъ и вскормилъ до совершеннаго возраста и научилъ, кто къ чему былъ способенъ; многихъ грамотѣ писать и пѣть, иныхъ иконному письму, иныхъ книжному рукодѣлію, однихъ серебряному мастерству, другихъ всякому рукодѣлію, а иныхъ научилъ всякой торговлѣ. А мать твоя многихъ дѣвицъ и вдовыхъ и убогихъ воспитала въ добромъ наказаніи, научила рукодѣлію и всякому домашнему обиходу, и, надѣливъ, замужъ повыдала, и мужчинъ мы поженили у добрыхъ людей....".

Четьи-Минеи митр. Макарія. Митр. Макарій (1542—1564) былъ однимъ изъ просвѣщенныхъ дѣятелей въ царствованіе Грознаго. Онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ Стоглавомъ соборѣ (ему нѣкоторые приписываютъ и редакцію записокъ объ этомъ соборѣ); его стараніями вмѣстѣ съ Грознымъ была устроена первая типографія въ Москвѣ. Но самый важный памятникъ просвѣтительной дѣятельности Макарія составляютъ его *Великія Четьи-Минеи.* Мы выше замѣтили, что житія святыхъ были одними изъ первыхъ памятниковъ нашей письменности. Въ XIV и XV в., съ усиленіемъ монашеской жизни и умноженіемъ монастырей явилось множество житій, описаній чудесъ, сказаній объ основаніи монастырей и пустынь Трудами описанія занимались иногда сами митрополиты, архіепископы и епископы. До XVI в., особенно въ удѣльный періодъ Россіи, святые чтились большею частію въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они прославились. Москва, сосредоточивъ въ себѣ отдѣльныя области, сдѣлалась центромъ и всѣхъ мѣстныхъ святынь. Въ 1547 г. было установлено, когда какому святому должно праздновать, какимъ святымъ, — во всей Россіи, и какимъ мѣстно — только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они подвизались. Вмѣстѣ съ тѣмъ положено было составить службы и житія всѣхъ русскихъ святыхъ, для которыхъ они не были составлены. Вслѣдствіе этого явились многіе жизнеописатели и пѣснотворцы святыхъ Житія святыхъ составлялись въ разныя времена, и житіе одного и того же святого имѣло нѣсколько редакцій. Обыкновенно, прежде литературной обработки, въ формѣ настоящаго жизнеописанія, сказанія о жизни и подвигахъ святого существовали или въ устныхъ преданіяхъ, или въ простыхъ запискахъ современниковъ. Въ этихъ сказаніяхъ жизнь святого изображалась иногда со всею обстановкою жизни современной; въ нихъ заключались указанія на современные нравы, повѣрія и суевѣрія, встрѣчались нерѣдко

даже вымыслы народной фантазіи. При литературной обработкѣ эти сказанія подвергались критикѣ; все, что не выдерживало критики, или что не согласно было съ прямою цѣлію жизнеописателя, отбрасывалось. Цѣлію было изображеніе духовной жизни и духовныхъ подвиговъ святого, для нравственнаго назиданія читателей, а потому событія изъ обыкновенной мірской жизни святого, не представлявшія назиданія, были оставляемы безъ вниманія. Чрезъ такую критику житіе дѣлалось короче, пріобрѣтало больше значенія въ исторической вѣрности, но за то лишалось многихъ подробностей, весьма важныхъ въ бытовомъ отношеніи. Литературное достоинство житій, составленныхъ въ разныя времена, также не одинаково. Древнія житія отличаются простотою и естественностію разсказа. Таковы, напр., житія пр. Ѳеодосія, св. Бориса и Глѣба, пр. Антонія, св. Леонтія и Исаіи Ростовскихъ. Другой характеръ имѣютъ житія позднѣйшаго времени XIV—XVI в. Изъ Болгаріи и Сербіи въ это время распространился вкусъ къ украшенному и витіеватому слогу; простымъ изложеніемъ разсказа не удовлетворялись, а находили нужнымъ украшать его, такъ что нѣкоторыя житія, написанныя просто первыми составителями, поручались для передѣлки искуснымъ писцамъ. Витіеватымъ слогомъ особенно отличаются житія, написанныя Епифаніемъ и Пахоміемъ Логофетомъ. Всѣ житія русскихъ святыхъ, вмѣстѣ съ житіями святыхъ греческой Церкви, митр. Макарій соединилъ въ одинъ сборникъ *Четьи-Минеи*. Составлять этотъ сборникъ онъ началъ еще въ Новгородѣ, когда былъ тамъ архіепископомъ. „Писалъ я, говоритъ онъ въ предисловіи къ нему, сіи святыя великія книги въ великомъ Новгородѣ, когда былъ тамъ архіепископомъ, а писалъ и собиралъ ихъ въ одно мѣсто двѣнадцать лѣтъ, многимъ имѣніемъ и многими различными писарями, не щадя серебра и всякихъ почестей“. Кромѣ краткихъ и пространныхъ житій святыхъ, въ Четьи-Минеи вошли торжественныя, похвальныя и поучительныя слова на праздники и памяти святыхъ, цѣлыя книги св. Писанія съ толкованіями твореніями святыхъ отцевъ, учителей и писателей церковныхъ, патерики и „всѣ всятыя книги собраны и написаны, которыя въ русской землѣ обрѣтаются“. Такимъ образомъ Четь-Минеи митр. Макарія представляютъ сборникъ не только житій святыхъ, но почти всей древне-русской письменности Въ XVII в. они послужили источникомъ для Четь-Миней св. Димитрія Ростовскаго.

Сочиненія Іоанна Грознаго и князя А. Курбскаго. Послѣ сочиненій Максима Грека, Стоглава и Домостроя важнѣйшій

литературный памятникъ XVI в. составляютъ сочиненія Іоанна Грознаго и князя А. Курбскаго. Съ одной стороны они много объясняютъ оригинальный характеръ Грознаго и его царствованія; съ другой представляютъ довольно много любопытныхъ чертъ дополняющихъ общую картину умственнаго и религіозно-нравственнаго состоянія, изображаемую указанными памятниками. Послѣ Владиміра Мономаха, написавшаго поученіе своимъ дѣтямъ, до Іоанна Грознаго мы не встрѣчаемъ между князьями ни одного писателя. Грозный не только любилъ читать книги, но и самъ брался за перо и умѣлъ владѣть имъ, любилъ говорить рѣчи и отличался замѣчательнымъ краснорѣчіемъ. Памятникомъ его образованія и краснорѣчія служатъ: рѣчь, говоренная имъ на лобномъ мѣстѣ, при публичномъ покаяніи предъ народомъ, рѣчь при открытіи Стоглаваго собора, посланіе въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, посланія къ князю Курбскому и духовное завѣщаніе. Изъ нихъ особенно замѣчательны: *посланіе въ Бѣлозерскій монастырь и посланія къ Курбскому.*

Посланіе Грознаго въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь (1) написано по поводу безпорядковъ и упадка жизни въ этомъ монастырѣ. Монастырь этотъ былъ мѣстомъ ссылки опальныхъ бояръ и князей; сдѣлавшись монахами, бояре не оставляли привычекъ боярской жизни, жили не по монашески и служили соблазномъ и дурнымъ примѣромъ для другихъ монаховъ. Грозный выставляетъ въ своемъ посланіи все противорѣчіе безпорядочной жизни идеалу монашества вообще и въ частности образцамъ древняго подвижничества. Съ обличеніемъ безпорядковъ въ Кирилловомъ монастырѣ соединяется рѣзкое обличеніе въ нестроеніяхъ и упадкѣ монашества и въ другихъ монастыряхъ. Посланіе написано къ игумену Кириллова монастыря, Козмѣ, который жаловался Грозному на монастырскіе безпорядки и просилъ его дать монахамъ наставленіе. Грозный сначала отрицается отъ этого (давать монахамъ наставленія), указывая на высоту монашескаго званія. „Я братомъ вашимъ, говоритъ онъ, не достоинъ называться, но по евангельскому слову, сотворите меня, какъ единаго отъ наемниковъ;... ибо написано: свѣтъ ангелы для иноковъ, а иноки свѣтъ для мірянъ. Вамъ должно наставлять насъ, заблудшихъ въ тьмѣ гордости и сѣни смертной“... Но, прикрывшись такимъ смиреніемъ, Грозный высказываетъ потомъ самыя рѣзкія укоризны монастырю. „Видите ли, какого плача и скорби достойно послаб-

(1) Напечатано въ Акт. ист. т. 1, № 204.

леніе иноческому житію. И потому вашему послабленію для Шереметева и Хабарова ([1]) такова у васъ слабость учинилась и преступленіе чудотворцева преданія. А если намъ благоволитъ Богъ у васъ постричься, то у васъ будетъ весь царскій дворъ, а монастыря уже не будетъ. Зачѣмъ же и идти въ монахи и говорить: отрицаюсь отъ міра и всего, что въ мірѣ, а міръ у всѣхъ на глазахъ. Какъ Шереметеву назвать другихъ монаховъ братіею, когда у него десятый холопъ, который въ кельи живетъ, ѣстъ лучше братіи. Великіе свѣтильники Сергій, Кириллъ, Варлаамъ, Димитрій и Пафнутій и многіе другіе преподобные въ русской землѣ, установили крѣпкіе уставы иноческому житію, а бояре, пришедши къ вамъ, ввели свои любострастные уставы. Значитъ, не они у васъ постриглись, а вы у нихъ, какъ бы не вы имъ законоположники и учители, а они вамъ. Да, уставъ Шереметева добръ, держите его, а Кирилловъ уставъ не добръ, оставьте его. Сегодня тотъ бояринъ одну страсть введетъ, а въ другой разъ иной другую слабость введетъ, и мало по малу весь обиходъ монастырской испразднится, и будутъ всѣ обычаи мірскіе. Вѣдь, по всѣмъ монастырямъ начальники сначала уставили крѣпкое житіе, а любострастные послѣ ихъ раззорили... Нынѣ у васъ Шереметевъ сидитъ въ кельѣ что царь и Хабаровъ къ нему приходитъ съ другими чернецами да ѣдятъ и пьютъ, что въ міру; а Шереметевъ, не вѣсть со свадьбы, не вѣсть съ родинъ, разсылаетъ по кельямъ постилы и коврижки и другія пряныя составныя овощи, и за монастыремъ дворъ, а на немъ всякіе годовые запасы а вы молчите о такомъ великомъ пагубномъ монастырскомъ безчиніи. А другіе говорятъ, будто и вино горячее приносили потихоньку въ келью къ Шереметеву. Въ монастыряхъ не только что горячее, и фряжскія вина—зазоръ: это ли путь спасенія? Это ли иноческое пребываніе?... Иноческое житіе не игрушка, три дня въ чернецахъ, а седьмой монастырь мѣняетъ... Надобны четки не на скрижаляхъ каменныхъ, а на скрижаляхъ сердца плотяныхъ; я видалъ, какъ по четкамъ бранятся: что въ тѣхъ четкахъ?—А впередъ о Шереметевѣ и другихъ такихъ нелѣпицахъ намъ не докучать; и отъ насъ отвѣту никакого не будетъ".

Переписка Грознаго съ княземъ Курбскимъ. Князь Андрей Курбскій былъ однимъ изъ славныхъ дѣятелей въ царствованіе Грознаго. Отличившись во многихъ битвахъ и особенно

([1]) Опальные бояре, постриженные въ монахи.

при взятіи Казани, онъ подвергся гнѣву Грознаго за одну проигранную битву съ литовцами, и долженъ былъ спасаться бѣгствомъ въ Литву и перешелъ на сторону Польскаго короля, Сигизмунда. Въ Литвѣ онъ сдѣлался самымъ дѣятельнымъ поборникомъ православной вѣры, которая здѣсь подвергалась нападеніямъ іезуитовъ. Онъ писалъ письма къ князю Острожскому, и другимъ знатнымъ лицамъ на Волыни и Литвѣ, возбуждая ихъ заботиться о христіанскомъ просвѣщеніи, собиралъ отеческія сочиненія, отыскивалъ для нихъ переводчиковъ, въ преклонныхъ уже лѣтахъ началъ учиться латинскому языку и словеснымъ наукамъ: грамматикѣ, реторикѣ и діалектикѣ, самъ перевелъ богословіе и діалектику Іоанна Дамаскина, Маргаритъ и наконецъ написалъ исторію Флорентинскаго собора, на который указывали католики въ доказательство истинности своего ученія. Вообще во всѣй дѣятельности Курбскаго ясно сказывается въ Курбскомъ достойный ученикъ Максима Грека, подобно ему ревностно заботившійся о православной вѣрѣ и христіанскомъ просвѣщеніи. Что же касается характера и взглядовъ Курбскаго, какъ политическаго дѣятеля, то они всего лучше выражаются въ его посланіяхъ къ Грозному и исторіи Грознаго ([1]).

Первое посланіе Курбскій написалъ изъ Вольмара, куда онъ убѣжалъ, спасаясь отъ гнѣва Грознаго, послѣ потери битвы подъ Невлемъ. „Царю, отъ Бога препрославленному, паче же въ православіи пресвѣтлу явльшуся, нынѣ же, грѣхъ ради нашихъ, сопротивъ сихъ обрѣтшемуся... За что ты, царь, побилъ сильныхъ во Израилѣ, и воеводъ, отъ Бога тебѣ данныхъ, предалъ разнымъ смертямъ, въ церквахъ Божіихъ пролилъ побѣдоносную святую кровь ихъ и мученическою кровью ихъ обагрилъ церковные пороги?.. Чѣмъ провинились предъ тобою и чѣмъ прогнѣвали тебя христіанскіе предстатели? Не раззорили ли они прегордыя царства и своимъ мужествомъ и храбростію не привели ли подъ твою власть тѣхъ, у кого были въ работѣ наши праотцы? Не преданы ли тебѣ во власть тщаніемъ ихъ разума претвердые германскіе грады? Не безсмертнымъ ли ты считаешъ себя, или въ *небытную* ересь прельстился, какъ бы не думая предстать предъ неумытнаго судью, Богоначальнаго Іисуса, имѣющаго судить вселенной въ правдѣ? Онъ, Христосъ мой, сѣдящій на херувимскомъ престолѣ, одесную силы владычества въ превысокихъ—судія между тобою и мною!“ Представляя бѣдствія и го-

---

([1]) Переписка съ Грознымъ и исторія Грознаго напечатаны въ Сказаніяхъ князя Курбскаго. Мѣста изъ нея приведены здѣсь по первому изданію 1833 г.

ненія, понесенныя какъ имъ, такъ и другими боярами, Курбскій говоритъ Грозному: „кровь моя, какъ вода, пролитая за тебя, вопіетъ на тебя къ моему Господу. Богъ зритель сердецъ: я прилежно размышлялъ умомъ своимъ, свою совѣсть обличителемъ и свидѣтелемъ противъ себя ставилъ, и не знаю и не нахожу себя согрѣшившимъ предъ тобою ни въ чемъ: съ твоимъ войскомъ всегда ходилъ и никогда не навелъ на тебя безчестія, но только побѣды пресвѣтлыя во славу твою поставлялъ". Указавъ потомъ на убитыхъ и заточенныхъ Грознымъ, онъ въ концѣ письма обращается къ нему съ такими словами: „убитые тобою стоятъ у престола Господня и просятъ на тебя отмщенія; заточенные и прогнанные тобою безъ правды, мы день и ночь вопіемъ отъ земли къ Богу... и сіе писаніе, слезами измоченное, въ гробъ съ собою велю положить, грядущи съ тобою на судъ Бога моего, Іисуса Христа" (¹).

Страшно поразило Грознаго такое посланіе отъ бывшаго его подданнаго. „Я получилъ твое письмо и хорошо понялъ: подъ устами твоими ядъ змѣиный, хотя снаружи оно полно меда и сота", говоритъ онъ ему въ своемъ отвѣтномъ посланіи. Въ этомъ посланіи онъ опровергаетъ каждое обвиненіе Курбскаго и доказываетъ ему, что онъ сдѣлался измѣнникомъ и погубилъ свою душу. „Почто ты, князь, если думаешъ быть благочестивымъ, отвергъ (погубилъ) единородную свою душу? Что ты заплатишъ за нее въ день страшнаго суда? Если и весь міръ пріобрѣтешъ, все таки смерть, наконецъ, постигнетъ тебя. Зачѣмъ ты продалъ душу за тѣло"? Онъ объясняетъ Курбскому, что, перешедши на сторону враговъ, онъ сдѣлался врагомъ отечеству и неизбѣжно будетъ вредить ему. „Ужели ты, окаянный, думаешъ уберечься? Если ты будешъ съ ними воевать, то и церкви (приведется) раззорять, и иконы попирать, и христіанъ погублять; если гдѣ и не дерзнешъ руками, то своею мыслію смертоносною много сдѣлаешъ такого зла. Подумай, какъ, во время войны, нѣжные младенческіе члены будутъ попираемы конскими копытами... и это твое злобѣсное умышленіе развѣ не уподобляется неистовству Ирода, который убилъ младенцевъ? Въ томъ ли состоитъ твое благочестіе, чтобы дѣлать зло?... Ради тѣла ты погубилъ душу и ради мимолетной славы пріобрѣлъ *нелѣпотную славу и не на человѣка возъярился, но на Бога возсталъ*.... Если ты называешъ себя праведнымъ и благочестивымъ, то зачѣмъ убоялся неповинной смерти, которая не есть смерть, а пріобрѣтеніе? Почто презрѣлъ и слова апостола Павла: всяка душа владыкамъ предвладующимъ да повинуется. Смотри и разумѣй, что противящійся власти Богу противится, а кто Богу

(¹) Сказанія кн. Курбскаго Спб. 1833. ч. II. стр. 1—8.

противится, тотъ отступникъ именуется, а это горчайшее согрѣшеніе.... И это сказано о всякой власти, которую и кровью и войной получаютъ.... Также презрѣлъ ты и другія слова Апостола: раби, послушайте господей своихъ, не предъ очима точію работающе, яко человѣкоугодницы, но яко Богу, и не токмо благимъ, но и строптивымъ, не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть. И если ты праведенъ и благочестивъ, то почему не захотѣлъ пострадать отъ меня, строптиваго владыки, и наслѣдовать вѣнецъ жизни, но ради временной славы, сребролюбія и сладости міра попралъ все свое благочестіе съ христіанскою вѣрою и закономъ?... Какъ не устыдился ты раба своего, Васьки Шибанова, который соблюлъ свое благочестіе и, стоя при вратахъ смерти, предъ царемъ и предъ всѣмъ народомъ, не отвергся отъ тебя, ради крестнаго цѣлованія, но готовъ былъ умереть за тебя, всячески тебя похваляя? Ты же не поревновалъ его благочестію: изъ за одного гнѣвнаго слова моего ты погубилъ не только свою душу, но и души всѣхъ прародителей, которыя Божіимъ изволеніемъ поручены въ работу дѣду нашему, великому государю"... Защищаясь противъ обвиненій Курбскаго въ жестокостяхъ, Грозный говоритъ, что во всѣхъ его дѣлахъ виновны бояре, которые испортили его и своими измѣнами вызвали его на гнѣвъ и жестокость. „А того въ своей злобѣ ты не могъ разсудить, что это не благочестіе, чтобы самодержавству находиться подъ властію попа и вашего злочестія.... Какъ ты не могъ уразумѣть и того, что властителямъ подобаетъ не яритися звѣрски, но и не смирятися безсловесно, какъ сказалъ апостолъ: овѣхъ убо милуйте, разсуждающе, овѣхъ же страхомъ спасайте, отъ огня восхищающе. Видишъ ли, какъ апостолъ повелѣваетъ спасать страхомъ?... Какъ ты не стыдишься злодѣевъ называть мучениками, не разсуждая словъ апостола: аще кто не законно мученъ будетъ, сирѣчь не за царя, не вѣнчается?..." Далѣе Грозный доказываетъ, что царямъ необходимо быть строгими и управлять самимъ, иначе царство раззорится: „Греки погубили свое царство и покорились туркамъ: не такую ли же погибель ты и намъ совѣтуешъ: да падетъ она на твою голову.. Развѣ это хорошо, чтобы попу и прегордымъ, и лукавымъ рабамъ владѣть, а царю только почтену быть предсѣданіемъ и честію царствія, а по власти быть ничѣмъ не лучше раба? Какъ же и самодержцемъ онъ можетъ назваться, если не самъ все устрояетъ?... А что ты писалъ: „за что я сильныхъ во Израили побилъ, и воеводъ, отъ Бога данныхъ намъ, различными смертями уморилъ"... такъ это ты писалъ и лгалъ ложно, какъ научилъ тебя отецъ твой, діаволъ.... Сильныхъ во Израили я не погубилъ, да и не знаю, кто сильнѣйшій во Израили.... Земля правится Божіимъ милосердіемъ, милостію пречистыя Богородицы, молитвами всѣхъ святыхъ, благословеніемъ нашихъ родителей, и послѣ нихъ, на-

ми, своими государями, а не судьями и воеводами... А что мы своихъ воеводъ казнили разными смертями, такъ мы, Божіею помощію, имѣемъ у себя множество воеводъ и кромѣ васъ измѣнниковъ. Мы вольны жаловать своихъ холопей, вольны также и казнить ихъ. Крови въ церквахъ мы никакой не проливали и праговъ церковныхъ никакою кровію не обагряемъ; сколько силы и разумъ намъ позволяютъ, церкви Божіи сіяютъ всякими украшеніями, не только праги и помостъ, но и преддверія; а мучениковъ за вѣру въ сіе время у насъ нѣтъ; доброхотныхъ же своихъ, полагающихъ за насъ свою душу истинно, а не лестію... мы жалуемъ всякимъ великимъ жалованьемъ, а тѣ, которые окажутся противниками, казнь пріемлютъ по своей винѣ". Далѣе Грозный указываетъ, какія измѣны и обиды привелось ему терпѣть отъ бояръ въ прежнее время, начиная съ малолѣтства.... „А что ты писалъ о томъ, будто тѣ предстатели (бояре) прегордыя царства раззорили и покорили подъ власть тѣхъ, у кого прежде праотцы ваши въ работѣ были, то это справедливо только о царствѣ Казанскомъ, а около Астрахани и близко вашея милости не было, не только что дѣла... Въ этомъ ли состоитъ храбрость, чтобы службу ставить въ опалу? и такъ ли слѣдовало покорять прегордыя царства? Сколько ни было хожденія въ казанскую землю, когда вы ходили не съ понужденіемъ, охотно? Вы всегда ходили какъ *на бѣдное* хожденіе. Такъ ли вы прегордыя царства раззорили, что народъ смущали безумными толками и отвращали отъ войны. А во время пребыванія подъ Казанью, вы всегда совѣтовали развращенное, и когда истощились запасы, то, простоявъ три дня, вы хотѣли возвратиться домой... Такъ ли раззоряютъ прегордыя царства?.. Судіею Христа Бога нашего ты ставишъ между собою и мною, и я этого суда не отметаюсь... Онъ, Господь Богъ нашъ, судитель праведный, испытующій сердца и утробы... знаетъ, за какое дѣло вы на меня возстали и въ чемъ отъ меня пострадали, если, по вашему безумію, я простеръ на васъ месть съ милостію... вы соблазнъ всему и начало злу... Ты ставишъ судіею Христа, а дѣлъ его отметаешься; Онъ говоритъ: солнце да не зайдетъ во гнѣвѣ вашемъ... А что ты говоришъ: „кровь твоя, пролитая отъ иноплеменныхъ за насъ, вопіетъ на насъ къ Богу", то это достойно смѣха. Кровь, пролитая другими, на другаго и вопіетъ. Да если и пролита твоя кровь сопротивными супостатами, то это ты сдѣлалъ для отечества; еслибы ты не сдѣлалъ этого, то былъ бы не христіанинъ, а варваръ. Еще больше вопіетъ къ Богу наша кровь, пролитая вами: не ранами, а многими трудами вы отягощали меня; отъ вашего озлобленія и утѣсненія, вмѣсто крови, много слезъ пролилось изъ очей нашихъ, много было воздыханій и стоновъ сердечныхъ... Свое пи-

саніе ты хочешъ положить съ собою во гробъ; это значитъ, что ты отложилъ послѣднее свое христіанство. Господь повелѣлъ не противиться злу, а ты и обычное послѣднее прощеніе отвергъ, и потому не должно быть и пѣнію надъ тобою".

Отвѣчая на это посланіе Грознаго, Курбскій называетъ его *широковѣщательнымъ и многошумящимъ* и говоритъ, что оно *отрыгнуто* отъ неукротимаго гнѣва со многими ядовитыми словами; со многою яростію и лютостію въ немъ хватано отъ многихъ священныхъ книгъ, не строками и не стихами, какъ свойственно искуснымъ и ученымъ, но цѣлыми книгами, паремьями и посланіями. Не прилично такъ варварски писать въ чужую землю, гдѣ есть искусные не только въ грамматическомъ и реторическомъ, но и философскомъ ученіи. Курбскій говоритъ, что онъ, какъ оскорбленный и изгнанный, заслуживаетъ утѣшенія, и хорошо ли *грысти такъ кусательно* за глаза невиннаго человѣка и бывшаго вѣрнаго слугу своего. „Я хотѣлъ, говоритъ онъ, отвѣчать на каждое слово твое и могъ бы, потому что, по благодати Христа моего, и языкомъ отеческимъ владѣю и довольно научился, но удерживаю руку съ тростію: я отдаю всё, какъ и въ прежнемъ посланіи писалъ къ тебѣ, на судъ Божій и положилъ здѣсь молчать, а говорить тамъ со дерзновеніемъ предъ маестатомъ (величествомъ) Христа моего, вмѣстѣ со всѣми избіенными и гонимыми тобою" ([1]).

Но Грозный не оставилъ въ покоѣ Курбскаго и снова вызвалъ его на переписку. Въ 1577 г. онъ взялъ городъ Вольмаръ, куда сначала бѣжалъ Курбскій, и тотчасъ же написалъ къ нему посланіе, въ которомъ, указывая на одержанныя имъ побѣды надъ нѣмцами, Литвою и татарами, онъ укорялъ его: „вы говорили: нѣтъ людей на Руси, некому стояти; и нынѣ васъ нѣтъ: кто же нынѣ беретъ претвердые германскіе грады?... Ты себѣ въ досаду написалъ, будто бы мы посылали тебя въ дальніе города, какъ въ опалу, а вотъ мы нынѣ, Божіею помощію, прошли далѣе твоихъ дальныхъ городовъ... И гдѣ ты хотѣлъ успокоиться отъ всѣхъ трудовъ своихъ, въ Вольмарѣ, и туда Богъ принесъ насъ на покой твой; и гдѣ ты хотѣлъ спастись отъ насъ, мы и тутъ, по Божьей волѣ, тебя нагнали". Въ этомъ посланіи Грозный снова разбираетъ первое посланіе Курбскаго и жалуется на прежнія обиды и измѣну бояръ, утверждая, что они погубили царицу Анастасію и его самого довели *до Кроновы жертвы*: „а съ женою вы меня за что разлучили? если бы вы не отняли у меня моей юницы, то не было бы *Кроновы жертвы*". Чрезъ два

([1]) Сказанія Курбскаго ч. II. стр. 103—106.

года Грозный самъ потерпѣлъ пораженіе въ войнѣ съ Литвою и потерялъ городъ Полоцкъ. Воспользовавшись этимъ случаемъ, Курбскій въ 1579 г. послалъ къ Грозному одно за другимъ два обличительныя посланія. Въ первомъ изъ нихъ онъ исчисляетъ бѣдствія Россіи по изгнаніи и убіеніи доблестныхъ мужей: голодъ, сожженіе Москвы, бѣгство войска отъ крымскихъ татаръ, и опять опровергаетъ клеветы, взведенныя на него Грознымъ. Въ заключеніи письма онъ говоритъ ему: „уже пора твоему величеству укротиться и войти въ чувство; мы уже ближе стали ко гробу тѣломъ, а душею безсмертною и умомъ къ суду Божію, нежели къ суетному сему житію“ (1).

Въ перепискѣ Грознаго съ Курбскимъ прежде всего выразились ихъ личныя отношенія, какъ противниковъ, глубоко оскорбленныхъ другъ другомъ: и Курбскій и Грозный во всемъ винятъ другъ друга, и тотъ и другой во всемъ считаютъ себя правыми и видятъ одинъ въ другомъ одни недостатки. Только изъ сравненія ихъ посланій можно уразумѣть справедливость. Но, вмѣстѣ съ личными отношеніями, по замѣчанію Соловьева, отразились въ перепискѣ и родовыя преданія, вскрылась историческая связь явленій. Грозный смотритъ на Курбскаго, не какъ на простаго отъѣзжчика, оставившаго отечество только изъ страха личной опалы, но какъ на представителя цѣлой боярской партіи, противной царской власти. Поэтому, онъ всего болѣе защищаетъ въ своихъ посланіяхъ идею самодержавной царской власти. Курбскій также упрекаетъ Грознаго не за себя одного, а за многихъ, и грозитъ ему небесною карою также за многихъ: онъ является защитникомъ идеи боярской. Основная мысль Курбскаго та, что царь долженъ совѣтоваться съ боярами, что прежде только тогда и было хорошо, когда слушались ихъ совѣтовъ, и все пошло дурно, когда Грозный удалилъ совѣтниковъ и сталъ управлять самъ. Основная мысль Грознаго совершенно противоположная: царь не долженъ находиться ни подъ чьимъ вліяніемъ. „Это ли совѣсть прокаженная, по твоему, чтобы царство свое въ рукѣ держать? До сихъ поръ русскіе владѣтели не давали отчета никому. Жаловать своихъ холопей мы вольны, вольны также и казнить ихъ“ (2). Въ литературномъ отношеніи посланія Грознаго носятъ на себѣ отпечатокъ его сильной и оригинальной личности. Грозный имѣлъ большія свѣдѣнія въ св. писаніи, писаніяхъ отеческихъ, лѣтописяхъ и хронографахъ; но эти свѣдѣнія онъ употреблялъ почти безъ всякой переработки, а прямо, какъ вычиталъ, „*не строками*

---

(1) Сказанія Курбскаго. ч. II. стр. 119—144.

(2) Соловьева Ист. Россіи ч. VI. стр. 204—216.

и стихами, по выраженію Курбскаго, *но цѣлыми книгами, паремьями и посланіями*". Въ слогѣ Грознаго отражается его страстная натура и въ частности то возбужденное состояніе духа, въ какомъ онъ писалъ; его разсужденія слишкомъ многорѣчивы и пространны; это особенно надобно сказать о первомъ его посланіи, которое Курбскій справедливо называетъ *широковѣщательнымъ и многошумящимъ*. Другой недостатокъ составляетъ безпорядокъ въ изложеніи. Грозный не излагаетъ предмета, а безпокойно бросается отъ одного предмета къ другому, не окончивъ одного переходитъ къ другому, а иногда нѣсколько разъ начинаетъ говорить объ одномъ и томъ же. Но, не смотря на эти недостатки, слогъ его отличается необыкновенною силою; его выраженія часто чрезвычайно оригинальны и прямо и мѣтко попадаютъ въ цѣль. Особенно замѣчательно умѣнье поймать противника на словѣ и обратить противъ него его же собственное оружіе, и способность къ ироніи, которая составляетъ отличительную черту его слога и придаетъ его сочиненіямъ ту силу, за которую Курбскій называетъ ихъ *кусательными*. Письма Курбскаго, какъ человѣка не просто начитаннаго, но и знакомаго съ словесными науками, отличаются значительною правильностію и стройностію изложенія; но въ языкѣ ихъ много словъ и оборотовъ польскихъ и латинскихъ.

Исторію Іоанна Грознаго Курбскій написалъ, какъ онъ самъ замѣчаетъ, по просьбѣ многихъ людей, которые желали знать, отъ чего произошла страшная перемѣна въ Іоаннѣ, который послѣ добраго правленія сдѣлался тираномъ своихъ подданныхъ. Исторія состоитъ изъ девяти главъ и содержитъ описаніе жизни Грознаго, отъ самаго его дѣтства до 1578 г. Начало и первую причину жестокости въ Грозномъ Курбскій видитъ въ его воспитаніи. Исправленіе Грознаго и успѣхи славныхъ дѣлъ первой половины его царствованія онъ приписываетъ Сильвестру и Адашеву и вообще мудрымъ совѣтникамъ и доблестнымъ мужамъ, которые его окружали. Перемѣна въ характерѣ Іоанна началась послѣ удаленія этихъ совѣтниковъ, когда Грозный сталъ слушать своихъ ласкателей, новыхъ совѣтниковъ. Описывая разныя событія, Курбскій хочетъ объяснить и причины ихъ. Только объясненія его часто не вѣрны или поверхностны. У него нѣтъ историческаго спокойствія и безпристрастія; онъ и здѣсь, какъ въ посланіяхъ къ Грозному, является человѣкомъ партіи.

Слабыя стороны въ жизни духовенства и разныя церковныя нестроенія благопріятствовали распространенію ересей, которыя въ нихъ находили опору для себя. Послѣ ереси Жидовствующихъ явились двѣ ереси—Матвѣя Бакшина (или Башкина) и Ѳеодосія

Косаго. Впрочемъ о Бакшинѣ и его ереси осталось мало опредѣленныхъ свѣдѣній.

Истины показаніе Отенскаго инока Зиновія. Свѣдѣнія о ереси Θеодосія Косаго сохранились въ сочиненіи ученика Максима Грека, инока Отенскаго монастыря (близъ Новгорода), Зиновія (ум. въ 1568 г.). Къ Зиновію пришли однажды три послѣдователя ереси Косаго, крылошане Хутынскаго Спасова монастыря (два монаха, Герасимъ и Аθанасій, и міряниръ Θеодоръ, иконописецъ), и просили его сказать свое мнѣніе *о новомъ ученіи.* Узнавъ отъ крылошанъ, въ чемъ состоитъ это *новое ученіе,* Зиновій написалъ противъ него обширное сочиненіе, подъ заглавіемъ: *„Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи“* (¹). Въ немъ онъ подробно излагаетъ свои бесѣды съ крылошанами, разбирая отдѣльно каждый пунктъ еретическаго ученія. Все сочиненіе состоитъ изъ 56 главъ или 10 пришествій крылошанъ. Заключая въ себѣ опроверженіе еретическаго ученія Косаго, оно въ то же время хорошо характеризуетъ религіозное и умственное состояніе русскаго общества въ XVI в., указывая на всѣ крупные и мелкіе религіозные вопросы того времени. Въ историческомъ ходѣ полемика Зиновія была продолженіемъ полемики Іосифа, какъ и ересь Косаго была крайнимъ развитіемъ того раціоналистическаго ученія, которое, проникнувъ съ Запада и привившись къ Русскому невѣжеству, сначала выразилось въ ереси Жидовствующихъ; поэтому *Показаніе истины* тѣсно связывается съ *Просвѣтителемъ* и по содержанію и по направленію. Особенно въ первой части сочиненія Зиновія раскрываются тѣ же пункты христіанскаго ученія, какъ и въ сочиненіи Іосифа; сходство въ мысляхъ и доказательствахъ и въ порядкѣ ихъ расположенія показываетъ, что Зиновій руководствовался Просвѣтителемъ. Но, съ другой стороны, полемика Зиновія, какъ дальнѣйшій шагъ впередъ, хотя въ одномъ и томъ же направленіи, гораздо тверже и основательнѣе. Зиновій не ограничивается, какъ Іосифъ, простымъ подборомъ и перечисленіемъ свидѣтельствъ на извѣстную мысль изъ Писанія и Отцевъ Церкви, но объясняетъ ихъ, сопоставляетъ между собою и съ другими мѣстами и выводитъ заключенія. Онъ глубже, нежели Іосифъ, проникаетъ въ смыслъ и силу еретическихъ мудрованій и въ опроверженіи ихъ принаравливается къ пріемамъ своихъ противниковъ и старается дѣйствовать тѣмъ же оружіемъ.

(¹) Напечатано въ Правосл. Собесѣдн. за 1863 г.

Ученіе Косаго, по словамъ крылошанъ, нравилось своею ясностію и простотою (нынѣшнее ученіе открыто, а ученіе отеческое закрыто); и Зиновій также заботится о простотѣ и ясности изложенія, разсматриваетъ и объясняетъ каждую мысль съ такими подробностями, что часто становится растянутымъ и утомительнымъ. Такъ какъ Косой, по словамъ крылошанъ, училъ по книгамъ, давая самимъ слушателямъ читать объясняемыя имъ мѣста, то и Зиновій, опровергая его мудрованія, не ограничивается указаніемъ на книгу Писанія или книгу отеческую, но читаетъ самыя мѣста изъ этихъ книгъ. Наконецъ, ученіе Косаго нравилось простотою и естественностію объясненій; и Зиновій не ограничивается приведеніемъ свидѣтельствъ изъ писаній, но часто употребляетъ доказательства отъ разума и изъ простыхъ явленій природы. При такихъ качествахъ, сочиненіе Зиновія, естественно, должно было получить весьма важное значеніе для борьбы съ раціоналистическимъ ученіемъ въ XVI и XVII вв.

Путешествія въ XVI в. Изъ путешествій XVI в. замѣчательно *путешествіе московскихъ купцовъ, Трифона Коробейникова и Юрія Грекова.* Въ 1583 г. они ходили въ Іерусалимъ, Египетъ и на Синайскую гору, по распоряженію Грознаго, который посылалъ ихъ въ эти мѣста съ милостынею на поминовеніе убитаго имъ Іоанна царевича. Путешествіе ихъ находило много читателей, часто переписывалось и нѣсколько разъ было напечатано. Главный интересъ его для древнихъ читателей заключался, разумѣется, въ тѣхъ апокрифическихъ, легендарныхъ, чудесныхъ разсказахъ, которыми оно наполнено.

СОСТОЯНІЕ ОБРАЗОВАНІЯ И СЛОВЕСНОСТИ ВЪ ЮГОЗАПАДНОЙ РОССІИ ВЪ XVI—XVII В.

При польскомъ королѣ Сигизмундѣ Августѣ Югозападная Русь была присоединена къ Польшѣ и подверглась вліянію польской національности и латинства. Чтобы крѣпче привязать Русь къ себѣ, Польша составила планъ сдѣлать ее латинскою, уничтожить въ ней православную вѣру, русскій языкъ и народность. Сильнѣйшимъ орудіемъ въ исполненіи этого плана явились іезуиты, которымъ Августъ открылъ свободный доступъ въ Польшу. Они тотчасъ же начали дѣятельную пропаганду латинства, писали противъ православія сочиненія, но особенно сильно дѣйствовали посредствомъ воспитанія юношества. Во всѣхъ главныхъ городахъ, польскихъ и русскихъ, они открыли свои школы, въ которыхъ воспитывали ревностныхъ

приверженцевъ латинства и враговъ православія и русской народности. Дѣйствуя на высшее русское общество посредствомъ сочиненій и воспитанія, они для простого русскаго народа устроили такъ называемую *Унію*, которая введена была въ Югозападной Россіи въ 1596 г. Такія притѣсненія вѣры и народности возбудили въ русскомъ народѣ сильную борьбу противъ Польши и латинства, которая съ одной стороны выразилась въ ожесточенныхъ казацкихъ войнахъ, а съ другой вызвала въ русскихъ на защиту умственную дѣятельность. Такъ какъ сила іезуитовъ заключалась въ образованіи, то для противодѣйствія имъ нужно было распространить между русскими основательное образованіе въ духѣ православія. Заботиться объ этомъ начали богатые и образованные русскіе вельможи еще до введенія Уніи. Мы видѣли, какимъ дѣятельнымъ поборникомъ православія явился въ Литвѣ князь Курбскій. Другимъ знаменитымъ поборникомъ православія былъ князь Константинъ Острожскій. Онъ открылъ высшее училище въ Острогѣ (въ 1580 г.), завелъ при немъ типографію, въ которой было напечатано много книгъ богослужебныхъ и учительныхъ; стараніями его была издана здѣсь въ 1580—1581 г. первая полная славянская Библія. Но высшее сословіе не долго могло поддерживать такую борьбу съ латинствомъ; молодое его поколѣніе, увлекаемое польскою образованностію, не слѣдовало примѣру отцовъ и переходило въ латинство; такъ поступили даже сыновья Курбскаго и Острожскаго. Тогда возстали на защиту Православія такъ называемыя *Церковныя Братства.* Братства эти, составлявшіяся около церквей и монастырей, первоначально имѣли цѣль благотворительную, но послѣ введенія Уніи они все вниманіе обратили на защиту отъ латинства православія и русской народности. Они строили училища, заводили типографіи, отправляли молодыхъ людей для образованія въ западные коллегіумы и университеты, чтобы приготовить изъ нихъ защитниковъ вѣры. Въ Львовѣ, Вильнѣ, Луцкѣ, Кіевѣ и другихъ городахъ были устроены училища, по образцу западно-европейскихъ училищъ; въ этихъ училищахъ начали преподавать уже не одну грамотность, но разные языки и разныя науки: грамматику, реторику, діалектику, по руководствамъ западно-европейскимъ.

Такимъ путемъ начала распространяться въ Россіи западная наука. Впрочемъ эта наука, новая для русскихъ людей, была давно извѣстная, уже устарѣвшая въ это время въ Европѣ, средневѣковая, *схоластическая* наука. Сущность этой схоластической науки состояла не въ содержаніи, которое было у нея данное, готовое и заключалось въ христіанскомъ ученіи, но въ пріемахъ и формахъ при раскрытіи этого содержанія. Въ ней начала и формы древней науки и особенно философіи Аристотеля были

приложены къ объясненію и утвержденію христіанскаго ученія. Такая формальная наука всего болѣе отвѣчала тѣмъ насущнымъ потребностямъ, для которыхъ русскіе начали знакомиться съ образованіемъ, чтобы защитить отъ латинства древнія истины православнаго ученія. Она давала лучшія средства для борьбы съ врагами, тѣ научныя пособія, которыхъ не доставало русскимъ людямъ. Въ древне-русской переводной словесности, какъ мы видѣли, было много разныхъ сочиненій; но безъ научнаго образованія эти сочиненія не могли приносить надлежащей пользы. Они производили грамотниковъ и начетчиковъ, которые къ вычитаннымъ свѣдѣніямъ не могли относиться критически. Схоластическая наука стала воспитывать не просто грамотныхъ и начитанныхъ людей, но ученыхъ, которые способны были оцѣнить книгу, объяснить и защитить истину и опровергнуть заблужденіе. Эти ученые стали приводить христіанскія истины, заключающіяся въ разныхъ источникахъ, въ научныя системы, въ которыхъ все православное христіанское ученіе получило одинъ опредѣленный видъ и характеръ и стало сообщать всѣмъ одинаковыя понятія о догматахъ вѣры. Вмѣстѣ съ богословскими системами, начали появляться книги и руководства и по другимъ предметамъ знанія.

Кіевская Академія. Центромъ этой схоластической науки сдѣлалось *Кіевское училище*. Оно основано было Братствомъ Богоявленской церкви и называлось сначала *Школою славянскаго и латино-польскаго письма*. Возвышеніемъ своимъ оно обязано было митр. Петру Могилѣ. Петръ Могила преобразовалъ его въ 1631 г. въ высшее училище; по его имени оно стало называться *Кіево-могилянской коллегіей*, а потомъ съ 1701 г. *Кіевской академіей*. Устройство академіи, курсы наукъ и вообще вся училищная дисциплина были заимствованы Петромъ Могилою преимущественно изъ латинскихъ іезуитскихъ коллегіумовъ. Въ академіи преподавались и греческій и славянскій языки, но господствующимъ языкомъ сдѣлался языкъ латинскій. Кромѣ славянской грамматики и катихизиса, всѣ науки преподавались на латинскомъ языкѣ; на немъ писали сочиненія; на немъ должны были говорить воспитанники не только въ классахъ, но и дома. Изъ наукъ преподавались въ академіи: православный катихизисъ, ариѳметика, піитика, реторика, философія и богословіе. Богословіе, разумѣется, было самою важною и высшею наукой; оно преподавалось по системамъ западныхъ богослововъ, Петра Ламбарда, Ѳомы Аквината и другихъ, и имѣло полемическое направленіе. При религіозныхъ спорахъ католиковъ съ протестантами полемическій элементъ былъ преобладающимъ и въ западной богословской наукѣ; въ Россіи

же онъ составлялъ еще мѣстную потребность, потому что при тогдашней борьбѣ православныхъ съ іезуитами и уніатами всего нужнѣе было приготовить въ школѣ людей, способныхъ защищать свое ученіе и опровергать заблужденія противниковъ. Поэтому послѣ каждаго отдѣла въ богословіи обыкновенно помѣщался цѣлый рядъ возраженій и опроверженій. Философія преподавалась по Аристотелю; она представляла рядъ диспутацій; каждая диспутація дѣлилась на нѣсколько вопросовъ; вопросы дѣлились на нѣсколько пунктовъ; пункты подраздѣлялись еще на частныя положенія. Вообще преподаваніе философіи, какъ и богословія, было направлено къ тому, чтобы образовать людей, способныхъ спорить, твердо защищать положенія науки и опровергать всѣ возраженія протихъ нихъ. Поэтому, какъ по богословію, такъ и по философіи, были въ большой модѣ такъ называемые *диспуты*, которые происходили на латинскомъ языкѣ и составляли особенно существенную часть публичныхъ экзаменовъ. Для диспутовъ избирались предметы, допускавшіе спорные вопросы; одна сторона представляла возраженія, другая должна была опровергать ихъ.—Послѣ богословія и философіи самое важное мѣсто въ системѣ образованія занимала словесность т. е. реторика и піитика. Реторика преподавалась по латинскимъ руководствамъ, составленнымъ по сочиненіямъ Аристотеля, Димитрія александрійскаго, Цицерона и Квинтиліана. Она раздѣлялась на общую и частную; въ первой разсуждалось преимущественно объ изобрѣтеніи и выраженіи мыслей; во второй—о родахъ и видахъ прозаическихъ сочиненій. Объ историческихъ и философскихъ сочиненіяхъ говорилось, впрочемъ, мало; все вниманіе было обращено на ораторскую рѣчь, которая считалась главною формою сочиненій. Съ особенною подробностію излагались правила сочинять разняго рода рѣчи и письма поздравительныя, привѣтственныя, просительныя, благодарственныя, прощальныя и надгробныя. Піитика также преподавалась на латинскомъ языкѣ и по латинскимъ и польскимъ руководствамъ. Построенная по классическимъ источникамъ, піитика и направленіе имѣла классическое: при поэтическомъ вымыслѣ прибѣгали къ изреченіямъ и примѣрамъ изъ классическихъ писателей и вводили въ поэзію образы изъ греческой миѳологіи. Строеніе стиховъ было взято также изъ классическихъ руководствъ; стихи писали на латинскомъ, польскомъ и славянскомъ языкахъ. По образцу польскаго стихосложенія образовалось въ Кіевѣ *силлабическое* стихосложеніе, основанное на числѣ слоговъ, съ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ. Силлабическіе стихи назывались *виршами* отъ латинскаго *versus*. Направленіе словесности вообще въ Европѣ въ это время было панегирическое. Въ прозаическихъ сочиненіяхъ оно особенно выражалось

въ рѣчахъ разнаго рода, на разные случаи, а въ поэтическихъ преимущественно въ поэмахъ и одахъ. Поэма составляла главную форму эпической поэзіи; въ лирической поэзіи главную форму составляли оды или стихи привѣтственные; оды раздѣлялись на праздничныя, именинныя, брачныя, похоронныя, благодарственныя, застольныя. Особенно въ большомъ употребленіи были произведенія духовнаго содержанія; переложенія псалмовъ, церковныхъ пѣсней и молитвъ (напр. Царю Небесный; Тебе, Бога, хвалимъ), такъ называемые *псальмы и канты*; въ драматической поэзіи духовныя драмы, или *мистеріи*.

Характеръ Югозападной литературы. Кіевская академія впослѣдствіи послужила образцомъ для академіи Московской и во многихъ отношеніяхъ для всѣхъ духовныхъ семинарій; на Югозападѣ же, подъ вліяніемъ ея, развилась цѣлая литература. Югозападная литература отличается именно характеромъ того образованія, которое господствовало какъ въ другихъ югозападныхъ школахъ, такъ преимущественно въ Кіевской академіи. Характеръ этой литературы — религіозно-церковный; наука была призвана въ школы для служенія вѣрѣ и Церкви. Главною цѣлію образованія была защита вѣры и Церкви отъ нападенія католиковъ и протестантовъ; отсюда литература, возникшая подъ вліяніемъ этого образованія, естественно, получила полемическое направленіе. Существенныя же свойства югозападной литературы, отличающія ее отъ древне-русской словесности, составляютъ научные въ ней элементы, научные пріемы и формы. Предметы излагаются въ сочиненіяхъ не просто, какъ они прежде излагались русскими писателями, получавшими образованіе путемъ одной начитанности въ книгахъ, но по правиламъ науки; при раскрытіи и доказательствахъ предметовъ югозападные писатели, кромѣ св. Писанія и писаній отеческихъ, постоянно пользуются источниками свѣтской науки, свѣдѣніями философскими, историческими, литературными, естественными. Источникъ этихъ свѣдѣній былъ древній, классическій; классическій характеръ они сообщили и произведеніямъ литературнымъ. Къ произведеніямъ югозападной литературы относятся: 1) полемическія сочиненія, написанныя въ защиту православія, 2) сочиненія по богословію и другимъ наукамъ, 3) проповѣди и 4) стихотворенія разнаго рода и мистеріи.

Югозападная проповѣдь. Самымъ сильнымъ орудіемъ пропаганды латинянъ между православными была проповѣдь, на которую они постоянно, притомъ, указывали, какъ на доказательство своего

превосходства предъ православнымъ духовенствомъ, у котораго проповѣди не было. Поэтому для развитія церковной проповѣди въ Югозападной Россіи была учреждена особая должность проповѣдниковъ, которые почти исключительно должны были заниматься проповѣдываніемъ. Такіе проповѣдники были при соборахъ и монастыряхъ; почти каждое братство содержало при своей церкви своего проповѣдника. Съ должности проповѣдника начинали свою службу церкви и пріобрѣтали ученую извѣстность почти всѣ знаменитые пастыри южной Россіи. Но особенно заботились объ образованіи проповѣдниковъ въ школахъ. Наставникамъ Кіевской академіи было вмѣнено въ обязанность, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, заниматься катихизическими бесѣдами. Воспитанники также еще съ реторическаго класса начинали упражняться въ составленіи проповѣдей, и проповѣдь въ продолженіе всѣхъ курсовъ считалась самымъ важнымъ сочиненіемъ. Впрочемъ отдѣльной науки проповѣдничества сначала не было; правила для составленія проповѣдей излагались въ общихъ курсахъ реторики, въ формѣ особыхъ трактатовъ о проповѣди, которые, въ составѣ курса, слѣдовали за ораторскою рѣчью. Ораторская рѣчь древнихъ и была положена въ основаніе проповѣди. Въ проповѣди, какъ и въ ораторской рѣчи, мы встрѣчаемъ то же расположеніе матеріи съ извѣстными частями ораторской рѣчи— приступомъ, предложеніемъ, изложеніемъ и заключеніемъ. Первымъ сочиненіемъ, которое можно принять за начало отдѣльной науки проповѣдничества, была „*Наука албо способъ о сложеніи сказаній*“ ректора Кіевской академіи (1659—1662 г.) Іоанникія Голятовскаго. Въ этой наукѣ соединены почти всѣ правила и пріемы проповѣдничества, которыя сложились, съ одной стороны, подъ вліяніемъ схоластическаго образованія въ школахъ, а съ другой—подъ вліяніемъ образцовъ латинскихъ и польскихъ проповѣдниковъ. Эта наука и проповѣди самого Голятовскаго, Антонія Радивиловскаго и Лазаря Барановича всего лучше могутъ характеризовать и вообще югозападную проповѣдь.

Наука о проповѣдяхъ и проповѣди Іоанникія Голятовскаго. Наука о проповѣдяхъ была приложена Голятовскимъ къ составленному имъ сборнику поученій—*Ключу разумѣнія*. Такъ названъ сборникъ потому, что его поученія, по словамъ проповѣдника, отверзаютъ двери къ небу, а *наука*, приложенная къ нему, можетъ проповѣдникамъ отворить двери къ составленію новыхъ поученій. Ключъ разумѣнія состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой части помѣщены поученія на праздники господскіе и богородичные; во второй—поученія на праздники святыхъ. Правила о проповѣдяхъ присоединены, какъ прибавленія, къ той и другой части. Въ прибавленіяхъ къ первой части Голятовскій говоритъ о томъ, изъ какихъ частей должна состоять проповѣдь, и

какъ нужно составлять каждую часть ея. При этомъ онъ отдѣльно разсматриваетъ существенныя части проповѣди: экзордіумъ (приступъ), пропозицію (предложеніе), наррацію (повѣствованіе или изложеніе) и конклюзію. Разсуждая объ источникахъ матеріи для проповѣди, онъ главнымъ источникомъ поставляетъ Слово Божіе и ученіе отцевъ Церкви, но въ то же время, слѣдуя обычаю польскихъ и латинскихъ проповѣдниковъ, присоединяетъ къ нимъ и свѣтскія науки: „нужно также читать, говоритъ онъ, исторіи и хроники о разныхъ царствахъ и странахъ, что въ нихъ прежде происходило и что теперь происходитъ; также книги о звѣряхъ, птицахъ, гадахъ, рыбахъ, деревьяхъ, камняхъ, все это замѣчать и приспособлять въ своей рѣчи; нужно читать и проповѣдниковъ нынѣшняго времени и имъ слѣдовать. Между другими источниками темы и матеріи для проповѣди, Голятовскій указываетъ на имя празднуемаго въ извѣстный день святаго. Въ день, напр. св. Владиміра, имя котораго значитъ — владѣлъ міромъ, Христофора—носилъ Христа въ сердцѣ, Василія, что значитъ—царь, Николая—витязь, защитникъ,—можно говорить о свойствахъ, выражаемыхъ ихъ именами. Особыя правила приложены для составленія надгробныхъ словъ. Матерію для нихъ совѣтуется брать или изъ общей мысли о неизбѣжности смерти, или изъ положенія, какое въ жизни занималъ умершій, а также изъ тѣхъ свойствъ, какими онъ отличался. Можно также при этомъ имѣть въ виду его фамилію, древность рода, гербъ или прозваніе. Но самымъ лучшимъ источникомъ для темы надгробныхъ поученій представляется опять имя умершаго. Если, напр., умершаго звали Стефаномъ, что значитъ—корона, въ поученіи можно говорить о томъ, какую корону приготовилъ для себя умершій изъ своихъ добродѣтелей. Наконецъ, при изобрѣтеніи и расположеніи матеріи въ словѣ, Голятовскій совѣтуетъ имѣть въ виду общія мѣста, или циркумстанціи. Во всѣхъ правилахъ высказывается одна цѣль—всѣми средствами сдѣлать проповѣдь интересною. Для достиженія этой цѣли совѣтуется составлять замысловатыя вступленія, чтобы заставить слушать произносимую проповѣдь, и хитрыя заключенія, чтобъ расположить слушателей придти на слѣдующую проповѣдь.

Излагая эти правила, Голятовскій, для примѣра, постоянно ссылается на свои проповѣди. Его проповѣди, дѣйствительно, составлены по этимъ правиламъ и въ то же время отличаются характеромъ тѣхъ богословскихъ системъ, которыя преподавались въ школахъ. Догматы вѣры и нравственной дѣятельности въ нихъ излагаются со всѣми научными пріемами и формами, какія были приняты въ этихъ системахъ, такъ что нѣкоторыя проповѣди могутъ быть названы трактатами изъ системы догматическаго или нравственнаго ученія, перенесенными въ проповѣдь.

Въ правилахъ для проповѣди Голятовскій, между прочимъ, совѣтуетъ проповѣдникамъ обращаться къ природѣ, къ исторіи и наукамъ естественнымъ. Это мы встрѣчаемъ постоянно и въ его проповѣдяхъ. Предметы въ нихъ обыкновенно объясняются образами, заимствованными изъ природы—царства минералогическаго, растительнаго и животнаго. Иногда цѣлое слово состоитъ изъ аналогическаго сближенія, или сопоставленія того или другого предмета или событія духовнаго царства съ предметами и явленіями природы физической, которые въ этомъ случаѣ должны быть образами міра духовнаго. При этомъ Голятовскій, подобно другимъ проповѣдникамъ, мѣста св. Писанія любитъ объяснять въ символическомъ и аллегорическомъ смыслѣ. Такъ, въ словѣ на Срѣтеніе Господне изъ текста: се лежитъ Сей на паденіе и на возстаніе многимъ во Израили (Лук. 2, 34), назвавъ Спасителя камнемъ многоцѣннымъ и краеугольнымъ, положеннымъ въ основаніе Церкви, Голятовскій примѣняетъ къ Нему названія разныхъ драгоцѣнныхъ камней: *карбункула*, *ясписа (яшмы)*, *шифера*, *хризолита*, *берилла*, *агата*, *аметиста*, *смарагда (изумруда)*, *топаза и магнита*. Почти все слово состоитъ изъ указанія сходства многоцѣннаго камня т. е. Іисуса Христа и его добродѣтелей съ свойствами упомянутыхъ драгоцѣнныхъ камней, почему Іисусъ Христосъ и называется карбункуломъ, берилломъ, агатомъ и т. д. ([1]). Въ словѣ на успеніе Богоматери изъ текста: предста Царица одесную Тебе, въ ризы позлащенны одѣяна (Псал. 44, 10), Голятовскій говоритъ о ниткахъ, изъ которыхъ Богоматерь соткала себѣ ризу—*льняной*, *шерстяной*, *(вовняной)*, *шелковой*, *(едвабной)* и *золотой*. Нитки эти означаютъ разныя добродѣтели Богоматери: нитка льняная означаетъ терпѣніе и умерщвленіе плоти и страстей; шерстяная—чистоту и невинность; шелковая—смиреніе и покорность; золотая—мудрость. Основаніемъ для такого сближенія служатъ свойства льна, шерсти, шелка и золота. Ленъ означаетъ терпѣніе, потому что, приготовляя его, мочатъ, сушатъ, трутъ и бьютъ; шелкъ означаетъ покорность, потому что шелкъ, какъ покорный человѣкъ, отличается мягкостію,—его можно согнуть, какъ угодно,—но въ то же время и крѣпостію, его трудно разорвать и проч. ([2]).

Ко второй части сборника Голятовскій приложилъ наставленія, какъ должно пользоваться проповѣднику его словами и поученіями, для составленія новыхъ поученій. „Изъ слова на св. великомученика Георгія, говоритъ Голятовскій, ты можешъ составить другое слово на св. Димитрія, Прокопія, Евстафія и дру-

---

([1]) Ключъ разумѣнія ч. I, лист. 46—53. ([2]) Тамъ же. лист. 146—153.

гихъ мучениковъ; та же будетъ тема; тотъ же экзордіумъ, та же нарраціи и конклюзія; только тамъ, гдѣ я говорю о св. Георгіи, ты называй св. Димитрія, Прокопія, Евстафія и др. Изъ словъ на праздники господскіе и богородичные можно составлять слова на дни святыхъ. Во второмъ словѣ на Срѣтеніе, говоритъ Голятовскій, изображаются дорогіе камни, которыми Христосъ называется; изъ этихъ дорогихъ камней ты можешь устроить архіерейскую корону св. Николаю Тема будетъ та же: положилъ еси на главѣ его вѣнецъ отъ камене честна (Псал. 20, 4). Въ нарраціи изображай тѣ дорогіе камни и силу и свойства каждаго изъ нихъ приспособляй къ св Николаю, какъ я приспособлялъ ко Христу. Также въ первомъ словѣ на успеніе Богородицы изображаются нитки, изъ какихъ пречистая Дѣва соткала себѣ ризу; изъ тѣхъ нитокъ можешь устроить ризу св. Онуфрію, приспособляя свойство каждой къ св. Онуфрію, какъ я приспособлялъ ихъ къ св. Дѣвѣ. А экзордіумъ и конклюзію къ коронѣ св. Николая и къ ризѣ св. Онуфрія можешъ придѣлать, какія захочешъ" ([1]). Слова на дни святыхъ можно передѣлывать и произносить въ господскіе и богородичные праздники, а слова на эти праздники, измѣнивши, можно произносить въ какую-нибудь недѣлю. Наконецъ Голятовскій учитъ, какъ изъ цѣлаго слова сдѣлать одну часть для другаго слова, и наоборотъ, какъ изъ одной части слова сдѣлать цѣлое слово. При такихъ правилахъ проповѣдь становится, очевидно, дѣломъ механическимъ, въ которомъ на первомъ планѣ стоитъ соблюденіе формы и установленныхъ пріемовъ. Правда, Голятовскій предписываетъ проповѣднику приспособленіе ко времени проповѣди, къ лицу, къ случаю и проч., но это приспособленіе относится не къ внутренней, а къ внѣшней сторонѣ дѣла, къ формѣ, и приспособленная проповѣдь также является общею формою, такъ что измѣнивши ее не много, можно приспособить къ другому лицу и другому случаю.

Проповѣди Антонія Радивиловскаго. Другимъ знаменитымъ проповѣдникомъ былъ Антоній Радивиловскій, игуменъ кіево-николаевскаго монастыря. Онъ составилъ два сборника проповѣдей: „*Огородокъ* (садъ) *Маріи Богородицы*" (1676 г.) и *Вѣнецъ Христовъ изъ проповѣдей недѣльныхъ, аки изъ цвѣтовъ рожаныхъ (изъ цвѣтовъ розы) сплетеный* (1688 г.). Первый сборникъ посвященъ Богородицѣ, второй—Господу Спасителю. Аналогическое сближеніе или сопоставленіе духовныхъ предметовъ съ пред-

---

([1]) Тамъ же ч. II. лист. 125—127.

метами и явленіями природы физической и вообще орнаментальная обстановка священныхъ и богословскихъ истинъ матеріаломъ изъ наукъ свѣтскихъ, замѣченныя нами въ словахъ Голятовскаго, еще рѣзче высказываются въ проповѣдяхъ Радивиловскаго. Въ первомъ отношеніи особенно замѣчательны слова въ недѣлю 5-ю по Пасхѣ и въ недѣлю 2-ю по Пятидесятницѣ. Въ первомъ словѣ, изъ текста: *аще бы вѣдала еси, кто есть глаголяй съ тобою: даждь ми пити, ты бы просила у него, и далъ бы ти воду живу* (Іоан. 4, 10), Радивиловскій проводитъ самую подробную параллель между водой и благодатію, указывая между ними сходство и различіе. Сходство указывается въ слѣдующемъ. Какъ вода живая т. е. текучая разливается по всѣмъ полямъ, такъ и благодать Св. Духа изливается на всѣхъ людей. Какъ вода твердую и сухую землю умягчаетъ и дѣлаетъ плодоносною, такъ и благодать размягчаетъ душу человѣка и дѣлаетъ ее плодоносною для разныхъ добродѣтелей. Какъ естественная вода очищаетъ тѣло отъ грязи и охлаждаетъ его жаръ, такъ и благодать омываетъ душу нашу отъ грѣховной грязи и охлаждаетъ плотскія похоти. Вода одна по натурѣ, но производитъ разныя свойства въ предметахъ: въ лиліи бѣлый цвѣтъ, въ розѣ — красный, въ фіалкѣ— лазуревый, въ фигѣ — сладость, въ полыни — горечь. Такъ и благодать одна, но производитъ въ людяхъ разныя дѣйствія: одному сообщаетъ чистоту, подобную лиліи, въ другомъ возбуждаетъ стыдъ, выражающійся въ краскѣ, похожей на розу; въ одномъ возбуждаетъ богомысліе, подобное сладости фиги, въ другомъ—плачь и раскаяніе во грѣхахъ, похожія на горечь полыни. Различіе между водою и благодатію представляется въ слѣдующихъ чертахъ. Естественная вода не имѣетъ такой силы, чтобы измѣнять природу дерева: кто когда видѣлъ, чтобы низкій иссопъ силою натуральной воды превратился въ высокій кедръ. Благодать совершенно измѣняетъ людей: грѣшника дѣлаетъ праведникомъ, сыновъ тьмы—сынами свѣта, гордыхъ—смиренными. Вода не можетъ утолять жажды такъ, чтобы потомъ снова ея не чувствовали: пьющій отъ воды благодатной *не вжаждется во вѣки*. Подобнымъ образомъ, въ словѣ въ недѣлю 2-ю по Пятидесятницѣ, изъ текста: *ходяй Іисусъ при мори галилейстѣмъ* и проч. (Матѳ. 4, 18), Радивиловскій, объясняя, что подъ моремъ тиверіадскимъ можно разумѣть *сей прелестный свѣтъ*, проводитъ параллель между міромъ и моремъ, между рыбами и людьми. „Въ мірѣ—въ семъ великомъ и пространномъ морѣ люди погружены, живутъ и дѣйствуютъ, какъ рыбы въ морѣ. Какъ въ морѣ тиверіадскомъ были разныя ловленія рыбы, такъ и на семъ свѣтѣ, одни люди ловятъ богатство, другіе—почести, одни роскошь, другіе—ласку и пріязнь своихъ господъ. При этомъ

употребляются разные способы ловленія, или сѣти: сѣть лукавства, сѣть похлебства, подарковъ, лицемѣрія. Какъ въ морѣ рыбы играютъ и бѣгаютъ повсюду, какъ будто дѣлаютъ что-нибудь нужное и полезное, но иногда ничего не находятъ; такъ и люди бѣгаютъ повсюду, гоняются за почестями, богатствомъ и роскошью прелестнаго свѣта и потомъ у него въ забвеніе приходятъ. Какъ въ морѣ большія рыбы пожираютъ меньшихъ, такъ тоже бываетъ и на свѣтѣ, гдѣ богатые и сильные притѣсняютъ убогихъ и нисшихъ подчиненныхъ лихвами, тяжкими поборами, судомъ. Какъ рыбы бываютъ сильны и рѣзвы только до тѣхъ поръ, пока находятся въ водѣ, а когда вытащатъ ихъ на землю, теряютъ свою силу и умираютъ; такъ и люди бываютъ смѣлы, высокодумны, неукротимы, пока не постигнетъ ихъ смертельная болѣзнь. Весьма часто Радивиловскій въ своихъ проповѣдяхъ приводитъ примѣры и свидѣтельства изъ древней исторіи, миѳологіи и апокрифовъ, иногда даже басни и пословицы. Сообщая разнообразіе и украшеніе проповѣди, эти примѣры и свидѣтельства, впрочемъ, мало придаютъ силы доказываемымъ мыслямъ; большая часть изъ нихъ относятся къ разряду такъ называемыхъ анекдотовъ. Подражая польскимъ и латинскимъ образцамъ, и русскіе проповѣдники главнымъ образомъ заботились о занимательности своихъ проповѣдей и часто, опуская изъ виду прямыя потребности, поученіе и назиданіе слушателей, старались больше всего обратить вниманіе на самихъ себя, блеснуть своимъ умомъ и образованіемъ и для этого прибѣгали къ баснословнымъ и анекдотическимъ разсказамъ, или вдавались въ хитрыя схоластическія разсужденія.

Проповѣди Лазаря Барановича. Третьимъ знаменитымъ проповѣдникомъ на Югозападѣ былъ Лазарь Барановичъ, архіеп. Черниговскій. Онъ составилъ два сборника поученій: *„Мечъ духовный“* (1666 г.) на недѣли, и *„Трубы словесъ проповѣдныхъ“* (1674) на разные церковные праздники. Тонъ и характеръ проповѣди Барановича гораздо строже и церковнѣе проповѣди Голятовскаго и Радивиловскаго. Въ его поученіяхъ, нѣтъ такихъ сказаній и анекдотовъ изъ миѳологіи и исторіи, какіе встрѣчаются часто въ словахъ Голятовскаго и Радивиловскаго. Онъ основывается преимущественно на св. Писаніи и ученіи отеческомъ. Поэтому онъ ближе подходитъ къ восточнымъ проповѣдникамъ византійскаго стиля; но вмѣстѣ съ свойствами византійскаго краснорѣчія въ его проповѣдяхъ выражаются и свойства югозападнаго схоластическаго образованія и словесности. Такъ, напр., въ словѣ на Богоявленіе онъ вдается въ такія же сближенія и уподобленія, какія

мы видѣли у Голятовскаго. Въ этомъ словѣ грѣхи уподобляются разнымъ звѣрямъ: гордость—льву, лихоимство—киту, гнѣвъ—волку, объяденіе—медвѣдю, зависть—псу, лѣность—ослу, прелюбодѣяніе—свиньѣ. Особенно любитъ Барановичъ отыскивать въ св. Писаніи символическій и аллегорическій смыслъ. Въ такомъ смыслѣ онъ объясняетъ почти каждое евангельское чтеніе и при этомъ прибѣгаетъ къ сближеніямъ и противоположеніямъ, часто слишкомъ далекимъ и натянутымъ; поученія выходятъ слишкомъ витіеваты и искусственны; языкъ и слогъ наполнены реторическими фигурами: метафорами, сравненіями, антитезами. Такъ въ словѣ о разслабленномъ Барановичъ представляетъ овчую іерусалимскую купель образомъ крестной купели, исполненной искупительной крови агнца Христа. Пять притворовъ овчей купели соотвѣтствуютъ пяти ранамъ Спасителя: „при сихъ-то пяти притворахъ—пяти ранахъ агнца Іисуса, возстаютъ здравыми грѣшники, больные всѣми пятью чувствами: тѣ, которые очи имѣютъ и не видятъ нагаго; уши имѣютъ и не слышатъ просящаго; ноздри имѣютъ и не обоняютъ благоуханія Христова, смрада посѣщаемыхъ больныхъ и мертвыхъ; уста имѣютъ и не произносятъ словъ молитвы, сладчайшихъ меда; руки и ноги имѣютъ, и *не осяжутъ воздѣяніемъ рукъ до неба и шествіемъ ногъ до церкви*, руками не біютъ себя въ перси, не вводятъ страннаго въ домъ свой, ногами не приходятъ въ темницы къ заключеннымъ и не бѣгаютъ отъ грѣховныхъ искушеній“ (¹). Въ словѣ въ недѣлю Самарянынь, Барановичъ проводитъ параллель между первою женою въ родѣ человѣческомъ и женою Самарянскою. „Въ тотъ же часъ шестый, въ который первая жена пришла въ рай сорвать плодъ съ древа и согрѣшила вкушеніемъ, въ тотъ же полуденный часъ шестый приходитъ сія жена Самарянынь почерпнуть изъ источника воду (благодати), чтобы очистить грѣхъ вкушенія первой жены. Первая жена, пришедшая сорвать плодъ древа въ полдень, прельщена была бѣсомъ полуденнымъ; но сія жена, приходящая въ тотъ же часъ почерпнуть воды изъ источника, угаситъ силу огненную, обрѣтши, при семъ источникѣ Іаковлемъ, источника Іисуса, могущаго весь адъ угасити“ и т. д. (²).

Витіеватость, замысловатость и остроуміе въ сближеніяхъ и противоположеніяхъ составляютъ отличительныя черты, всего рѣзче выдающіяся въ проповѣдяхъ Барановича. Почти каждая, самая обыкновенная мысль у него принимаетъ какую-нибудь витіеватую или замысловатую форму. Въ приступѣ проповѣди

(¹) Мечь духовный 1666 г. лист. 25—27.

(²) Мечь духовный 1666 г. лист. 35—38.

югозападные проповѣдники имѣли обыкновеніе обращаться съ молитвою къ Богу о помощи, а къ слушателямъ съ просьбою о вниманіи; у Барановича эти обращенія отличаются также особенною замысловатостію. „Въ нынѣшней проповѣди, говоритъ онъ въ словѣ о разслабленномъ, сотворимъ воспоминаніе о томъ, какъ при купели овчей возставилъ разслабленнаго отъ разслабы агнецъ Іисусъ. Іисусе, исцѣляющій всякій недугъ и всякую язву въ разслабленномъ, исцѣли и мою разслабу въ глаголаніи, а слушателей въ слышаніи!“ Въ словѣ въ недѣлю Самаряныни онъ дѣлаетъ такое молитвенное обращеніе: „Христе, источниче воды живыя!... исполни благодатію твоею почерпало устъ моихъ, да полезная возмогу глаголати: исполни и почерпало ушей и сердца слушателей моихъ, да усердно послушаютъ!“

Проповѣди этихъ трехъ проповѣдниковъ и особенно проповѣди Голятовскаго и Радивиловскаго могутъ служить образцами югозападной проповѣди, развившейся подъ вліяніемъ схоластическаго образованія въ школахъ и латинскихъ и польскихъ образцовъ.

Югозападная поэзія. Выше мы замѣтили, что на преподаваніе реторики и піитики въ Кіевской академіи и другихъ школахъ было обращено особенное вниманіе. Въ сочиненіи рѣчей и стиховъ упражнялись, кромѣ піитическаго и реторическаго, и въ другихъ классахъ. Особенно любили сочинять духовныя стихотворенія, переложенія молитвъ, церковныхъ пѣсней и *псальмы и канты*. Псальмы и канты писались преимущественно на Рождество и Пасху какъ воспитанниками, такъ и наставниками. Потомъ ихъ произносили, а чаще всего распѣвали иногда цѣлымъ хоромъ пѣвчихъ предъ училищнымъ начальствомъ, въ домахъ богатыхъ и знатныхъ людей, которые за это распѣвавшимъ ученикамъ давали нѣкоторые подарки, и даже на улицѣ, предъ народомъ. Вотъ, для примѣра, стихотвореніе на Рождество, которое имѣетъ разговорную форму и написано, вѣроятно, для пѣнія хоромъ:

«Пастыри мили! Гдѣ вы днесь были,
Гдѣ вы бывали, что вы видали?»
— Грядемъ днесь отъ Виѳлеема,
Изъ града уничиженна,
Но днесь блаженна.—
«Коежъ откуда несете чудо?
И намъ прорцыте, благовѣстите».
— Видѣли мы вновь рожденно
Отроча свято, блаженно,
Владыку всѣмъ намъ.—

«Кои палаты имѣетъ тое.
Ахъ, всеблаженно чадо царское?»
— Вертепъ выбитъ подъ скалою,
И то простою рукою;
Се чертогъ Его.—
«Мягка ли постель, въ красномъ ли ложи
Сей почиваетъ чудный Сынъ Божій?»
— Въ яслехъ мати кладетъ траву,
Тужъ перину и подъ главу:
Се царска кровать.—
«Кія тамъ слуги отъ домочадцевъ
Имѣетъ тое милое чадцо?»
— Овцы и мулы съ ослами,
Волы и кони съ козлами:
Се домочадцы.—
«Куюжъ тотъ домъ вкушаетъ пищу?
Развѣ имѣетъ трапезу нищу?»
— Пища въ зельѣ, въ млекѣ, зернѣ:
Се столъ ранній и вечерній,
Въ томъ чудномъ домѣ.—
«Музыка ли тамъ модна и лестна
Увеселяетъ царя небесна?»
— Пастырей сонмъ на свирѣлкахъ,
Хвалитъ его на сопѣлкахъ,
Прекраснымъ хоромъ.—
«Кія же ризы, мню, златотканны
У сего Сына Маріи Панны?»
— Баволна (хлопчатка), ленъ и волна
Симъ нищета предовольна
Въ наготѣ своей.—(1).

Изъ школы обычай писать стихи переходилъ и въ жизнь. Стихи, вмѣстѣ съ рѣчами разнаго рода, составляли необходимую принадлежность всякаго торжества, церковнаго и гражданскаго; кромѣ праздниковъ, они писались на дни тезоименитствъ, по случаю посѣщеній знаменитыхъ духовныхъ и свѣтскихъ, особъ. При изданіи книгъ, стихи составляли также неизбѣжное украшеніе; они помѣщались въ посвященіяхъ, прологахъ, эпилогахъ и въ самомъ текстѣ книгъ, разнообразя собою прозаическую рѣчь; а иногда писались стихами и цѣлыя книги. Въ этомъ отношеніи замѣчательны сочиненія *Іоанна Максимовича* (архіеп. черниговскаго, а потомъ митр. Тобольскаго († 1715), который написалъ стихотвореніе „Богородице, Дѣво радуйся“, въ которомъ было до 25,000 силлабическихъ стиховъ: потомъ въ стихахъ изложилъ

(1) Калѣки, вып. 4. стр. 66—68.

молитву *Отче нашъ, восемь блаженствъ евангельскихъ и Алфавитъ духовный, риѳмами сложенный, содержащій стихотворныя похвалы святымъ въ азбучномъ порядкѣ.*

Мистеріи. Лучшую сторону югозападной поэзіи составляютъ духовныя драмы, или *Мистеріи.*—Мистеріи были первою формою драматическихъ представленій у всѣхъ западныхъ христіанскихъ народовъ. Онѣ возникли изъ стремленія духовенства съ одной стороны уяснить посредствомъ наглядныхъ представленій догматы Христіанской вѣры и важнѣйшія событія священной исторіи, а съ другой—противопоставить эти представленія народнымъ языческимъ зрѣлищамъ. По началу своему онѣ стоятъ въ тѣсной связи съ богослужебными обрядами Западной церкви. Въ Западной церкви, въ самыя раннія времена, мы замѣчаемъ стремленіе драматизировать богослуженіе и богослужебные обряды Въ V и VI в. существовали процессіи въ память входа Іисуса Христа въ Іерусалимъ, при чемъ Іисуса Христа изображалъ одинъ изъ священниковъ, сидящій на осляти; были также процессіи, изображавшія шествіе Іисуса Христа на распятіе подъ бременемъ тяжелаго креста. Въ страстную недѣлю чтеніе Евангелія распредѣлялось между нѣсколькими лицами, изъ коихъ одно представляло Іисуса Христа, а другія—начальниковъ іудейской синагоги. Пасхальная служба сопровождалась также разными обрядами: изъ гробницы, устроенной подъ алтаремъ, вынимали съ пѣніемъ и рѣчами крестъ, положенный туда въ великій пятокъ; воскресеніе Спасителя возвѣщалось рѣчью священника, который былъ одѣтъ на подобіе ангела, въ бѣломъ хитонѣ, съ золотымъ сіяніемъ надъ головой; рѣчь его была обращена къ двумъ женщинамъ (ихъ представляли два молодыхъ священника, закутанные въ плащи, на подобіе женщинъ), которыя изображали собою Богоматерь и Марію Іаковлю. Въ Рождество Христово, посреди церкви ставили ясли, которыя окружены были рисованными изображеніями, или статуэтками, или подвижными куклами (маріонетками), представлявшими Богоматерь, пастуховъ, осла и быка. Изъ этихъ драматическихъ обрядовъ въ Богослуженіи Западной Церкви и возникла духовная драма. Изъ обрядовъ въ страстную недѣлю и Пасху развились *Пасхальныя представленія*, обнимавшія изображеніе страстей Господнихъ, воскресеніе Спасителя и явленія апостоламъ; изъ обрядовъ въ праздникъ Рождества Христова — *Рождественскія представленія*, заключавшія Рожденіе Спасителя, поклоненіе волхвовъ и бѣгство во Египетъ. Такъ какъ содержаніемъ этихъ представленій служила тайна искупленія рода человѣческаго, выразившаяся въ двухъ преимущественно событіяхъ, въ рожденіи

и крестной смерти и воскресенія Спасителя, то и самыя представленія получили названіе *Мистерій* (mysterium, греч. *μυστήριον*, тайна, таинство). Съ теченіемъ времени стали изображать и другія событія изъ жизни Спасителя и Богоматери; вмѣстѣ съ новозавѣтными событіями стали представлять и событія ветхозавѣтныя, напр., паденіе Адама и Евы, исторію Авраама и Исаака, исторію Іосифа, исторіи Юдиѳи, Эсѳири, Даніила и трехъ отроковъ въ Вавилонѣ, Товіи и его сына. Почитаніе святыхъ произвело особый видъ духовной драмы, содержаніе которой составляли жизнь и дѣянія святыхъ и особенно ихъ чудеса. Наконецъ въ духовныхъ драмахъ иногда не было ничего историческаго; въ нихъ изображалась какая-нибудь поучительная мысль въ дѣйствіяхъ вымышленныхъ лицъ, которыя были аллегоріями какихъ-нибудь добродѣтелей (вѣры, надежды, любви, милосердія) или пороковъ (гордости, зависти, скупости, любостяжанія); по нравственному направленію эти аллегоріи назывались Moralités.—Какъ возникшія изъ церковныхъ обрядовъ, мистеріи сначала представлялись въ церквахъ, потомъ въ церковныхъ оградахъ и на кладбищахъ. Сначала мистеріи, при изображеніи событій, составлявшихъ ихъ содержаніе, строго держались библейскаго, или евангельскаго текста, но съ теченіемъ времени начали распространять его разными подробностями, взятыми изъ апокрифическихъ сказаній; а потомъ и вообще въ духовныя драмы начали вставлять сцены изъ обыденной жизни и не только серьезныя, но и забавныя; въ нихъ началъ проникать элементъ комическій. Поэтому, начиная съ XIII в. духовенство уже стало изгонять мистеріи изъ церкви и запрещало представленіе ихъ въ церковныхъ оградахъ и на кладбищахъ. Тогда мѣстомъ ихъ представленія сдѣлалась городская площадь. На городской площади устраивался бревенчатый помостъ, на которомъ приготовлялась сцена, состоявшая изъ трехъ отдѣленій; въ верхнемъ отдѣленіи помѣщался рай, въ среднемъ—міръ, а въ нижнемъ—адъ.

Съ Запада черезъ Польшу духовныя драматическія представленія или мистеріи перешли и къ намъ. Въ Польшѣ, по указанному обычаю Западной церкви, церковные праздники также имѣли драматическую обстановку. Въ праздникъ Рождества, напр., ставили въ церквахъ изображеніе вертепа; въ немъ находились картонныя фигуры Богоматери, Іисуса Христа, праведнаго Іосифа, ангеловъ, пастырей и восточныхъ волхвовъ; изображалось также избіеніе младенцевъ Иродомъ. Когда въ Польшѣ утвердились іезуиты, они начали составлять духовныя драмы изъ церковной исторіи и житій святыхъ и представляли ихъ въ своихъ школахъ и на площадяхъ предъ народомъ. Изъ Польши и преимущественно изъ іезуитскихъ школъ духовныя представленія перешли въ югоза-

падную Россію. Они начались *съ вертепныхъ представленій*. Вертепомъ назывался ящикъ въ три этажа; въ первомъ и третьемъ этажахъ происходило дѣйствіе посредствомъ куколъ; второй этажъ назначался для машинъ и пружинъ, которыми приводились въ движеніе фигуры. Въ такомъ ящикѣ, освѣщенномъ восковыми свѣчами, представлялись: появленіе звѣзды на востокѣ, рожденіе Спасителя въ ясляхъ, привѣтствіе ангеловъ, поклоненіе волхвовъ, избіеніе младенцевъ, бѣгство во Египетъ. При этомъ показывавшіе вертепъ иногда произносили рѣчи отъ лица фигуръ или куколъ, разными голосами, соотвѣтственно роли фигуръ, а иногда просто распѣвали, или произносили на распѣвъ какіе-нибудь стихи на Рождество. Сначала представленіе довольно строго держалось исторіи; но съ теченіемъ времени *вертепъ* превратился въ извѣстный *раекъ*, гдѣ, вмѣсто картонныхъ фигуръ священныхъ лицъ, начали показывать лубочныя картинки изъ обыденной жизни разнаго содержанія.—Мистеріи наши первоначально писались по образцу мистерій польскихъ школъ, онѣ вошли въ обычай особенно въ Кіевской академіи; на преподавателяхъ реторики и піитики лежала обязанность ежегодно приготовлять драму, комедію или трагедію, для представленія во время лѣтнихъ рекреацій. Какъ книжныя произведенія школы, наши мистеріи рѣзко отразили въ себѣ всѣ черты книжнаго образованія и того схоластическаго направленія, какое господствовало въ Кіевской академіи и другихъ школахъ, и долго сохраняли свой духовный характеръ и поучительное направленіе.

Первыми мистеріями, которыя представлялись въ Кіевѣ, а потомъ перешли въ Москву, были: „*Алексѣй, человѣкъ Божій*“, „*Іосифъ, сынъ Израилевъ*“ и „*Жалостная комедія объ Адамѣ и Евѣ*“. Мистерія объ Алексѣѣ, человѣкѣ Божіемъ, была передѣлана изъ польской мистеріи, составленной изъ житія св. Алексѣя. Въ ней согласно съ житіемъ, изображаются всѣ обстоятельства жизни Алексѣя: бракъ его, удаленіе изъ дома, потомъ возвращеніе, жизнь въ домѣ, въ видѣ нищаго, и смерть его. Мистерія „*Іосифъ сынъ Израилевъ*“ взята изъ Библіи. Въ началѣ ея Іосифъ разсказываетъ отцу и братьямъ свои сны, потомъ братья продаютъ его купцамъ измаильтянамъ, которые передаютъ его въ Египетъ царедворцу Пентефрію, наконецъ жизнь у Пентефрія до заключенія въ темницу. Гораздо интереснѣе этихъ піэсъ „*Жалостная комедія объ Адамѣ и Евѣ*“ (¹), предметъ которой составляетъ грѣхопаденіе прародителей. Эта комедія состоитъ изъ 4-хъ дѣйствій: Въ 1-мъ дѣйствіи Адамъ въ монологѣ изображаетъ свое блаженное состоя-

(¹) Напечатана въ лѣт. русск. лит. т. III.

ніе въ раю. Во 2-мъ дѣйствіи, сначала изображается разговоръ змія съ Евою, вкушеніе запрещеннаго плода и наконецъ сѣтованіе Адама о своемъ паденіи. Въ 3-мъ дѣйствіи изображается судъ надъ Адамомъ и Евою. Архангелы Гавріилъ, Рафаилъ и Уріилъ, приготовляютъ мѣсто для суда. Змій радуется и говоритъ: „теперь родъ человѣческій мой, и Богъ не имѣетъ на него права, потому что люди отринули Его слово". Но архангелъ Гавріилъ останавливаетъ его радость и запрещаетъ судить людей до изреченія суда Божія, который имѣетъ теперь послѣдовать, и позволяетъ ему только привести Адама и Еву на судъ связанными. Начинается предварительный судъ. Змій является какъ уполномоченный *„отъ первоначальника своего Люцифера"* и требуетъ, чтобы Адамъ и Ева, какъ нарушители заповѣди Божіей, были отданы ему, для преданія смерти.... Для окончательнаго суда надъ Адамомъ и Евою, приходятъ *Богъ Отецъ*, *Богъ Сынъ*, *Правда*, *Истина*, *Милосердіе и Миръ*. Начинается въ высшей степени интересный и глубокознаменательный споръ Правды, Истины, Милосердія и Мира объ участи прародителей. *Истина* требуетъ, чтобы опредѣленіе Божіе осталось неизмѣннымъ; Адаму и Евѣ сказано было, что они смертію умрутъ, если преступятъ заповѣдь Божію. Но *Милосердіе* или *Милость* составляетъ такое же существенное свойство Божіе, какъ и Правда и Истина. Она ходатайствуетъ предъ Богомъ за Адама и Еву. Споръ ихъ оканчивается тѣмъ, что онѣ рѣшаютъ обратиться къ самому Сыну Божію за совѣтомъ, какъ избавить родъ человѣческій, съ такимъ условіемъ, чтобы ни одна изъ нихъ не потерпѣла оскорбленія, чтобы *Милость* сочеталась съ *Правдою*, а *Истина* соединилась съ *Миромъ*. Въ 4-мъ дѣйствіи, *Правда*, *Истина*, *Милость и Миръ* выражаютъ каждая отдѣльно просьбу подать совѣтъ, какъ избавить родъ человѣческій. Выслушавъ ихъ, *Сынъ Божій* говоритъ: „никакое иное средство не можетъ быть изобрѣтено, *развѣ единый за то да терпитъ*; тѣмъ же взыщите такова мужа, иже смертію за нихъ долгъ той воздастъ: такимъ бо образомъ безвредны пребудете, и бѣдный человѣкъ освободится. Любви ради къ человѣкамъ скорблю о семъ, и хотѣлъ быхъ усердно, дабы въ живыхъ сохранены были". На этомъ мѣстѣ мистерія прерывается.

ПЕРЕХОДЪ ЮГОЗАПАДНОЙ ОБРАЗОВАННОСТИ ВЪ МОСКВУ. СОСТОЯНІЕ МОСКОВСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ ВЪ XVII в.

Съ половины XVII в., особенно съ присоединенія къ Московскому государству Малороссіи, Югозападная образованность стала переходить въ Москву. Переходили въ Москву книги, явив-

шіяся на Югѣ; вызывались изъ Кіева въ Москву ученые люди для устройства училищъ, для перевода и печатанія книгъ. Первымъ замѣчательнымъ вызовомъ ученыхъ изъ Кіева былъ вызовъ, сдѣланный при Алексѣѣ Михайловичѣ бояриномъ Ртищевымъ въ 1649 г. для заведеннаго имъ училища при Андреевскомъ монастырѣ. Прибывшіе по этому вызову иноки составили ученое братство, которое трудилось не только въ училищѣ, но и при исправленіи, переводѣ и печатаніи книгъ. Съ этого времени Кіевскіе ученые составляютъ въ Москвѣ постоянный кружокъ, около котораго преимущественно сосредоточиваются образованіе и литературная дѣятельность.

Ереси и разные безпорядки и нестроенія въ общественной и частной жизни еще въ XVI в. приводили Московское правительство къ сознанію необходимости науки и образованія. Но, сознавая необходимость образованія и вызывая иностранцевъ, въ то же время, по прежнему еще боялись иностранной науки и думали, что она можетъ быть опасна для вѣры. Югозападная наука, по видимому, не представляла такой опасности; она приходила изъ страны единовѣрной и единокровной, имѣла характеръ религіозный и слѣд. была согласна съ общимъ строемъ русской жизни. Но, съ другой стороны, единовѣрная и единокровная страна уже давно страдала отъ Уніи и латинства; образованіе, приходившее изъ нея, хотя было религіозное, но имѣло чуждыя для русскаго ума западныя формы; люди, приносившіе это образованіе, не всегда и сами были свободны отъ увлеченія латинскимъ образованіемъ и латинскими идеями. Поэтому очень естественно, что и кіевское образованіе было принято въ Москвѣ съ недовѣріемъ, а въ послѣдствіи возбудило противъ себя оппозицію въ русскихъ. Книги, приходившія изъ Кіева, всегда подвергались строгому пересмотру и часто осужденію. Катихизисъ Лаврентія Зизанія патр. Филаретомъ былъ отданъ на разсмотрѣніе Богоявленскому игумену Иліи и справщику Григорію, у которыхъ по этому случаю было любопытное преніе ([1]). Это преніе весьма хорошо характеризуетъ различіе взглядовъ на образованіе Кіевскихъ и Московскихъ ученыхъ. Лаврентію, между прочимъ, поставлено было въ вину то, что составляло отличительную черту югозападнаго богословскаго образованія, именно научные пріемы и употребленіе въ богословской области свѣтскихъ знаній и литературы. „Другую притчу, замѣчали Зизанію, ты сказалъ о человѣкѣ, душа и плоть какъ орелъ со свиньею связаны. Въ нашихъ обычаяхъ и въ греческихъ книгахъ такія *бесѣды* (выраже-

([1]) Напечат. въ Лѣт. русск. лит. т. II. 1859 г.

нія) о человѣкѣ не употребляются, а мнится намъ, тѣ простые *прилоги* (примѣры) [illegible] изъ книгъ Езопа, франкскаго мудреца, баснослагателя". Е[illegible] Зизанію говорили: „у тебя въ книгѣ написано о кругахъ небесныхъ и о планетахъ и о зодіяхъ, и о затмѣніи солнца, о громѣ и о молніи, и о тресновеніи и о шибеніи и о перунѣ и о кометахъ и о прочихъ звѣздахъ: тѣ статьи изъ книги острологіи, а та книга острологія взята отъ волхвовъ еллинскихъ и отъ идолослужителей; потому книга эта къ нашему правовѣрію не сходна.... А развѣ это правда, говоришъ: облака, надувшись, сходятся и ударяются, и отъ того бываетъ громъ и огонь, какъ отъ камня и желѣза? Огонь и звѣзды, что на тверди небесной, называешъ животными и звѣрями" (разумѣются знаки зодіака). „Да какъ же, по вашему, писать о звѣздахъ", спрашивалъ Зизаній. „Мы пишемъ и вѣруемъ, отвѣчали ему, какъ Моисей написалъ: и сотвори Богъ два свѣтила великія и звѣзды, и постави ихъ на тверди небесной свѣтити по земли, и владѣти днемъ и нощію, и разлучати между свѣтомъ и нощію. А животными звѣрями ихъ не называлъ Моусей". На вопросъ Зизанія: какъ же эти свѣтила движутся и обращаются? Илья и Григорій сказали: „по повелѣнію Божію, ангелы служатъ, тварь водя".

При такомъ различіи взглядовъ, неизбѣжно должны были произойти столкновенія между Московскими грамотниками и Кіевскими учеными, когда послѣдніе явились въ Москвѣ, какъ учители. На Кіевскихъ ученыхъ стали смотрѣть какъ на людей, наклонныхъ къ латинству, тѣмъ болѣе, что воспитанные въ школахъ, гдѣ все преподаваніе происходило на латинскомъ языкѣ и по латинскимъ руководствамъ, они почти всѣ сохраняли расположеніе къ латинскому языку и латинскому образованію. Невыгодное мнѣніе о Кіевскихъ ученыхъ усиливали въ Русскихъ еще греки и восточные патріархи. Патріархи съ одной стороны боялись утратить свое давнее просвѣтительное вліяніе на Россію, а съ другой опасались, чтобы западное образованіе не повредило ея православной вѣрѣ. Поэтому, узнавъ о намѣреніи царя Ѳеодора завести въ Москвѣ высшее училище, они постоянно внушали ему мысль открыть греческое училище, учить на греческомъ языкѣ и въ греческомъ духѣ.

Но, и взглядъ на Грековъ въ Москвѣ уже давно измѣнился. Уже при Максимѣ Грекѣ было мнѣніе, что не должно принимать посвященія на митрополію отъ Цареградскаго патріарха, такъ какъ онъ живетъ подъ властію поганаго царя безбожныхъ турковъ. Въ XVII в. книги, печатанныя въ Греціи, принимались въ Москвѣ съ такою же осторожностію, какъ и книги, приходившія изъ Малороссіи. Это предубѣжденіе особенно утвердилось въ средѣ раскольниковъ, которые уже рѣшительно не хо-

тѣли вѣрить греческимъ книгамъ, когда на нихъ въ спорахъ указывали православные.

Такимъ образомъ, югозападное образованіе недружелюбно встрѣтилось въ Москвѣ съ русскими понятіями и должно было уступить мѣсто греческому образованію; но и греческое образованіе не могло утвердиться, и при Петрѣ В. въ свою очередь должно было уступить кіевскому образованію. Московская академія при Петрѣ В. была совершенно преобразована по образцу Кіевской академіи, и Кіевскіе ученые начали занимать въ ней должности начальниковъ и учителей и высшія іерархическія мѣста во всей Россіи. Съ этого времени кіевское образованіе надолго утвердилось повсюду. Несмотря на односторонность и указанные выше недостатки, оно имѣло большое значеніе и приносило существенную пользу. Кіевская наука воспитывала въ учащихся способность къ анализу, развивала мысль и укрѣпляла разсудочныя силы. Она не сообщала новыхъ идей и знаній, но своими научными пріемами и формами помогала уяснять и утверждать религіозныя истины и знанія и способствовала развитію духовной науки.

Заведеніе училищъ, исправленіе богослужебныхъ книгъ, борьба съ расколомъ, просвѣщеніе народа посредствомъ проповѣди и распространенія книгъ религіозно-нравственнаго содержанія составляли главные предметы, около которыхъ преимущественно сосредоточивалась дѣятельность просвѣщенныхъ людей XVII в. Во главѣ ихъ стоитъ знаменитый патр. Никонъ, который извѣстенъ въ исторіи исправленіемъ богослужебныхъ книгъ и церковныхъ обрядовъ и многосторонней дѣятельностію на пользу духовнаго просвѣщенія. Не страшась нареканій, онъ приблизилъ къ себѣ Кіевскихъ ученыхъ, оказывалъ имъ особенное покровительство; онъ обогатилъ патріаршую библіотеку собраніемъ множества славянскихъ рукописей и греческихъ книгъ; съ его именемъ дошелъ до насъ весьма важный лѣтописный сборникъ; по его распоряженію началась въ Москвѣ проповѣдь. Изъ лицъ, получившихъ образованіе на Югозападѣ, самыми замѣчательными дѣятелями были: Епифаній Славинецкій, Симеонъ Полоцкій и св. Димитрій Ростовскій; изъ Грековъ—Арсеній Грекъ и Іоанникій и Софроній Лихуды, изъ другихъ иноземцевъ видный слѣдъ въ нашей литературѣ оставилъ Хорватскій Сербъ, Юрій Крыжаничъ.

Училища въ XVII в. Московская академія. Братья Лихуды. Заведеніе училищъ составляло самую настоятельную потребность. Первое училище было устроено патр. Филаретомъ около 1633 г. при Чудовѣ монастырѣ и называлось патріаршею школою. Потомъ бояринъ Ртищевъ въ 1649 г. завелъ училище при Андреевскомъ монастырѣ

и вызвалъ для него въ учителя ученыхъ иноковъ изъ Кіева. Въ 1679 г. царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ вздумалъ завести для грековъ училище въ Москвѣ. Училище это, устроенное первоначально для поддержанія греческаго образованія, совершенно упавшаго на Востокѣ, сдѣлалось вторымъ, послѣ Кіевской академіи, знаменитымъ разсадникомъ просвѣщенія въ Россіи. Сначала оно называлось *Еллино-греческимъ училищемъ* (1685—1700), потомъ *Славяно-латинскою академіей* (1700—1775), наконецъ *Славяно-греко-латинской академіей* (1775 — 1814). Въ исторіи сѣверо-восточнаго образованія Московская Славяно-греко-латинская академія получила такое же значеніе, какое въ исторіи югозападной Россіи имѣетъ Кіевская академія. Проектъ устава для академіи былъ составленъ Симеономъ Полоцкимъ; за образецъ были приняты западныя училища и Кіевская академія. Въ академіи положено было преподавать грамматику, піитику, реторику, діалектику, философію и богословіе, право церковное и гражданское и прочія свободныя науки. Но ни Полоцкому, ни другимъ югозападнымъ ученымъ не привелось быть первыми наставниками академіи. Полоцкій не дожилъ до ея открытія, которое было остановлено смутами, произшедшими по смерти Ѳеодора Алексѣевича; при царевнѣ Софіи ученикъ Полоцкаго, Сильвестръ Медвѣдевъ возобновилъ дѣло объ открытіи академіи и самъ надѣялся быть въ ней начальникомъ и наставникомъ, но своими латинскими заблужденіями онъ не только на себя навлекъ осужденіе, но и бросилъ тѣнь на всѣхъ югозападныхъ ученыхъ. Первыми наставниками въ академіи были сдѣланы Греки, братья Лихуды.— Іоанникій и Софроній Лихуды получили образованіе въ Венеціи и Падуѣ, гдѣ пріобрѣли докторскіе дипломы, и потомъ, до прибытія въ Москву, нѣсколько лѣтъ были учителями и проповѣдниками въ разныхъ мѣстахъ Греціи. Въ 1685 г. они открыли преподаваніе въ академіи, которая сначала помѣщалась въ Заиконоспасскомъ монастырѣ и называлась *Заиконоспасскими школами*. Въ продолженіи 8-ми лѣтъ они преподавали, на греческомъ и латинскомъ языкахъ грамматику, піитику, реторику, логику и физику. По всѣмъ этимъ наукамъ они составили учебники, которые донынѣ хранятся въ рукописяхъ въ Московской академіи. Изъ этихъ учебниковъ видно, что Лихуды владѣли обширнымъ образованіемъ; образованіе это имѣло характеръ схоластическій; главнымъ авторитетомъ въ реторикѣ, логикѣ и физикѣ былъ Аристотель. Впрочемъ они не рабски во всемъ слѣдовали Аристотелю, а стремились и къ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ. Лихуды преподавали въ академіи съ такимъ успѣхомъ, что въ короткое время воспитали много учениковъ, которые послѣ нихъ могли продолжать преподаваніе. Изъ нихъ особенно замѣчателенъ

іеромонахъ *Палладій Роговскій.* Палладій былъ весьма даровитый и любознательный человѣкъ. Не удовлетворяясь преподаваніемъ въ Московской академіи, онъ отправился въ Виленскую іезуитскую школу; потомъ въ Ольмюцъ, гдѣ изъ любви къ наукѣ рѣшился на временное отступленіе отъ православія, и наконецъ въ Римъ. Здѣсь онъ семь лѣтъ изучалъ въ греко-унитской коллегіи философію и богословіе и получилъ степень доктора богословскихъ и философскихъ наукъ. Возвратившись въ Москву, онъ исповѣдалъ патріарху Адріану свое невольное отступленіе, проклялъ латинскія мудрованія и написалъ исповѣданіе своей вѣры, согласно съ православіемъ. Патріархъ принялъ его и сдѣлалъ наставникомъ академіи. Со времени Палладія преподаваніе въ академіи измѣнилось. При преемникахъ Лихудовъ оно происходило на греческомъ языкѣ; Палладій не зналъ греческаго языка и началъ преподавать всѣ науки на латинскомъ языкѣ. Но уже совершенно другой видъ получила академія, когда въ 1701 г. протекторомъ ея былъ назначенъ митр. Рязанскій, Стефанъ Яворскій. Воспитанникъ Кіевской академіи, онъ совершенно преобразовалъ ее по образцу своей академіи. На латинскомъ языкѣ стали читать всѣ лекціи и писать сочиненія, наставники были вызваны изъ Кіева и начали преподавать науки по кіевскимъ руководствамъ и ввели въ академію вообще всѣ порядки, существовавшіе въ Кіевской академіи. Преобразованная такимъ образомъ Московская академія стала на ряду съ Кіевской академіей и подъ именемъ Славяно-греко-латинской академіи сдѣлалась разсадникомъ просвѣщенія не только для духовнаго, но и гражданскаго сословія. Въ нее долго поступали не только духовные, но и свѣтскіе люди; изъ нея брали воспитанниковъ для академической гимназіи, заведенной при академіи наукъ, и для отправленія за границу; въ ней получили первое образованіе многіе дѣятели въ новой русской литературѣ и въ томъ числѣ самъ основатель ея, Ломоносовъ.

Исправленіе богослужебныхъ книгъ. Патріархъ Никонъ. Епифаній Славинецкій и Арсеній Грекъ. Другою настоятельною потребностію времени было исправленіе богослужебныхъ книгъ, которое началось при Максимѣ Грекѣ и съ тѣхъ поръ было постоянною заботою нашихъ пастырей. Ошибки въ богослужебныхъ книгахъ произошли отъ невѣжества переписчиковъ, переписывавшихъ эти книги. Введеніе книгопечатанія не могло исправить зла, произведеннаго переписчиками, потому что справщики типографіи, которымъ поручалось печатаніе книгъ, были также необразованны. Подобнымъ невѣжественнымъ справщикамъ поручено было печатаніе книгъ при патр. Іосифѣ, и они напечатали до 6000 богослужебныхъ книгъ, наполненныхъ разными ошибками. Прекра-

тить это зло суждено было патр. Никону. Сознавая всю трудность дѣла, онъ приступилъ къ нему съ большими предосторожностями и приготовленіями. Сначала онъ созвалъ соборъ (1653—1654) и предложилъ на немъ исправить богослужебныя книги по греческимъ книгамъ и славянскимъ рукописямъ, а чтобы придать значеніе этому собору, испросилъ утвержденія его постановленій у Константинопольскаго патріарха; потомъ онъ удалилъ изъ типографіи прежнихъ невѣжественныхъ справщиковъ и поручилъ исправленіе и печатаніе книгъ Епифанію Славинецкому и Арсенію Греку. Епифаній Славинецкій стоялъ во главѣ ученаго братства, вызваннаго Ртищевымъ изъ Кіева. Это былъ глубокій богословъ и серьезный ученый; съ богатыми дарованіями онъ соединялъ обширныя свѣдѣнія въ наукѣ и горячую, безкорыстную любовь къ ней. Получивъ образованіе въ Кіевской академіи, онъ ѣздилъ еще учиться за границу и по возвращеніи сдѣланъ былъ учителемъ въ кіевскомъ братскомъ училищѣ. По прибытіи въ Москву, онъ также поступилъ въ наставники патріаршаго училища въ Чудовѣ монастырѣ и кромѣ обученія постоянно занимался переводомъ книгъ съ греческаго языка. Арсеній Грекъ былъ также ученый человѣкъ и получилъ образованіе въ западныхъ училищахъ, между прочимъ въ римской коллегіи, для поступленія въ которую онъ, ради науки, принималъ на время даже католичество. Въ Москву онъ прибылъ въ 1649 г. съ іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ и остался здѣсь по просьбѣ Алексѣя Михайловича. Для повѣрки при исправленіи книгъ Никонъ приказалъ собрать въ Москву изъ всѣхъ русскихъ монастырей древнія славянскія рукописи, а для пріобрѣтенія греческихъ книгъ и древнѣйшихъ греческихъ рукописей отправилъ въ Грецію и на Аѳонъ инока *Арсенія Суханова.* Сухановъ еще за три года до этого, при патр. Іосифѣ, ѣздилъ въ Грецію и Іерусалимъ для описанія церковныхъ чиновъ и представилъ это описаніе въ запискахъ о своемъ путешествіи, которыя онъ назвалъ *Проскинитаріемъ.* Во второе же путешествіе, по приказанію Никона, онъ собралъ въ Греціи множество книгъ и рукописей, которыя впослѣдствіи вошли въ составъ патріаршей библіотеки. Послѣ такихъ приготовленій было приступлено къ самому исправленію книгъ. Прежде всего былъ исправленъ и напечатанъ *Служебникъ* (1655). Потомъ Арсеніемъ Грекомъ была переведена съ греческаго и разсмотрѣна на соборѣ 1656 г. книга *Скрижаль*, заключающая объясненіе обрядовъ православной греко-восточной церкви. Одобривъ исправленныя книги, соборъ постановилъ отобрать повсюду старыя книги и замѣнить новоисправленными. Это въ приверженцахъ старыхъ книгъ и обрядовъ, считавшихъ грѣхомъ и ересью перемѣну даже одной буквы въ прежнихъ

книгахъ, возбудило ропотъ, потомъ сопротивленіе и наконецъ открытое возстаніе, приведшее ихъ къ *расколу*, или отпаденію отъ православной Церкви. Первыми расколоучителями явились тѣ самыя лица, которыя были справщиками типографіи и печатали отмѣненныя теперь книги. Это были: протопопъ Аввакумъ, священники Никита и Лазарь, діаконъ Θеодоръ и Іоаннъ Нероновъ.

Произведенія московской словесности въ XVII в. Симеонъ Полоцкій и Димитрій Ростовскій. Съ появленіемъ училищъ начали появляться сочиненія по разнымъ отдѣламъ науки; югозападные ученые принесли въ Москву проповѣдь; вмѣстѣ съ ними явилась и силлабическая поэзія. Со всѣми этими явленіями науки и образованности весьма тѣсно связана дѣятельность преимущественно двухъ писателей: *Симеона Полоцкаго и св. Димитрія Ростовскаго.* Послѣ Епифанія Славинецкаго іеромонахъ Симеонъ Петровскій-Ситніановичъ Полоцкій (1628—1682) былъ самымъ виднымъ представителемъ югозападнаго образованія въ Москвѣ. Полоцкій воспитывался въ Кіевской академіи, гдѣ слушалъ Лазаря Барановича, потомъ въ польскихъ католическихъ училищахъ. Въ Полоцкѣ, гдѣ онъ родился и жилъ по окончаніи своего образованія, его встрѣтилъ Алексѣй Михайловичъ, пригласилъ въ Москву и сдѣлалъ воспитателемъ царевича Θеодора Алексѣевича. Занявъ такое положеніе, Полоцкій такъ хорошо имъ воспользовался, что ему долго не могла вредить противная ему партія и даже патр. Іоакимъ, подозрѣвавшій его въ приверженности къ латинству. Пользуясь расположеніемъ Θеодора Алексѣевича, онъ смѣло писалъ и печаталъ свои сочиненія, боролся съ расколомъ, говорилъ проповѣди и писалъ силлабическіе стихи и духовныя комедіи. Другимъ знаменитымъ дѣятелемъ въ области духовнаго просвѣщенія, впрочемъ уже въ самомъ концѣ этого періода, уже въ первыхъ годахъ XVIII в., былъ *св. Димитрій Ростовскій* (1651—1709). Онъ получилъ образованіе также въ Кіевской академіи и былъ проповѣдникомъ при Лазарѣ Барановичѣ въ Черниговѣ, потомъ въ Слуцкѣ, Батуринѣ и Кіевѣ. Обративъ на себя вниманіе проповѣдническою дѣятельностію, онъ былъ посвященъ въ митрополита Сибирскаго, но такъ какъ здоровье не позволило ему ѣхать такъ далеко, то онъ сдѣланъ былъ митр. Ростовскимъ. Въ санѣ митр. Ростовскаго онъ 9 лѣтъ неутомимо трудился для духовнаго просвѣщенія, завелъ въ Ростовѣ духовную семинарію, проповѣдывалъ Слово Божіе, боролся съ расколомъ и писалъ разныя сочиненія. Въ Малороссіи св. Димитрій усвоилъ плоды кіевской учености и въ то же время глубоко изучилъ творенія отцевъ и учителей греческой церкви; призванный въ Великороссію, онъ все вниманіе обратилъ на потреб-

ности современной русской жизни и старался удовлетворить имъ. Поэтому его сочиненія совмѣщаютъ въ себѣ свойства греческой отеческой письменности и черты югозападнаго образованія, а нѣкоторыя отличаются особенными качествами—примѣнительностію, или приспособленіемъ къ понятіямъ и потребностямъ православнаго русскаго народа. Стоя на переходѣ церковной словесности отъ древняго русско-византійскаго періода, при концѣ своемъ принявшаго въ себя элементы западнаго образованія, къ новому періоду словесности, получившей послѣ реформы Петра новый характеръ, св. Димитрій является послѣднимъ и самымъ лучшимъ представителемъ древне-русскаго духовнаго образованія, образцомъ древне-русскаго богослова и проповѣдника.

Полемическія сочиненія противъ раскола. Но самымъ сильнымъ вызовомъ къ литературной дѣятельности былъ расколъ. Чтобы остановить распространеніе раскола, нужно было показать его заблужденія, тѣмъ болѣе, что сами раскольники съ первыхъ временъ начали полемику противъ православныхъ. Первые расколоучители были люди не только грамотные, но и стояли во главѣ грамотниковъ тогдашняго времени: протопопъ Аввакумъ, священники Никита и Лазарь, діаконъ Ѳеодоръ и Іоаннъ Нероновъ были справщиками типографіи при патр. Іосифѣ. Протопопъ Аввакумъ написалъ больше 30 сочиненій, изъ коихъ особенно замѣчательна его автобіографія, весьма хорошо характеризующая его грубую, но оригинальную личность. Діаконъ Ѳеодоръ писалъ обличительныя посланія. Но самымъ рѣзкимъ выраженіемъ раскольнической полемики были такъ называемыя *Челобитныя*, которыя расколо-учители подавали правительству въ защиту своего отпаденія и какъ протестъ противъ разныхъ *новшествъ*, церковныхъ и гражданскихъ. Таковы *Челобитныя*: суздальскаго священника *Никиты Пустосвята*, романовскаго священника *Лазаря* и *Соловецкихъ раскольниковъ*. Къ сочиненіямъ, написаннымъ противъ раскола, относятся: *Жезлъ правленія* Симеона Полоцкаго, *Увѣтъ духовный* патр. Іоакима, *Опроверженіе Соловецкой Челобитной* серба Юрія Крыжанича, *Окружныя посланія* Игнатія, митр. Сибирскаго, и *Розыскъ* св. Димитрія Ростовскаго. Выше всѣхъ этихъ сочиненій о расколѣ и противъ раскола стоитъ *Розыскъ* св. Димитрія Ростовскаго. На борьбу съ расколомъ св. Димитрій былъ вызванъ успѣхами раскола въ Ростовѣ и Ярославлѣ, проникшаго сюда изъ раскольническихъ скитовъ въ *Брынскихъ лѣсахъ* (калужской губерніи), почему и вѣра раскольниковъ называется въ Розыскѣ Брынскою вѣрою. При составленіи Розыска св. Димитрій пользовался какъ прежде написанными вышеуказанными сочиненіями противъ раскола, такъ и

сочиненіями самихъ раскольниковъ. Розыскъ состоитъ изъ трехъ частей. Въ первой части разсматриваются два вопроса: 1) есть ли вѣра раскольниковъ правая? и 2) есть ли вѣра раскольниковъ старая? Во второй части Розыска Димитрій доказываетъ, что ученіе раскольниковъ ложно, потому что проповѣдуется учителями самозванцами, не имѣющими права учить и людьми необразованными, которые ложно объясняютъ слово Божіе и ученіе отеческое. Въ третьей части разсматриваются дѣла, къ которымъ приводитъ раскольническая вѣра.

Четьи-Минеи св. Димитрія Ростовскаго. — Историческими изслѣдованіями любилъ заниматься св. Димитрій Ростовскій. Кромѣ *Діаріуса*, или дневныхъ записокъ, онъ составилъ: *каталогъ Кіевскихъ митрополитовъ съ краткимъ лѣтосчисленіемъ, лѣтописаніе краткихъ константинопольскихъ царей и патріарховъ и о благочестивѣйшихъ царехъ и святѣйшихъ патріархахъ всероссійскихъ и лѣтопись отъ начала міробытія до Рождества Христова.* Лѣтопись эта составлена изъ книгъ св. Писанія, греческихъ и славянскихъ хронографовъ, латинскихъ и польскихъ хроникъ. Но самый важный трудъ св. Димитрія — *Четьи-Минеи*, которыя онъ началъ составлять еще въ Кіевѣ и составлялъ въ продолженіи 20-ти лѣтъ. Кромѣ жизнеописаній святыхъ, въ составъ Четьи-Миней вошли также синаксари на праздники господскіе, богородичные, по случаю перенесенія мощей, явленія чудотворныхъ иконъ, и т. п.; поучительныя слова, содержаніе коихъ заимствовано изъ исторіи праздника; отдѣльныя историческія разсужденія при началѣ или концѣ четверти Миней. Составленіемъ Четь-Миней св. Димитрій оказалъ великую услугу; проникнутые искреннею вѣрою и благочестіемъ, его разсказы о жизни святыхъ сдѣлались любимымъ чтеніемъ благочестивыхъ христіанъ.

Повѣствованіе о Россіи Котошихина. — Къ историческимъ сочиненіямъ, изображающимъ состояніе Россіи въ XVII в., принадлежатъ два замѣчательныя сочиненія: „*О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича*“ Котошихина и „*Русское государство въ половинѣ XVII в.* Юрія Крыжанича. Котошихинъ былъ дьякъ посольскаго приказа и занимался письмоводствомъ при дипломатическихъ сношеніяхъ съ иностранными дворами. Спасаясь отъ непріятностей по службѣ, онъ убѣжалъ около 1664 г. въ Польшу, потомъ странствовалъ по Пруссіи, наконецъ поселился въ Стокгольмѣ и здѣсь написалъ сочиненіе о Россіи. Сочиненіе начинается краткимъ разсказомъ о царяхъ — предкахъ Алексѣя Михайловича, съ Іоанна Грознаго. Дошедши до Алексѣя Михай-

ловича онъ останавливается на его вѣнчаніи на царство и женитьбѣ и при этомъ описываетъ подробно свадебные чины, обряды и пиры на царской свадьбѣ. Потомъ изображаетъ жизнь царя и царскаго семейства вообще, описываетъ покои царя, царицы, царевичей и царевенъ; обычаи и праздники при рожденіи и крещеніи дѣтей, воспитаніе и жизнь царевичей и царевенъ, хожденіе въ церковь, путешествіе по монастырямъ, обряды при погребеніи царя и царскаго семейства. Далѣе говоритъ о царскихъ чиновныхъ людяхъ, составляющихъ дворъ царя; боярахъ, окольничихъ думныхъ людяхъ, стольникахъ и стряпчихъ, изображая ихъ степени и должности, ихъ службу и пріѣздъ ко двору; потомъ о царицыныхъ чиновныхъ людяхъ и боярыняхъ, составляющихъ придворный штатъ царицы. Особенно подробно Котошихинъ разсказываетъ о русскихъ посольствахъ къ иностраннымъ дворамъ и о пріемѣ иностранныхъ пословъ въ Москвѣ. Затѣмъ нѣсколько главъ посвящено описанію управленія въ Московскомъ государствѣ. Здѣсь говорится о разныхъ *дворахъ и приказахъ*—какой приказъ какими дѣлами завѣдуетъ, и кто какимъ приказомъ или дворомъ управляетъ; о помѣстьяхъ, вотчинахъ и земляхъ; о войскѣ, военныхъ чинахъ и ратныхъ людяхъ; о торговлѣ, торговыхъ и посадскихъ людяхъ. Особенно интересна послѣдняя 13-я глава сочиненія. Въ ней изображается жизнь боярская: обѣды, пиры и брачные обычаи: сватовство и смотръ невѣстъ, сговоры и рядныя записи, вѣнчаніе, свадебные обѣды и подарки, подмѣнъ невѣстъ, разводы и расторженія брака. Такимъ образомъ Котошихинъ изображаетъ почти всѣ стороны древнерусскаго быта высшихъ сословій, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ, слагаясь издавна, существовалъ предъ самой реформой Петра В. Поэтому сочиненіе его составляетъ драгоцѣнное дополненіе къ лѣтописямъ и другимъ историческимъ документамъ. Положеніе Котошихина, писавшаго внѣ Россіи, и слѣд. не связаннаго никакими оффиціальными отношеніями, позволяло говорить ему прямо о всѣхъ недостаткахъ русской жизни; онъ разсказываетъ объ отсутствіи науки и образованія даже въ царскомъ семействѣ, о невѣжествѣ породистыхъ бояръ, которые, засѣдая въ думѣ, часто ничего не могли отвѣтить на вопросы царя, потому что многіе изъ нихъ грамотѣ неученые; изображаетъ вредныя послѣдствія мѣстничества, боярскую спесь, обманъ, недержаніе слова, страшное лихоимство, подмѣнъ и разнаго рода обманы при выдачѣ невѣстъ, оскорбительныя для цѣломудрія и нравственнаго чувства обычаи при свадьбахъ и проч. ([1]).

---

[1]) О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича Григорія Котошихина. Изд. 2-е 1859 г.

Русское государство въ половинѣ XVII в. Крыжанича.— Но, изображая недостатки русской жизни, Котошихинъ не задается мыслію о способахъ къ ея улучшенію; его сочиненіе имѣетъ характеръ простого историческаго разсказа. Другой характеръ имѣетъ сочиненіе о Россіи Крыжанича. Крыжаничъ не столько описываетъ состояніе Россіи, сколько разсуждаетъ о причинахъ ея недостатковъ и предлагаетъ разные планы для ея улучшенія или преобразованія; его сочиненіе имѣетъ не столько историческій, сколько политическій, или политико-экономическій характеръ.— Юрій Крыжаничъ (род. 1617 г.) родомъ былъ Хорватъ, по званію католическій священникъ. Съ обширнымъ образованіемъ онъ соединялъ знакомство съ законами, нравами и обычаями разныхъ народовъ. Горячій патріотъ, онъ глубоко скорбѣлъ о бѣдственномъ положеніи славянскихъ племенъ, задавленныхъ другими сильными народами, и потому естественно все вниманіе свое сосредоточилъ на Россіи, которая представлялась ему единственною великою, свободною славянскою державою и въ которой онъ видѣлъ единственное спасеніе для всѣхъ славянскихъ племенъ. Въ 1658 г. въ Вѣнѣ онъ встрѣтился съ Московскимъ посланникомъ Лихаревымъ и получилъ отъ него приглашеніе ѣхать въ Россію. Сначала онъ жилъ въ Малороссіи, въ Нѣжинѣ (до октября 1659 г.), а потомъ пріѣхалъ въ Москву. Онъ хотѣлъ здѣсь, какъ говоритъ въ предисловіи къ своей Политикѣ, пробудить въ Русскихъ сознаніе своей славянской народности и познакомить ихъ съ единоплеменниками, и для этой цѣли: 1) исправить и очистить Славянскій языкъ и написать для него *„добру грамматику и лексиконъ“*, 2) написать исторію всего славянскаго народа и 3) обличить *„обманы“* иностранцевъ относительно Славянъ вообще и въ частности Русскихъ. Но въ Москвѣ Крыжаничу суждено было жить не долго; 20 января 1661 г. онъ былъ сосланъ въ Тобольскъ. Причины ссылки неизвѣстны; но можно предполагать, что онъ пострадалъ или за тѣ рѣзкія осужденія недостатковъ въ Русскомъ народѣ и Московскомъ государствѣ, которыя мы находимъ въ его сочиненіяхъ и которыя онъ, вѣроятно, и прежде высказывалъ, живя въ Москвѣ, или за то, что считалъ себя принадлежавшимъ въ одно и то же время и католической и православной церкви, готовъ былъ причащаться въ Русской церкви, но не хотѣлъ принимать второго крещенія, что требовалось тогда отъ всякаго католика, принимающаго православіе; къ тому же онъ вмѣшался въ споры о расколѣ, на который онъ смотрѣлъ не согласно съ православными, какъ на пустую распрю, не заслуживающую серьезнаго вниманія. По смерти Алексѣя Михайловича въ 1676 г. ему позволено было возвратиться въ Москву. Дальнѣйшая

судьба его неизвѣстна. Въ Тобольскѣ Крыжаничъ прожилъ 15-ть лѣтъ и здѣсь написалъ свои сочиненія: 1) Граматично Изказаніе, 2) Опроверженіе Соловецкой Челобитной, 3) О св. крещеніи, 4) О Промыслѣ Божіемъ и 5) Политику. Въ сочиненіи о Промыслѣ Божіемъ (De providentia Dei) (1) Крыжаничъ разсуждаетъ объ условіяхъ счастія и благоденствія государства. Благоденствіе это зависитъ отъ Божественнаго промысла, который всѣмъ управляетъ въ мірѣ. Промыслъ Божій возвышаетъ народъ за добрые нравы и дѣла; за дурные нравы и дѣла онъ наказываетъ народъ униженіемъ и разнаго рода бѣдствіями. Крыжаничъ подробно разбираетъ всѣ дѣла, или, какъ онъ называетъ, *грѣхи*, за которые посылаются на народъ разныя бѣдствія, подтверждая свои разсужденія фактами изъ священной и гражданской исторіи. Самое важное сочиненіе Крыжанича, въ которомъ выражены всѣ его задушевныя мысли, чувства и стремленія, есть *Политика*, изданная Безсоновымъ подъ заглавіемъ: *Русское государство въ половинѣ XVII в.* (2). Въ Политикѣ, въ формѣ разговоровъ и отдѣльныхъ разсужденій, Крыжаничъ излагаетъ теорію устройства государства вообще и въ частности Россіи, сравниваетъ состояніе Россіи съ состояніемъ другихъ славянскихъ и всѣхъ европейскихъ государствъ; подробно разсматриваетъ всѣ стороны политическаго и частнаго быта въ Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича; разсуждая о какихъ-нибудь слабостяхъ или недостаткахъ въ русскомъ народѣ въ религіозномъ, экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ, онъ указываетъ причины ихъ и средства къ ихъ исправленію, предлагаетъ разныя реформы и наконецъ рисуетъ полную идеальную картину преобразованной по его плану Россіи. Вся Политика раздѣляется на три части: 1) о народномъ и державномъ благѣ и богатствѣ; 2) о силѣ державной и 3) о мудрости вообще и въ частности политической. 3-я часть самая обширная и самая важная. Говоря о мудрости вообще, Крыжаничъ замѣчаетъ: „Мудрость столько же нужна для государей, какъ и для обыкновенныхъ людей; при живыхъ совѣтникахъ нужны еще лучшіе совѣтники мертвые— книги; книги не увлекаются ни алчностію, ни враждою, ни любовію, книги не ласкательствуютъ, не боятся повѣдать истину“. Скажутъ: между мудрыми раждаются ереси, и потому мы не должны учиться мудрости. На это отвѣчаю: Магометъ не былъ мудръ и никакихъ мудрыхъ бесѣдъ и хитростей не выдумалъ, а крайнюю глу-

---

(1) Оно издано Безсоновымъ. Москва. 1860 г.

(2) Русское Государство въ половинѣ XVII в. часть I. Москва. 1859, часть II. Москва 1860. Въ рукописи оно называется: «Разговоры объ владательству».

ность написалъ въ своихъ книгахъ, а между тѣмъ наплодилъ ересь, болѣе всѣхъ распространившуюся по свѣту. А на Руси ересь встала развѣ не отъ глупыхъ, некнижныхъ мужиковъ?... Отъ мудрости ереси искореняются, а отъ невѣжества пребываютъ во вѣки.... Святые отцы были мудры, а не зачинали ересей, но ратовали противъ нихъ.... Отъ огня, воды, желѣза умираютъ многіе, а между тѣмъ люди не могутъ жить безъ нихъ; также точно и мудрость потребна людямъ" (1). Разсуждая о разныхъ родахъ мудрости и знанія. Крыжаничъ особенно останавливается на *мудрости политической*. Основаніе этой мудрости заключается въ познаніи народомъ самого себя: *„познай самъ себя и не вѣруй инородникомъ"*. Врачъ не можетъ лѣчить человѣка, если не узнаетъ его болѣзни: такъ и политикъ, не узнавъ своихъ силъ и нуждъ, не можетъ ни направить своихъ дѣлъ, ни промыслить о своихъ нуждахъ". Незнаніе своихъ силъ и способностей, своихъ пороковъ и недостатковъ составляетъ корень народнаго зла: „тогда люди сами себя и свои обычаи излишне любятъ, и считаютъ себя сильными и богатыми и мудрыми, не будучи таковыми на самомъ дѣлѣ" (2). Потомъ Крыжаничъ разсуждаетъ о народныхъ свойствахъ и народныхъ порокахъ. Къ народнымъ порокамъ онъ относитъ: лѣность, расточительность и рядомъ съ нею скудость, пированіе, пьянство и излишнее гостепріимство, жестокость къ подвластнымъ, какъ слѣдствіе расточительности, недостатокъ благородной гордости, неумѣренность во власти, какъ слѣдствіе той же склонности къ крайностямъ, гибельную охоту мѣшаться въ чужія дѣла и несогласіе между собою. „Между всѣми народами, говоритъ онъ, особенно свойственно намъ *пированіе и расточительность*. Еще древніе предки наши въ язычествѣ почитали славнаго идола *Радигоста*, въ честь коего пировали и упивались, а нынѣ, вмѣсто Радигоста, мы имѣемъ двѣ недѣли св. Николы, масляницу, всю свѣтлую недѣлю, крестины, имянины, поминки и особенные пиры... и во всѣхъ этихъ случаяхъ мы всѣ и всегда упиваемся *на уморъ*" (3). За неумѣреннымъ пированіемъ и расточительностію слѣдуетъ *обубоженіе и окрутность на подвластныхъ*. „Несмѣтное множество въ нашемъ народѣ людей, говоритъ онъ, которые за честь себѣ вмѣняютъ, если много пируютъ и имѣніе свое раскидываютъ безъ причины. А когда у нихъ не останется потребнаго содержанія на траты, нещадно притискиваютъ и выжимаютъ съ своихъ подвластныхъ" (4). Но съ особенною силою Крыжаничъ нападаетъ на крайнее при-

---

(1) Русск. Госуд. ч. I. стр. 105—112. (2) Русск. госуд. ч. I. стр. 116—117.
(3) Тамъ же, стр. 175—176. (4) Тамъ же, стр. 178.

страстіе Славянъ и Русскихъ къ иностранцамъ и ко всему иноземному, которое онъ называетъ *ксеноманіей, или чужебѣсіемъ.* Онъ считаетъ этотъ недостатокъ господствующею чертою въ характерѣ Славянъ и видитъ въ немъ причину многоразличныхъ бѣдствій. „Сія смертоносная болѣзнь, говоритъ онъ, заразила весь нашъ народъ. Неисчислимы бѣдствія и срамоты, какія терпѣлъ и терпитъ весь нашъ народъ *отъ чужебѣсія* т. е. отъ того, что мы чрезмѣрно довѣрчивы къ иноземцамъ и допускаемъ ихъ дѣлать въ своей землѣ все, что они хотятъ“ (1). Самыми сильными врагами Славянъ онъ считаетъ Нѣмцевъ. „Ни одинъ народъ подъ солнцемъ, говоритъ онъ, искони вѣковъ не былъ такъ осрамленъ и изобиженъ, какъ мы Славяне, отъ Нѣмцевъ и слѣд. ни одинъ народъ не долженъ беречься такъ инородническаго общенія, какъ мы, Славяне“. Другимъ непріязненнымъ народомъ для Славянъ онъ считаетъ Грековъ. Между Нѣмцами и Греками Русскіе поставлены, какъ между двумя крайностями. „Нѣмцы, говоритъ онъ, убѣждаютъ насъ ко всему новому, хотятъ чтобы презрѣвши всѣ похвальныя древнія учрежденія и нравы, мы сообразовались съ ихъ развращенными нравами и законами. Греки же рѣшительно осуждаютъ всякую новизну: кричатъ и повторяютъ, что все новое—зло. Расходясь такъ далеко между собою, въ большей части вещей, они въ томъ только отлично согласуются между собой, что тѣ и другіе ненавидятъ нашъ народъ, презираютъ, злословятъ и пронизываютъ самыми злѣйшими клеветами и нареканіями, доводя этимъ многихъ до отчаянія“ (2)... „Тѣ и другіе ищутъ надъ нами господства. Греки жаждутъ удержать духовный авторитетъ и духовную власть надъ Русью, если не надъ всею, то по крайности надъ кіевскою епархіею. Я слышалъ одного грека, который сердился на блаженнаго Кирилла Солунскаго, зачѣмъ онъ изобрѣлъ намъ и передалъ славянскія буквы, равно какъ и перевелъ писанія. Слѣдовало, говорилъ онъ не давать тѣмъ людямъ буквъ и не переводить писаній, а принудить ихъ, чтобы они учились языку и буквамъ грековъ; пусть бы, такимъ образомъ, нуждались всегда въ греческихъ учителяхъ... А Нѣмцы добились того, что состоятъ вождями въ нашемъ войскѣ“ (3). Наконецъ Крыжаничъ жалуется, что Греки и Нѣмцы постоянно сѣютъ распри между славянами. Онъ убѣждаетъ всѣхъ оставить эти распри и проситъ русскихъ соединиться съ поляками (4). Мысль о соединеніи всѣхъ славянскихъ народностей составляетъ задушевную мысль Крыжанича. Но этому соединенію препятствуетъ

---

(1) Тамъ же, стр. 181.

(2) Русск. госуд. ч. II. стр. 186. (3) Тамъ же, стр. 193.

(4) Тамъ же, стр. 194.

разность въ вѣрѣ Славянъ, напр. Русскихъ и Поляковъ; поэтому онъ скорбитъ о раздѣленіи церквей—Восточной и Западной и желаетъ ихъ соединенія.—Но, упрекая Русскихъ и Славянъ въ крайнемъ пристрастіи къ иноземному и къ иноземцамъ, Крыжаничъ самъ впадаетъ въ крайность—въ излишнее порицаніе иноземцевъ. Въ этой крайности онъ доходитъ даже до того, что проповѣдуетъ рѣшительную *ксенеласію*—изгнаніе иностранцевъ, требуетъ не допускать иностранныхъ купцовъ во внутреннія области, не принимать въ службу ни одного иностранца, не давать ни одному права гражданства.

Указавъ разныя нестроенія, пороки и недостатки въ Русскомъ народѣ и у славянъ вообще, Крыжаничъ предлагаетъ средства къ ихъ исправленію. Средства эти заключаются въ разныхъ законодательныхъ реформахъ и предоставленіи всѣмъ сословіямъ *слободинъ* т. е. правъ и привилегій. Съ просьбою объ этомъ Крыжаничъ обращается къ царю Алексѣю Михайловичу, и молитъ его позаботиться о всемъ Славянскомъ народѣ, помочь Задунайцамъ, Ляхамъ и Чехамъ и собрать всѣхъ воедино. „Въ твоихъ рукахъ, царь, говоритъ онъ, чудодѣйственный жезлъ Моусеевъ, посредствомъ котораго ты можешь творить дивныя чудеса, въ твоихъ рукахъ самодержавіе—совершенная покорность и послушаніе подданныхъ. Уже давно на свѣтѣ не было такого царя или владѣтеля, который имѣлъ бы силу творить такія чудныя дѣла, какія ты легко можешь дѣлать и пріобрѣсти за нихъ у всего славянскаго народа нескончаемое благословеніе, у другихъ народовъ безсмертную славу, а у Бога, послѣ сего земнаго царства, царство небесное“ (1). Наконецъ Крыжаничъ выводитъ и самого царя, какъ преобразователя, и представляетъ его говорящимъ рѣчь къ народу о тѣхъ реформахъ, которыя нужно произвести. Въ ней излагаются права и привилегіи разныхъ сословій и *вольности* торговцевъ, ремесленниковъ, посадниковъ и даже цѣлыхъ городовъ. Для охраненія этихъ привилегій и вообще для утвержденія благосостоянія государства и всего народа нужно издать хорошіе законы. Неизвѣстно, какъ приняты были всѣ эти разсужденія и проэкты Крыжанича царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и образованными и правительственными лицами въ Москвѣ; но едвали они могли найти въ нихъ особенную симпатію къ себѣ. По своему образованію Русскіе въ то время еще не способны были стать вполнѣ на точку зрѣнія Крыжанича, которая была высока для нихъ, да и во многихъ отношеніяхъ противорѣчила ихъ издавна укоренившимся воззрѣніямъ. Къ тому-же это были разсу-

(1) Русск. госуд. ч. II. стр. 5

жденія и проэкты латинскаго священника, который православную вѣру Грековъ и Русскихъ называлъ схизмою и былъ рѣзкимъ обличителемъ недостатковъ Русскаго народа и безпорядковъ въ Московскомъ государствѣ.

Проповѣдническая литература. Вмѣстѣ съ другими явленіями науки и образованности перешла въ Москву изъ югозападной Россіи и проповѣдь. Собственной проповѣди въ Москвѣ уже давно не было. При совершенномъ упадкѣ просвѣщенія въ духовенствѣ не только не было людей способныхъ учить народъ живымъ словомъ, но даже образовалось въ XVI в. странное мнѣніе, что проповѣдь ведетъ къ ереси. Вмѣсто проповѣдей положено было читать въ церкви уставныя чтенія изъ отцевъ церкви. Въ XVII в. явилось въ Москвѣ Учительное Евангеліе Кирилла Транквилліона, которое было первымъ опытомъ югозападной проповѣди. Со времени пришествія въ Москву югозападныхъ ученыхъ явилась настоящая проповѣдь. Патріархъ Никонъ сначала поручилъ проповѣдывать Епифанію Славинецкому. Послѣ него усердными проповѣдниками явились Симеонъ Полоцкій и св. Димитрій Ростовскій.

Проповѣди Епифанія Словинецкаго. Въ рукописяхъ встрѣчается болѣе 50 словъ и поученій Славинецкаго на разные церковные праздники и дни святыхъ. Между ними есть нѣсколько такихъ словъ, которыя были написаны, вѣроятно, не для произнесенія съ каѳедры, а какъ образцы для общаго употребленія и руководства; таковы, напр., три слова къ священникамъ, одно къ монахамъ, три слова противъ раскола и три слова о милосердіи. На проповѣдяхъ Славинецкаго вполнѣ отразился его личный характеръ. Какъ самъ онъ былъ не практическимъ дѣятелемъ, а учителемъ и ученымъ, въ тишинѣ монашеской кельи занимавшимся переводомъ и исправленіемъ книгъ, такъ и его проповѣди имѣютъ не практическій, а созерцательный характеръ. Въ нихъ видно глубокое знаніе св. Писанія и писаній отеческихъ; но они слишкомъ общи и отвлеченны. Такъ, напр., въ словѣ *на страсть Христову*, онъ обращается къ слушателямъ съ такимъ увѣщаніемъ: „раздеремъ жестокое сердецъ нашихъ каменіе, ветхую грѣхъ нашихъ расторгнемъ катапетазму, неплодную ума нашего изтрясемъ землю, и злосмрадныхъ душъ нашихъ, грѣхами умерщвленныхъ, отвержимъ страсти, да отъ смерти грѣховныя свободимся и воскреснемъ со Христомъ воскресшимъ, побѣдителемъ смерти побѣдоноснымъ“. Воспитанный подъ вліяніемъ югозападныхъ проповѣдниковъ, которые любили украшать проповѣди разными свѣдѣніями изъ наукъ свѣт-

скихъ, Славинецкій нерѣдко употребляетъ въ своихъ поученіяхъ свидѣтельства изъ языческихъ писателей и естественной исторіи, цитуетъ Одиссею, приводитъ примѣры изъ Плутарха, мнѣнія философовъ, Эпиктета, Демокрита и др. Особенно сильно обнаруживается въ Славинецкомъ наклонность къ метафорическому выраженію мыслей, что дѣлаетъ его поученія слишкомъ витіеватыми и искусственными.

Проповѣди Симеона Полоцкаго. Гораздо проще были и приложимѣе къ жизни и потому пользовались большою извѣстностію у современниковъ проповѣди Полоцкаго, который и по таланту своему былъ ораторомъ-проповѣдникомъ. Полоцкій составилъ два сборника проповѣдей: „*Обѣдъ душевный*“ (1681 г.) и „*Вечерю душевную*“ (1683 г.) Въ первомъ сборникѣ помѣщены слова и поученія на дни воскресные; во второмъ на праздники господскіе, богородичные и святыхъ. Подобно другимъ сочиненіямъ, и проповѣди Полоцкаго не отличаются ни глубиною, ни оригинальностію; онъ свободно и безъ большого разбора пользовался въ нихъ разными сочиненіями, не пренебрегалъ даже и апокрифическими сказаніями; но существенная заслуга его, какъ проповѣдника, заключается въ томъ, что онъ обращалъ вниманіе на состояніе и потребности современной русской жизни, раскрывалъ ея темныя стороны и недостатки и старался проводить въ нее здравыя христіанскія понятія. Такъ, напр., въ нѣсколькихъ словахъ онъ разсуждаетъ о необходимости воспитанія и обученія дѣтей, чего особенно не доставало русскому человѣку. Въ недѣлю о блудномъ сынѣ онъ говоритъ: „ему же (т. е. блудному) подобніи сынове днесь у многихъ родителей въ странахъ нашихъ обрѣтаются, виною ненаказанія родителей, безчинству вдающіися и многу печаль со скорбію имъ приносящіи“. Въ словѣ проводится та мысль, что воспитываетъ дѣтей примѣръ, жизнь ихъ родителей и вообще среда окружающая. Поэтому родители и воспитатели должны быть чисты во всемъ: „отецъ долженъ быть въ дому, какъ солнце, мать какъ луна, а чада какъ звѣзды“. Воспитывая примѣромъ собственной жизни, родители въ то же время должны учить дѣтей. *Чинъ ученія*, предписываемый Полоцкимъ, почти тотъ же самый, какой предписывается въ Домостроѣ: нужно учить дѣтей молитвѣ Господней, символу вѣры, заповѣдямъ Божіимъ, заставлять ходить въ церковь къ службамъ, исповѣдываться и причащаться, молиться дома утромъ и вечеромъ. Въ то же время должно учить рукодѣлію, или какому нибудь честному занятію, чтобы, оставаясь въ праздности, дѣти не привыкали къ худымъ дѣламъ: „праздность есть мать всѣхъ худыхъ дѣлъ“. Воспитаніе и ученіе дѣтей должно начи-

нать съ малыхъ лѣтъ: „что будетъ написано жезломъ на молодыхъ деревьяхъ, говоритъ онъ въ первомъ словѣ на день чудотворца Николая, то яснѣе и сильнѣе обозначается въ старыхъ; такимъ деревьямъ подобны юноши: что принимутъ въ себя, какъ сѣмя, въ юности, то покажутъ, какъ плодъ въ старости“.—Въ первомъ словѣ въ недѣлю 30-ю по Пятидесятницѣ изъ текста: како не удобь имущіи богатство въ царствіе Божіе внидутъ (Лук. 18, 24), Полоцкій старается установить правильный взглядъ на богатство и научить, какъ должно имъ пользоваться. Въ словахъ на дни святыхъ Полоцкій говоритъ большею частію о тѣхъ добродѣтеляхъ, которыми отличались святые, и учитъ подражать имъ. Во многихъ словахъ Полоцкій объясняетъ значеніе праздниковъ, учитъ проводить ихъ по христіански и при этомъ возстаетъ противъ разныхъ дурныхъ обычаевъ и пороковъ, всего рѣзче обнаруживающихся въ праздники. „Праздники установлены, говоритъ онъ въ одномъ словѣ (въ первомъ словѣ въ недѣлю 27-ю по Пятидесятницѣ), для воспоминанія благодѣяній Божіихъ и святыхъ, а также для того, чтобы посреди трудовъ отдохнуть душевно, подобно тому, какъ путники и трудолюбцы останавливаются въ пути, чтобы отдохнуть и запастись силами для дальнѣйшихъ подвиговъ; они установлены „въ пользу и успокоеніе не точію господей свободныхъ, но и рабовъ и рабынь, паче же и скотовъ, человѣкомъ трудящихся“. Проводить праздники должно въ дѣлахъ благочестія: „полезно есть слова Божія слушати, чести è, писати, проповѣдати, учитися тому и учити“. Обращаясь отъ этихъ наставленій къ тому, какъ обыкновенно проводятъ праздники, онъ нападаетъ на обычай „*напиваться, якоже обыкоша едва не всякихъ сановъ людіе въ праздники наипаче творити*“. „Когда, говоритъ онъ (въ общемъ поученіи въ день недѣльный), піянствомъ умы себѣ наипаче помрачаемъ? токмо въ день воскресный или во иный нѣкоторый праздникъ. Когда пиршества, когда бесѣды, когда всенощная при полныхъ чашахъ бдѣнія, когда даже до дрождей истощеніе? токмо въ день воскресный“. Въ словѣ о суевѣріи онъ между прочимъ, обличаетъ купальскія игры въ ночь на Іоанна Крестителя (на 24-е іюня), которую многіе проводили безъ сна, чтобы увидѣть, какъ будетъ играть солнце при восходѣ. „Оле безумія! Оле суевѣрія! говоритъ онъ. Откуда сіе играніе солнца пріяша?... Невѣгласи (невѣжды) и слышатъ другъ отъ друга и видятъ своими очами. Что же видятъ? воистину то: яко піану сущу человѣку, вся видятся колесообразно вращатися, за умноженіе паръ (паровъ), отъ питія

излишняго во главу восходящихъ, аще вся стоитъ неподвижно; и яко едина вещь піаному удвояется и утрояется во очію его, а не въ себѣ самой: тако тѣмъ солнцезрителемъ, егда излишне присмотрятся къ солнцу, отъ великаго дѣйства лучесъ его зрѣніе повредится, ибо излише чувствуемое вредитъ чувство: и того ради видится скакати и измѣнятися въ шарѣхъ, аще ни скачетъ, ни измѣняется". Здѣсь же Полоцкій нападаетъ сильно *на качели*, находя въ нихъ слѣды древняго языческаго обычая. „Есть обычай богомерзскій въ странахъ нашихъ россійскихъ во градѣхъ же, въ селѣхъ и въ весѣхъ, еже *висѣлицы* нѣкія поставляти, именуемыя просто *рѣли*, на нихъ же маліи и велиціи обыкоша колыхатися, съ великимъ бѣдствомъ здравія своего, многажды съ лишеніемъ живота, а всегда со грѣхомъ: ибо то древле идолослужители въ честь лжебогомъ своимъ творяху, а мы тожде содѣваемъ, аки боги ихъ знающе и чтуще". Само собою разумѣется, что въ проповѣдяхъ Полоцкаго, какъ воспитанника югозападныхъ школъ, отразились и черты югозападнаго образованія и югозападной проповѣди—наклонность къ символическимъ и метафорическимъ объясненіямъ и украшеніе проповѣди свѣтскими знаніями, хотя далеко не такъ рѣзко, какъ у другихъ проповѣдниковъ югозападной школы. Рядомъ съ отцами Церкви Полоцкій ссылается и на языческихъ писателей и пользуется апокрифическими сказаніями.

Проповѣди св. Димитрія Ростовскаго. Но самымъ лучшимъ проповѣдникомъ въ XVII в. былъ св. Димитрій Ростовскій. Съ должности проповѣдника, какъ выше замѣчено, Димитрій и началъ свое служеніе Церкви; еще въ малороссіи своимъ проповѣдническимъ талантомъ онъ пріобрѣлъ такую славу, что разные города на перерывъ приглашали его къ себѣ для проповѣди. Обстоятельства обратили его дѣятельность на другіе предметы; 20-ть лѣтъ онъ трудился надъ Четьи-Минеями; въ санѣ митр. Ростовскаго онъ долженъ былъ постоянно бороться съ расколомъ; но посреди всѣхъ занятій проповѣдь онъ считалъ главнымъ своимъ дѣломъ. „Моему сану, говорилъ онъ, надлежитъ слово Божіе проповѣдати не точію языкомъ, но и пишущею рукою; то мое дѣло, то мое званіе, то моя должность". Проповѣди св. Димитрія отличаются разнообразными свойствами; онѣ совмѣщаютъ въ себѣ всѣ существенныя черты греческой отеческой проповѣди, подъ вліяніемъ которой онъ преимущественно воспитался; но въ то же время въ нихъ отразились и слѣды югозападнаго

образованія и югозападной проповѣди; это особенно надобно сказать о тѣхъ проповѣдяхъ, которыя были написаны св. Димитріемъ въ Малороссіи; тѣ же проповѣди, которыя были сказаны въ Россіи, отличаются знаніемъ русской жизни и примѣнительностію къ понятіямъ народа.

Изъ проповѣдей Димитрія, написанныхъ въ Малороссіи и отличающихся преимущественно указанными выше свойствами югозападнаго стиля, особенно замѣчательно *Слово на св. Троицу*, сказанное въ Батуринѣ въ 1698 г. Въ этомъ словѣ онъ приглашаетъ слушателей поклониться св. Троицѣ, явившейся Аврааму, подъ дубомъ мамврійскимъ, и для того проситъ перенестись туда своимъ воображеніемъ. „До неба, говоритъ онъ, высоко; не всякъ умными и богомысленными ногами взыти можетъ, а плотяными и вовсе невозможно; до мамврійскаго же урочища и до Авраамова намета ближе... Тамъ (на небѣ) тысящи тысящъ и тьмы темъ обстоятъ ему, а тутъ, какъ на безлюдьи, никого, опричь семьи Авраамовой, не видать. Здѣсь-то способное имѣемъ время поклониться въ нынѣшній праздникъ". Поклоненіе Богу проповѣдникъ сближаетъ съ образомъ поклоненія людямъ. „Не довольно воистину главою господину поклонитися, тѣло съ главою къ ногамъ господскимъ повергнуть, но должно и подарокъ господину поднесть. И сіе-то болѣе нынѣ поклономъ называется, когда что господину поднесешъ, а не главу только предъ нимъ приклонишъ. И болѣе господа взираютъ на таковой поклонъ, что имъ поднесешъ, а не на простое поклоненіе головы". На поклонъ св. Троицѣ онъ приноситъ *три златника* отъ трехъ частей человѣка; отъ души—Богу Отцу, отъ тѣла—Богу Сыну, отъ духа—Богу Духу Св. Златникомъ онъ называетъ вѣру во святую Троицу и при этомъ проводитъ параллель между золотомъ и вѣрою. „Яко бо злато огнемъ, говоритъ онъ, такъ святая вѣра бѣдами, гоненіями очищена: *яко злато въ горнилѣ искуси ихъ* (Прем. 3, 6); чищено сіе злато каменіемъ: *каменіемъ побіени быша*; пилено пилами: *претрени быша*; рѣзано желѣзомъ: *убійствомъ меча умроша*; пробовано разными образы: *искушени быша* (Евр. 11, 37): то въ огнь, то въ воду кладено, искушаемо: *проидохомъ сквозѣ огнь и воду*... Златомъ дорогія вещи покупаются, и за златникъ вѣры чего же не купишь? Еслибы кто имѣлъ того духовнаго злата вѣры такъ много, какъ велико есть зерно горчицы, купилъ бы себѣ таковую силу, которою бы могъ горы преставляти. *Аще имате вѣру, яко зерно горушично, речете горѣ сей: двигнися и верзися въ море, и будетъ тако*" (Матѳ. 21, 21). Какъ святая вѣра сравнивается съ золотомъ, такъ и Богъ-Троица сравнивается также съ золотомъ. „Злато въ глубокихъ, закрытыхъ нѣдрахъ родится,

не скоро его кто найдетъ, а божество св. Троицы кому открыто? Кто его дознатися и взыскати можетъ?.. Злато полированное прекраснымъ блескомъ блещетъ, иногда какъ бы солнечныя изъ себя издаетъ отмѣны; а божество св. Троицы, о какихъ пресвѣтлыхъ лучей, неизреченнаго сіянія есть исполнено! котораго сіянія малую часточку, на Ѳаворѣ оказанную, и святыхъ очи не могли воззрѣти... Злато людей обогащаетъ, и божество св. Троицы богатствомъ даровъ своихъ исполняетъ весь свѣтъ". Первымъ златникомъ Димитрій называетъ вѣру въ Бога Отца; изображеніе на этомъ златникѣ—образъ Ноя съ голубицею и масличною вѣтвію, что значитъ спасеніе міра. Вторымъ златникомъ называется вѣра въ Бога Сына; изображеніе на немъ—Исаакъ, несущій бремя, что значитъ: Сынъ Божій понесъ на себѣ бремя грѣховъ нашихъ. Третій златникъ—вѣра въ Бога Духа Св., на немъ изображеніе голубя съ серебряными крыльями и огнь во храмѣ свидѣнія, на алтарѣ всегда горящій, ибо Духъ Св. въ видѣніи голубя и въ видѣ огня сходитъ". Все слово имѣетъ символическій характеръ и наполнено разными сближеніями новозавѣтныхъ писаній съ ветхозавѣтными, духовныхъ предметовъ съ предметами вещественными ([1]). Такой же характеръ имѣетъ *Слово на Благовѣщеніе* въ понедѣльникъ свѣтлой недѣли. Въ этомъ словѣ св. Димитрій проводитъ параллель между двумя праздниками—благовѣщеніемъ и пасхою.

Сознавая, что такія высокія богословскія проповѣди не могутъ быть понятны для большинства, особенно для слушателей необразованныхъ, св. Димитрій, иногда въ одной и той же проповѣди, послѣ замысловатыхъ сближеній, прибавлялъ простыя наставленія для простыхъ людей. Такъ въ приведенномъ словѣ на благовѣщеніе, послѣ объясненія сходства двухъ праздниковъ, онъ говоритъ: „но еще не аминь, еще нѣчто къ простѣйшимъ реку, пользы ради; то бо, еже глаголахъ, глаголахъ книжныхъ ради, не хощу же и безкнижныхъ отпустити не попользовавъ". И потомъ онъ объясняетъ этимъ безкнижнымъ, чему поучаютъ оба праздника, благовѣщеніе и воскресеніе; это объясненіе составляетъ другую половину слова.

Наконецъ св. Димитрій и цѣлыя поученія говорилъ простымъ языкомъ и глубокія истины и высокія нравственныя наставленія излагалъ въ наглядныхъ взятыхъ изъ повседневной жизни, картинахъ и образахъ. Такой характеръ имѣютъ многія поученія, говоренныя имъ въ Ростовѣ къ народу. Таковы, напр., поученія въ недѣлю Мироносицъ, въ недѣлю сыропустную и на

([1]) Сочиненія св. Димитрія т. 2. стр. 279—302.

память св. великомученика Евстафія Плакиды. Въ поученіи въ недѣлю Мироносицъ изъ текста: Іисуса ищете Назарянина распятаго: воста, нѣсть здѣ (Марк. 16, 6), Димитрій поставляетъ предметомъ указать, гдѣ Христосъ нынѣ обитаетъ. Сначала онъ замѣчаетъ, что, при исканіи Христа, надобно имѣть осторожность, чтобы, вмѣсто истиннаго Христа, не найти ложнаго, какъ это случилось съ раскольниками, которые, ища Христа и правой вѣры, оставляютъ свои дома и бѣжатъ въ пустыню (въ лѣса брынскіе) „будто бы Христосъ и яже вѣра въ Него сѣдитъ нѣгдѣ въ лѣсу, за колодою". Затѣмъ, ища Христа, проповѣдникъ останавливается прежде всего на храмѣ. Храмъ и созидается для Христа, но христіане часто дѣлаютъ изъ него вертепъ разбойниковъ. „Соберутся людіе въ церковь будто бы на молитву, а между собою молвятъ и празднословятъ о внѣшнихъ, или о куплѣ, или о бранехъ, или о пиршествахъ, или кого осуждаютъ, или ругаются кому, и хульными словесы добрую ближняго славу разбиваютъ, и творятъ храмъ Божій не храмъ Божій, но вертепъ разбойникомъ"... „Бѣ то время, егда Господь нашъ сотворилъ бичъ отъ вервій, и изгна вся продающія и купующія въ церкви. О, аще бы нынѣ видимо пришелъ во храмъ свой съ бичемъ онѣмъ! Не всѣхъ ли бы изгналъ вонъ молвящихъ и сквернословящихъ, и скверная мыслящихъ и чтенію и пѣнію не внимающихъ? Но о Господи! уже то Твое время прошло, когда Ты изгонялъ безчинниковъ отъ святаго твоего храма; нынѣ наше окаянное время настало: уже мы Тебя изгоняемъ, а храмъ твой въ вертепъ разбойниковъ претворяемъ, и уже иногда рещи есть о храмѣ Господнемъ: нѣсть здѣ Бога; былъ да пошелъ прочь: воста, нѣсть здѣ". Не находя Христа въ рукотворенныхъ храмахъ, проповѣдникъ ищетъ Его потомъ въ храмахъ нерукотворенныхъ т. е. въ душахъ христіанскихъ. „Но мнози суть крещеніемъ и правовѣріемъ просвѣщенніи, но мало тѣхъ, въ нихъ же бы Христосъ, яко въ истинномъ своемъ обиталъ храмѣ; и воръ крещенъ, и тать, и разбойникъ, и прелюбодѣй, и кійждо злодѣй правовѣріемъ просвѣщенъ, но Христа въ немъ не спрашивай: *нѣсть здѣ*; развѣ давно нѣкогда былъ, когда младенческіе дни воръ имѣлъ, а какъ пришелъ въ возрастъ, началъ воровати, абіе отъиде отъ него Христосъ: *воста, нѣсть здѣ*". Потомъ проповѣдникъ проходитъ по всѣмъ сословіямъ отдѣльно, ищетъ Христа въ чину духовномъ, высшемъ и нисшемъ, ищетъ въ монастыряхъ, въ простомъ народѣ, въ людяхъ великихъ, боярахъ и судіяхъ, и нигдѣ не находитъ: нѣсть здѣ. Грѣхи наши, говоритъ онъ, взяли Господа нашего, и не вѣмы, гдѣ искати Его". При этомъ изображаются разныя картины религіозно-нравственнаго состоя-

нія людей разныхъ сословій ([1]). Въ поученіи на память св. великомученика Евстафія Плакиды, объясняя слова Евангелія: *подобно есть царствіе небесное сокровищу, сокровенну на селѣ* (Матѳ. 13, 14), св. Димитрій изображаетъ царствіе Божіе странствующимъ и ищущимъ себѣ мѣста въ мірѣ. Оно заходитъ въ палаты князей и бояръ и прочихъ могучихъ людей, потомъ *въ ряды*, гдѣ премногіе драгоцѣнные товары, въ *приказы и ратуши*, гдѣ судіи правду творить поставлены, заходитъ въ палаты вельможъ, но нигдѣ не находитъ себѣ мѣста. Встрѣтилъ его царь и пророкъ Давидъ и спросилъ: откуда ты, царство небесное, грядеши и камо идеши? Царство небесное сказало ему, что оно нигдѣ не находитъ для себя мѣста и намѣрено отправиться къ простому народу. „Не изыщеши мѣста и въ простомъ народѣ, сказалъ Давидъ: *ибо вси уклонишася, вкупѣ не потребни быша; нѣсть творяй благостыню, нѣсть до единаго* (Псал. 52, 4). Не находя себѣ мѣста въ городѣ, даже въ храмѣ, царство небесное ушло изъ города въ село. При этомъ путешествіи царства небеснаго опять изображаются просто, но чрезвычайно характеристично, картины жизни разнаго рода людей. „Пошло царство небесное, говоритъ проповѣдникъ, въ ряды, идѣже торговыхъ людей премногіе драгоцѣнные купеческіе товары, и помыслило въ себѣ: здѣсь всякъ отъ своего труда имать, еже имать, нѣсть здѣ грабленія и обидъ; здѣ убо вселюся. Смотритъ небесное царство, какъ дѣлается продажа и купля; и се видитъ великую обману, и слышитъ многія ложныя словеса, другъ друга обманываетъ, другъ другу лжетъ, худое вмѣсто лучшаго продая, и большую паче подобающія цѣну уставляя, другъ другу клянется, ротится въ неправдѣ: не мѣшкая убо тамо, царство небесное прочь оттуда исходитъ“ ([2]).

Конечно, эти картины, въ которыхъ изображаются исканіе Христа, путешествіе царства небеснаго своею замысловатостію напоминаютъ также стиль югозападной проповѣди; но онѣ являются вполнѣ умѣстными въ поученіяхъ св. Димитрія. Онѣ употреблены св. Димитріемъ не для простого ораторскаго украшенія, но для упрощенія высокихъ понятій, для болѣе яснаго представленія истинъ вѣры и благочестія. Изображеніе современныхъ нравовъ, примѣнительность къ понятіямъ и жизни народа и практическое направленіе, имѣющее прямое, непосредственное отношеніе къ нравственной жизни и нравственному назиданію слушателей, составляютъ отличительныя черты проповѣдей, говоренныхъ Димитріемъ къ ростовской паствѣ.

([1]) Сочиненія св. Димитрія т. 2. стр. 175—185.

([2]) Сочиненія св. Димитрія т. 3. стр. 285.

Силлабическая поэзія. Вмѣстѣ съ наукою югозападные ученые принесли въ Москву и силлабическую поэзію. Въ XVII в. и въ Москвѣ, какъ на Югозападѣ, мы встрѣчаемъ стихи, какъ необходимое украшеніе, во всѣхъ книгахъ, которыя тогда печатались. Они помѣщались въ посвященіяхъ, предисловіяхъ, послѣсловіяхъ, и въ самомъ текстѣ книгъ, какъ бы ни далеко, повидимому, отходило содержаніе этихъ книгъ отъ сущности и характера поэзіи. Въ ариѳметикѣ Магницкаго напр. были изложены въ стихахъ даже опредѣленія дѣйствій ариѳметическихъ. Отдѣльно стихи писали по всякому случаю въ царскомъ семействѣ, по случаю восшествія на престолъ, бракосочетанія, смерти, по случаю побѣды, какого-нибудь церковнаго или гражданскаго праздника. Во главѣ такихъ стихотворцевъ въ XVII в. стоялъ Симеонъ Полоцкій. Отъ него остались цѣлые сборники стихотвореній: *Вертоградъ многоцвѣтный*, въ которомъ въ краткихъ стихахъ, излагаются размышленія о разныхъ предметахъ, расположенныя въ алфавитномъ порядкѣ на разныя слова, напр., благородіе, вѣждество, гордость, дѣва и проч. *Риѳмологіонъ*, гдѣ помѣщены: Орелъ россійскій, въ солнцѣ представленный—въ похвалу царю Алексѣю Михайловичу; элегія на смерть его, въ формѣ разговора умирающаго царя съ разными лицами, которыя выражаютъ свою скорбь, каждое отдѣльнымъ плачемъ; всѣхъ плачей 12-ть. *Гусль доброгласная*—стихотвореніе, написанное при восшествіи на престолъ Ѳеодора Алексѣевича. Кромѣ того, Полоцкій переложилъ въ стихи всю Псалтирь и весь Мѣсяцесловъ. Вотъ, для образца, переложеніе перваго псалма.

«Блаженъ мужъ, иже во злыхъ совѣтъ не вхождаше,
Ниже на пути грѣшныхъ человѣкъ стояше:
Ниже на сѣдалищѣхъ восхотѣ сидѣти
Тѣхъ, иже не желаютъ блага разумѣти,
Но въ закони Господни волю полагаетъ,
Тому днемъ и нощію себе поучаетъ.
Будетъ бо яко древо при водахъ насажденно,
Еже дастъ во время си плодъ свой неизмѣнно.
Листъ его не отпадетъ, и все, еже дѣетъ,
По желанію сердца онаго успѣетъ.
Не тако нечестивый, ибо исчезаетъ
Яко прахъ, его же вѣтръ съ земли развѣваетъ.
Тѣмъ же нечестивіи не имутъ востати
На судъ, ниже грѣшницы въ совѣтъ правыхъ стати.
Вѣсть бо Господь путь правыхъ, тыя защищаетъ,
Путь паки нечестивыхъ въ конецъ погубляетъ».

Псалтирь Полоцкаго пользовалась большимъ уваженіемъ у современниковъ и была весьма распространена. Извѣстно, что

по ней познакомился впервые съ стихотворческимъ искусствомъ и самъ преобразователь русской поэзіи, Ломоносовъ. Кромѣ Полоцкаго писали стихи: ученикъ его, Сильвестръ Медвѣдевъ, Ѳеодоръ Поликарповъ и Каріонъ Истоминъ.

Духовныя драмы. Изъ Кіева перешелъ въ Москву также обычай писать и представлять духовныя драмы и комедіи. Симеонъ Полоцкій написалъ двѣ комедіи, которыя представлялись при Московскомъ дворѣ. Въ Ростовскомъ училищѣ представлялись духовныя драмы, которыя были составлены св. Димитріемъ Ростовскимъ. Въ Московской академіи этотъ обычай былъ утвержденъ Регламентомъ, которымъ предписывалось писать и представлять комедіи *для резолюціи, сіесть честной смѣлости* студентовъ. Изъ Московской и Кіевской академій онъ распространился потомъ во всѣхъ семинаріяхъ. Первое начало театральныхъ представленій въ Москвѣ относится еще къ 1672 г., когда прибылъ въ Москву съ театральною труппою нѣмецъ, Іоганнъ Готфридъ Грегори. Воспользовавшись этимъ случаемъ, бояринъ Матвѣевъ устроилъ театральное представленіе для двора въ селѣ Преображенскомъ, гдѣ и построена была театральная хоромина. Изъ Преображенскаго театръ иногда переносился въ Москву въ домъ боярина Милославскаго, получившій отъ этого названіе потѣшнаго дворца. Въ числѣ первыхъ піэсъ, которыя представлялись въ устроенномъ такимъ образомъ театрѣ были комедіи: „Алексѣй человѣкъ Божій“, „Адамъ и Ева“, „Іосифъ сынъ Израилевъ“, перешедшія съ Юго-запада —Изъ писателей духовныхъ драмъ собственно въ XVII вѣкѣ извѣстны только Симеонъ Полоцкій и Димитрій Ростовскій. Полоцкій, какъ мы замѣтили, написалъ двѣ комедіи: о блудномъ сынѣ и о трехъ отрокахъ въ пещи Вавилонской.

Комедія о блудномъ сынѣ раздѣляется на 6-ть частей; въ началѣ помѣщенъ прологъ, въ концѣ—эпилогъ. Въ прологѣ заключается обращеніе къ зрителямъ, въ которомъ объясняется, почему притча представляется въ дѣйствіи:

«Не тако слово въ памяти держится,
Якоже аще что дѣломъ явится.
Христову притчу дѣйствомъ проявити,
Здѣ умыслихомъ и чиномъ вершити.
О Блудномъ сынѣ вся рѣчь будетъ наша,
Аки вещь живу узритъ милость ваша».

Въ 1-й части изображается бесѣда отца съ сыновьями. Благословляя Бога, который научилъ его жить и далъ ему много всякаго богатства, отецъ даетъ сыновьямъ наставленія, какъ слѣдуетъ имъ жить и въ заключеніе говоритъ:

«Все вамъ вручаю, токмо мене чтите,
Между собою миръ, любовь храните».

Старшій сынъ обѣщаетъ полное повиновеніе отцу и хочетъ жить съ нимъ постоянно; младшій проситъ отца отпустить его на волю, чтобы увидѣть чужія страны и умножить славу и богатство дома.

«Свѣщи подъ спудомъ нелѣпо стояти,
Съ солнцемъ азъ хощу тещи и сіяти.
. . . . . .
Богъ волю далъ есть: се птицы летаютъ,
Звѣріе въ лѣсахъ вольно пребываютъ,
И ты мнѣ, отче, изволь волю дати,
Разумну сущу весь міръ посѣщати.
Твоя-то слава и мнѣ слава будетъ,
До конца міра всякъ насъ не забудетъ.

Отецъ говоритъ, что хорошо искать славы и посѣщать чужія страны:

«За славу люди главу полагаютъ,
Морскія волны съ бѣдствомъ преплаваютъ».

Но указываетъ ему на его молодость и неопытность, наконецъ уступаетъ его просьбѣ и отпускаетъ его на свободу.

Во 2-й части изображается жизнь блуднаго на свободѣ. Оказывается, что онъ не къ славѣ и знанію стремился, а ушелъ изъ родительскаго дома потому, что ему не нравилась домашняя жизнь.

«Бѣхъ у отца яко рабъ плѣненный,
Во предѣлахъ домовыхъ яко въ тюрьмѣ замкненный.
Не что бяше свободно творити,
Ждахъ обѣда, вечери, хотяй ясти, пити.
Не свободно играти, въ гости не пущано,
А на красныя лица зрѣти запрещано,
Во всякомъ дѣлѣ указъ, безъ того ничто же,
Ахъ, колико неволя, о мой святый Боже!
Отецъ, яко мучитель, сына си томляше,
Ничесо же творити по воли даяше.
Нынѣ, слава Богови! отъ узъ свободихся,
Едва въ чуждую страну едва отмолихся.
Яко птенецъ изъ клѣтки на свѣтъ изпущенный,
Желаю погуляти, тѣмъ быти блаженный».

Идеалъ свободной жизни у Блуднаго сына самый грубый. Онъ набираетъ множество слугъ, даетъ каждому по сту рублей,

начинаетъ съ ними пить, играть въ зернь, въ карты и тавлеи. Слуги обираютъ и обыгрываютъ Блуднаго; въ концѣ сцены онъ пьяный отправляется спать: „и тако блудный сынъ пойдетъ слоняяся, а за нимъ вси“, замѣчается въ комедіи.

3-я часть начинается замѣчаніемъ: „изыдетъ Блудный сынъ похмѣленъ, слуги различно его утѣшаютъ; онъ обнищаетъ“. Страдая отъ послѣдствій безобразно проведеннаго дня, Блудный хочетъ опять повеселиться и требуетъ музыкантовъ и пѣвцовъ. Но оказывается, что денегъ уже нѣтъ и платить имъ нечѣмъ. Блудный обращается къ слугамъ, товарищамъ своего пира, и проситъ у нихъ денегъ, но они не только не даютъ ему ничего, но и смѣются надъ нимъ. Одинъ изъ нихъ совѣтуетъ ему возвратиться домой къ отцу.

Въ 4-й части изображается наказаніе Блуднаго. Томимый голодомъ, онъ продаетъ свою послѣднюю одежду, надѣваетъ рубище и нанимается въ слуги къ одному богатому господину. Богатый господинъ посылаетъ его пасти свиней; но Блудный, ударивъ одну свинью, разогналъ все стадо; за это другіе слуги начали бить его плетьми. Эти несчастія заставляютъ блуднаго возвратиться домой къ отцу.

«О коль бѣ благо въ дому отчемъ быти,
Нежели въ страны чуждыя ходити».

Въ 5-й и 6-й частяхъ изображается возвращеніе Блуднаго домой къ отцу, который принимаетъ его съ радостію. Въ эпилогѣ, заключающемъ обращеніе къ зрителямъ, опять объясняется цѣль комедіи:

Видѣсте притчу, Христомъ изреченну,
По силѣ дѣломъ днесь воображенну.
Дабы Христовымъ словамъ въ сердцахъ быти
Глубже писаннымъ, чтобы не забыти.
Юнымъ се образъ старѣйшихъ слушати,
На младый разумъ свой не уповати».

Такимъ образомъ, комедія о Блудномъ сынѣ есть представленіе въ лицахъ и дѣйствіяхъ евангельской притчи. Она не прибавляетъ къ притчѣ ничего особеннаго, но только распространяетъ ее нѣкоторыми подробностями. Главный интересъ заключается въ рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ, въ которыхъ выражаются русскія понятія того времени. Въ рѣчахъ отца о пользѣ посѣщенія чужихъ странъ выражается, конечно, взглядъ самого автора и другихъ образованныхъ людей того времени. Но особенно интересны рѣчи Блуднаго, въ которыхъ выражается жалоба на

несвободное положеніе дѣтей въ семействѣ и вообще стѣснительную обстановку домашней жизни. Поведеніе Блуднаго на свободѣ показываетъ, какъ глупо понимали воспитанные въ рабствѣ и невѣжествѣ люди идеалъ свободной и пріятной жизни, поставляя его во множествѣ слугъ, пьянствѣ, игрѣ въ зернь и т. п. Нравоучительная мысль въ комедіи та же, что и въ извѣстной повѣсти *о Горѣ-злочастіи*; она выражена въ эпилогѣ словами:

«Юнымъ се образъ старѣйшихъ слушати
На младый разумъ свой не уповати».

Св. Димитрію Ростовскому приписываютъ шесть духовныхъ драмъ, изъ коихъ интереснѣе всѣхъ „*Рождество Христово*“ или „*Рождественская*“ драма (¹).

Въ началѣ драмы антипрологъ и прологъ. Въ антипрологѣ выведено нѣсколько человѣческихъ фигуръ: Человѣческая Натура, Золотой Вѣкъ, Желѣзный Вѣкъ, Надежда, Миръ, Вражда, Злоба, Смерть. *Натура* человѣческая сѣтуетъ о своемъ паденіи и поврежденіи, приходитъ въ отчаяніе и начинаетъ призывать *Смерть*. *Смерть* является и хочетъ сѣсть на престолъ. Но въ это время является *Жизнь*. Она отводитъ *Смерть* отъ трона, говоря, что только она имѣетъ власть мертвить и живить.

Въ прологѣ выражается мысль о томъ, что слава міра сего маловременна, что сладость его смѣшана съ желчью. Примѣръ этого—въ Иродѣ треокаянномъ, который ради временной славы возсталъ противъ самого Бога, за что теперь и мучится въ аду.

Самая *комедія на Рождество Христово* состоитъ изъ 18-ти явленій.

1-е явленіе открывается плачемъ *Земли* и жалобою, что она проклята за грѣхи Адама и Евы и вмѣсто прекрасныхъ цвѣтовъ осуждена производить *мерзскій волчецъ*. *Небо* утѣшаетъ *Землю* тѣмъ, что она чрезъ воплощеніе Бога-Слова получитъ вѣчную благостыню. Во время этого разговора Земли съ Небомъ раздается пѣніе: *Христосъ раждается*, *славите* и проч... *Милость Божія* возвѣщаетъ радость *Землѣ и Небу*:

«Земля Небу причтена, радуйся сугубо!
Ликуй Небо, мѣсто бо ангела гордыни
Человѣкомъ наполнитъ Бога благостыни(я).
. . . . . .
Земле, за змія вражду иногда проклята,
Радуйся, яко Богомъ нынѣ есть свята!»

(¹) Напечатано въ Лѣт. русск. лит. т. IV.

Земля и Небо выражаютъ свою радость, и при этомъ поется пѣснь: *Слава въ вышнихъ Богу.*

Во 2-мъ явленіи *Вражда* или *Зависть* выражаетъ негодованіе на близкое паденіе царства Люцифера. Пока это не исполнилось, она хочетъ, какъ можно болѣе, произвести убійства на землѣ, и потому взываетъ къ Вулкану и Циклопамъ:

«Вулкане, о Вулкане, тя молю усильнѣ,
Остра ми оружія надобно есть зельнѣ.
Поспѣшите на помощь, охотны Цыкліопы!
Возжигайте огонь, бронты, бійте въ млатъ стеропы!
Мечи, копья, узы, остры куйте стрѣлы:
Сія въ іудейскіе разсѣю предѣлы,
Сотворю пролитіе крове, аки море». . .

Далѣе слѣдуетъ *сцена Виѳліемскихъ пастырей.* Двое изъ нихъ пошли въ городъ купить хлѣба и зашли на кружало. Третій, оставшійся при стадѣ, соскучившись ждать, пошелъ отыскивать и встрѣтилъ ихъ вскорѣ. Пастыри сѣли закусывать. Вдругъ они слышатъ пѣніе и съ изумленіемъ, съ кусками во рту, долго смотрятъ одинъ на другого. Наконецъ пастырь Авраамъ говоритъ:

«Што, братъ, гдѣ же такъ гетакъ поютъ хорошенько?
Еще я такъ не слыхавъ: ты слышишь, Аѳонько»?

Пастырь Аѳоня говоритъ:

«Я вже слышу и вижу ей птички высоко.
Смотрите. Ендакъ ваше не досмотритъ око:
Ты старъ, ты на глазъ хромъ. Вотъ въ гору смотрите.
Борисъ и Авраамъ: Е! е! е! видимъ, видимъ.
Аѳоня: А што правда птички.
Авраамъ: Братъ, кажется, робятка стоятъ не велички?
Аѳоня: Судари! и хто видалъ робяты съ крылами?
Птицы то залетѣли межи облаками:
Етакъ бы хорошенько робята не пѣли.
Смотри, смотри: не видно, вотъ и полетѣли.»

Въ 3-мъ явленіи ангелъ возвѣщаетъ пастырямъ о рожденіи Спасителя и посылаетъ ихъ поклониться Ему. Пастыри недоумѣваютъ, почему ангелъ говоритъ имъ это.

Авраамъ говоритъ:

«Чаю, тебе, государь, къ князьямъ послали,
Чтобъ они великому царю поклонъ дали,

Не къ намъ, нищимъ пастухамъ. Что ты заблудилъ,
Или не вслухалъ? вѣстникъ къ намъ таки не ходилъ.»

Убѣжденные ангеломъ, пастыри начинаютъ наряжаться. Пастырь Борисъ говоритъ:

«Что же такъ итти худо худѣмъ? украсѣмся.
Въ чулки, лапти новые, пойдемъ, приберемся;
Аооня, позабирай калачи и вино;
Да и ты приберися, пойдемъ всѣ за одно».

Въ 4-мъ явленіи изображается самое поклоненіе пастырей. Пришедши въ вертепу, Борисъ, говоритъ:

«Постойте же вы здѣся, я посмотрю пойду,
Есть ли въ ясляхъ реченный, и знова къ вамъ приду.
Есть, братцы, есть и не спитъ, и матушка сѣдитъ,
Ангели поютъ и старъ Іосифъ тамъ стоитъ.
Ходѣмъ; я скажу: здравствуй; ты рцы: милость пошли,
А ты скажи: прости намъ, что ни съ чимъ пришли.»

Потомъ каждый изъ пастырей клапяется Спасителю и говоритъ привѣтствіе. Первый напр., Борисъ, говоритъ:

«Здравствуй, о Спасителю нашъ, нынѣ рожденный,
Самовольно въ ясляхъ смиренъ положенный!
И подушечки нѣту, одѣяльца нѣту,
Чимъ бы тебѣ согрѣтися, нашему свѣту!
На небѣ, якъ сказуютъ, у тебѣ палатъ много;
А здѣсь что въ вертепишку лежиши убого,
Въ ясляхъ, на остромъ сѣнѣ, между буи скоты,
Нища себя сотворивъ, всѣмъ даяй щедроты?
Это намъ деревенскимъ здѣ лежати прилично,
А тебѣ, Спасителю, этакъ необычно.»

Въ слѣдующихъ явленіяхъ выводится *Любопытство звѣздочетское*, которое удивляется тому, что явилась новая звѣзда на необычномъ мѣстѣ; изображается поклоненіе Спасителю восточныхъ царей; представляется избіеніе младенцевъ *„не слышимое, но зримое“*. Когда Ироду донесли, что по его приказанію избито 14000 отрочатъ, онъ радуется и приказываетъ пѣть и играть: „Аполліо! Музы! сѣмо поспѣшите“! Повеселившись, онъ хочетъ „на пресладкомъ почити Морѳеуша лопѣ“. Между тѣмъ Невинность взываетъ къ небу о мщеніи Ироду; являются Истина и два ангела и говорятъ, что Ироду уготовано мѣсто въ аду. Затѣмъ изображаются мученія и смерть пораженнаго гнѣвомъ Божіимъ Ирода, который наконецъ проваливается въ адскую пропасть. Смерть торже-

ствуетъ свою побѣду надъ Жизнію, но Жизнь говоритъ, что она напрасно радуется, потому что чрезъ искупленіе Спасителя Натура человѣческая оживетъ и будетъ жить вѣчно. Въ эпилогѣ актеры благодарятъ зрителей за слушаніе и, привѣтствуя съ *нарожденнымъ Христомъ*, просятъ ихъ простить *согрѣшившихъ въ дѣйствѣ*.—При глубокой богословской основѣ, драма отличается и характеромъ тогдашняго классическаго направленія въ образованіи и словесности; кромѣ аллегорическихъ фигуръ: Надежды, Любви, Мира и Кротости, въ ней дѣйствуютъ: Фортуна, Золотой вѣкъ, Желѣзный вѣкъ. Вражда взываетъ къ Вулкану и циклопамъ; Иродъ взываетъ къ Аполлону и музамъ. Но есть въ драмѣ также и народный элементъ; наивное поведеніе и наивныя рѣчи виѳлеемскихъ пастырей весьма ясно указываютъ на простой малороссійскій народъ.

Повѣсти. При религіозномъ направленіи въ древней словесности не могла развиться свѣтская повѣсть, какъ изображеніе обыкновенной современной дѣйствительной жизни. Только одно небольшое произведеніе въ этомъ родѣ мы встрѣчаемъ въ XVII в.; это „*Исторія о россійскомъ дворянинѣ, Фролѣ Скобѣевѣ, и стольничей дочери Нардина (Ордина) Нащокина, Аннушкѣ*“. Герой ея—бѣдный новгородскій дворянинъ, Фролъ Скобѣевъ, ловкій и изворотливый ябедникъ. Хитростію и обманомъ онъ вошелъ въ знакомство съ дочерью знаменитаго боярина Нащокина, посредствомъ ея мамки, и тайно женился на ней. Бояринъ разгнѣвался; но Скобѣевъ съ такою ловкостію велъ свои дѣла и такъ умѣлъ поддѣлаться къ боярину, что онъ не только простилъ его и дочь свою, но и передалъ имъ впослѣдствіи все свое имѣніе, и Фролъ Скобѣевъ изъ бѣднаго и незначительнаго человѣка сдѣлался богатымъ и знатнымъ. Свѣтскую повѣсть замѣняли въ древнія времена разныя *духовныя легенды*, въ которыхъ преобладалъ элементъ чудесный, въ которыхъ разсказывалось о силѣ и торжествѣ вѣры, о нравственныхъ паденіяхъ человѣка и бѣсовскихъ искушеніяхъ, и другія повѣсти и сказанія преимущественно религіозно-нравственнаго содержанія. Въ переводной словесности было много такихъ повѣстей и сказаній, переходившихъ съ Востока и Запада; но по временамъ являлись такія повѣсти и въ Россіи. Къ такимъ повѣстямъ напр. относятся повѣсти о Кіевскомъ купцѣ Басаргѣ (XV или XVI в.), о Саввѣ Грудцынѣ (XVII в.) и *о Горѣ-Злочастіи*.

Повѣсть о Горѣ-Злочастіи, и какъ Горе-Злочастіе довело молодца во иноческій чинъ (1). Въ этой повѣсти также изобра-

(1) Эта повѣсть найдена г. Пыпинымъ въ одномъ старинномъ сборникѣ и сначала была напечатана въ Современникѣ 1856 г. № 3.

жается судьба добраго молодца, ушедшаго изъ родительскаго дома и подвергшагося разнымъ злоключеніямъ. Злоключенія эти приписываются какому-то *Горю-Злочастію*, которое имѣетъ характеръ роковой неизбѣжной судьбы. Спасеніе отъ Горя молодецъ находитъ въ монастырѣ. Горе-Злочастіе стало преслѣдовать молодца съ того времени, какъ онъ пересталъ слушаться отца и матери и началъ жить по своей волѣ:

«Своему отцу стыдно покоритися,
И матери поклонитися,
А хотѣлъ жити, какъ ему любо.»

Повѣсть начинается съ паденія прародителей, съ преслушанія ими заповѣди Божіей, откуда явилось всякое непослушаніе и „пошло зло племя человѣческо не покорливо, къ отцову ученію зазорчиво, къ своей матери не послушливо и къ совѣтному другу обманчиво“. Отецъ и мать наставляли молодца на всякое добро, учили его не ходить въ пиры и братчины, не садиться на мѣсто большое, не пить двухъ чаръ за едину, не ходить къ костарямъ (игрокамъ въ кости) и корчемникамъ, не знаться съ головами кабацкими, а знаться съ мудрыми и разумными и друзьями надежными. Но молодецъ не послушался этихъ наставленій; онъ началъ жить по своей волѣ, завелъ знакомство съ дурными людьми, которые однажды увели его въ избу кабацкую, напоили до пьяна и ограбили до чиста. Молодцу стыдно было послѣ этого показаться отцу и матери, и онъ вздумалъ уйти на чужую сторону. На чужой сторонѣ ему привелось испытать много бѣдствій: дома онъ не хотѣлъ слушать наставленій отца и матери, а на чужой сторонѣ онъ самъ принужденъ былъ просить поучить его, какъ жить въ чужихъ людяхъ; дома ему стыдно было покориться родителямъ, а на чужой сторонѣ ему велятъ покориться всякому человѣку:

«Говорятъ молодцу люди добрые:
Добро еси ты, разумный молодецъ!
Не буди ты спѣсивъ на чужой сторонѣ:
Покорися ты другу и недругу,
Поклонися ты стару и молоду,
А чужихъ ты дѣлъ не объявливай,
А что слышишь или видишь, не сказывай!
Не льсти ты межъ други и недруги;
Не имѣй ты упадки вилявыя,
Не вейся зміею лукавою,
И ты съ кротостію держися истины съ правдою;
То тебѣ будетъ честь и хвала великая».

Необходимость заставила молодца послушаться этихъ совѣтовъ чужихъ людей, и онъ началъ жить *умѣючи*, нажилъ большое состояніе, такъ что задумалъ жениться и нашелъ уже себѣ невѣсту, но, позабывъ смиреніе, онъ возгордился и однажды похвалился на пиру предъ своими друзьями, что на чужой сторонѣ *„нажилъ живота больше стараго“*.

«А всегда гнило слово похвальное,
Похвальба живетъ человѣку на пагубу».

Подслушало эту похвальбу Горе-Злочастіе и сказало:

«Не хвались ты, молодецъ, своимъ счастіемъ,
Не хвастай своимъ богачествомъ:
Бывали люди у меня, Горя,
И мудрѣе тебя и досужае,
И я ихъ, Горе, перемудрило.
Учинися имъ злочастіе великое:
До смерти со мною боролися,
Во зломъ злочастіи позорилися;
Не могли у меня, Горя, уѣхати,
А только они во гробъ вселились,
Отъ меня на крѣпко они землею накрылись,
Босоты и наготы они избыли,
И я отъ нихъ, Горе, миновалось,
А злочастіе на ихъ могилѣ осталось».

Горе привидѣлось молодцу во снѣ и начало совѣтовать:

«Откажи ты, молодецъ, невѣстѣ твоей любимой;
Быть тебѣ отъ невѣсты истравлену,
Еще быть тебѣ отъ той жены удавлену,
Изъ-за злата и серебра быть убитому!
Ты пойди, молодецъ, на царевъ кабакъ;
Не жалѣй ты, пропивай свои животы.»

Молодецъ не послушался этихъ внушеній; тогда Горе явилось ему въ другой разъ уже въ образѣ архангела Михаила и стало дѣлать тѣ же внушенія. Молодецъ началъ опять вести прежнюю разгульную жизнь и скоро прожилъ все имѣніе, сдѣлался нищъ и нагъ, такъ что стыдно стало ему показаться своимъ друзьямъ, и онъ опять пошелъ на чужую сторону. На дорогѣ ему встрѣтилась рѣка; перевощики не хотѣли перевозить его даромъ, а заплатить имъ у него было нечѣмъ. Въ такой крайности молодецъ хотѣлъ броситься въ рѣку; но Горе вдругъ выскочило изъ за камени:

«Босо, наго, нѣтъ на Горѣ ни ниточки,
Еще лычкомъ Горе подпоясано.
. . . . . .
Стой ты молодецъ: меня, Горя, не уйдешь никуды.
Не мечися въ быстру рѣку,
Да не буди въ горѣ кручиноватъ:
А въ горѣ жить—некручинну быть;
А кручинну въ горѣ погинути!
Спамятуй, молодецъ, житіе свое первое;
И какъ тебѣ отецъ говаривалъ,
И какъ тебѣ мать наказывала.
Зачѣмъ тогда ты ихъ не послушалъ?
Не хотѣлъ ты имъ покоритися,
Постыдился имъ поклонитися,
А хотѣлъ ты жить, какъ тебѣ любо есть!
А кто родителей своихъ на добро ученія не слушаетъ,
Того выучу я, Горе злочастное!
. . . . . .
Поклонися мнѣ, Горю нечистому.
. . . . . .
И ты будешъ перевезенъ за быстру рѣку.»

Молодецъ покорился Горю, запѣлъ веселую пѣсню, которая такъ понравилась перевощикамъ, что они не только даромъ перевезли его черезъ рѣку, но и накормили его, дали ему платье и посовѣтовали возвратиться на свою сторону, къ своимъ родителямъ. Молодецъ послушался и пошелъ на свою сторону, но Горе не хотѣло оставить его:

«Полетѣлъ молодецъ яснымъ соколомъ,
А Горе за нимъ бѣлымъ кречетомъ;
Молодецъ полетѣлъ сизымъ голубемъ,
А Горе за нимъ сѣрымъ ястребомъ;
Молодецъ пошелъ въ поле сѣрымъ волкомъ,
А Горе за нимъ съ борзыми выжлецы (съ борзыми собаками);
Молодецъ сталъ въ полѣ ковыль-травой,
А Горе пришло съ косою вострою.
. . . . . .
Пошелъ молодецъ въ море рыбою,
А Горе за нимъ съ частыми неводами.
. . . . . .
Молодецъ пошелъ пѣшъ дорогою,
А Горе подъ руку подъ правую:
Научаетъ молодца богато жить,
Убити и ограбити,
Чтобы молодца за то повѣсили,

Или съ камнемъ въ воду посадили.
Спамятуетъ молодецъ спасенный путь,
И оттолѣ молодецъ въ монастырь пошелъ постригатися;
А Горе у святыхъ воротъ оставается,
Къ молодцу впредь не привяжется.»

Несчастіе, преслѣдующее молодца, въ повѣсти называется *Горемъ-Злочастіемъ*, которое имѣетъ характеръ какой-то роковой неизбѣжной силы, но въ то же время причиною этого несчастія представляется непослушаніе молодца родителямъ и его самонадѣянность. Непослушаніе родителямъ увлекло молодца сначала изъ родительскаго дома, а потомъ изъ своей стороны на чужую сторону и сдѣлалось причиною всѣхъ его несчастій. Въ этомъ заключается основная мысль повѣсти—мысль о послушаніи родителямъ, о святости родительской власти и семейной жизни, которая постоянно внушалась въ произведеніяхъ древней письменности. Отецъ и мать въ повѣсти даютъ тѣ же наставленія, какія встрѣчаются въ поученіи Владиміра Мономаха, въ Домостроѣ Сильвестра и въ разныхъ церковныхъ поученіяхъ. На чужой сторонѣ молодецъ сталъ направляться на добрый путь; но похвальба, говоритъ повѣсть, опять его погубила, т. е. молодецъ слишкомъ понадѣялся на свои силы, пересталъ строго слѣдить за собою, и прежнія привычки и страсти, сдержанныя на время необходимостію, снова явились и увлекли его къ прежней жизни и довели его до прежнихъ несчастій. Совершенное исправленіе могло произойти чрезъ женитьбу, которая должна была возвратить его въ семейную жизнь, изъ которой онъ самовольно и преждевременно вышелъ. Но при этомъ и сказалась вся сила нажитыхъ привычекъ и прежняго поведенія: съ одной стороны, мысль о жизни на волѣ, къ которой онъ привыкъ, съ другой—опасенія несчастій, какія ему приводилось встрѣчать въ семейной жизни (быть тебѣ отъ невѣсты истравлену.....), пересилили его доброе желаніе вступить въ новую жизнь, и онъ скоро очутился въ прежнемъ положеніи. Такимъ образомъ несчастіе добраго молодца есть необходимое послѣдствіе избраннаго имъ пути, его собственнаго поведенія, въ связи съ общимъ складомъ окружающей жизни. Не принимая во вниманіе естественнаго, но логически необходимаго (по связи причинъ и слѣдствій) хода жизни, древніе греки и другіе народы рѣзко выдающіяся въ ней явленія обыкновенно производили отъ вліянія высшей посторонней силы, которую называли *судьбою или рокомъ*. Въ нашей повѣсти эта сила представлена въ образѣ *Горя-Злочастія*, которому также приписывается характеръ неизбѣжной судьбы. Образъ Горя-Злочастія составился, несомнѣнно, подъ вліяніемъ народныхъ пѣсенъ, въ которыхъ

Горе изображается въ такихъ же чертахъ. Помирившійся съ Горемъ молодецъ поетъ одну изъ такихъ пѣсенъ, которая учитъ забвенію горя во время самаго горя:

«А и въ горѣ жить—некручинну быть;
А кручинну быть въ горѣ погинути.»

Всѣ черты Горя-Злочастія изображаютъ тотъ кругъ русской жизни, въ какой попалъ молодецъ: „Горе босо, наго, нѣтъ на Горѣ ни ниточки, еще лычкомъ Горе подпоясано"; разгульная, бражническая жизнь неизбѣжно приводитъ къ крайней бѣдности.— Повѣсть о Горѣ-Злочастіи—*обыкновенная исторія* добраго молодца древне-русской жизни: въ молодые годы онъ жилъ подъ строгими правилами Домостроя, потомъ, вырвавшись на свободу, которой долго его лишали, предавался часто полному разгулу страстей, воздерживаться отъ которыхъ не научало его ни воспитаніе, ни образованіе, и при этомъ подвергался разнымъ злоключеніямъ, а дошедши до крайнихъ бѣдствій, уходилъ наконецъ въ монастырь, куда, по убѣжденію древне-русскаго человѣка, уже не могло проникнуть никакое Горе-Злочастіе:

«А Горе у святыхъ воротъ оставается,
Къ молодцу впредь не привяжется».

Главною причиною всѣхъ бѣдствій, которыми преслѣдовало *Горе-Злочастіе* добраго молодца древнерусской жизни, было пьянство. Начиная съ поученій преп. Ѳеодосія Печерскаго, въ церковной литературѣ постоянно раздаются жалобы и обличенія противъ него; въ народной словесности, начиная съ былинъ, изображающихъ пиры богатырей у князя Владиміра, оно представляется единственнымъ источникомъ, въ которомъ русскій человѣкъ искалъ забавы и веселія во всякомъ счастіи и утѣшенія и забвенія во всякомъ горѣ и несчастіи. Въ XVII в. мы встрѣчаемъ нѣсколько сатирическихъ разсказовъ, направленныхъ противъ пьянства. Таковы: *Повѣсть о хмѣльномъ питіи, разсказъ о происхожденіи винокуренія, слово о пьянствѣ и повѣсть о бражникѣ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

ВВЕДЕНІЕ . . . . . 3.

РУССКАЯ НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Миѳическія или обрядныя пѣсни . . . . . 11.
Былины или богатырскія пѣсни . . . . . 28.
Историческія пѣсни Московскаго періода . . . . . 65.
Малороссійскія думы. . . . . 78.
Бытовыя пѣсни . . . . . 81.
Русскія сказки. . . . . 92.
Русскія пословицы. . . . . 102.
Загадки, заговоры или заклятія. . . . . 106.

ДРЕВНЕ-РУССКАЯ КНИЖНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Начало славянской письменности. Просвѣтительная дѣятельность святыхъ Кирилла и Меѳодія. Переводъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ. Кириллица и Глаголита . . . . . 108.
Общій характеръ и направленіе древне-русской книжной словесности. 113.

ПЕРЕВОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Списываніе и переводы книгъ. Общій обзоръ переводной словесности. 115.
Книги св. Писанія и писанія отеческія. Разные сборники отеческихъ и другихъ сочиненій. . . . . 118.
Историческія сочиненія: Палеи, Хроники и Хронографы . . . . . 122.
Восточныя Византійскія и Западно-европейскія повѣсти и сказанія . 124.
Апокрифическія сочиненія . . . . . 128.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ, ОБРАЗОВАВШІЯСЯ ПОДЪ ВЛІЯНІЕМЪ КНИЖНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Духовные стихи . . . . . 144.
Народныя легенды . . . . . 171.

Стран.

СОБСТВЕННО-РУССКАЯ КНИЖНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.
ПРОИЗВЕДЕНІЯ СЛОВЕСНОСТИ XI В.

Поученіе Новг архіеп. Луки Жидяты . . . . . 176.
Сочиненія св. Иларіона, митр. Кіевскаго . . . . . 177.
Сочиненія преп. Ѳеодосія Печерскаго . . . . . 180.
Сочиненія пр. Нестора. Начало Русскихъ лѣтописей. Лѣтопись Нестора. Лѣтописная дѣятельность послѣ Нестора . . . . . 182.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ СЛОВЕСНОСТИ XII В.

Сочиненія Кирилла, еп. Туровскаго . . . . . 190.
Хожденіе въ Іерусалимъ игумена Даніила. . . . . 196.
Поученіе Владиміра Мономаха . . . . . 199.
Слово о полку Игоревѣ. . . . . 202.
Слово Даніила Заточника. . . . . 211.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ СЛОВЕСНОСТИ XIII В.

Посланія Симона, еп. Владимірскаго и Кіево-печерскаго инока Поликарпа. . . . . 215.
Поученія св. Серапіона, еп. Владимірскаго . . . . . 216.
Общій характеръ образованія и словесности въ XIV—XVI в. . . . . 219.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ СЛОВЕСНОСТИ XIV В.

Сочиненія митр. Киріана. Посланія Кирилла Бѣлозерскаго. Путешествія XIV в. . . . . 222.
Историческія повѣсти. Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ . . . . . 223.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ СЛОВЕСНОСТИ XV В.

Св. Геннадій, архіеп. Новгородскій . . . . . 228.
Просвѣтитель преп. Іосифа Волоцкаго . . . . . 230.
Путешествія іеродіакона Зосимы по св. мѣстамъ, іеромонаха Симеона въ Италію и Аѳанасія Никитина въ Индію . . . . . 233.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ СЛОВЕСНОСТИ XVI В.

Общій характеръ и направленіе словесности XVI в. . . . . 234.
Сочиненія Максима Грека . . . . . 235.
Стоглавъ . . . . . 240.
Начало книгопечатанія . . . . . 241.
Домострой священника Сильвестра 241

Стран.

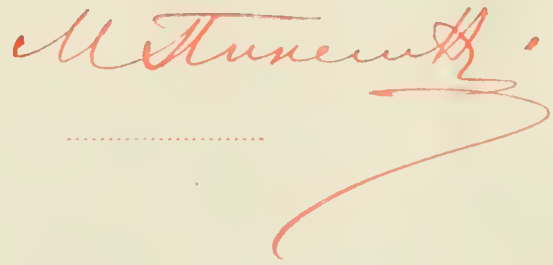
Четьи-Минеи и другія сочиненія митр. Макарія . . . . . 249.
Сочиненія Іоанна Грознаго и князя А. Курбскаго . . . . . 250.
Истины показаніе Отенскаго инока Зиновія . . . . . 260.
Путешествія. . . . . 261.

СОСТОЯНІЕ ОБРАЗОВАНІЯ И СЛОВЕСНОСТИ ВЪ ЮГОЗАПАДНОЙ РОССІИ ВЪ XVI—XVII В.

Начало и характеръ образованія въ Югозападной Россіи. Братскія училища и Кіевская Академія . . . . . 261.
Характеръ югозападной литературы . . . . . 265.
Югозападная проповѣдь. Проповѣди Голятовскаго, Радивиловскаго и Барановича . . . . . 265.
Югозападная силлабическая поэзія . . . . . 273.
Югозападныя мистеріи . . . . . 275.

ПЕРЕХОДЪ ЮГОЗАПАДНОЙ ОБРАЗОВАННОСТИ ВЪ МОСКВУ. СОСТОЯНІЕ МОСКОВСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ ВЪ XVII В.

Положеніе Кіевскихъ ученыхъ въ Москвѣ. Значеніе Кіевскаго образованія . . . . . 278.
Училища въ XVII в. Московская Академія. Братья Лихуды . . . . . 281.
Исправленіе богослужебныхъ книгъ. Патріархъ Никонъ. Епифаній Славинецкій и Арсеній Грекъ . . . . . 283.
Произведенія Московской словесности XVII в. Семеонъ Полоцкій и Димитрій Ростовскій . . . . . 285.
Полемическія сочиненія противъ раскола . . . . . 286.
Четьи Минеи св. Димитрія Ростовскаго. Повѣствованіе о Россіи Котошихина . . . . . 287.
Русское государство въ половинѣ XVII в. Юрія Крыжанича . . . . 289.
Проповѣдническая литература. Проповѣди Епифанія Славинецкаго, Симеона Полоцкаго, св. Димитрія Ростовскаго . . . . . 294.
Силлабическая поэзія. Духовныя драмы Симеона Полоцкаго и св. Димитрія Ростовскаго . . . . . 302.
Повѣсти и разсказы XVII в . . . . . 309.



BINDING SECT. JUN 17 1970

PG
3001
P63
1897

Porfir'ev, Ivan IAkovlevich
Kratkii kurs istorii drevnei russkoi slovesnosti

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY